

1
7

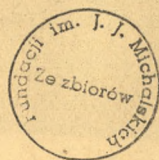

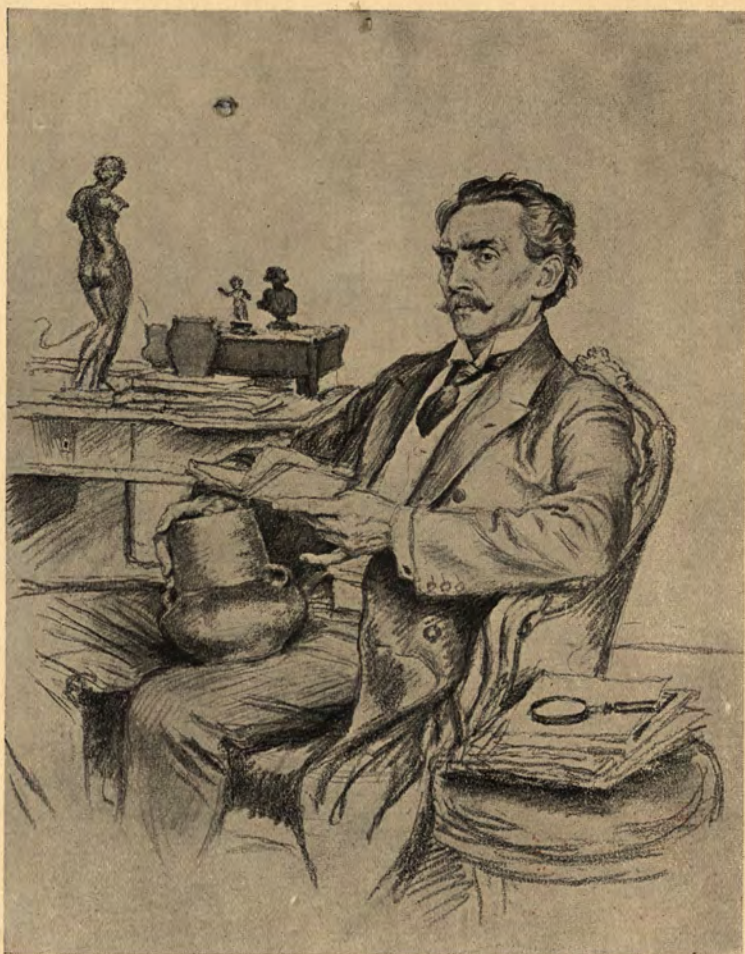
ЛЮБОРЪ НИДЕРЛЕ
ГЫТЪ И КУЛЬТУРА
ДРЕВНИХЪ
СЛАВЯНЪ

Handwritten signature or mark in the bottom right corner.

1001001

ПРОФЕССОРЪ ЛЮБОРЪ НИДЕРЛЕ

Съ акварельн. портрета раб. М. Швабинскаго

ЛЮБОРЪ НИДЕРЛЕ

—

БЫТЪ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ

АВТОРИЗОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ СЪ ВВЕДЕНИЕМЪ И ДОПОЛНЕНИЯМИ АВТОРА
И ПРЕДИСЛОВИЕМЪ АКАДЕМИКА
Н. П. КОНДАКОВА
ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
С. Н. КОНДАКОВЪ

—

Съ портретомъ автора и рисунками въ текстъ

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

П Р А Г А

1924

Издательство
«П Л А М Я»
ВЪ ПРАГЪ
подъ общимъ
руководствомъ
профессора
Е. А. ЛЯЦКАГО

F. 18703

Печатано въ типографіи
«ЛЕГИОГРАФИЯ»
Praha-Vršovice, Sámkova 665

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе къ русскому изданію	7
Введеніе	9

ЧАСТЬ I.

ЖИЗНЬ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ ОТЪ КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЫ.

I Территорія, климатъ, флора и фауна. Культурныя вліянія. Отдаленность культурныхъ центровъ. Бѣдность и ея причины.	13
II Физическая характеристика. Рожденіе и дѣтство	20
III Зрѣлость. Бракъ. Свадебные обряды, игрища и празднества.	25
IV Уходъ за гѣломъ и здравоохраненіе	44
V Пища и напитки	58
VI Болѣзнь, смерть, погребенія и похоронные обряды	74
VII Тризна, поминальныя трапезы и связанные съ ними обряды.	102
VIII Устройство могилъ и погребеній. Курганы, сопки и жальники	113
IX Внутреннее оборудованіе могилъ. Яма, срубъ и погребальная камера. Кладбища	120

ЧАСТЬ II.

ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНІЯ.

X Ткани и мѣха	139
XI Одежда	146
XII Мужской костюмъ. Нижнее платье	156

XIII	Верхняя одежда	163
XIV	Женская одежда	176
XV	Обувь	180
XVI	Прически и мужские головные уборы	184
XVII	Женские прически и головные покрывала	191
XVIII	Изготовление одежды	194
XIX	Парадное княжеское одѣяніе	197
XX	Цѣпныя украшенія и предметы личного убора	205
XXI	Булавки, иглы, запоны, пряжки и поясныя украшенія	216
XXII	Діадемы, головныя повязки, височныя кольца, заушницы и серьги	227
XXIII	Шейныя украшенія	246
XXIV	Браслеты, запястья, кольца, перстни и различныя мелкія украшенія	264
	Заключеніе	276
	Вибліографія	280

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Чешскій ученый, европейски извѣстный профессоръ Карлова Университета въ Прагѣ г. Люборъ Нидерле, еще въ 1902 г. издалъ капитальный трудъ, подъ общимъ заглавіемъ «Славянскія Древности», содержащій въ трехъ томахъ начальную исторію и этнографію славянства. За нимъ послѣдовало съ 1911 по 1921 г. изданіе второй части того же труда, подъ спеціальнымъ заглавіемъ: «Бытъ древнихъ славянъ» (*Život starých slovánů*), вышедшее доселѣ въ 4 томахъ и обзорѣвающее жизнь языческаго славянства отъ рожденія до смерти, одежды, уборы, жилища, орудія, промыслы и ремесла, религію и обычаи. Оба сочиненія замѣчательны по своей небывалой въ подобныхъ обзорѣніяхъ обстоятельности, полнотѣ и исключительной всесторонности эрудиціи.

Предшествующія сочиненія по народнымъ древностямъ Европы представляли или краткіе обзоры, или опыты популярныя сводовъ, разбросанныхъ по монографіямъ, историко-археологическихъ данныхъ. Здѣсь былъ данъ, прежде всего, обширный фактическій матеріалъ всякаго рода: лексическій или филологическій, историческій и собственно археологическій, обращающій на себя вниманіе и убѣждающій своимъ тщательнымъ подборомъ. Ученый, самъ выступившій на поприще науки какъ авторъ обширнаго и точнаго труда о «Скивахъ и Грекахъ», проф. Кембриджа, Э. Миннсъ, находя въ сочиненіи проф. Нидерле столь же обстоятельный сборъ свѣдѣній о скивахъ, какъ и о славянахъ, заявляетъ высшую оцѣнку всесторонней освѣ-

домленности проф. Нидерле по первоисточникам¹⁾). Но авторъ «Славянскихъ Древностей» внесъ въ свое обзорѣніе, помимо обширнаго матеріала, и собственный научный его анализъ, и всѣ важнѣйшіе опыты его построения, и сравнительное его освѣщеніе, основанное на теоретическихъ синтезахъ первобытной археологіи, ставшей его спеціальностью. При этомъ авторъ всюду преслѣдуетъ описательную историческую точность, систематически примѣняя свой многоопытный критицизмъ не только къ сужденіямъ и взглядамъ, установившимся въ литературѣ предмета, но даже и къ самымъ первоисточникамъ, также, нерѣдко, терявшимся во мракѣ временъ и невѣдомыхъ странъ и потому требующимъ исторической провѣрки.

Всѣ эти и многія другія достоинства и заслуги второго сочиненія проф. Нидерле невольно приходятъ на мысль при появленіи этого труда, хотя бы въ сокращенномъ изложеніи четырехъ его отдѣловъ, въ средѣ отечественной литературы. Правда, самъ авторъ, въ послѣднее время, далъ образецъ краткаго изложенія своего перваго труда по исторіи славянъ въ языческой періодъ въ I томѣ своего изданія *Manuel de l'antiquité Slave*, вышедшаго въ 1923 году въ собраніи руководствъ, публикуемыхъ Институтомъ славянскихъ наукъ въ Парижѣ. Но, хотя, выходящее нынѣ краткое изложеніе второго труда проф. Нидерле можетъ удовлетворить на время общую любознательность, тѣмъ болѣе слѣдуетъ памятовать о необходимости приобщить къ русской литературѣ по славянству цѣликомъ сочиненіе чешскаго ученаго, въ переводѣ, какъ естественную основу для научныхъ и самостоятельныхъ работъ по русскимъ древностямъ въ связи съ древностями славянскаго міра. Сочиненіе вполне заслуживаетъ быть приобщеннымъ къ той энциклопедіи славянства, осуществленіе которой предприняло и начало Отдѣленіе русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ въ послѣднее время.

Прага, 22 Декабря 1923 г.

Н. Кондаковъ.

¹⁾ *Minns, E. Scythians and Greeks*, 720 pages, 1913. На стр. 97: «The older writers are more fully dealt with by Dr. L. Niederle, but one or two useful books have escaped even his marvellously wide reading».

ВВЕДЕНИЕ.

«Жизнь древнихъ славянъ» составляетъ II часть моего чешскаго оригинала «Славянскихъ Древностей» и является результатомъ многолѣтняго, но, несмотря на это, все же еще незаконченнаго труда.

Чешское сочиненіе, по матеріалу въ немъ собранному, можно разсматривать какъ недовершенный опытъ созданія полной картины древне-славянской культуры. Этотъ опытъ, за который со времени появленія книги К. S. Antona (1789 г.) брались многіе, и понынѣ не могъ быть выполненъ исчерпывающимъ образомъ, такъ какъ, въ силу колоссальной области, не имѣется предшествующихъ сравнительныхъ изслѣдованій, а усилія отдѣльныхъ личностей недостаточны для овладѣнія всѣмъ матеріаломъ, собраннымъ по древне-славянскому быту филологіей, исторіей, археологіей и сравнительной этнографіей славянства.

Историческія свѣдѣнія и археологическія данныя могутъ быть достаточно исчерпаны, но по другимъ дисциплинамъ приходится довольствоваться общимъ знакомствомъ съ результатами, достигнутыми въ главныхъ пунктахъ. Въ силу этого, всестороннее изслѣдованіе древней славянской культуры потребуетъ новыхъ совокупныхъ усилій научнаго славянскаго міра.

Для меня будетъ большимъ удовлетвореніемъ, если мое сочиненіе въ чешскомъ его оригиналѣ или русскомъ изложеніи поведетъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, какъ филоло-

гическимъ, такъ и археологическимъ, такъ какъ именно эти науки могутъ привести въ мой трудъ много новаго и важнаго.

Подобнаго рода работы могутъ быть выполнены русской наукой, располагающей обширнѣйшимъ матеріаломъ и извѣстными учеными специалистами.

Если въ настоящее время, вслѣдствіе политическихъ событій, разрушена почва русской науки, то я надѣюсь, что скоро настанетъ пора, когда Россія вновь будетъ въ состояніи, въ области славистики, стать во главѣ славянскихъ народовъ, и ея ученые дополнятъ мой трудъ о «Жизни древнихъ славянъ» работами, новыми и цѣнными по содержанію.

Дѣйствительно, для автора не можетъ быть большей награды, чѣмъ та, когда его трудъ возбуждаетъ интересъ за предѣлами отечества, для котораго онъ работаетъ.

Въ силу этого я выражаю свою благодарность какъ издательству «Пламя», предпринявшему русское изданіе, такъ и С. Н. Кондакову, который съ большимъ вниманіемъ и пониманіемъ предмета приготовилъ къ печати данную книгу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пользуюсь случаемъ выразить мое глубокое уваженіе къ научной дѣятельности проф. Н. П. Кондакова — этого создателя цѣлой школы современной русской археологической науки, капитальные труды котораго послужили краеугольнымъ камнемъ для нѣкоторыхъ отдѣловъ моей работы.

Люборъ Г. Нидерле.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЖИЗНЬ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ ОТЪ
КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЫ

I

ТЕРРИТОРІЯ, КЛИМАТЪ, ФЛОРА И ФАУНА. — КУЛЬТУРНЫЯ ВЛІЯНІЯ. — ОТДАЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНЫХЪ ЦЕНТРОВЪ. — БЪДНОСТЬ И ЕЯ ПРИЧИНЫ.

Къ концу языческаго періода, когда древне-славянская культура достигла нѣкотораго развитія, произошли перемѣны, какъ относительно территоріи, такъ и той среды, гдѣ возникла эта культура; и тѣмъ не менѣе эта же территорія и среда легли въ основу жизни большей части славянъ и оказали вліяніе на ихъ характеръ, чувства и бытъ.

Янъ Пейскеръ высказалъ¹⁾ предположеніе, что русско-польское Полѣсье (бассейнъ Припети отъ Бреста на востокъ, бассейнъ верхняго Нѣмана и нижнее теченіе Березины) является колыбелью славянъ; лѣсистая и болотистая мѣстность этого района повліяла на слагавшійся характеръ и его свойства настолько, что была даже утрачена связь между родственными народами и создалась историческая неспособность къ какому-либо объединенію. Равнымъ образомъ, эта же природа наложила характерный отпечатокъ на ихъ поэзію, музыку и народныя вѣрованія.

Однако, это сужденіе Пейскера недостаточно обосновано; въ точности неизвѣстно, гдѣ была прародина славянъ, и въ виду отсутствія достаточныхъ данныхъ для болѣе подробна-

¹⁾ *Pesker, J. Neue Grundlagen zur slavischen Altertumskunde. Stuttgart. 1910. 4.*

го опредѣленія первоначальнаго мѣста ихъ пребыванія, будетъ вѣрнѣе ограничиться предположеніемъ, что она находилась гдѣ-то за Карпатами, за Вислой. Останавливаться только на водномъ, болотистомъ Полѣсьи, какъ это дѣлаетъ Пейскеръ на основаніи ботаническихъ изысканій Ростафинскаго¹⁾, невозможно; Полѣсье искони было почти озеромъ, и если теперь, несмотря на дренажъ почвы, оно изобилуетъ водами и относительно мало населено, то въ значительно большей мѣрѣ то же самое было и во II—III тысячелѣтіи передъ Р. Х., — т. е. въ періодѣ, къ которому относятъ возникновеніе и дѣтство славянъ. Ростафинскій правильнѣе, чѣмъ Пейскеръ, считаетъ колыбелью славянъ Полѣсье, но добавляетъ, однако, что они жили не только въ болотистой мѣстности, но въ плодородномъ степномъ краю, и въ листовенныхъ лѣсахъ, доходящихъ на Востокъ до верхняго теченія Десны и Сейма.

Точнѣе будетъ предположить, что первоначально славяне жили *вокругъ* Полѣсья, а не только въ его предѣлахъ, такъ какъ отъ I—II ст. по Р. Х. сохранился рядъ свѣдѣній, что около Вислы и за предѣлами ея теченія былъ обнаруженъ одинъ изъ большихъ народовъ — *μεγίστον ἔθνος*.

По другимъ источникамъ, на основаніи языческаго единства, они жили на Западѣ, по линіи Краловець — Одесса и далѣе на западъ; на Востокѣ за Днѣпромъ, по Сулѣ, Сейму, Деснѣ, Сожѣ и, конечно, на югъ отъ Припетьскаго бассейна, въ плодородной степной полосѣ.

Земли славянскаго праотчества — отъ Одера до Десны и верхняго теченія Днѣпра — представляютъ низменности, покрытыя лѣсомъ (хвойнымъ и листовеннымъ), южная граница котораго тянется отъ Львова на Житомиръ, Кіевъ, Курскъ, Калугу, Рязань и Тамбовъ.

Центральное Полѣсье на западѣ ограничено Бѣловежскою пущею, на востокѣ — Днѣпромъ, на сѣверѣ — рядомъ Балтійскихъ озеръ и на югѣ — Черноморскою возвышенностью (Дубно — Кременецъ). Почва его — изъ песку, болота и торфа —

¹⁾ *Rostafiński*. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przed-historycznych czasach. (Sprawozd. Akad. Um. Krakow, 1908. Wyzd. hist. filog.)

совершенно непригодна для поселеній; флора бѣдна видами деревьевъ. Еще въ началѣ II тысячелѣтія по Р. Х. по древней границѣ Польши и Помераніи тянулся непроходимый лѣсъ, Полному бездорожью и неприступности его въ извѣстной степи содѣйствовали рядъ болотъ, озеръ и прудовъ (начиная отъ Мекленбурга и доходя до Литвы), возможно происходящихъ отъ Скандинавскихъ ледниковъ. Примѣромъ древняго дремучаго лѣса можетъ служить Бѣловѣжская пуца — самый большой лѣсъ, изъ сохранившихся на славянской территоріи. Уже въ XI—XIII в. въ восточной Германіи начали рубить лѣсъ, и онъ сталъ настолько сильно убывать, что, видимо, пришлось принимать мѣры къ прекращенію подобнаго злохощенія, о чемъ свидѣлствуютъ грамоты XVI в., выданныя со спеціальной цѣлью охраны лѣса.

Лѣсная флора, которая покрывала земли Польши и тянулась до Мекленбурга, состояла изъ сосны, ели, тиса, ольхи, бука, дуба, ясеня, рябины и другихъ породъ, и росли онѣ въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, въ зависимости отъ почвы, влажности, высоты надъ уровнемъ моря и климатическихъ условій¹⁾; больше всего была распространена сосна, затѣмъ береза и на глинистой почвѣ дубъ; на Силезско-Польской возвышенности — тисъ и, главнымъ образомъ, букъ (*fagus silvatica*). Сосна и береза росли обычно въ низинахъ, а дубъ и грабъ доходили до Карпатъ. Въ лѣсахъ восточной части Полѣсья выступаютъ больше всего букъ, тисъ, ель и, даже, лиственница. Предѣлы бука обозначены отъ Краловца черезъ Сѣдлецъ, Каменецъ-Подольскъ Кишиневъ до Одессы. Тисъ (*taxus baccata*) встрѣчается отъ Рижскаго залива до Львова; ель (*abies pectinata*) — на западъ до средней Вислы и вновь объявляется на востокъ за Волгою. Эта, только что указанная, флора славянской прародины была скрѣплена общностью языковыхъ названій; напр.: дубъ, *dub*, ст.-сл. *daъъ*; верба, ст.-сл. *vrъba*, чеш. *vrba*; липа, общ.-сл. *lipa*; ольха, ст.-сл. *jělъcha*, болг. *elъa*, польск. *olcha*; береза, чеш. *brъza*, ст.-сл. *berza*, болг. *brъza*; тополь, чеш. *topol*; яшень,

¹⁾ *Rehman, A. Ziemię dawnej Polski i sąsiednich krajów sławiańskich, opisane pod względem fizyczno - geograficznym. I—II, Lwow, 1895—1904.*

чеш. *jasan*, ст.-сл. *asenъ*, польск. *jasień*; *ива*, ст.-сл. *iva*, чеш. *jiva*, польск. *iva*; *букъ*, общ.-сл. *bukъ*; *ель*, *ёлка*, ст.-сл. *jela*, болг. *ела*, польск. *jadla*; *сосна*, общ.-сл. *zosna* и т. д.

Кромѣ того, источники упоминаютъ и плодовые деревья. Ибрагимъ ибнъ-Якубъ (X в.) сообщалъ, что большинство деревьевъ у славянъ составляютъ яблони, груши и сливы. Это же свидѣтельство распространяется и на западныхъ славянъ, и когда Тацитъ говоритъ о Германіи: «Terra satis ferax, frugiferarum arborum impatiens» (Germ. V), то это касается только плодовыхъ деревьевъ, культивированныхъ по итальянскому способу.

То же, что о флорѣ можно сказать и о фаунѣ, такъ какъ въ славянскомъ прародечествѣ жили звѣри, которые водятся и теперь, и это доказываютъ ихъ общеславянскія и древнія названія: *зубръ* (ст.-сл. *zabrъ*), *лось* (*los* изъ *olst*), *олень* (*елень*), *серна* (*srъna*), *волкъ* (*vlъkъ*), *лиса* (*lisъ*). Затѣмъ, идутъ малые хищники, которые въ древнія времена ловились въ изобилии изъ-за мѣха: *барсукъ* (*ѣзвъ*, *язвъ*, *язвъсь*), *бѣлка* (*vъvera*), *выдра* (*vudra* изъ *udra*), *куница*, *горностаѣ* (*hranostaje*), *бобръ* (*bobra*, *bъbrъ*).

Наряду съ дикими звѣрями, у славянъ было извѣстно и разведеніе домашнихъ животныхъ.

Изъ птицъ встрѣчались: *ястребъ* (*jestrъbъ*, *astrebъ*), *чайка*, *чижъ*, *дятель* (*datel*, *detelъ*, *detъlъ*), *дроздъ*, *голубъ*, *лебедь* (*labutъ*, *lebedъ*, *labatъ*), *орель*, *журавль*, *ворона*, *воробей* и др. Между птицами южнаго степного края называютъ коршуна и дрофу. Среди прѣсноводныхъ рыбъ упоминаются: *осетеръ* (*esetrъ*), *язь* (*jas*, *язъ*), *лινь*, *лосось*, *щука* (*štika*, *štuka*), *пискаръ* и др.¹⁾

Если видъ Германскаго и Закарпатскаго края своими густыми, темными лѣсами производилъ невеселое впечатлѣніе на приходившихъ съ юга чужеземцевъ, то холодный климатъ, при сравненіи съ тепломъ южныхъ земель, еще болѣе усиливалъ это впечатлѣніе. Зима была суровѣе, чѣмъ нынѣ²⁾,

¹⁾ Будиловичъ. Первобытные славяне. I. 61—146.

²⁾ Kirchoff. A. Länderkunde von Europa, III.

и не было въ распоряженіи населенія достаточныхъ средствъ, чтобы охранить себя отъ стужи и бороться съ нею. Объ этомъ говорятъ Тацитъ (*Germania*, 5), Плиніи и Помпоній Мелъ (III, 29) въ своихъ описаніяхъ Германіи. Позднѣе, Масуди разсказываетъ о зимѣ у славянъ, говоря, что ихъ «земли очень холодны, морозъ бываетъ сильнѣе въ лунныя ночи и ясные дни, тогда почва твердѣетъ, какъ камень, и замерзають всѣ жидкости. Во время темныхъ ночей и мгlistыхъ дней морозъ спадаетъ; и въ это время часто гибнуть корабли и всѣ, кто на нихъ находится, а иногда въ рѣкахъ лодки наталкиваются на льдины, твердыя какъ скалы, и лишь изрѣдка юношѣ или сильному мужчинѣ удастся задержаться за подобную льдину и спастись»¹⁾).

Въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ персидскій географъ (изд. Туманскаго въ Зап.-Вост. Отд. Русск. Арх. О-ва, т. X, стр. 134) характеризуетъ земли славянъ такъ: «область велика и много въ ней густыхъ лѣсовъ. Населеніе живетъ въ нихъ и не имѣетъ никакого зерна, кромѣ проса».

Природныя особенности края, въ которомъ жили издавна славяне, имѣли значительныя различія, которыя могли и, дѣйствительно, оказывали вліяніе на развитіе славянской культуры; различно жилось племенамъ осѣвшимъ въ песчаномъ Полабьи, или въ неплодородномъ Полѣсьи, или же, наконецъ, на полустепной почвѣ Подолья, Волыни и Кіевской области; и отражалось это не только въ степени богатства, но, главнымъ образомъ, въ характерѣ занятій.

Территоріальныя условія оказывали вліяніе на развитіе культуры еще и въ другомъ отношеніи: въ славянскія земли проникали чужія культурныя теченія, приносившія съ собою множество разнородныхъ новшествъ, но область была слишкомъ обширна и отдѣльныя части народа были отдѣлены другъ отъ друга, такъ что всѣ эти условія не содѣйствовали соединенію мѣстныхъ и пришлыхъ элементовъ въ однородную культуру, причемъ опять-таки главнымъ препятствіемъ служили

1) *Al-Bekri*, изд. Розена, стр. 56.

Карпаты, Балтійскія озера и Припетскія болота, которыя отдѣляли восточную область — Днѣпровскую, отъ западной—Вислянскій. Озера нарушали культурное единеніе славянъ Балтійскихъ съ внутренними. Карпаты отдѣляли центръ славянской прародины отъ культурной южно-европейской области, въ то время какъ западная и восточная части были соединены съ нею посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, впадавшихъ на Западѣ въ среднее теченіе Дуная, а на Востокѣ въ Черное море, гдѣ уже была сфера вліянія античныхъ культуръ. Что же касается хребта Карпатскихъ горъ, то западные склоны его находились подъ вліяніемъ доисторической Венгрии, Адриатики и Италіи, а восточные подпали подъ греческую культуру береговъ Черноморья, а равно подчинялись массѣ вліяній восточныхъ — иранскихъ, тюрко-татарскихъ и финскихъ.

Азіатскія и южно-русскія степи составляли единое географическое цѣлое, въ силу чего и создалось культурное родство, которое изъ этого района проникало по рѣкамъ внутрь Руси. Каждый археологъ, на основаніи находокъ, знаетъ насколько древній торговый путь Адриатическо-Балтійскій разнится отъ не менѣе важнаго пути — Черноморско-Днѣпровскаго. Культурное значеніе этихъ двухъ торговыхъ дорогъ было огромно, и, естественно, онѣ оказывали вліяніе на славянъ и пересѣкали прародину ихъ на Западѣ, по Одери и Вислѣ, а на Востокѣ — по Бугу и Днѣпру; и вновь слѣдуетъ отмѣтить, что центръ ея оставался внѣ сферы вліянія обоихъ путей, изъ-за непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ.

Однимъ словомъ, ни рельефъ, ни общій видъ разнообразной и притомъ обширной территоріи, ни внѣшнія вліянія не были благоприятны для развитія равномерной славянской культуры, и, вслѣдствіе чего, никогда не создалось ничего общаго, одинаго. Многія стороны старославянскаго быта: мифологія, одежды, украшенія, обряды показываютъ насколько восточные славяне отличались отъ западныхъ и южныхъ, что и завершилось въ историческій періодъ рѣзкимъ разграниченіемъ славянской культуры на Восточную и Западную. Кромѣ того, территорія настолько вліяла на бытъ славянъ, что задерживала развитіе культуры и дѣлала ее отсталой по сравненію не толь-

ко съ римской и греческой, но германской, иранской и, даже, тюрко-татарской культуры.

Къ моменту принятія славянами христіанства ихъ домашній бытъ былъ чрезвычайно простъ и бѣденъ. Средній людь не носилъ дорогихъ одеждъ, украшеній и вооруженій, и вообще не зналъ роскоши. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отмѣчается относительное богатство и культурный расцвѣтъ, какъ, напри- мѣръ, въ Кіевской области, то это надо отнести всецѣло за счетъ чужихъ вліяній, — восточныхъ и византійской культу- ры въ особенности. Причину бѣдности опять-таки слѣдуетъ искать въ природѣ края, въ которомъ славяне жили. То, что говоритъ Gallus въ введеніи къ своей хроникѣ о Польшѣ, мо- жетъ быть отнесено, почти безъ оговорокъ, ко всеѣмъ славянамъ: «*Regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonia paucis nota*». До Р. X. соприкосновенія съ греческой и римской культурой были ми- нимальны, торговыхъ путей было три: Адриатическо-Одерскій, Дунайскій и Днѣпровскій, но они шли на Западъ, Югъ и Востокъ такимъ образомъ, что большое пространство между Вислой, Карпатами и Днѣпромъ оставалось почти нетрону- тымъ; напри- мѣръ, погребенія II—VIII ст. въ Восточной Прус- сии или Люцинскій могильникъ IX—X в. выдѣляются относи- тельнымъ богатствомъ, по сравненію съ одновременными имъ могилами центральной славянской области. Только такимъ пу- темъ можно понять, почему славянская культура такъ долго была отсталой и бѣдной, и почему позднѣе славяне такъ легко воспринимали высшую культуру сосѣдей, въ особенности рим- скую, византійскую и сѣверогерманскую. Однако, несмотря на свою бѣдность, славяне имѣли весьма добрые нравы, обще- ственные и судебные законы, горячую любовь къ свободѣ и, въ особенности, стремленіе къ соціальному равенству. Они вовсе не жили подобно звѣрямъ, какъ это можно заключить изъ словъ Косьмы Пражскаго и Кіевскаго лѣтописца, и если нѣкоторые изъ достовѣрныхъ источниковъ говорятъ объ ихъ суровости и жестокости, то нельзя забывать, что они зачастую создавались на основаніи свѣдѣній, шедшихъ изъ вражескаго стана.

О томъ, что славяне сознавали свою бѣдность и простоту,

явствуетъ изъ заключительныхъ словъ просьбы моравскаго князя Ростислава византійскому императору Михаилу о присылкѣ ему учителей христіанской вѣры: онъ охарактеризовалъ себя и свой народъ:

«Мы словѣне — проста члвкъ».

II

ФИЗИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. — РОЖДЕНІЕ И ДѢТСТВО.

Въ древнихъ источникахъ славяне описываются, какъ народъ здоровый, крѣпкаго тѣлосложенія, сильный и закаленный переносить лишенія, холодъ и жару. Однако, этой оцѣнкѣ не слѣдуетъ придавать особое значеніе, такъ какъ она исходила отъ изнѣженныхъ слоевъ римскаго и греческаго общества или восточныхъ путешественниковъ, главнымъ образомъ, изъ Месопотаміи и Персіи. На нихъ одинаково производили впечатлѣніе всѣ варвары, идущіе съ сѣвера на югъ Европы, были ли то славяне, германцы или галлы, привычные переносить зной и стужу. Храбрость славянъ, стойкость ихъ при перенесеніи невгодъ и климатическихъ перемѣнъ¹⁾ отмѣчаютъ различные писатели — Прокопій (VI в.), Ибрагимъ ибнъ-Якубъ²⁾, Адамъ Бременскій, Леонъ и Маврикій, Видукиндъ и Кардизи.

Нѣкоторыя антропологическія черты славянъ сближаютъ ихъ съ галлами, германцами и другими сѣверными племенами; всѣ они выдѣляются свѣтлой окраской кожи, глазъ и волосъ³⁾, что не свойственно южно-европейскимъ народамъ.

Однако, въ настоящее время уже нельзя говорить, что характерными чертами славянъ, въ особенности для тѣхъ, ко-

¹⁾ *Талко-Гринцевичъ*. Опытъ физической характеристики славянъ. Спб. 1909.

²⁾ *Куникъ-Розень*. Ибрагимъ ибнъ-Якубъ (Зап. Ак. Наукъ XXXII, 1878).

³⁾ *Минаковъ, П. А.* Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій. (Труды Антроп. Отд. Общ. Любит. Антр. Этногр. Москва, 1899, т. XIX.)

торые живутъ въ западныхъ и южныхъ славянскихъ земляхъ являются именно голубые глаза и русые волосы. Въ историческую эпоху, благодаря смѣшенію и скрещиванію съ другими племенами средней и южной Европы, болѣе темной окраски, древніе славяне утратили свой свѣтлый типъ, сходный съ германцами и литовцами, который, очевидно, находится въ связи съ ихъ общимъ происхожденіемъ и жизнью въ родномъ имъ сѣверномъ краѣ. Прокопій примѣняетъ къ славянамъ терминъ «ὀπίρυνθροι», который можно перевести обще-славянскимъ — «русый». Неизвѣстный авторъ, также конца VI в., въ отрывкѣ изъ какой-то «Стратегики», причисляетъ антовъ и славянъ къ «ἔθνη ξάνθα». Позднѣе, въ восточной литературѣ, встрѣчается много указаній на русые волосы и румяное лицо славянъ (у поэта VII в. Ахтала и позже у Якуба и Казвина). Одинъ изъ современниковъ Абд-эр-Рахмана I — ибнъ-Хабибъ, за свою стройность, свѣтлые волосы и голубые глаза былъ прозванъ «славяниномъ». Въ глазахъ арабовъ и персовъ эти признаки такъ сроднились съ именемъ славянъ, что Кардизи (XI в.) причисляетъ даже киргизовъ къ славянству за ихъ русые волосы и бѣлую кожу¹⁾. Исключеніе сдѣлалъ только Ибрагимъ ибнъ-Якубъ относительно чеховъ, которые по его словамъ, въ отличіе отъ прочихъ славянъ, смуглы и темноволосы. Это, конечно, не слѣдуетъ объяснять вліяніемъ аваровъ, насилковавшихъ въ VI—VII в. чешскихъ женщинъ (Пейскеръ)²⁾, но гораздо болѣе раннимъ смѣшеніемъ чеховъ со среднеевропейскимъ населеніемъ, главнымъ образомъ, съ альпійскими и средиземными племенами, уже во II-мъ тысячелѣтіи населявшими югъ — Придунайскую область и, по археологическимъ даннымъ, земли Чешскую и Моравскую.

*

Рожденіе и дѣтство. Рожденіе ребенка и первыя заботы о младенцѣ сопровождались у славянъ, какъ и у другихъ на-

¹⁾ *Kardizi*, изд. В. Бартольда (Зап. Ак. Наукъ. Сер. VIII, т. I, 1897 г.).

²⁾ *Peisker, J.* Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin. 1905.

родовъ, стоящихъ на одинаковомъ съ ними культурномъ уровнѣ, цѣлымъ рядомъ особыхъ обрядовъ, обуславливаемыхъ, какъ гигиеной (профилактика, діета), такъ и существовавшими повѣрьями; но эти обряды, въ большинствѣ случаевъ, теперь уже мало понятны.

Весьма вѣроятно, что извѣстныя обрядовыя дѣйства, какъ-то: выборъ мѣста родовъ, приготовленіе особаго ложа, родовспомогательныхъ средствъ, наконецъ, самое разрѣшеніе отъ бремени при помощи колдованій и различныхъ символическихъ приемовъ, въ родѣ развязыванія узловъ, тотчасъ при появленіи ребенка на свѣтъ, и затѣмъ шестинедѣльная защита его отъ дурного глаза и злыхъ духовъ, сохранившіеся доселѣ въ славянскомъ фольклорѣ, могутъ быть отнесены болѣею частью къ пережиткамъ язычества¹⁾.

Вскорѣ послѣ появленія на свѣтъ ребенка, совершался важный, въ социологическомъ отношеніи, обрядъ — принятіе его въ лоно семьи, какъ равноправнаго члена. Это сопровождалось выполненіемъ установленнаго ритуала: ребенка брали на руки, клали на землю, или на порогъ, или же на очагъ, затѣмъ поднимали, обносили вокругъ избы и цѣловали. При этомъ приносили подарки — зерно, тминъ, соль, позднее деньги, и кумовья играли важную роль, что во многихъ мѣстахъ сохранилось и до сихъ поръ.

Изъ всѣхъ обычаевъ, которые связывались съ нарожденіемъ ребенка, лишь одинъ жестокой и малопонятный, при всемъ культурномъ и хозяйственномъ состояніи славянъ, ясно выступаетъ къ концу языческаго періода, — это *умерщвленіе лишиныхъ дѣтей*. Впервые онъ встрѣчается у балтійскихъ славянъ (померанскихъ и лютицкихъ), гдѣ матери удушали младенцевъ женскаго пола, если ихъ было много въ семьѣ, чтобы лучше заботиться объ остальныхъ. На это указываетъ Гербордъ (II, 33): «si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris

¹⁾ *Jan Bystroń, Słowiańskie obrządy rodzinne. Krakow 1916.* — О рожаницахъ см. *Архивъ Калачева*, II, Москва, 1855. — *Kuzel*. Дитина в звичаяхъ и віруванняхъ укр. народа. (Мат. до укр. етнології VIII—IX, 1906—7. г.) — *Срезневскій*. О шести недѣляхъ у славянъ. Москва, 1866.

facilius providerent, aliquas ex eis iugulabant». Происхождение этого обычая точно установить затруднительно в виду того, что приростъ числа женщинъ отнюдь не обозначалъ увеличенія заботъ, такъ какъ онѣ являлись главной рабочей силой, а, кромѣ того, и средствомъ обогащенія, потому что при выдачѣ замужъ, отцу за невѣсту уплачивали «вѣно», выкупъ (у восточныхъ народовъ «калымъ»). По всей вѣроятности поводовъ къ убіенію младенцевъ было много и они были различны, или родители не хотѣли отягощать лишними заботами свое, и безъ того тяжелое, существованіе, или, наконецъ, для оздоровленія своего рода, путемъ уничтоженія слабыхъ. Можно только отмѣтить, что этотъ древній обычай проводился неуклонно, по традиціи вѣ виду того, что мораль того времени не возставала противъ него. Аналогичное умерщвленіе дѣтей существовало и у германцевъ, но не слѣдуетъ считать, что именно оно оказывало вліяніе на славянъ. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія у врача Сорана¹⁾ времени Адриана, который подтверждаетъ и Галенъ, указывая, что большинство варваровъ погружаетъ младенцевъ въ холодную воду, причемъ слабые изъ нихъ умирали и тѣмъ оздоравлился родъ. Это извѣстіе точно указываетъ на германцевъ и скивовъ, непосредственныхъ сосѣдей славянъ, но ихъ самихъ не упоминаетъ. Не ограничивая скивовъ иранцами, онъ, очевидно, относитъ этотъ обычай къ славянамъ, жившимъ въ обширной Скиѣи.

Возможно предположить, что греческіе источники ошибочно поняли и истолковали обычай омовенія и очищенія ребенка тотчасъ послѣ его рожденія, который издавна сложился у славянъ, литовцевъ, германцевъ и др. народовъ.

Подробностей о раннемъ дѣтствѣ не сохранилось. Мать вскармливала и заботилась о ребенкѣ лишь до опредѣленнаго возраста, различнаго у разныхъ племенъ и народовъ (приблизительно отъ 3 до 7 лѣтъ), послѣ чего ребенокъ мужского пола передавался на попеченіе отца, иными словами, начина-

¹⁾ Soranus. *Περὶ γυναικείων παθῶν*. ed. Rose. — Galenus *Ἑγχειρίδιον* I, 10. (*Латмиевъ*. *Scythica*. I, 511, 585.)

лась жизнь отрока, готовящагося стать мужемъ. Обрядомъ этой передачи у древнихъ славянъ были *постриги* или «застрижки», состоявшія въ томъ, что отецъ, родственникъ, либо дорогой гость на семейномъ праздникѣ выстригалъ у мальчика клокъ волосъ¹⁾. Это была первая стрижка до сихъ поръ нетронутыхъ ножницами волосъ, причемъ тотъ, кто стригъ, становился родственнымъ и близкимъ мальчику. О существованіи этого обычая у древнихъ славянъ, въ періодъ язычества, достовѣрныхъ извѣстій не имѣется, хотя онъ былъ общъ и другимъ индоевропейскимъ народамъ²⁾. Первые свидѣтельства о немъ восходятъ къ началу христіанской эпохи: у русскихъ къ XII—XIII вв.³⁾, у чеховъ съ X в. Возрастъ ребенка былъ различенъ: у русскихъ 2—3 года, въ Польшѣ онъ совершался 7 лѣтъ, а у сербовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, онъ еще и понынѣ выполняется послѣ года и даже раньше. Въ виду такихъ колебаній въ лѣтахъ трудно указать точное значеніе этого обряда. Если бы онъ совершался въ болѣе позднее время, въ немъ можно было бы предположить символъ перехода ребенка въ зрѣлый возрастъ, какъ это дѣлаетъ Довнаръ-Запольскій; съ другой стороны его можно разсматривать и какъ простую гигиеническую мѣру, основанную на повѣрьи, что ранняя стрижка можетъ принести вредъ ребенку. Объясненіе, что постриги являются какой-то жертвой, посвященной душамъ предковъ, демонамъ или богамъ — допустимо, какъ вѣроятно и то, что впоследствии это повѣрье затемнило ихъ первоначальную гигиеническую цѣль.

О дѣвичьихъ постригахъ у древнихъ славянъ извѣстій не встрѣчается.

¹⁾ *Potkowski, K.* *Postrzyżyny u słowian. i germanow.* (Rosprawy Akad. Krakow. Ser. II, t. VII, 1895.)

²⁾ *Кудряевскій, Д.* *Изслѣдованія въ области древнеиндійскихъ домашнихъ обрядовъ.* Юрьевъ. 1904.

³⁾ Лѣтопись подъ 1192 г. повѣствуетъ: «быша постригы у великаго князя Всеволода сыну его Георгеви (род. 1189 г.) въ градѣ Суждали; того же дни и на конь его всади и бысть радость велика въ градѣ Суждали».

III

ЗРѢЛОСТЬ. — БРАКЪ. — СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ, ИГРИЩА И ПРАЗДНЕСТВА.

Сексуальная жизнь начиналась съ наступленіемъ зрѣлости, опредѣляемой у разныхъ славянскихъ племень различно: у русскихъ (Стоглавъ) 15 лѣтъ для юноши и 12 л. для дѣвицы; у чеховъ — 16 и 14; на Моравѣ — 13 и 16; въ Польшѣ — 12 л. для обоего пола, а въ XV—XVII в.в. — 14 и 15 л. Подобно другимъ примитивнымъ народамъ, начало зрѣлости у славянъ отмѣчалось особыми обрядовыми празднествами, которыми юноши и дѣвицы вводились въ стадію мужчинъ и женщинъ, способныхъ къ брачной жизни¹⁾. У древнихъ славянъ промискуитъ мужчинъ и женщинъ, какъ видно по всему, былъ связанъ съ полиандріей и полигаміей. Оставляя въ сторонѣ свѣдѣнія Космы Пражскаго — «*præa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulos ad noctes novos ineunt himeneos et surgente amora trium gratiorum copulam et ferrea amoris rumpant vincula*» (Kosmas, I. 3), — вѣроятно, связанныя еще съ античной традиціей, можно указать на дѣйствительные остатки гетеризма въ древнихъ, унаслѣдованныхъ отъ языческихъ временъ, празднествахъ. Позже, къ концу языческаго періода, сексуальная жизнь славянъ сложилась и протекала уже въ видѣ упорядоченнаго брака мужа съ одною или нѣсколькими женами.

*

Бракъ. У всѣхъ народовъ, едва поднявшихся надъ низшей ступеню развитія, бракъ сопровождается цѣлымъ рядомъ церемоній и уже поэтому должно предположить ихъ существованіе и у славянъ. Хотя, непосредственно о древне-славянской свадьбѣ извѣстно очень мало, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя части можно возстановить, какъ путемъ сравненія основъ славянскаго и арійскихъ языковъ, такъ и сопоставленіемъ остатковъ

¹⁾ Зеленинъ, Д. Обрядовое празднество совершеннолѣтія дѣвицы у русскихъ. (Жив. Стар. 1911 г.)

весьма разнообразнаго свадебнаго церемоніала и обычаевъ, существующихъ у славянскихъ народовъ и въ настоящее время. Къ сожалѣнію, эта работа еще не исполнена, а потому при дальнѣйшемъ изложеніи можно дѣлать лишь попытки этой реконструкціи.

Основой славянскаго брака, какъ и у другихъ народовъ, является иногда *выкупъ*, а иногда простое похищеніе жены, принадлежащей другому роду или селу, либо вообще къ иному племени¹⁾. Дѣвушка, какъ и остальные дѣти, принадлежала отцу и могла перейти во владѣніе мужа только послѣ похищенія, увоза, иногда насильственнаго, или по уплатѣ выкупа, за который отецъ уступалъ свои права другому. Нельзя опредѣленно рѣшить, какая форма брака изъ двухъ была первоначальная. Въ концѣ языческаго періода у славянъ, хотя и не у всѣхъ, встрѣчаются оба вида, а со времени христіанства «умыканіе» считается формой болѣе грубой и, очевидно, древнѣйшей. Дѣйствительно ли это было такъ, опредѣленно сказать трудно, но что похищеніе не было формой временной и мѣстной свидѣтельствуютъ съ особой настойчивостью и опредѣленностью какъ кievская лѣтопись, такъ и сохранившіяся реминисценціи и устойчивыя воспоминанія въ формахъ болѣе позднихъ обрядовъ, символизирующихъ похищеніе, нападеніе на домъ невѣсты, его защиту и конечное соглашеніе.

Важнѣйшее извѣстіе объ этомъ даетъ кievская лѣтопись, говоря о русскихъ, еще языческихъ племенахъ. По ея словамъ древяне, радимичи, вятичи и сѣверяне «живяху звѣриньскимъ образомъ» и браковъ никакихъ не имѣли; они похищали дѣвушекъ изъ чужихъ селъ, встрѣчаясь съ ними у воды, либо при вечернихъ играхъ и пляскахъ²⁾, въ то время какъ поляне,

1) *Державинъ, И.* Обычай умыканія невѣстъ въ древнее время и его переживанія въ свадебныхъ обрядахъ у современныхъ народовъ. (Сборникъ въ честь Вл. Ламанскаго. Спб. 1905.)

2) «... брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица», или «... браци въ нихъ не бываху, но игрица межю селы; схожахуся на игрица, на плясанія и на вся бѣсовская игрица и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто свѣщашся; имяху же по двѣ и три жены...» (*Лаврентьевская лѣтопись* ³. 12).

отчасти уже крещенные, «брачный обычай имяху» на основѣ сговора съ родными. Это же подтверждаетъ и датское преданіе, передаваемое Саксономъ Грамматикомъ о томъ, какъ датскій король Фротъ, побѣдивъ нѣкогда русскихъ, приказалъ, чтобы въ дальнѣйшемъ они заключали браки на основѣ выкупа, такъ какъ такіе браки онъ считаетъ болѣе справедливыми. Постановленіе кн. Ярослава Всеволодовича налагаетъ за похищеніе уже извѣстное наказаніе¹⁾.

У поляковъ еще въ X вѣкѣ упоминаются свадебные дары, т. е. отцу невѣсты²⁾. Что у чеховъ было и похищеніе, говорятъ «гомиліи» (поученія, слова) Опатовицкаго (конца XI—XII в.). На Балканахъ похищеніе фактически осталось и понынѣ, равнымъ образомъ, какъ и купля невѣсты. О «выслуживаніи» женъ у славянъ, какъ это было у татаръ и евреевъ, никакихъ свѣдѣній нѣтъ. Первичнымъ названіемъ выкупной платы былъ общеславянскій терминъ — *вѣно*, лат. *venit*, греч. *ἔδνον*, англ. *weotuma*, бург. *wittimon*. Слав. *věno* образовано, вѣроятно, отъ *vedmno*. Приданое, которое приносила съ собою невѣста, вѣроятно, называлось по древне-славянски *ruho*, *ruha*.

Объ обрядахъ, которые въ языческой періодъ сопровождали бракъ, извѣстно очень немного. Однако, отчасти изъ общепарійскаго языковаго и бытоваго матеріала, частью же изъ позднѣйшихъ (историческихъ) и современныхъ славянскихъ обычаевъ, въ которыхъ сохранились остатки отъ языческихъ временъ, многое можно реконструировать. Въ этомъ отношеніи интересны работы Гирта³⁾ и особенно полная Шрадера⁴⁾.

¹⁾ «Аще кто умчитъ дѣвку или насилитъ, аже боярская дчи, за соромъ ей 5 гривень золота, а епископу 5 гривень золота, а меньшихъ бояръ гривна золота...» (*Самоквасовъ*. Памяти. древн. русск. права, I. Москва. 1908).

²⁾ *Ибрагимъ ибнъ-Якубъ*, изд. Розена. 50.

³⁾ *Hirt, H.* Die Indogermanen ihre Verbreitung ihre Urheimat und ihre Kultur. Strassburg, I—II, 1905—7 г.

⁴⁾ *L. v. Schröder.* Die Hochzeitsbräuche des Esten und einiger ant. finn. ugr. Völkerschaften in Vergleichung mit denen der indg. Völker. Berlin. 1888.

Гирть построилъ обрядъ праарійской свадьбы изъ слѣдующихъ основныхъ частей: 1) *сватовство*, сговоръ съ родителями или родственниками и назначеніе времени удобнаго для свадьбы; 2) окутываніе невѣсты покрываломъ, что слѣдуетъ отличать отъ прикрытія волосъ чепцомъ, «повоемъ», у замужнихъ женщинъ, не имѣвшихъ права выходить съ непокрытой головой, — «простоволосой»; по-чешски — «dostati se pod čeres» — выйти замужъ; 3) «обрученье» (заручины, зарученье, запорученье, руковины, рукодаины) — женихъ беретъ невѣсту за руку, что сопровождается церемоніей и жертвой у очага; 4) торжественный уводъ жены въ домъ мужа; 5) перенесеніе жены черезъ порогъ мужняго дома и посадка ея на разостланную мѣхомъ вверхъ шкуру; 6) торжественное положеніе жены, при свидѣтеляхъ, на брачное ложе. Шрадеръ присоединяетъ еще къ этому, какъ обряды общеевропейскаго характера, посыпаніе жениха и невѣсты различными зернами и злаками (горохомъ, просомъ, макомъ, орѣхами, льянымъ сѣменемъ и хмѣлемъ), покрытіе волосъ новобрачной особымъ шерстянымъ платкомъ, обычно въ видѣ чепчика, часто краснаго цвѣта и помѣщеніе ребенка на колѣни невѣстѣ, при входѣ въ домъ жениха. Три главнѣйшихъ момента индоевропейской свадьбы (1, 3 и 4), установленные Гиртомъ и понынѣ сохраненные въ славянскомъ фольклорѣ, достаточно подтверждаютъ ихъ существованіе у древнихъ славянъ¹⁾. Уводъ невѣсты въ домъ жениха является заключительнымъ актомъ въ славянской свадьбѣ и это видно уже изъ того, что терминъ «водимая» принялъ на Руси значеніе законной супруги; «увести женщину» — значитъ жениться по обряду, — «Да всякъ челоуѣкъ, иже водити хоцетъ жену, да ю водити по закону». Почти безошибочно можно сказать, что всѣ эти обряды славянской свадьбы суще-

¹⁾ *Сумцовъ, Н.* О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ, 1881. *Volkov, Th.* Rites et usages nuptiaux en Ukraine (L'anthropologie, 1891, II, III.). *Доснаръ-Запольскій, М.* Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ (Этнограф. Обзор. 1893, I.) *Kovalevsky, Maz.* Marriage among the early slaves. (Folk-Lore. 1890). *Kulda, M.* Svatba v národě českoslovanském. Praha, 1875, 1890. Свадебные обряды въ Болгаріи (этногр. Обзор. 1895, IV).

ствовали въ большей или меньшей мѣрѣ уже въ языческой періодъ. Чужія вліянія (римскія, византійскія) нужно видѣть лишь въ усиленіи, ослабленіи или специфической формѣ тѣхъ, либо другихъ обрядовъ. Какіе изъ нихъ новы, какіе стары, какіе мѣстны, какіе пришли изчужа, равно какія детали въ этомъ богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ являются общими для славянъ, и какія изъ нихъ слѣдуетъ отнести за счетъ языческаго періода, можно будетъ сказать съ опредѣленностью лишь послѣ того, какъ цѣнныя работы Н. Сумцова, Ф. Волкова, М. Довнаръ-Запольскаго, М. Ковалевскаго, и новѣйшія М. Жмигродскаго и Е. Лилка будутъ подвергнуты сравнительному изученію.

Къ нимъ можно отнести:

1. *Рядъ актовъ, символизирующихъ бывшее похищеніе и насильственное добываніе неvěсты, сохранившееся часто только въ видѣ упоминаній или отдѣльныхъ пережитковъ.* У нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ похищеніе представляется въ видѣ драматическаго дѣйствія¹⁾, на примѣръ у малороссовъ и бѣлороссовъ оно состоитъ изъ препятствованій въ пути жениху, загоразиваній и защиты дома неvěсты, нападеній на него, обороны близкими и родственниками, укрыванія неvěсты и, наконецъ, соглашенія. Въ Чехіи и Моравіи дѣло ограничивается лишь незначительными мѣрами противодѣйствій жениху, которыя являются пережитками древности.

2. *Раздача подарковъ, имѣющихъ аллегорическій смыслъ, жениху и неvěстѣ.* Особо важное значеніе имѣетъ взаимное одареніе яблоками, которыя считались символомъ плодовитости и афродизійскаго начала. Обычай этотъ идетъ изъ глубокой древности: въ Персіи и Греціи женихъ съѣдалъ гранатовый плодъ. Яблоки же символизировали собою любовь. Одинаково значителенъ и обмѣнъ перстнями, который у славянъ предшествуетъ свадьбѣ и утверждаетъ сватовство; наконецъ, одареніе жениха *новой свадебной рубахой*. Къ подаркамъ, которые получаютъ женихъ и неvěста, относятся куры, которыя во многихъ мѣстахъ должны быть обязательно черными.

¹⁾ *Ящуржинскій.* Свадьба малорусская, какъ религіозная бытовая драма. (Кіевск. Стар. 1896. LIX.)

3. *Увѣнчиваніе*, «вѣнчаніе»¹⁾ (срб. *вјенчати*, болг. *вѣнчаване*, польск. *wieńczenie*) невѣсты различно изукрашеннымъ вѣнкомъ (вѣнцомъ, короною; женихъ — князь, невѣста — княгиня) встрѣчается у славянъ повсемѣстно.

4. *Приготовленіе и раздача свадебнаго каравая и свадебнаго деревца*. Хлѣбъ обыкновенно дѣлался пшеничный, приправлялся и украшался яйцами, сладостями, цвѣтами, лентами и являлся для славянской свадьбы особенно типичнымъ и незамѣнимымъ атрибутомъ. Онъ носитъ различныя названія: чешск. и польск. — *колачъ*; словац. — *радостникъ*, словин. и хорв. — *кравай*, русск. — *каравай* (или *коровай*)²⁾.

5. *Расплетаніе и обрѣзаніе волосъ невѣсты* имѣло двоякое значеніе: съ одной стороны оно было какъ бы реминисценціей на обрядъ, вводящій дѣвушку въ зрѣлый возрастъ, а съ другой — извѣстно, что остриженные волосы были знакомъ подвластности, покорности и, слѣдовательно, этимъ явно подчеркивался переходъ жены во власть мужа.

6. *Символическое битье невѣсты* — на востокѣ ногойкой, на югѣ — рукой; обычай этотъ перешелъ къ славянамъ отъ сосѣднихъ тюрко-татаръ.

7. «*Разуваніе*» жениха невѣстою обозначало выраженіе покорности ему. Позднѣе этотъ обрядъ былъ ослабленъ тѣмъ, что его совершаютъ молодожены другъ другу взаимно.

8. Возможно, что первоначально существовало, какъ пережитокъ прежняго промисквита, — «*jus primae noctis*» для всей семьи и шаферовъ: невѣста, прежде чѣмъ стать женою своего мужа, принадлежала другимъ. Отзвуки этого обычая можно видѣть на Украинѣ, въ Черногоріи и Польшѣ; мѣстами онъ исчезъ и былъ замѣненъ танцемъ невѣсты съ шаферами, а иногда выкупомъ ея отъ нихъ.

9. Свадьба всюду кончается буйнымъ весельемъ дружекъ,

¹⁾ *Потебня*. Объясненіе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Варшава. 1883. *Альтшулеръ И.* Значеніе вѣнчанія для брака въ его историческомъ развитіи на Руси. Кіевъ, 1910.

²⁾ *Сумцовъ, Н.* Хлѣбъ въ обрядахъ. Харьковъ, 1885. *Ястребовъ, В.* Свадебный хлѣбъ на Украинѣ. (Кіев. Стар. 1897. XI.)

шаферовъ и всѣхъ гостей, сопровождаемыхъ пѣніемъ, хороводами и музыкой.

Въ самомъ значеніи свадьбы издревле заключался сексуальный характеръ съ отгѣнкомъ фаллическаго культа, нерѣдко переходившаго въ эротическую оргію. Отголоски этого можно наблюдать еще и теперь на Украинѣ и въ Сербіи; въ другихъ мѣстахъ эротика проявляется только въ дикихъ крикахъ, разнузданныхъ танцахъ и стрѣльбѣ, въ то время какъ молодожены занимаютъ брачное ложе. Весьма древняго происхожденія и *маскарады*, которые кое-гдѣ встрѣчаются на свадьбахъ и понинѣ; участники переодѣваются въ различныхъ дикихъ звѣрей: лошадей, козъ, медвѣдей, и даже евреевъ, бѣгаютъ по селу и дразнятъ встрѣчныхъ.

10. Наконецъ, обрядъ, который выполнялся уже послѣ свадьбы, но былъ тѣсно связанъ съ нею, — *очищеніе жениха и невесты*, посредствомъ омовенія проточной водой у ключа или у колодца, впоследствии замѣненное или окропленіемъ водой, или поднесеніемъ невестѣ и гостямъ воды въ сосудѣ. Обрядъ этотъ, какъ оставшійся еще отъ языческихъ временъ, вызывалъ порицаніе церкви. Въ грамотѣ новгородскаго митрополита Кирилла II (1274 г.) прямо указывается: «И се слышашомъ: въ предѣлахъ новгородскихъ невесты водятъ къ водѣ. И нынѣ не велимъ тому таки быти; аще ли, то проклинати повелѣваемъ»¹⁾.

Кромѣ этихъ обрядовъ есть еще цѣлый рядъ другихъ, менѣе типичныхъ или еще мало изслѣдованныхъ, какъ возложеніе хлѣба на головы новобрачныхъ, потчеваніе ихъ медомъ и солью (весьма характерно!), выметаніе дома и двора, развязываніе узловъ, отпираніе замковъ и пр. Обо всемъ этомъ церемониаль, который несомнѣнно существовалъ уже въ языческой періодъ, извѣстій сохранилось очень мало.

Что касается покрыванія невесты, то, по словамъ Казвини, славянская дѣвушка становилась тотчасъ женою того, кто ее, простоволосую, при встрѣчѣ покрывалъ платкомъ. Слѣдовательно, всеславянской и всеарійской обрядъ покрыванія суще-

¹⁾ Истор. Библ. VI, 99.

ствовали уже въ периодъ язычества. Отъ этого обычая, вѣроятно, возникъ и терминъ — *namêta*, *namêtkâ* (отъ *namêtati*, *iniscete*), для обозначенія особаго покрова для головы, носимаго замужними женщинами. Другимъ общеславянскимъ терминомъ является — *závoj* или «повой». О томъ, что замужнія женщины покрывали голову, видно изъ легендъ о св. Людмилѣ, у которой на головѣ былъ «závoj», «увивало» — «имша же Людмилу възвергоста увивало, сиемша съ главы ея на шию ей и тѣмъ удависта ю», — а также изъ новгородской грамоты кн. Ярослава Владиміровича отъ 1195 г., гдѣ указано, что тотъ, кто сорветъ съ чужой жены «повой» и она останется простоволосой, долженъ заплатить пеню. Подъ 980 г. въ Кіевской Лѣтописи встрѣчается указаніе, что невѣста того времени должна была въ доказательство своей покорности снять у жениха обувь, что затѣмъ удержалось какъ на Руси, такъ и у другихъ славянъ; Рогнѣда, дочь Рогволода, говоритъ о Владимірѣ: «не хочу розути робичича, но Ярополка хочу» (Лавр. лѣтоп. 74). Подобный же обычай былъ у германцевъ и иныхъ народовъ. Въ рукописи XI в. — «Слово нѣкоего христіянина» — дается рядъ указаній на свадебные обряды, въ которыхъ еще остались слѣды язычества, причѣмъ упоминается и каравай, какъ жертвенный хлѣбъ¹⁾. Затѣмъ тотъ же авторъ ополчается противъ языческихъ обычаевъ, говоря о свадьбахъ, что онѣ совершаются съ «бубны и сопѣльми и съ многими чудесы бѣсовскими», а самое печальное, что участники свадьбы дѣлаютъ себѣ изображенія фалловъ и, напиваясь, совершаютъ съ ними различныя непристойности.

Въ лѣтописи, писанной для переяславско-суздальскаго князя Ярослава Всеволодовича (XIII в.) обмѣнъ перстнями при сговорѣ относится къ обряду языческому, въ то время какъ въ поученіи епископа Луки Новгородскаго (XII в.) «обрученіе дѣвицы» упоминается уже какъ обрядъ христіанскій. Наконецъ, какъ было уже сказано, въ грамотѣ новгородскаго

1) «Коровай молитъ», «моленіе коровайное». «Слово нѣкоего христіянина и наказаніе отца духовнаго о покорности и послушаніи». *Никольскій, Н.* Матеріалы русской духовной письменности. Спб. Сбор. отд. рус. яз. Акад. Наукъ, 1907 г. т. LXXXII, — 4.

митрополита Кирилла (1274 г.) имѣется свидѣтельство, что обрядъ омовенія удерживался въ Новгородѣ еще и въ XIII в. Вѣроятно, помимо омовенія, онъ сопровождался еще и эротическими играми, потому что церковь его запрещаетъ.

Время года, когда могла быть совершаема свадьба, не было ограничено, но, естественно, явился обычай «играть» ихъ въ наиболѣе удобную пору. Съ этой цѣлью уже издавна была избрана поздняя осень и зима, когда всѣ хозяйственныя работы были закончены и наступалъ относительный покой. На это же время указываютъ и народныя пѣсни: польская — *nie moja to jeszcze jesień przyszła*», словацкая — «*Dočakam sa mladej ženy na jesen, keď, odpadne drobný lístok z čerešickej*» и бѣлорусская — «*Ня ходзи, кума, весной за мужъ, весной хлѣба нѣтуци, а ходзи, кума, за мужъ восеню; восеню кума шпрогоу напекуць*».

Другимъ подходящимъ временемъ для свадьбы былъ конецъ зимы, такъ какъ въ этомъ случаѣ продолжительная беременность не совпадала съ порою полевыхъ работъ. Въ Россіи сохранилось старое названіе февраля — «свадебный», а въ XV в. время масляницы обычно называлось «свадьбы»¹⁾. Эти брачныя сезоны предугазывали и время, когда всѣ невѣсты выводились на показъ, на «смотрины» или даже на особые торги, какъ это было у татаръ, монголовъ, а среди славянъ сохранилось у угро-русовъ, на Балканахъ, Украинѣ, Подоліи и въ Новгородѣ.

Въ результатѣ всѣхъ изслѣдованій можно сказать, что древняя славянская свадьба, въ концѣ языческаго періода, имѣла уже свой церемоніаль, который, однако, постоянно измѣнялся и дополнялся въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи рядомъ драматизированныхъ пережитковъ, сопровождаемыхъ хороводами, пѣснями участниковъ свадьбы, подъ аккомпаниментъ струнныхъ инструментовъ (гусли, лютни), дудокъ, сопѣлей, бубень. Къ этому веселью присоединялись и маскарады, сопутствовавшіе всѣмъ языческимъ обрядамъ, включая и погребеніе. Весь этотъ ритуаль вызвалъ возникновеніе цѣлаго

¹⁾ Сахаровъ, И. Сказанія русскаго народа.

ряда общеславянскихъ свадебныхъ терминовъ — *свадьба, svatba, swagda*, серб. *brak*, польск. *ślub*, чешск. *šňatek*, — которые были либо приняты вмѣстѣ съ обрядами, либо измѣнены или отвергнуты христіанствомъ¹⁾.

Должно отмѣтить, что языческій свадебный обрядъ настолько укрѣпился въ народныхъ обычаяхъ, что долгое время простой людъ считалъ недостаточнымъ церковное вѣнчаніе и, пока не была выполнена обрядовая сторона, согласно со старыми традиціями, бракъ не признавали совершившимся. Народъ полагалъ, что церковный обрядъ нуженъ для князей и бояръ. На это указываетъ Поученіе XI в. кievск. митрополита Іоанна II: «не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе и вѣнчанье, но боляромъ токмо (и) княземъ вѣнчати; простымъ же людемъ, яко и меньшеицѣ поймають жены своя съ плясаніемъ и гудѣніемъ и плесканіемъ...»²⁾ Народъ же продолжалъ «играть» свадьбу по старымъ мѣстнымъ обычаямъ, о чемъ имѣются свидѣтельства вплоть до XVII в., какъ въ Россіи, такъ и на Балканахъ, гдѣ «свадьба» считалась чѣмъ-то инымъ и болѣе важнымъ, нежели церковное вѣнчаніе, и противъ чего возставала, какъ церковь, такъ и законодательство³⁾.

Свѣдѣніями о свадебныхъ обрядахъ, конечно, далеко не исчерпывается супружеская жизнь древнихъ славянъ. Важнымъ проявленіемъ ея была еще *полигамія*, которая и въ христіанскую эпоху продолжала существовать наряду съ *моногаміей*. Рѣшающимъ началомъ въ этомъ отношеніи было имущественное благосостояніе мужа, которое допускало не только двухъ или трехъ женъ, о чемъ говоритъ лѣтописецъ Несторъ, указывая на «звѣринскій обычай» радимичей, вятичей, сѣве-

1) *Сумцовъ, Н.* Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. (Кiev. Старина, 1886, I.)

Левицкій, О. Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вв. (Труды XI Археол. Съѣзда, II.)

2) Русск. Истор. Библ. VI, 7. Спб. 1880.

3) Въ законѣ Душана указано, что «и ниједина свадьба да се не учини безъ венчанија; ако ли се учини безъ благословенија и упрошеніја цркве, такови да се розлуче» (Законникъ *Стефана Душана* Београд, 1898).

рянъ и древлянъ — «имяху же по двѣ и по три жены» — но и гораздо большее число какъ женъ, такъ и наложницъ. На полигамію указываетъ и Отгонъ, епископъ Бамбергскій, требуя отъ литовцевъ и померанскихъ славянъ, чтобы тѣ, кто изъ нихъ имѣеть много женъ, избрали себѣ одну и оставили бы остальныхъ. Кромѣ Нестора о многоженствѣ на Руси говоритъ цѣлый рядъ церковныхъ и свѣтскихъ предписаній XI и XII вв. и арабскіе писатели¹⁾.

О чехахъ свѣдѣнія даетъ Косьма (1002 г.) и авторъ жизнеописанія св. Войцѣха, указывающій, что одной изъ важныхъ причинъ, благодаря которой Войцѣхъ покинулъ свое епископатство, — было многоженство. О многоженствѣ южныхъ славянъ извѣстій отъ языческаго періода не осталось, но любопытные пережитки двоеженства у болгаръ и сербовъ достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что полигамія была въ ходу и у нихъ²⁾. Извѣстны особые термины для незаконныхъ, т. е. не церковнаго брака, женъ: русск. — *невѣнчанная жена, наложница, посадъница*, чеш. *souložnice, ženina*, на Балканахъ — *hotimica, priložnica, поводница*.

О гаремахъ славянскихъ князей даетъ свѣдѣнія Ибрагимъ ибнъ-Якубъ, указывающій, что своихъ женъ, доходящихъ нерѣдко числомъ до 20 и болѣе, они держали взаперти и строго за ними слѣдили. Изъ отдѣльныхъ случаевъ можно указать на главу извѣстнаго чешскаго рода Славниковъ, имѣвшаго цѣлую толпу женъ и на польскаго кн. Мѣшко, у котораго до чешки Дубравки и его обращенія въ христіанство, было семь женъ, и, особенно, на Кіевскаго князя Владиміра Святого, имѣвшаго, кромѣ 5 законныхъ женъ, 300 наложницъ въ «Вышегородѣ, 300

¹⁾ Въ положеніи о церковныхъ судахъ кн. Ярослава Владиміровича (1051—1054) читается: «Аще мужъ оженится иною женою, со старою не распустився, мужъ епископу въ винѣ, а молоду въ домъ церковный, а съ старою жити... Аще двѣ жены кто водить, епископу 40 гривень, а которая подлегла, та поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону». *Хвольсонъ*. Ибнъ-Даста о славянахъ и русскихъ, 1869 г.

²⁾ *Rad. Gruič*. Бигамија и полигамија код. Срба. Летоп. Мат. Срп. 1909. Бобчевъ. Ист. на староболгарското право, стр. 519.

въ Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ», и кромѣ того приказывавшаго приводить къ нему замужнихъ женщинъ и дѣвицъ изъ народа¹⁾. Какъ говоритъ преданіе послѣ крещенія, Владиміръ отпустилъ всѣхъ наложницъ. (Самоковасовъ. Памятники; 9, 10.)

Впрочемъ, полигамія не есть специфическая, чисто славянская черта; это скорѣе просто признакъ того культурнаго уровня, на которомъ они тогда находились, и она одинаково встрѣчается какъ у восточныхъ (киргизы, остяки, буряты, персы), такъ и западныхъ народовъ (фракійцы, пруссы, германцы, особенно сѣверные, галлы), — сосѣдей славянъ. Что же касается полиандріи, то есть извѣстіе только о сожителствѣ двухъ братьевъ съ одной женой, на Руси, что осуждалось церковью и о чемъ упоминаетъ постановленіе кн. Ярослава²⁾.

На браки между родственниками, помимо Нестора, указываетъ и Оттонъ Бамбергскій, запрещающій ихъ среди померанскихъ славянъ. Для нѣкоторыхъ видовъ кровосмѣсительства, противъ котораго возставало древнее законодательство и церковь, существовали особыя термины, какъ напр., — «снохачество» — «Аще свекоръ съ снохою сблудить, епископу 100 гривенъ а епитимья по закону»³⁾.

Явленіе эндогаміи можно объяснить кромѣ желанія князя сохранить единоплеменность⁴⁾, вліяніемъ прикаспійскихъ иранцевъ⁵⁾, у которыхъ этотъ обычай существовалъ еще до X в., въ эпоху Сассанидовъ. Съ другой стороны у славянъ не возбранялся бракъ съ чужестранками, а славянскія женщины, въ ка-

¹⁾ «... бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью жепиською». (*Лавр. лѣт.* 3, 78.)

²⁾ Пунктъ XX говоритъ: «Аще два брата будутъ со едною женою, епископу 100 гривенъ, а жена въ домъ церковный». (*Владимірскій-Будановъ.* Хрест. по ист. русскаго права. I, 220.)

³⁾ *Смирновъ.* Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. Москва. 1878.

⁴⁾ Объ этомъ существуетъ достаточная литература: *A. Rapp, F. Spiegel, V. Geiger, E. West, D. Sanjana, Hübschmann* и др.

⁵⁾ *Ядринцевъ, К.* Обычай прикаспійскаго населенія Персіи въ X в. (Жив. Стар. 1909. II—III.)

чествъ рабынь и наложницъ, развозились по всему свѣту¹⁾. Въ свою очередь у славянъ также были жены и наложницы чужеземки, захваченныя, главнымъ образомъ, во время набѣговъ и грабежей. Было время, когда на Руси можно было достать рабыню за одинъ куній мѣхъ (отсюда — «куны»), а отрока-раба за бѣличью шкурку.

О томъ, что уже въ древнѣйшій періодъ бракъ у славянъ былъ актомъ большой важности, видно изъ его слѣдствій, особенно посколькѣ дѣло касалось вѣрности и цѣломудрія женъ²⁾. Въ X в. Масуди и въ XI Кардизи отмѣчаютъ, что прелюбодѣяніе у славянъ (русскихъ) случается рѣдко и карается оно весьма строго. Впрочемъ, это черта не только славянская; она встрѣчается и у германцевъ и среди восточныхъ сосѣдей.

Жена похищенная, равно, какъ и купленная, посколькѣ она переходитъ во власть мужа, должна была сохранять ему вѣрность. Поэтому, за прелюбодѣянія налагались тяжкія и рѣшительныя наказанія, не исключаяющія и смертную казнь. Подобнаго рода вѣрность жены была вызвана не только страхомъ передъ закономъ, но въ ней можно уже различать зачатки нравственнаго чувства; недаромъ супружеская вѣрность уже издревле почиталась у славянъ чѣмъ-то прекраснымъ. На это указываютъ и слова Бонифація: «*magno zelo matrimonii amorem mutuum servant*».

Въ силу этихъ отношеній жена для славянина была не только работницей, слугой мужа и матерью дѣтей, но чѣмъ-то болѣшимъ, что видно уже изъ поученія Владиміра Мономаха (1113—1125) къ своимъ дѣтямъ, гдѣ онъ говоритъ: «любите жену свою, но не давайте ей надъ собою власти». Однако, на основаніи всего сказаннаго, не слѣдуетъ полагать, что супружеская жизнь славянъ была такъ ужъ чиста и безупречна. Этому противорѣчатъ многочисленныя примѣры настойчивой борьбы церкви съ распущенностью, прелюбодѣяніемъ и блудомъ (Блудъ), которые, конечно, являлись еще тради-

¹⁾ Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссахъ. Спб. 1870.

²⁾ О вѣрности славянскихъ женъ говоритъ уже въ VI в. Маврикій въ своей «Стратегикѣ» (*Maurikios, Strategika, XI.*).

цією язичества съ его оргіазмомъ, плясками и играми, сопровождавшими свадьбу и похороны, празднества и жертву, обычно называемыми церковными указами и поученіями — «бѣсовскими», «сатанинскими», «многовертимыми плясаніями». Несмотря на все противленіе церкви, языческіе праздники перешли и связались съ христіанскими, напр., съ Рождествомъ Христовымъ, со днемъ Іоанна Крестителя и другими. При этомъ въ нихъ традиціонно перешли и хоробы и ночныя пляски и игры — русальныя, купальныя, дня Ярилы, Костромы¹⁾, радуницы, «субботки»²⁾, Івана Купала и т. д. Какое былъ смыслъ всѣхъ этихъ хорободовъ и плясокъ — сказать трудно. При свадьбѣ въ нихъ можно отмѣтить драматическій элементъ, аналогичный античному мистеріальному «дѣйству», откуда произошла греческая драма. На это указываютъ, какъ самыя термины русскихъ источниковъ — глумьци, игри, игрище, позорище, «позоры творити» и «сенае» Космы Пращскаго, такъ и маскарадное переодѣваніе мужчинъ въ женщинъ и наоборотъ, а также въ различныхъ звѣрей — коней, козловъ, медвѣдей, быковъ, оленей. Горячіе нападкы и осужденія такихъ игрищъ и маскарадовъ — «москолудства», встрѣчаются уже въ XI в. у Луки Жидяты.

Причины такихъ переодѣваній были, очевидно, различны; возможно предположить, что они возникли на почвѣ распушенности и буйнаго веселья; иногда въ этомъ сказывалась драматизація мифовъ, восходящихъ къ культу предковъ, или ими сопровождались заклинанія силъ природы (демоновъ). Позже, подобнаго рода маскарады утратили свое ритуальное значеніе, превратившись просто въ развлеченія и различныя пантомимы. При весеннихъ празднествахъ, связанныхъ съ выборомъ жениха и невѣсты, основнымъ мотивомъ былъ эротическій элементъ, который, однако, продолжалъ проявляться и въ лѣтнихъ забавахъ. Впослѣдствіи онъ значи-

1) *Аничковъ, Е.* Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Спб. 1905. — *Будиловичъ.* Первобытные славяне. Спб. 1878.

2) Польская пѣсня говорить о прыганіи черезъ огонь: «Oj sobótka sobótecka, pojdzie do mnie dziewusecka, a cyś godna cy nie godna, nie ucie kajze od ognia».

тельно смягчился, но и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются крайности, доходящія до гетеризма¹⁾. Важно отмѣтить, что помимо дѣвушекъ и парней въ хороводахъ принимали участіе и *молодыя жены*²⁾, несмотря на сопротивленіе и запрещенія семьи и мужа³⁾; объ этомъ участіи говорятъ и пѣсни, приведенныя Е. В. Аничковымъ, напр., «Всѣ кумы подруженьки на игрище ушли, а меня младу-младешеньку не отпустили. Я во сердце-то войду, во ретивое войду, сама на игрище дойду». Объ эротизмъ этихъ забавъ имѣется цѣлый рядъ свидѣтельствъ съ древнихъ временъ. Такъ, Поученіе Іоанна II, митрополита кіевскаго (1080—1089) запрещаетъ не только безмѣрное пьянство и свѣтскіе пиры, но и «играніе, плясаніе и гуденіе... да не оскверняютъ чювьства видѣньемъ и слышанемъ». Еще болѣе опредѣленно говоритъ грамота митрополита Кирилла II (1274) — «въ субботу вечеръ собираются вкупъ мужи и жены и играютъ и пляшутъ и скверну дѣютъ въ ночь св. въскресенія, яко Дионусовъ праздникъ празднують...⁴⁾ и «слово нѣкоего христолюбца»⁵⁾, который возстаетъ противъ вечернихъ игръ, связанныхъ съ почитаніемъ огня, вилъ, Мокоша, Сима, Рѣгла, Перуна, Рода и рожаницъ⁶⁾. «А всѣхъ же играній проклятѣе есть много вертимое плясаніе» — говоритъ Іоаннъ Златоустъ, «а по плясаніи начаша блудъ творити съ чюжими женами и сестрами....», «пляшу-

¹⁾ А. Веселовскій. Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ Купальской обрядности (Журн. Мин. Народ. Просв. 1894, II). — *Снѣгиревъ*. Русскіе престонародные праздники.

²⁾ «Тамже и женонъ и дѣвокъ много ходять и тамъ дѣвицы дѣвство діаволу отдають». А. Соблевскій (Живая Старина. 1890, II.).

³⁾ Аще жена иметь, опроче мужа своево волѣ ходити по игрищамъ или во дни или въ ноци, а мужъ иметь съчивати (т. е. увѣщевать), а она не послушаетъ: розлучити ю». (Постанов. кн. Ярослава, § 58; *Владимірскаго—Буданова*. Хрест. др. рус. права. I, 244.)

⁴⁾ Историч. Библ., VI.

⁵⁾ *Владиміровъ*, II. Поученія противъ древне-русскаго язычества и пародныхъ суевѣрій въ сборникѣ А. Пономарева — «Памятники древне-русской церковно-учительной литературы». Вып. III. Спб. 1897.

⁶⁾ *Тихонравовъ*. Лѣт. русск. литер. IV, 90: «еже есть плясаніе, гудѣніе, пѣсни мирьскія и жертвы идольскія, еже моляться огневѣ...»

щая-бо жена многимъ мужемъ жена есть»... Такого рода свидѣтельства имѣются вплоть до конца XVII в., а также и въ цѣломъ рядѣ извлеченій изъ грамотъ, опубликованныхъ Н. Харузинымъ¹). Но, особенно интересны извѣстія лѣтописи (краткой), писанной до 1219 г. для суздальскаго кн. Ярослава Всеволодовича, гдѣ помимо уже приведенной выписки изъ Кіевской лѣтописи о радимичахъ, вятичахъ и пр., которые ходили «на игрища, на плясаніе и ту умыкаху жены собѣ», приводится указаніе на то, что въ древнѣйшія времена славянамъ были извѣстны любовныя средства (aphrodisiaca)²) и нѣкоторыя другія женскія уловки, вродѣ обнаженія плечъ, украшенія рукъ перстнями, румяна и бѣлила³). Указанія на прелюбодѣяннїя встрѣчаются и въ княжескихъ судныхъ распоряженіяхъ, которыя за поступки подобнаго рода назначали наказанія. Какъ трудно было бороться церкви съ этими языческими пережитками, видно изъ печалованій лѣтописца, что народъ идетъ на игры, въ то время какъ храмы пустуютъ. Аналогичныя эротическія пляски были и у поляковъ, что видно изъ старыхъ преданій о «субботкахъ», о пляскахъ въ вечеръ подъ Ивана Купала и Петра и Павла. При этомъ пѣлись пѣсни съ упоминаніемъ языческихъ божествъ — Лель, Полель, Есса (Iessa) и особенно Лада.

Всѣ эти празднества съ подобнаго рода пѣснопѣнїями и плясками осуждались многочисленными нравственными поученїями, характернымъ примѣромъ которыхъ можетъ служить проповѣдь Петра изъ Милославіи (Miłoslawia XV в.) — «consuetudo est apud homines aliquos, quod in vigilia huius Sancti (Iohannis Bapt.) faciunt ignem et corisant circa eum et aliqui exponunt illam herbam authomasiam... ubi fiunt clamor-

¹) Этнографическое обозрѣніе. 1897, I.

²) Въ проповѣди еп. Нифонта XII в. указывается, что «... аще не възлюбятъ ихъ (женъ) мужи, то омываютъ тѣло свое водою и ту воду даютъ мужемъ». (Ист. Библ. II, 60.)

³) «Зане слабъ сущи женскыи обычаи и начаша друга прѣдъ другою червити лице и белымъ трѣти, абы уноши въжелевъ ся на похоть» (Временникъ I, 3—4).

res, visus impudica verba et multa mala» (*Brückner. Kazania, III, 141*).

Къ аналогичнымъ явленіямъ можно отнести «*coniubia communiā*», существовавшія у чеховъ, о которыхъ упоминаетъ Косьма Пражскій (I, 36), такъ какъ о настоящемъ брачномъ коммунизмѣ у чеховъ въ то время, не можетъ быть рѣчи.

Такъ приблизительно слагалась брачная жизнь замужнихъ женщинъ у древнихъ славянъ.

Источники, относящіеся къ X—XII ст., даютъ извѣстія о нормальной семейной жизни; они свидѣтельствуютъ, что славянская женщина выдѣлялась среди другихъ народовъ любовью къ дѣтямъ и преданностью и вѣрностью мужу. Однако, съ наступленіемъ весеннихъ и лѣтнихъ празднествъ и ночныхъ хороводовъ, замужняя женщина подъ вліяніемъ воспоминаній о счастливой порѣ вольной молодости, и тоскуя по соблазнительному веселью, присоединялась къ молодежи, въ особенности если мужъ находился въ отсутствіи или былъ нелюбимъ. Можно предположить, что въ тѣ времена, въ глазахъ окружающихъ, это и не считалось нарушеніемъ вѣрности; нельзя опредѣлять существовавшія въ древности отношенія между супругами, современной моралью. Возможно, что эротическій характеръ этихъ празднествъ являлся частью культового ритуала, возникшаго подъ нѣкоторымъ вліяніемъ восточныхъ религій, съ которыми славяне издавна были знакомы. *Длугош*¹⁾ вводитъ въ славянскую мифологію богиню *Дзидзилелію*, какъ защитницу любви и плодovitости, но происхожденіе этого имени, по мнѣнію Брюкнера, имѣетъ другую основу: оно состоитъ изъ искусственнаго сложенія двухъ словъ *dzięci*+*lelija*, т. е. *dęci*+*lelija*, послѣднее слово отъ гл. лелѣять, убаюкивать. Тоже слѣдуетъ сказать и объ имени Лады²⁾,

1) *Dluгош. Hist. Pol. ed. Przdziecki, I. 47: Venerem nuncupabant Dzydzilelija, quam nuptiarum deam existimantes prolis fecunditatem ab sibi deposcebant numerositatem donari.*

2) *Потебня. Объясненія малор. пѣсенъ. Варшава, 1883. Въ Густинской лѣтописи XVII в. Ладо упоминается, какъ свадебное божество: «Ладо, богъ пекельный, сего вѣрили быти богомъ женитбы, веселія... сему жертву приношаху хотящїи женитися, дабы его помощю бракъ*

въ которой многіе миеологи хотѣли видѣть особую богиню, въ то время какъ это наименованіе возникло изъ припѣва свадебной пѣсни: ладо! ладо! Такъ же ошибочно предполагалъ J. Dulauré¹⁾ существованіе бога *Припегала*, котораго этимологически связывалъ съ именемъ Пріапа и фаллическимъ культомъ²⁾. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что сексуальная жизнь дѣвушки до брака и послѣ него была совершенно различна. Согласно извѣстію Масуди о древнихъ славянахъ, дѣвушка, не имѣвшая возлюбленныхъ, считалась въ глазахъ мужа, съ которымъ она вступала въ бракъ, менѣе цѣнной и онъ имѣлъ даже право ее прогнать. Сѣтованіями на утрату дѣвичьей невинности наполнены церковныя поученія первыхъ временъ и за счетъ христіанства слѣдуетъ отнести начавшееся соблюденіе моральной чистоты у незамужнихъ женщинъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что дѣвичество и цѣломудріе въ древности играло столь большую роль, какъ въ послѣдствіи. Жизнь дѣвушки была гораздо свободнѣе, особенно на Руси и на Балканахъ, гдѣ и понынѣ еще сохранились общія ихъ встрѣчи съ парнями — *досвитки*, *вечерницы*, *посидѣлки*, *беспѣды*, *zâlety*, *ogledy*, *обзорины*, серб. *ашикованье*, и гдѣ молодежь до брака общалась между собою весьма свободно, какъ и на свадебныхъ пирахъ, при языческихъ обрядахъ, ночныхъ хороводахъ и пр. Лѣсныя или луговыя оргіи были обычны, что видно изъ постановленій древнѣйшаго польскаго права, «*elblañského*», относящагося къ половинѣ XIII в., согласно которымъ прелюбодѣяніе, совершенное въ домѣ, каралось гораздо строже, чѣмъ насиліе на полѣ или въ лѣсу, гдѣ оно все еще понималось, какъ остатокъ культа и связанныхъ съ нимъ эротическихъ забавъ. Именно эту сексуальную

добрый и любовный былъ. Сево ладона, бѣса по нѣкакихъ странахъ и донинѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни и руками о руки или о столь плещуще, ладо, ладо преплетающе пѣсни своя, многажды поминають» (Пол. Собр. Русск. Лѣтоп. II, 257). Въ древне-русск. яз. «ладо» обозначалъ мужа, супруга.

1) J. Dulauré. Die Zeugung im Glauben... Leipzig, 1909.

2) Léger, L. Mythologie.

распущенность слѣдуетъ видѣть въ указаніи лѣтописца о «звѣринскомъ образѣ», «*conubia mixta et communia*» жизни древнихъ славянъ.

Если женщина, въ особенности незамужняя, могла вести свободный образъ жизни, то мужчина холостой или женатый еще менѣе считался связаннымъ, по отношенію къ женщинѣ, хотя бы ставшей его женой путемъ брака. Однако, если мужчина погрѣшалъ съ женою другого и тѣмъ нарушалъ чужія супружескія права, онъ присуждался къ тяжелымъ наказаніямъ или даже смерти.

Совершенно иное отношеніе было къ незамужней женщинѣ и наложницамъ, которыхъ богатые люди имѣли наряду съ законной женой. Особенно свободны и откровенны были эти отношенія у русскихъ князей и при ихъ дворахъ. Русскій князь, окруженный дружиною въ 400 воиновъ, имѣлъ около 40 дѣвушекъ, которыя садились съ нимъ за обѣденный столъ. «А иногда, говорить ибнъ-Фадланъ¹⁾, князь общается съ какою-нибудь изъ нихъ въ присутствіи своей дружины». Конечно, подобныхъ наложницъ имѣли и дружинники.

Сходное съ этимъ открытое общеніе съ женщиной наблюдаетъ ибнъ-Фадланъ и у купцовъ, которые, какъ и дружина, принадлежали къ зажиточному, привилегированному классу. О князѣ Владиміръ говоритъ подъ 980 г. Кіевскій лѣтописецъ: «бѣ бо женолюбецъ, якоже и Соломонъ», а Дитмаръ рассказываетъ, что онъ носилъ даже особый поясъ, который долженъ былъ возбуждать его страсть. Несомнѣнно, многое въ этихъ распущенныхъ нравахъ было заимствовано съ Востока и у германцевъ, отъ которыхъ, на примѣръ, славяне усвоили древнее наименованіе проститутки — «курва», *kurva* (отъ *horva*), и затѣмъ передали его албанцамъ, мадьярамъ, грекамъ и румынамъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что скопцовъ у славянъ не было, но еврей-купцы осканивали мальчиковъ для продажи въ рабство. Впослѣдствіи, лѣтопись (подъ 1090 г.) приводитъ при-

¹⁾ *Гаркави*. Сказанія мусульм. писат. о слав. и руссахъ.

мѣръ христіанскаго аскетическаго скопчества. Что же касается евнуховъ, то они были въ княжескихъ гаремахъ.

Вообще, жизнь славянъ въ концѣ языческаго періода характеризуется значительнымъ восточнымъ вліяніемъ, собственно греко-восточнымъ, которое сказывалось въ религіи, культахъ съ нею связанныхъ и повѣрьяхъ. Эти вліянія внесли также много новаго въ смыслъ крайностей и допущенія различныхъ извращеній въ сексуальную жизнь прежде буйную, но близкую къ природѣ и естественную въ своихъ проявленіяхъ.

IV

УХОДЪ ЗА ТѢЛОМЪ И ЗДРАВООХРАНЕНІЕ.

Славяне, предоставляя развитію тѣла полную свободу, не особенно заботились объ его чистотѣ, что, впрочемъ, свойственно всѣмъ народамъ, живущимъ вольной, близкой къ природѣ жизнью. Уже Прокопій (VI в.) говоритъ о славянахъ и антахъ, что они отличаются своей нечистоплотностью, подобно массагетамъ. Въ одномъ изъ трактатовъ IX вѣка (присоединенномъ Ф. Моммсеномъ къ Исидоровой хроникѣ) говорится о «*sputitia Sclavorum*», т. е. о нечистоплотности славянъ. Аббатъ Штурмъ, придя однажды къ рѣкѣ Фульдѣ, нашёлъ тамъ множество померанскихъ славянъ и, хотя они купались, но аббатъ все же чуть не задохся отъ вони, которую они распространяли. На Руси, въ княжескую эпоху, какъ и у полабскихъ славянъ, низшій, несвободный классъ людей, какъ извѣстно, назывался *смерди*, *smurdi*¹⁾, что прежде связывалось съ глаголомъ *смырдѣти*, но противъ чего существуютъ филологическія возраженія²⁾. Однако, ко всѣмъ этимъ извѣстіямъ слѣдуетъ относиться съ нѣкоторой осторожностью, принимая во вниманіе, что они исходятъ отъ отдѣльныхъ лицъ

¹⁾ Романовъ, Б. Смердій конь и смердь. (Изв. Акад. Наукъ Отд. русск. яз. XIII, 1908, III.)

²⁾ А. Соболевскій. Ж. М. Н. II. 1912., № 11, стр. 193.

высшаго класса и отъ христiанъ, особенно враждебно настроенныхъ противъ славянскаго язычества. Нужно имѣть въ виду, что римскія свидѣтельства говорятъ и о нѣмецкихъ бастарнахъ (Tacitus, Germ., 46), какъ о «грязныхъ» и «вялыхъ». Также отзывается Гербордъ и о непріятеляхъ — данахъ (Датчанахъ). Слѣдуетъ принимать во вниманіе, что если ибнъ-Фадланъ говоритъ о нечистоплотности русскихъ купцовъ XI в.¹⁾, то еще неизвѣстно были ли это кушцы славянскіе или варяги.

Въ противовѣсъ этимъ свѣдѣніямъ имѣется рядъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ, что нечистоплотность славянъ была главнымъ образомъ присуща люду простому, живущему въ деревняхъ; что же касается высшихъ слоевъ населенія, то среди богатаго класса рано создалась привычка содержать свое тѣло въ чистотѣ, въ силу чего и сложился славянскій терминъ *mъiti se*, *мыться* и для этого они строили особыя бани, которыя были извѣстны также и деревнѣ.

Когда св. Андрей пришелъ въ Великій Новгородъ, онъ нашель тамъ, какъ передаетъ лѣтопись, бани, т. е. деревянныя постройки, гдѣ люди, раздѣвшіеся, обливались щелочнымъ квасомъ, били себя вѣникомъ и, наконецъ, окатывались холодной водой²⁾. Въ той же лѣтописи подъ 945 г. записано извѣстіе, что кн. Ольга приказала приготовить посламъ отъ древлянъ баню и изъ мести сожгла ихъ въ ней. «Они же пережгоша истонку и влѣзоша Древліане начаша ся мыти. И за-

¹⁾ «Каждый день утромъ у нихъ (купцовъ) непременно приходитъ дѣвушка съ большой лоханью съ водою и ставитъ ее передъ своимъ хозлиномъ, который моетъ въ ней лицо, руки и волосы, моетъ и чешетъ ихъ гребнемъ въ лохани, потомъ высмаркивается и плюетъ въ нее и не оставляетъ грязной вещи, которой не дѣлаетъ въ водѣ. Когда онъ кончитъ все нужное ему, дѣвушка несетъ лохань къ тому, кто сидитъ близъ и онъ дѣлаетъ подобно товарищу» (*Гаркави*. Сказ. мус. пис. о слав. и рус.)

²⁾ ... видѣхъ бани древены и пережгугъ я рамяно (и) совлокуться и будутъ назн и облѣются квасомъ уснїяномъ, и возьмутъ на ся прутье младое (и) бють ся сами, и того ся добыють, едва слѣзуть лѣ живи и облѣются водою студеною (и) тако окживуть; и то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать и то творять мовелье собѣ а не мучень» (*Лаврент. Лѣт.*, стр. 7).

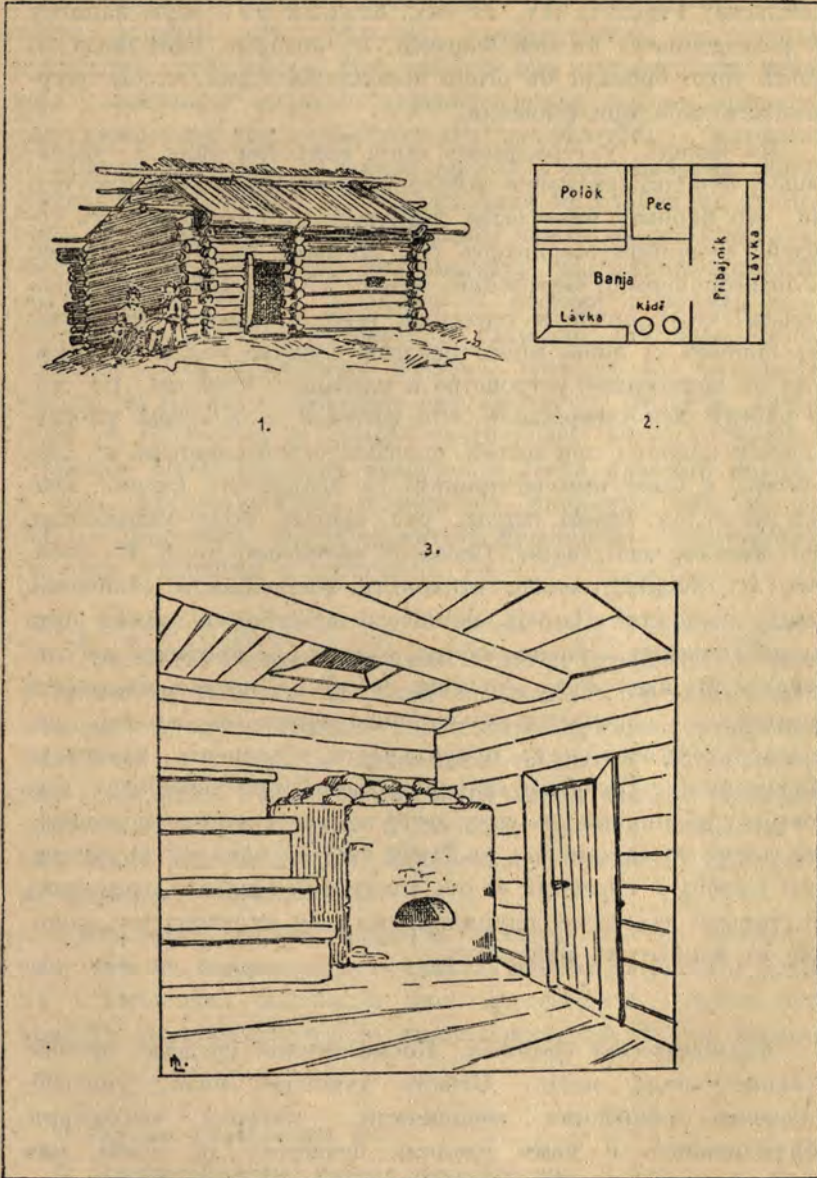
проша о нихъ истобьку и повелѣ зажечи я отъ дверей (Лавр. лѣт. 356). О томъ же говоритъ аль-Бекри, цитируя Масуди, который описываетъ бани, какъ деревянныя постройки, оконпаченныя мохомъ, имѣвшія внутри очагъ, а въ крышѣ отверстіе для отвода дыма. Когда огонь разгорался то посѣтители входили, закрывая за собой двери и отверстіе въ крышѣ, поливали очагъ водою и мылись въ пару вѣниками. Онъ же приводитъ и названіе: *al-atbbá* или *al-itbbá*, что является исковерканною арабскою записью слова *изба*, стар.-сл. *istǫba*. Относительно бани у западныхъ славянъ говоритъ легенда Христіана о св. Вацлавѣ, Гербордѣ¹⁾, ибнъ-Рустехъ и др. Еще и понынѣ въ Россіи встрѣчаются отдѣльныя банныя строенія, которыя называются — бани (діалект. *бавня*, *байня*), польск. *лазня*, *мыльня мовня* (табл. I). Внутренность бани²⁾ состоитъ изъ предбанника, гдѣ раздѣваются, отдыхаютъ и «запиваютъ баню квасомъ», собственно бани, гдѣ есть печь-каменка, и «полокъ» обычно въ видѣ ступеней; влѣзая выше или ниже, моющійся можетъ париться въ желаемой температурѣ; вдоль стѣнъ разставлены лавки на которыхъ моются. Обычно въ баняхъ парятся, обливаются, хлещутъ себя вѣникомъ (дубовымъ или березовымъ); иногда воду согрѣваютъ, бросая въ нее раскаленные камни (каменка) или чугунныя ядра (чугунка) и для этого существуетъ даже специальное выраженіе: «поддать пару». Интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ устраиваетъ баню и своимъ умершимъ, что называлось «парить стариковъ»³⁾. Подобныя бани не были свойственны только сла-

¹⁾ *Herbord. Vita Ottonis II, 16: nemque in stupis (т. е. stube) calefactis et in aqua callida... baptismi confecit sacramenta.*

²⁾ См. у *Далая*.

³⁾ «Мнози-же отъ человекъ се творятъ по злоумію своему. Въ свѣтой великій четвертокъ повѣдаютъ мертвымъ мясо и млека и яйца и мыльница (баня) топятъ и на печь льютъ (для пара), и попелъ посредѣ сыплютъ слѣда ради и глаголютъ: «мойтесе!» и чехлы вѣшаютъ и убрусы и велютъ ся терти (утираться). Бѣси-же смѣются злоумію ихъ, и влѣзши мыются и порплются въ попелѣ томъ, яко и куры слѣдъ свой покажутъ на попелѣ на прельщеніе имъ и трутся чехлы и убрусы тѣми; и егда видятъ на попелѣ слѣдъ и глаголютъ: «приходили къ намъ навья (покойники) мытсея». Егда то слышатъ бѣсы и смѣются имъ...» *Соболевскій, А. И. Живая старина, 1891, IV.*

ТАБЛИЦА I

Русская баня. 1. Наружный видъ. 2. Планъ расположенія. 3. Внутренность.
(Новгородская губ.)

вянамъ; ихъ юго-восточные сосѣди — скиѣы, согласно свидѣтельству Геродота (IV, 73—75), входили въ особую палатку съ разведеннымъ въ ней очагомъ, на который лили воду и, кромѣ того, бросали въ огонь конопляное сѣмя, чтобы одурманивать себя при омовеніи.

На западѣ, у германцевъ была извѣстна баня — «bade-stube». Эти двѣ аналогіи дали поводъ къ возникновенію теоріи, что паровая баня была заимствована славянами отъ сосѣдей. Рудольфъ Мерингеръ (*R. Meringer* въ «*Mittheilungen d. anthropologisch. Gesellschaft. Wien, XXIII, 166* и сл.) доказывалъ, что славяне и германцы усвоили баню и ея формы отъ скиѣовъ и лишь много позднѣе славяне взяли отъ нѣмцевъ ея внутреннее устройство и названіе — «stube». Въ своей работѣ онъ утверждалъ, что конопля — *κάνναβις* употребляемая скиѣами при мытьѣ, перешла отъ германцевъ къ славянамъ, и была ими воспринята со значеніемъ *koupele*, *koupati se*, ст.-сл. *карѣла*, *карати*, рус. *купель*, болг. *кпальница*, срб. *купало*, чеш. *koupel*. Согласно заявленію проф. И. Зубатаго (*I. Zubatý*) нельзя отклонять возможности сближенія между «конопля» и карель, но ничего неизвѣстно, какова была иранская форма, а равно, какимъ путемъ она проникла къ славянамъ. Въ виду того, что нѣтъ свѣдѣній, подтверждающихъ употребленія славянами коноплянаго сѣмени въ баняхъ, приходится сомнѣваться въ правильности объясненія, даваемого Мерингеромъ. Подобныя паровыя бани существовали у грековъ и у иберійцевъ; въ силу этого не исключена возможность, что скиѣы познакомились съ баней уже по приходѣ въ восточную Европу и переняли ее отъ мѣстнаго населенія, соединивъ со старымъ обычаемъ одурманивать себя куревомъ изъ конопли въ закрытыхъ палаткахъ.

*

Косметическія средства. Косметическія средства древніе славяне знали мало. Въмѣсто душистой мази, употреблявшейся скиѣскими женщинами, которая высохнувъ, облупливалась и тѣмъ удаляла нечистоту съ кожи, или вмѣсто мыла — саро, которое знали галлы и германцы,

славяне употребляли жиръ, какъ главное универсальное косметическое средство, которымъ они натирали тѣло, чтобы придать ему крѣпость, предохранить отъ холода и укусовъ насѣкомыхъ. Изъ жировъ они пользовались чаще всего *молочнымъ масломъ*, этимологическій корень котораго уже указываетъ не первичное его примѣненіе — *маз-ати*. О крашеніи волосъ у скандинавской Руси говоритъ ибнъ-Хаукаль¹⁾. Душистыя масла приходили къ славянамъ съ Востока и потому были доступны лишь зажиточнымъ классамъ. Акад. Н. П. Кондаковъ предполагаетъ, что нѣкоторые виды позднѣйшихъ серегъ — «колты» съ полыми шариками имитирующими жемчугъ въ металлѣ, служили для того, чтобы наполнять ихъ душистымъ масломъ, которое при нагибаніи капало на платье и сообщало ему аромат²⁾. Позднѣе, когда связь съ Востокомъ и Греціей увеличилась, возрасло распространеніе косметическихъ средствъ и среди простого народа, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, указывая, что уже въ XIII в. женщины, чтобы нравиться мужчинамъ, прикрашивали лица бѣлилами и румянами.

*

Туалетныя принадлежности. О томъ, что забота о тѣлѣ у древнихъ славянъ не была на низкомъ уровнѣ, свидѣтельствуетъ существованіе различныхъ туалетныхъ принадлежностей, о которыхъ археологія сообщаетъ многочисленныя свѣдѣнія. Чаще всего встрѣчаются гребни, для расчесыванія волосъ, усовъ и бороды, бритвы, ножницы и маленькія щипчики для выдергиванія волосъ, ухвертки и, наконецъ, зеркала.

Изъ нихъ самымъ древнимъ является *гребень*, встрѣчаемый уже въ неолитическую эпоху. Что же касается гребней въ славянскихъ могилахъ (или погребеніяхъ славянскихъ земель), то чаще всего и въ наибольшемъ числѣ они относят-

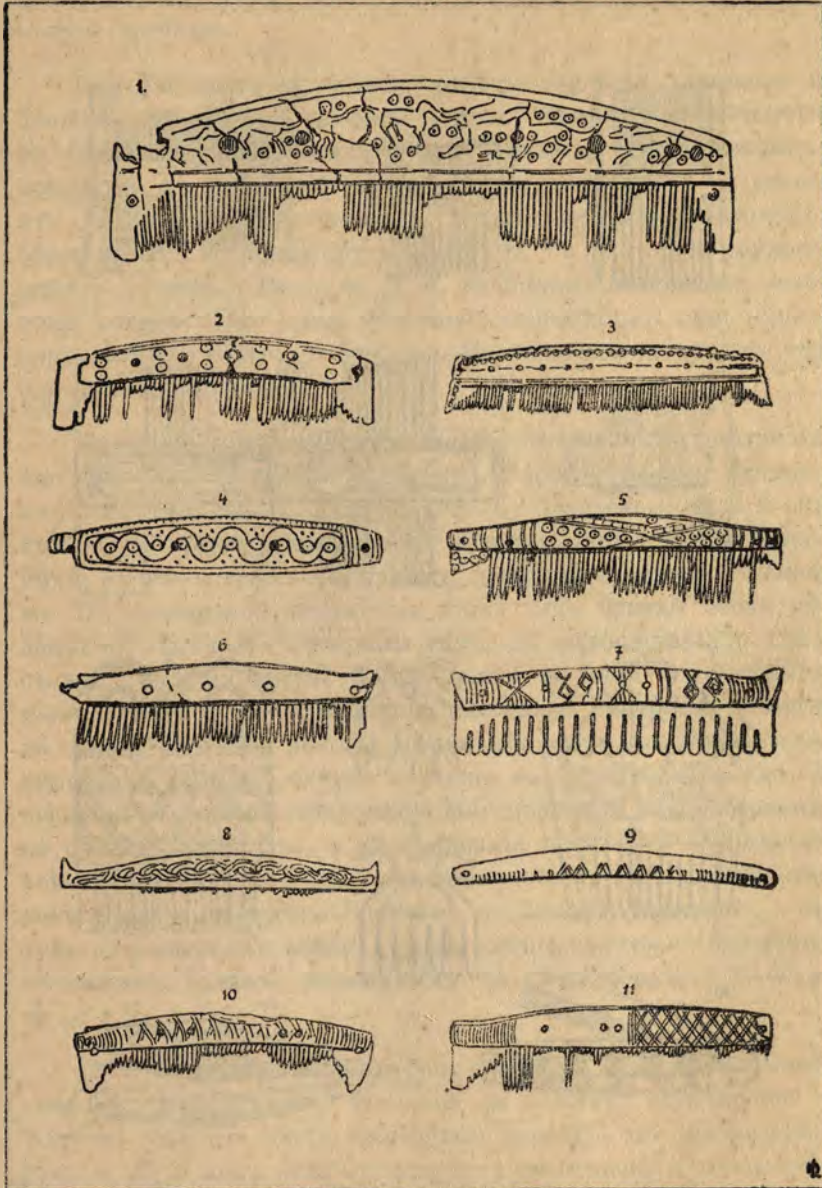
¹⁾ *Гаркави*. Сказанія 221, 232.

²⁾ *Кондаковъ-Толстой*. Русскія древности, вып. V, 141.

ся къ эпохѣ римскаго владычества. Въ этотъ періодъ ручки гребней имѣютъ форму лука или низкаго треугольника (крышевидные). Позднѣе, въ III—V в. появляются разнообразныя ручки съ орнаментомъ, состоящимъ, главнымъ образомъ, изъ концентрическихъ колечекъ. Гребень составлялся изъ ряда мелкихъ зубцовъ, врѣзанныхъ въ общую ручку (табл. II).

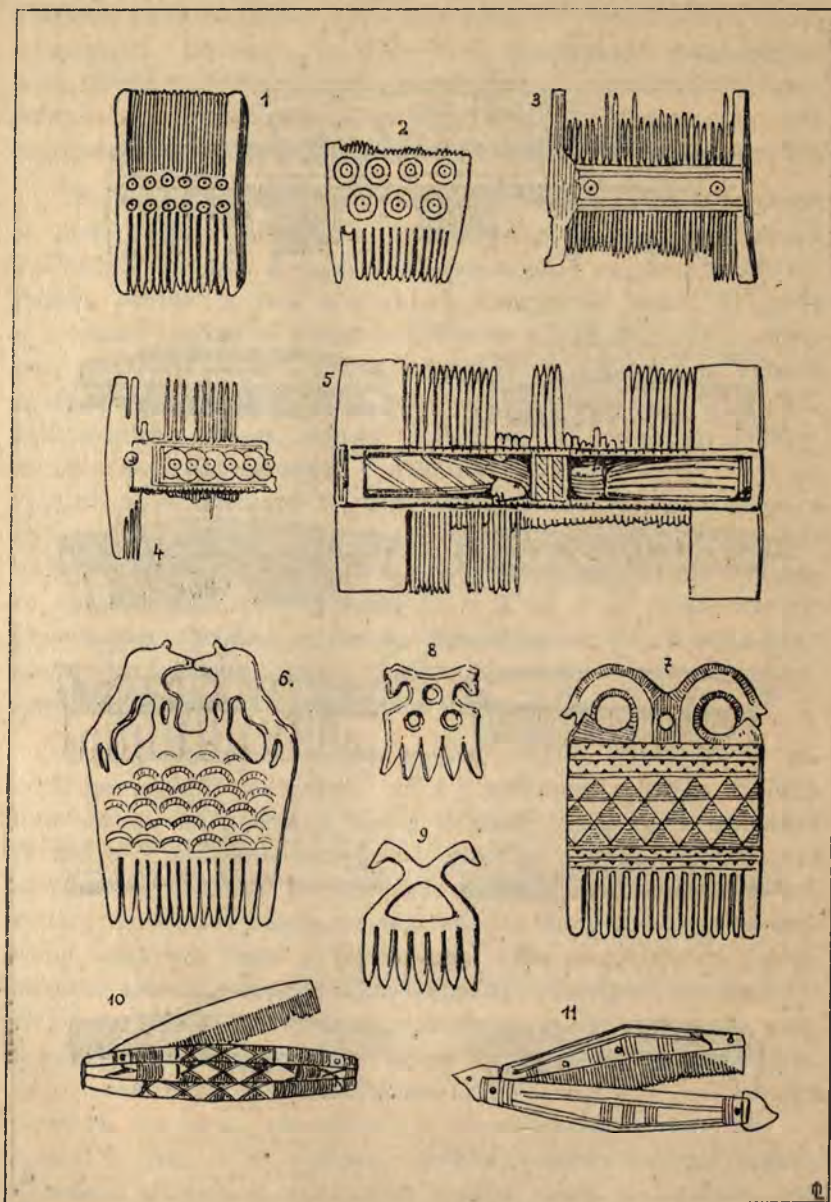
Къ концу перваго тысячелѣтія, т. е. на грани языческой и христіанской эпохи, въ славянскихъ земляхъ исчезаютъ гребешки старыхъ формъ — короткозубые съ прорѣзной насквозь ручкой и ихъ замѣняютъ слѣдующіе виды: 1) узкіе и длинные гребни съ густыми зубьями и низкой ручкой, которая въ Россіи загибается на концахъ въ видѣ клюва. Самый гребень составлялся изъ отдѣльныхъ костяныхъ зубьевъ, вставленныхъ своею гладкой частью въ двѣ костяныя рукоятки, соединенныя насквозь бронзовыми заклепками. Къ той же группѣ принадлежатъ гребни, которые могутъ складываться зубьями въ рукоять. 2) Двухсторонніе гребешки съ рѣзбой на промежуточной средней пластинкѣ, обычно болѣе поздняго происхожденія (у славянъ IX и X в.) и 3) металлическіе (бронзовые) гребни, короткіе, односторонніе съ нѣсколькими крупными зубцами; такіе гребни главнымъ образомъ втыкались въ волосы для украшенія (табл. III).

При раскопкахъ могилъ гребни обычно находятся у головы не только женщинъ, но и у мужчинъ и дѣтей. Иногда ихъ носили на ремнѣ у пояса и даже въ особомъ мѣшечкѣ (находки у оз. Это, Витеб. г.). Вообще можно сказать, что прическа у славянъ въ римскую эпоху стала предметомъ сугубаго вниманія; самое чесаніе волосъ получило особое значеніе, какъ это было у германцевъ. Объ ежедневномъ расчесываніи волосъ говоритъ ибнъ-Фадланъ, указывая, что на Волгѣ купцы мылись и чесались ежедневно и, что у членовъ княжеской дружины для этой цѣли были даже особые слуги. Аналогичный уходъ за волосами встрѣчается и у остальныхъ славянъ, на что указываетъ и общеславянскій терминъ — *чесати* и *česъь*, т. е. *гребень*. Однако, рядомъ съ этой терминологіей явилось и привилось другое слово — *гребень*, отъ

Разновидности славянских гребней и расчесок (VI—XI в.).

ТАБЛИЦА III

Болѣ поздніе типы гребней и гребешковъ славянскихъ и сосѣднихъ съ ними земель (IX—XI в.).

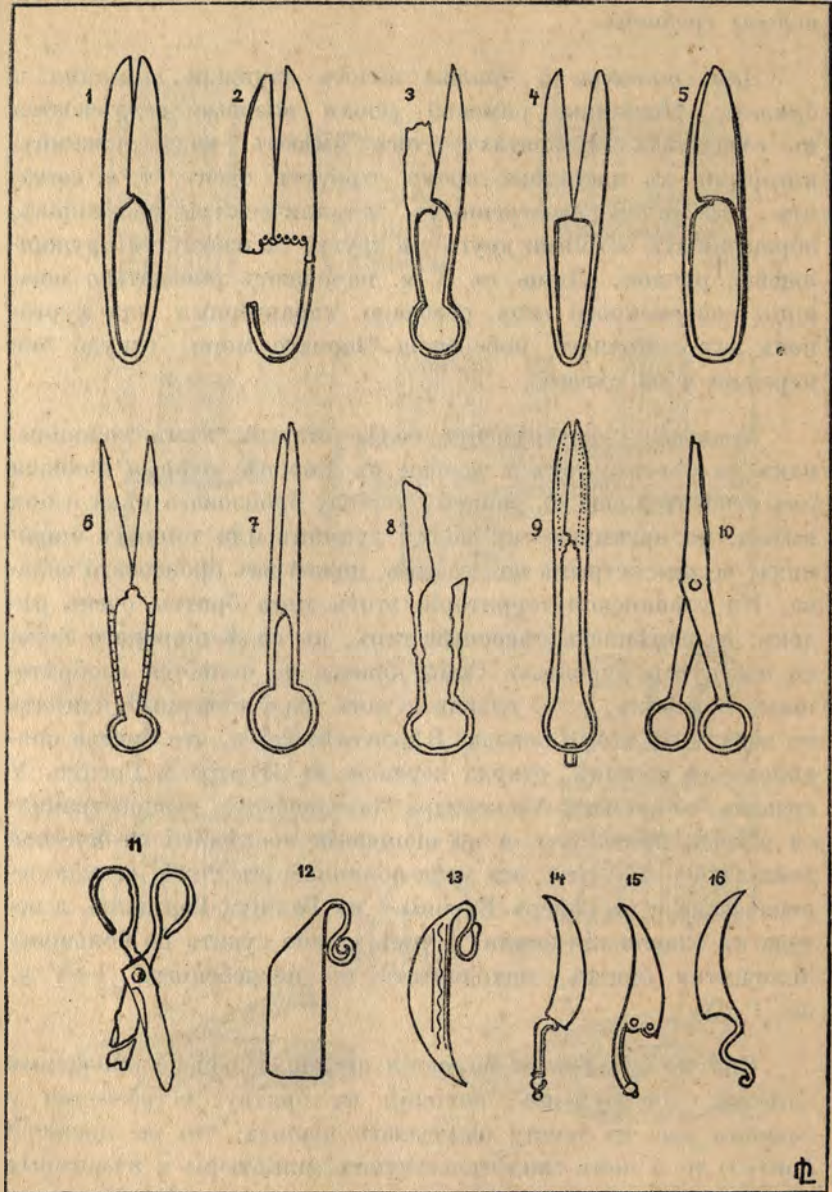
грести (ст.-сл. *grebq, greti*), т. е. разрывать — воду весломъ, волосы гребнемъ.

Для *стрижки* и *бритья* волосъ служили *ножницы* и *бритвы*. Ножницы римской эпохи впервые встрѣчаются въ сѣверныхъ Карпатахъ; онѣ имѣютъ видъ ножницъ, которыми въ настоящее время стригутъ овецъ, т. е. состоять изъ двухъ заостренныхъ металлическихъ пластинокъ, обращенныхъ остриями другъ къ другу, съ изогнутой пружинящейся ручкой. Лишь съ X в. начинаютъ попадаться ножницы современнаго типа, особенно характерныя для кургановъ юго-восточнаго побережья Чернаго моря, откуда они перешли и на сѣверъ.

Бритва — инструментъ болѣе старый, чѣмъ ножницы, какъ на сѣверѣ, такъ и вообще въ Европѣ; первыя находки ихъ относятся еще къ раннему періоду бронзоваго вѣка и они имѣли, по преимуществу форму лунницъ или тонкихъ широкихъ, весьма острыхъ по краямъ, ножей изъ бронзоваго сплава. На славянской территоріи этотъ типъ бритвы очень рѣдокъ; ее замѣняетъ сѣверный типъ, въ видѣ широкаго ножа съ изогнутой рукоятю. Самое бритье не является изобрѣтеніемъ сѣверянъ, т. е. славянъ, такъ какъ сѣверный климатъ не давалъ къ этому повода. Вѣроятно же всего, что бритье появилось на востокѣ, откуда перешло въ Италію и Грецію. У грековъ, со временъ Александра Македонскаго, распространился обычай брить усы, а по окончаніи послѣдней пунической войны (149—146 г.г.) эта мода появилась въ Римѣ, откуда перекочевала и на сѣверъ Европы — въ Галлію, Германію, а оттуда въ славянскія земли, о чемъ можно судить по большому количеству бритвъ, находимыхъ въ погребеніяхъ I—V в. по Р. X.

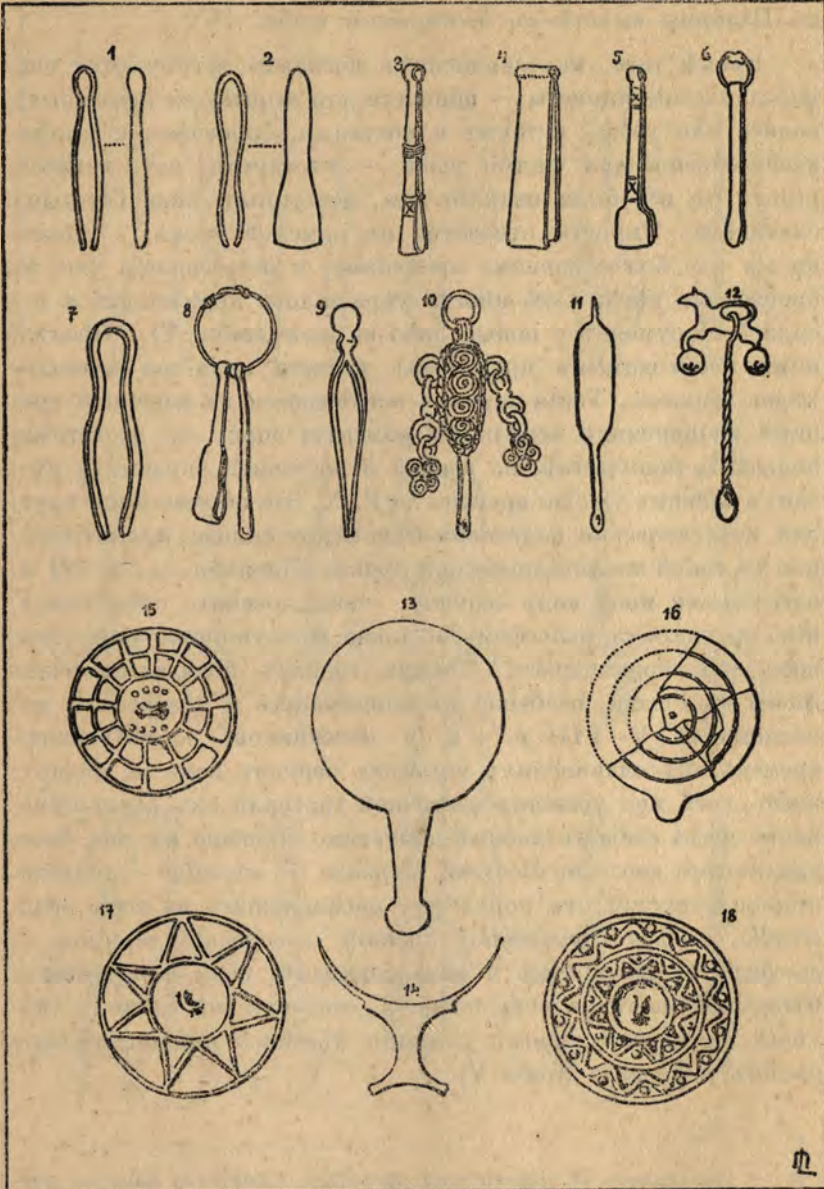
Бритва отъ *брити* является древнимъ обще-славянскимъ словомъ. Инструментъ, похожій на бритву, встрѣчается у славянъ уже къ концу языческаго періода, что же касается бритья, то о немъ свидѣтельствуютъ миниатюры и нѣкоторыя историческія справки. О русскихъ говорить ибнъ-Хаукаль;

ТАБЛИЦА IV

Разновидности ножниц — 1—11 и бритвъ — 12—16.

ТАБЛИЦА V

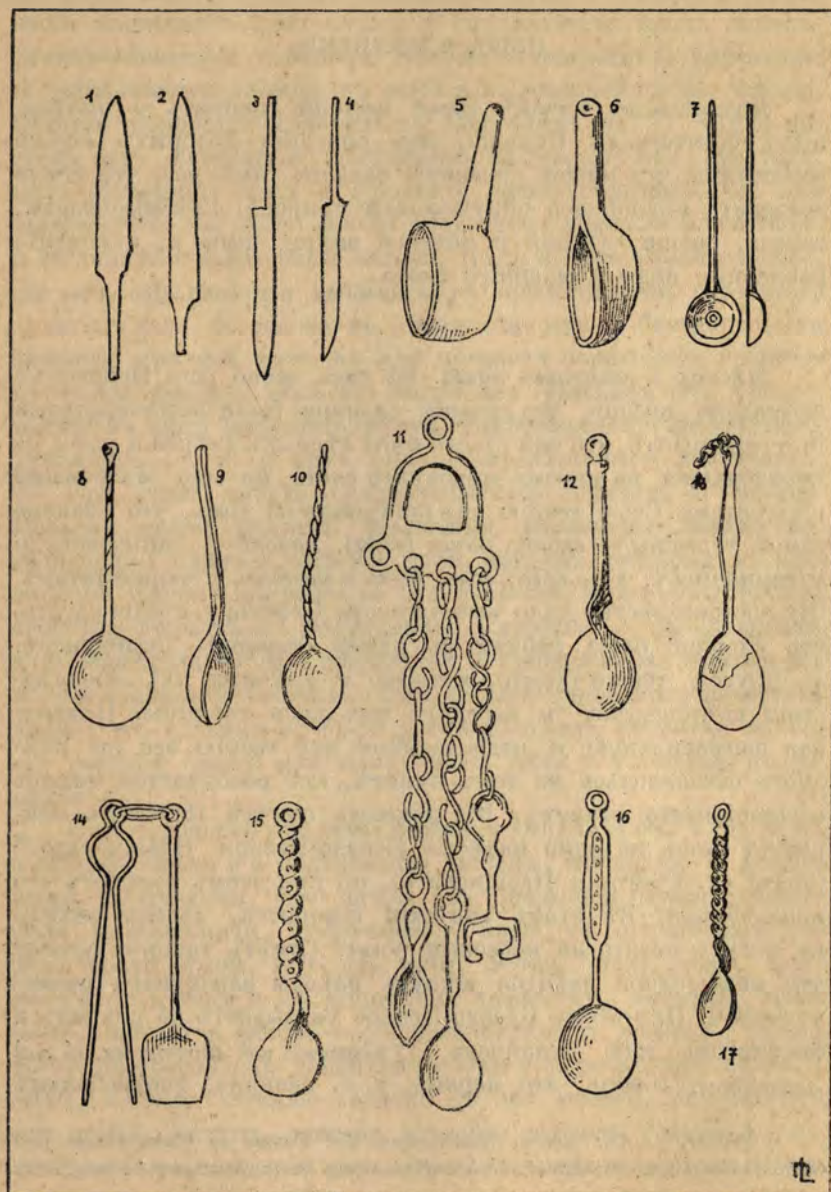
Пинцеты и щипчики — 1—9; ухвертки — 10—12; зеркала — 13—18.

привычка брить голову и носить широкіе шаровары пришла на Балканы вмѣстѣ съ болгарамі¹⁾ (табл. IV).

Кромѣ того, въ славянскихъ могилахъ встрѣчаются еще металлическіе пинцеты — щипчики для вырванія ненужныхъ волосъ или усовъ, а также и костяныя, бронзовыя и желѣзныя ложечки для чистки ушей — ухвертки, лат. *auriscalpium*. Это все были издѣлія юга, доступныя лишь богатымъ славянамъ. Пинцеты относятся къ римской эпохѣ, а ложечки къ еще болѣе давнимъ временамъ, и встрѣчаются уже въ бронзовомъ вѣкѣ. Онѣ иногда украшались привѣсками и носились въ сумочкѣ у пояса, либо на шеѣ (табл. V). Последнимъ необходимымъ предметомъ туалета является металлическое зеркало. Такія зеркала встрѣчаются на западной границѣ славянскихъ земель въ римскую эпоху въ достаточно большомъ количествѣ, на южной и восточной окраинахъ русскихъ славянъ уже во времена до Р. X. Это обычно была круглая металлическая пластинка бѣловатаго сплава, прикрѣпленная къ такой же металлической ручкѣ. Начиная съ V—VI в. встрѣчается иной видъ зеркала, тоже древняго происхожденія, круглаго съ рельефомъ по краю, и съ ушкомъ, чтобы держать или подвѣшивать. Такихъ зеркалъ попадаетса очень много въ Россіи, особенно въ кавказскихъ и хозарскихъ могильникахъ V—VIII в., и у кочевниковъ послѣдующихъ временъ. Въ славянскихъ могилахъ зеркалъ пока не обнаружено, хотя при усиленіи восточной торговли ихъ распространеніе среди славянъ вполне допустимо. Вообще же они были предметомъ ввоза съ Востока. *Зеркало* — *zrcadlo* — терминъ старо-славянскій отъ корня *zer*, расширеннаго въ *zerk*; чеш. *zrcadlo*, польск. *zwierciadlo*; древній и сербскій терминъ — *огледало*. О татуировкѣ и разрисовываніи тѣла, принятаго у нѣкоторой части индоевропейцевъ, относительно славянъ свѣдѣній не имѣется, кромѣ указанія лѣтописи на употребленіе бѣлилъ и румянъ (табл. V).

¹⁾ Шимановъ, И. Критически преглѣдъ. (Сборн. за народни умоворенія, XVI—XVII.).

ТАБЛИЦА VI

Древнеславянскіе ножи — 1—4; деревянныя и металлическія ложки — 5—17.

ПИЩА И НАПИТКИ.

Длугошъ въ началѣ своей исторіи говорить о природныхъ богатствахъ Польши, изъ описанія которыхъ можно заключить, что пищей древнихъ славянъ было все, что могла доставить съѣдобнаго окружающая природа: хлѣбные злаки, зелень, овощи, лѣсной и полевой звѣрь, рыба и, наконецъ, различные виды домашняго скота.

*

Мясная и молочная пища. Не такъ давно Янъ Пейскеръ¹⁾ высказалъ мнѣніе, что древніе славяне были вегетаріанцами въ томъ смыслѣ, что они кромѣ мяса лѣсныхъ звѣрей и рыбы не пользовались ни мясомъ домашняго скота, ни его молочными продуктами. Свою теорію онъ построилъ на томъ, что славяне самые термины — *скотъ*, *пища* (*nuta*), *молоко* — заимствовали у германцевъ, а — *коза*, *волъ*, *быкъ* и *творогъ* у тюрко-татаръ. Это обстоятельство дало возможность Пейскеру предполагать, что славяне были рабами съ одной стороны — германцевъ, съ другой тюрко-татаръ, которые и научили ихъ въ послѣдствіи скотоводству и передали имъ свои термины. Признавая неправильною и недоказанною эту теорію, все же слѣдуетъ остановиться на томъ пунктѣ, гдѣ разбирается мнимое вегетаріанство славянъ. Въ данномъ случаѣ Пейскеръ опирается лишь на одно извѣстіе Псевдо-Цезаря Назіанскаго²⁾ (брата св. Григорія Назіанскаго), но при этомъ толкуетъ его произвольно. Въ этомъ извѣстіи говорится, почему звѣзды не могутъ вліять на небесныя зоны? Отвѣтъ таковъ: потому что подъ одной звѣздой живутъ народы различнаго происхожденія. При этомъ Псевдо-Цезарь указываетъ на славянъ и фисонитовъ или дунайцевъ (*Σκλαθηνοὶ καὶ Φυσωνίται, οἱ καὶ Δανούβιοι*), говоря, что первые, т. е. славяне, употребляютъ

¹⁾ *Peisker, J.* Die älteren Beziehungen der Slaven zu Türkotataren und Germanen und ihren sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin, Stuttgart, Leipzig. 1905.

²⁾ *Dialogi*, 110, (*Migne, Patrologia Graecae XXXVIII*, 986).

въ пищу женскія груди полныя молока и убиваютъ грудныхъ младенцевъ; они смѣлы и самовластны; ѣдятъ лисиць, дикихъ кошекъ и кабановъ. Вторые — напротивъ, умѣренны, воздерживаются вообще отъ мяса и подчиняются кому угодно. Исторія появленія славянъ на Балканахъ въ V—VII в. рисуетъ ихъ дикими и жестокими, причемъ такіе писатели, какъ Маврикій, Левъ и Прокопій даютъ свѣдѣнія, что они употребляли въ пищу всякія нечистоты, убивали младенцевъ и не терпѣли надъ собою власти. Нѣтъ ничего удивительнаго, что все эти извѣстія вылились въ представленіи греческаго христіанскаго богослова въ образъ дикости и безудержности славянъ, причемъ фантазія или преданія переходили границы правдоподобности, какъ это видно изъ разсказа объ употребленіи въ пищу женскихъ грудей. Что же касается фисонитовъ-дунайцевъ, т. к. о нихъ ничего опредѣленнаго неизвѣстно, то подъ ними могутъ подразумѣваться славяне, и Псевдо-Цезарь, желая указать различный характеръ людей, населяющихъ одинъ и тотъ же край, описалъ различія въ славянской жизни. Опираясь на эти извѣстія, Пейскеръ относитъ свойства первыхъ къ фисонитамъ, а вторыхъ — къ славянамъ и отсюда дѣлаетъ свое натянутое и произвольное заключеніе о вегетеріанствѣ славянъ. Изъ цѣлаго ряда доказательствъ видно, что славяне не были вегетеріанцами, несмотря на то, что главной пищей ихъ было просо, какъ и у сосѣдей-кочевниковъ.

О скотоводствѣ у славянъ имѣются свѣдѣнія отъ VI до XI в., а слѣдовательно и о пользованіи мясомъ, молокомъ и молочными продуктами. Это видно изъ обширной древне-славянской терминологіи, относящейся, какъ къ отдѣльнымъ видамъ скота (*krava*, *turъ*, *ovъ*, *agne*, *zrѣbъcъ*, *praze*, *bravъ*, *verpъ*, *svinъ* и др.), такъ и къ молочному хозяйству, названія *mlѣko*, *mlѣzъ*, *mlѣzivo* и *tvarogъ* — общеславянскія и древнія. Кромѣ того, для обозначенія сладкаго молока у славянъ есть слово — *mlѣzъ*, *млѣзиво*, которое связано съ лат. *mulgѣo*, нѣм. *melken*, лит. *milsti*. Затѣмъ, помимо названія *tvarogъ* (*tvarogъ*), славяне имѣютъ названіе *сыръ* (*syръ*), что снова указываетъ на молочное хозяйство. Объ этомъ говоритъ рядъ прямыхъ исто-

рическихъ свидѣтельствъ, правда, относящихся уже къ болѣе позднему времени, т. е. къ концу языческаго періода. Ибрагимъ ибнъ-Якубъ пишетъ: «славяне воздерживались ѣсть курь, потому что онѣ имъ вредили и способствовали заболѣваніямъ рожею (болѣзнь, которая была очень распространена), но зато они ѣли говяжье мясо и гусей». Владиміръ Святой, ставъ по преданію послѣ крещенія милостивымъ, распорядился, чтобы по его княжеству всѣмъ больнымъ развозили хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи и медъ въ бочкахъ. Позднѣе Отгонъ, епископъ Бамбергскій, обративъ въ христіанство литовцевъ и померанскихъ славянъ, запретилъ имъ въ шестой день недѣли ѣсть молоко и мясо. Сюда же надо отнести и всѣ свѣдѣнія о жертвоприношеніяхъ у славянъ скота, причемъ часть жертвеннаго мяса поѣдалъ народъ. Христіанскія церкви (православная и латинская) воспрещали славянамъ пользоваться кровью убитыхъ животныхъ и употреблять въ пищу мясо задушеннаго скота, какъ это было въ обычаѣ прежде.

Къ этому же относится и рядъ археологическихъ доказательствъ въ видѣ часто встрѣчающихся при раскопкахъ могилъ остатковъ, а иногда и цѣлыхъ скелетовъ домашнихъ животныхъ. Они должны были служить пищей умершему въ новой жизни, а еще чаще это были кости, находимыя въ пепелищахъ надъ могилами, которыя должно считать слѣдами поминальной трапезы (тризны).

Послѣднимъ, очень интереснымъ доказательствомъ скотоводства у древнихъ славянъ въ языческую пору является наличие, въ числѣ немногихъ славянскихъ боговъ, — Велеса или Волоса, бога охраняющаго стада, «скотьяго бога», какъ его называютъ старыя памятники. Велесъ былъ не только богомъ пришлымъ на Руси, но и всеславянскимъ, котораго Ст. Рознецкій противопоставлялъ Перуну, какъ мѣстное и народное божество ¹⁾).

Изъ всего этого видно, что Длугошъ былъ правъ, написавъ, что населеніе славянской колыбели было «*frumento et pecore divites*», а также правъ былъ и Gallus, который, парафрази-

¹⁾ *Погодинъ, М. Замѣтки.*

руя античные стихи, рисовалъ древній польскій край, какъ «богатый хлѣбомъ и мясомъ, медомъ и рыбой»... Конечно, не требуется особыхъ доказательствъ, что славяне разводили домашнюю птицу, употребляя въ пищу, какъ ее, такъ и яйца, скорлупа которыхъ часто встрѣчается въ могилахъ. Ибрагимъ ибн-Якубъ, говоря, что славяне любили есть гусей, указываетъ далѣе, что имъ нравились также и тетерева. Куръ, какъ уже указано, они избѣгали, полагая, что онѣ вредятъ здоровью. Впрочемъ, это касается, главнымъ образомъ, цыплятъ, такъ какъ кости куръ часто встрѣчаются въ могилахъ, и онѣ были характернымъ жертвеннымъ блюдомъ на языческихъ празднествахъ; въ качествѣ обрядового яства куры удержались до сихъ поръ во всемъ славянствѣ при свадебныхъ и поминальных трапезахъ¹⁾).

Тоже относится и къ рыбѣ²⁾, которой край изобиловалъ; уже издавна употребляли въ пищу лососей, форелей, шукъ, пискарей, линей и др. Также встрѣчаются свидѣтельства объ употребленіи икры.

Относительно людоедства слѣдуетъ отмѣтить, что въ концѣ языческаго періода о немъ уже не могло быть и рѣчи, хотя у народовъ, сосѣднихъ славянамъ, встрѣчались слѣды каннибализма³⁾. Эпоха, когда предки славянъ были людоедами, въ смыслѣ питанія или ритуала, очень отдаленна. Что же касается извѣстія Псевдо-Цезаря, то оно, какъ было приведено выше, мало вѣроятно и достоверно. Въ лѣтописи подъ 1230 г. говорится о великомъ голодѣ въ Новгородѣ, и при этомъ есть намеки и на каннибализмъ. Объ употребленіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ человѣческой крови встрѣчаются свѣдѣнія въ

¹⁾ Будиловичъ. Первобытныя славяне, 1878 г.

²⁾ Рыбу, ставшую обычной пищей въ XI в., знаетъ житіе Θεодосія (изд. митр. Филарета, стр. 164—166) и «Русская Правда» (Владимірскій-Будановъ. Хрестоматія по исторіи русскаго права, т. I, стр. 33).

³⁾ Мюлленгофъ (Müllenhoff) даетъ свѣдѣнія о каннибализмѣ у древнихъ андрофаговъ сѣв. Скиѣи, иссидонахъ, массагетахъ и позднѣе у финской вѣси. Д. А. III, 17.

сербскомъ фольклорѣ¹⁾), но ихъ, конечно, нельзя признать свидѣтельствами; возможно, что они возникли на основаніи старыхъ религіозныхъ представленій и повѣрій.

*

Растительная пища. Славяне, какъ уже указано, не были вегетаріанцами, тѣмъ не менѣе хлѣбные злаки, зелень, бобы, горохъ и проч. стручковые являлись для нихъ одними изъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ. Поэтому можно предположить, что славяне издавна вели сельское хозяйство, и уже въ первое тысячелѣтіе по Р. Х., когда они заняли мѣста болѣе плодородныя и осѣли болѣе прочно, ихъ земледѣльческое хозяйство приняло вполне раціональный видъ. Уже древнія общеславянскія названія: *жито, пшеница, рожь, овесъ, просо* свидѣтельствуютъ объ обширномъ разведеніи злаковъ въ періодъ общеславянскаго единенія, но не представляется возможнымъ опредѣленно сказать, какіе изъ этихъ злаковъ были усвоены раньше. Кромѣ того, о хлѣбопашествѣ сохранился цѣлый рядъ историческихъ и археологическихъ свидѣтельств²⁾), относящихся ко времени перваго тысячелѣтія по Р. Х. Изъ нихъ видно, что въ числѣ хлѣбныхъ злаковъ славяне культивировали и просо, какъ обычное, такъ и «*panicum italicum*», которое, повидимому, пришло изъ средней Азіи въ Россію и оттуда распространилось по Европѣ³⁾). Славяне дѣлали изъ него, какъ хлѣбъ, такъ и кашу. Извѣстно, что въ 448 г. славяне угощали пословъ императора Феодосія просомъ и медомъ, что было излюбленнымъ славянскимъ блюдомъ. О просѣ у славянъ гвворить «Стратегика» Маврикія и «Тактика» Льва. Извѣстіе

¹⁾ *Троянович, С.* «Стара српска јела и нута» приводитъ свѣдѣнія, что у убитаго челоѣка лизали кровь (Черногорцы облизывали ятаганы, убивши турка или арнауа.) Сууществовало также питье крови при заключеніи договоровъ или при побратимствѣ, что, однако, не является пережиткомъ людоедства. (*Геродотъ*, IV, 70.)

²⁾ *Niederle, L.* «O prvotním zemědělství u Českých Slovanů». *Pravek* 1911 VII.

³⁾ *Hoops, J.* Die Waldbäume und Kulturpflanzen im german. Altertum. Strassburg, 1905., I, стр. 323—326.

Плинія о просѣ у сарматовъ, живущихъ у Чернаго моря, распространяется, конечно, и на мѣстныхъ славянъ.

Въ славянскихъ могилахъ ранняго періода просо трудно указать, тогда какъ археологическія раскопки болѣе позднихъ погребеній — IX—XI ст. — даютъ обильныя находки проса, что служить доказательствомъ его широкаго распространенія.

Что касается злаковъ, то существовало два способа пользованія ими: зерно либо мочили и поджаривали, послѣ чего оно тотчасъ же становилось годнымъ къ употребленію, но менѣе вкуснымъ, чѣмъ то, которое раньше размальывали, а затѣмъ изъ полученной муки приготавливали пищу. Славяне пользовались обоими способами. Начиная съ X в. въ памятникахъ встрѣчается *брашно*, т. е. молотое зерно (первоначально ячмень), а также и *солодь* (т. е. моченое и высушенное зерно), употребленіе котораго уже извѣстно съ началомъ христіанскаго періода, а равно, какъ и *крупа*, «крупница». Какіе продукты питанія были обычны у славянъ, можно видѣть изъ перечисленія припасовъ, которые давались «городнику» (зодчему), согласно грамотѣ кн. Владиміра Всеволодовича: это куны (деньги) на мясо и рыбу, хлѣбъ, мѣры пшена, овесъ для прокорма скота, солодь, куры, горохъ, соль и проч. Въ житіи преп. Θεодосія рассказывается, что нѣкій бояринъ (XI в.) прислалъ въ Печерскій монастырь на пропитаніе: хлѣбъ, сыръ, рыбу, сочиво, медъ и пшено. Обычный столъ монаховъ былъ — хлѣбъ, сочиво и рыба; въ случаяхъ же обостренія нужды, онъ ограничивался однимъ блюдомъ — вареной въ котлѣ пшеницей; съ послѣдней не слѣдуетъ смѣшивать т. наз. «пражмо», т. е. жаренное недозрѣлое зерно ячменное или пшеничное, древнее народное блюдо въ различныхъ мѣстахъ славянства. Сюда же относится и каша, чешск. *kaše*, польск. *kasza* — терминъ древній, общеславянскій. Каша получила значеніе ритуальнаго блюда еще въ языческое время, откуда она перешла и въ рядъ христіанскихъ обрядовъ, какъ напр. «кутья» (кутия поминальная), т. е. вареное зерно, приправленное различными фруктами; упоминается она въ памятникахъ письменности, начиная съ XI ст. Кромѣ простыхъ прѣсныхъ лепешекъ уже древніе славяне выпекали колачи и пироги, извѣстные

своими большими размѣрами, мазанные сверху медомъ или посыпанные макомъ.

Хлѣбъ былъ извѣстенъ въ Средней Европѣ въ неолитическій періодъ, о чемъ свидѣтельствуютъ находки въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, откуда онъ распространился въ мѣста, занимаемая славянами. Этотъ прѣсный хлѣбъ приготавлился изъ грубо растертаго зерна и пекся въ золѣ на раскаленныхъ камняхъ очага.

Существующія предположенія, что славяне даже примитивнаго рода хлѣба не пекли и впервые заимствовали его отъ германцевъ, не вѣрны. Если же предположить, что старославянское названіе *хлѣбъ* — *chlѣbъ* (въ чемъ нѣкоторые сомнѣваются) взято отъ германскаго *laib*, гот. *hlaifs*, изъ прагерм. *hlaiba*, то возможно объясненіе, что былъ усвоенъ новый терминъ для хлѣба, который разнился отъ бывшаго у нихъ въ употребленіи лишь формой или способомъ приготовленія, быть можетъ, они узнали хлѣбъ квашенный или печеный въ печи. Такого рода заимствованія названій для предметовъ, уже ранѣе существовавшихъ у славянъ, весьма обычны, напр., миска, блюдо, *chuzъ*, *buda*, *strѣla* и др. Квашня (кислая закваска тѣста) была занесена въ Европу изъ Египта довольно поздно. Однако, Плиніи уже говоритъ (*Historia Natur.*, сар. XVIII, 68), что въ Галліи и Испаніи употребляли дрожжи для изготовленія хлѣба. Время появленія квашни у славянъ еще не установлено.

Подъ 997 г. въ кіевской лѣтописи есть извѣстіе, что въ Бѣлгородѣ женщины изъ овса и пшеницы дѣлали «кисель», а также знали и хлѣбную закваску¹⁾. Въ житіи Θεодосія Печерскаго говорится, что хлѣбъ пекли въ печахъ и заправляли квасомъ — «квасъ на състроеніе хлѣбомъ». На югѣ «кисель хлѣбъ» упоминаетъ Призрѣнскій Хризовуль Душана²⁾. То обстоятельство, что термины — *квасъ* и *дрожди* суть общеславянскіе, даетъ возможность предполагать, что герм. *hlaifs*

¹⁾ *Лаврентьевская Лѣтопись*³, 125, «...и рече имъ: сберѣте аче по горсти овса или пшеницы ли отрубей ...и повелѣ женамъ створити пѣжь въ немъже варять кисель».

²⁾ *Даниич.* Рѣчникъ кнѣж. стар. I. 521.

обозначает не квасной хлѣбъ, но приготовленный въ печи и извѣстный у славянъ съ XI в. Помимо обычнаго монастырскаго хлѣба въ русскихъ памятникахъ упоминается и лучший его сортъ — «ржаной», «чистый». Въ годы голода хлѣбъ приправляли, кромѣ отрубей, высѣвками, соломой, березовой корой и пр. Изготовление тѣста и выпечка хлѣба было дѣломъ специально женскимъ, и когда преп. Θεодосій, какъ и св. Вацлавъ, пекъ просфоры, мать ему говорила, чтобы онъ не срамилъ себя этой работой, не подобающей для молодого человѣка¹).

Другой группой растений, служившихъ пищей древнимъ славянамъ была всякаго рода зелень, о которой историческихъ свидѣтельствъ сохранилось весьма мало. Ибнъ-Фадланъ (X в.) говоритъ о лукѣ, который ѣли русскіе (норманскіе?) купцы. По Лаврен. лѣтописи (1074 г.) бѣдный людъ ѣлъ «зелье варено и сыро». Не ошибаясь можно сказать, что и гораздо раньше X в. у славянъ, какъ съѣдобный продуктъ, была зелень, на что указываютъ и языковые термины. Значеніе слова *лукъ* неустойчиво, оно можетъ обозначать и цыбулю (*Allium seras*) и чеснокъ (*Allium sativum*); самое слово заимствовано изъ германскаго *lauka*. Также изъ германскаго яз. взяты слова: — морковь (*märky*) и рѣдька (*rědky*); изъ греческой части Византіи перешелъ къ славянамъ и терминъ огурецъ (*ogurь*), и общеславянскій — макъ (*makъ*). Основываясь на сравнительной филологіи, можно сказать, что славяне издавна знали и культивировали чеснокъ (*česnъkъ*), бобы, горохъ, чечевицу. Одинаково древни общеславянскія названія — дыня, тыква, рѣпа и «бориць» (*brěščь*) — буракъ²), который передалъ свое имя русскому горячему блюду. Полабскіе славяне уже издавна ѣли грибы (ст.-сл. *gąba, gьba, hub*), что подтверждается сохранившимся лѣтописнымъ свидѣтельствомъ (1018 г.) объ отравленіи ими.

¹) «Прошу тебя, сынъ мой, оставь такое занятіе, ибо ты наносишь безчестіе роду своему; не могу слышать, какъ всѣ издѣваются надъ тобою за сіе дѣло, да и неприлично отроку заниматься такимъ упражненіемъ» (Жит. преп. Θεодосія, изд. митр. *Филарета*, стр. 135).

²) *Heracleum Spondylium*, чешск. ботанич. *bolševnik. Rostafinski. Burak i barszcz. Krakow. 1880.*

Славяне также употребляли въ пищу и плоды, главнымъ образомъ, яблоки (общ.-сл. *jablъko*), груши (*gruša*), сливы (ст.-сл. *sliva*) и вишни (ст.-сл. *čerša*). Сушенныя рѣзанныя яблоки извѣстны въ Средн. Европѣ еще въ неолитическій періодъ. Груши, вишни и сливы обнаружены уже при раскопкахъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи. Что касается культивированныхъ фруктовъ, то они перешли въ Среднюю Европу изъ Италіи, ибо и Тацитъ и Варронъ¹⁾ сходятся въ томъ, что въ Германіи подобныхъ плодовыхъ деревьевъ не было. Славяне издавна знали яблоки и сливы, о чемъ говорятъ и общеславянскія наименованія — *ablъko*, *jablъko*, др.-нѣм. *apful*, старо-сл. *sliva*, лат. *lividus* и пр.

Груши, очевидно, перешли къ славянамъ изъ передней Азіи, возможно при посредствѣ иранскаго племени, жившаго между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ. Тоже можно сказать и о вишнѣ, которая была извѣстна уже въ общеславянскій періодъ. Вишни и персики были занесены къ славянамъ черезъ посредство грековъ. Относительно самого термина «овощъ» (прасл. *ovotje*) имѣются данныя къ тому, что это названіе заимствовано отъ германцевъ, и въ такомъ случаѣ нужно предполагать, что оно распространялось лишь на культурные виды, происходящіе съ юга Европы, по преимуществу изъ Италіи. Съ ними познакомились на Рейнѣ и Дунаѣ прежде всего Германцы, а затѣмъ съ ихъ названіемъ они перешли уже къ славянамъ. На обиліе плодовыхъ деревьевъ — яблонь, грушъ, сливъ — у славянъ, къ концу языческаго періода, указываетъ Ибрагимъ ибнъ-Якубъ (X в.), но, конечно, это не были лучшіе культивированные сорта. Изъ ягодъ (*agoda*, *jagoda*) издавна были извѣстны — лѣсная земляника и малина (*malina*). Относительно разведенія орѣховъ у западныхъ славянъ имѣется единственное свидѣтельство Эббо, который упоминаетъ о священномъ орѣхѣ, росшемъ въ Штетинѣ, сторожъ котораго питался его плодами; еп. Оттонъ Бамбергскій хотѣлъ его выкорчевать, потому что онъ былъ посвященъ какому-то языческому божеству. Объ употребленіи славянами

¹⁾ Varro. De re rustica. I, 7, 8. — «ubi nec vitis, nec poma nascerentur».

желудей (др.-сл. *želaď*), несмотря на нѣкоторыя находки (у Овруча, Берлина) точно сказать ничего нельзя, хотя не исключена возможность использованія ихъ, въ качествѣ питательнаго продукта или корма — «дубъ высокъ скоту да ядь желудь»¹⁾.

Въ итогѣ можно заключить, что въ языческой періодъ культурныхъ плодовъ славяне не знали. Южные фрукты долгое время оставались лишь лакомствомъ и дорогимъ предметомъ торговли или же даровъ. На это указываетъ лѣтопись, повѣствуя, что Олегъ, возвращаясь въ Кіевъ изъ Константинополя (въ 907 г.), кромѣ золота и дорогихъ тканей везъ вино и фрукты. Позже, въ 969 г. Святославъ хотѣлъ перенести свою столицу изъ Кіева въ Переяславль на Дунаѣ, ибо туда стекаются богатства со всѣхъ концовъ свѣта, а изъ Царьграда — «вина и овощей различныхъ»²⁾.

*

Способы приготовления. Для извѣжнаго римлянина или грека пища и кухня древнихъ славянъ казалась весьма грубой и примитивной. Славяне ѣли то, что ни только не приходилось по вкусу южно-европейцамъ, но внушало имъ подчасъ отвращеніе.

Еще менѣе разборчивъ былъ, конечно, простой деревенскій людъ, вовсе незнакомый съ предметами иностранной торговли. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Псевдо-Цезарь, Эббо и лѣтописецъ Несторъ. Всѣ они говорятъ съ точки зрѣнія культурнаго человѣка, а кромѣ того и христіанина, которому церковь строго запрещала употреблять извѣстные виды пищи.

О томъ, что славяне ѣли сырое мясо, какъ это было въ ходу у германцевъ, прямыхъ указаній не имѣется, но возможно предположить, что при особой нуждѣ или военныхъ походахъ, они ограничивались самыми простыми способами приготовления. Такъ, о кн. Святославѣ, подъ 964 г. лѣтопись указываетъ, что «ходя возъ по собѣ не возаше, ни котля, ни мясь варя, но

¹⁾ *Срезневскій. Мат.* I, 849.

²⁾ *Лавр. лѣт.* ³, 66.

потонку изрѣзавъ конину ли звѣрину ли или говядину на углехъ испекъ ядыще, ни шатра имаще» (Лавр. лѣт., 63).

Обычнымъ способомъ приготовления мяса у славянъ было жаренье его на вертелѣ. Въ посудѣ мясо стали готовить гораздо позже, и трудно сказать было ли это извѣстно въ языческой періодъ. Что касается варки мяса (общ. сл. *vъrĕti*, *varivo*, *varivo*), то для этого уже издавна употребляли глиняную или металлическую посуду, котлы (общ.-сл. *kotěls*). Кромѣ котловъ пользовались также кожаными мѣшками, или желудками убитыхъ животныхъ, причемъ готовили либо надъ костромъ, либо при помощи раскаленныхъ камней. Такъ варятъ еще и понынѣ на Балканахъ, такимъ же способомъ готовили прежде и финны. Вообще варка въ кожѣ или въ желудкѣ характерна для кочевниковъ, у которыхъ глиняная посуда большихъ размѣровъ не была въ ходу, и, возможно, что отъ нихъ, т. е. главнымъ образомъ отъ скивовъ (о которыхъ говорить Геродотъ, IV, 61), она перешла и къ славянамъ. При приготовленіи ѣды славяне употребляли жиры, а позже различные пряности. Масло (*maslo*, *mastlo*) — терминъ общеславянской и весьма древней, но первично онъ обозначалъ, какъ уже указано, жиръ (мазь) для натиранія тѣла, но не для ѣды. Впослѣдствіи, масло стали употреблять, какъ жировое вещество для приправки кушаній.

Памятники письменности, перечисляя съѣдобные продукты, упоминаютъ масло уже въ XI в., поэтому можно безъошибочно полагать, что уже къ концу языческаго періода оно было въ ходу у славянъ. Кромѣ того въ пищу употреблялись еще и жиры животныхъ и растительныя масла, изготовляемыя изъ сѣмянъ¹⁾. Такъ, Ибнъ-Фадланъ указываетъ на употребленіе волжскими болгарами рыбьяго жира²⁾. Общеславянское слово *олея* заимствовано у грековъ уже въ эпоху христіанства (греч. *ἔλαιον*; лат. *oleum*)³⁾.

¹⁾ «Масло дрѣвяно», «сѣмени льнянѣмъ избити масла» (жит. Феодосія, изд. *Филар.*, 169), «масло кравіе і дрвяное» (грам. патр. *Луки*).

²⁾ *Гаркави*. Сказанія. 91.

³⁾ *Vasmer*. Этюды, II, 232.

Уже издавна славянамъ былъ знакомъ рядъ растений, которыя они употребляли какъ приправу или, какъ пряности, для своихъ кушаний, а иногда и какъ лѣкарства. Хотя точныхъ свѣдѣній о нихъ не имѣется, однако извѣстно, что уже въ концѣ VI в. византійскій полководецъ Прискъ, при мѣнѣ товаровъ давалъ задунайскимъ аварамъ рядъ чужеземныхъ пряностей, какъ-то: черный перецъ, корицу, индійскіе листья (*folium indicum*) и др. корни. Можно предполагать, что уже въ то время эти пряности вошли въ обиходъ у славянъ, имѣвшихъ сношенія съ византійскою культурой, по Дунаю и Днѣпру. Что же касается слова *перецъ*, старо-славян. *ръреть*, откуда *ръретьсь*, *peresъ*, то оно было взято изъ латинскаго яз.; названія: *мята* (*μέντη*), *тминъ*, *кминъ* (*κμινον*) и *анисъ* (*άνισον*), а также и уксусъ (осеть), перешли изъ Греціи и отчасти изъ Италіи. На берегахъ Волги издавна шла торговля *ревенемъ* (*Rheum caspicum*), который и нынѣ растетъ въ степяхъ.

Еще слѣдуетъ указать, въ числѣ приправъ для кушаний, на медъ и соль. Медъ употреблялся большею частью, какъ напитокъ, что же касается соли, то она была извѣстна въ Европѣ еще въ неолитическій періодъ и разрабатывалась не только на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, но и на пространствѣ между Эльбой, Дунаемъ и Днѣпромъ (сѣвер. Венгрія, Галиція, Мекленбургъ и Польша). Какое значеніе славяне придавали въ IX в. употребленію соли, видно изъ просьбы короля Арнольфа (Arnulf), адресованной въ 892 г. болгарамъ, чтобы они не отпускали соли моравскимъ славянамъ изъ копей восточной Венгріи, и еще яснѣе выступаетъ это изъ разсказа Эббо о путешествіи еп. Оттона Бамбергскаго по Помераніи въ 1127 г., когда бѣдный славянинъ-рыбакъ не хотѣлъ взять отъ епископа ни серебра, ни чего-либо другого, но просилъ только немного соли (*Vita Ottonis*, III, 4.). Помимо этихъ историческихъ свѣдѣній само названіе подтверждаетъ, что *соль* является терминомъ общимъ не только для славянства, но и для всѣхъ арійскихъ народовъ (греч. *ἅλα*, лат. *sal*, иранск. *salann*, гот. *salt*, арм. *at*, ст.-сл. *solъ*).

О томъ, какъ ѣли славяне, извѣстно мало; обычно трапеза совершалась три раза въ день: утромъ, въ полдень и ве-

черомъ, сидя на землѣ вокругъ большой миски у очага, либо кругомъ низкой доски (помоста). При ѣдѣ они пользовались ножами и ложками. Вилки сѣверной Европѣ остались неизвѣстны, вплоть до конца среднихъ вѣковъ. Большіе и малые ножи въ изобиліи встрѣчаются въ могилахъ сбоку скелетовъ, хотя обычно ихъ носили за поясомъ; что касается ложекъ, то онѣ попадаются гораздо рѣже, возможно потому, что были либо глиняныя, либо деревянныя¹⁾ (табл. VI). Въ болѣе позднее время находятъ и металлическія ложки, но по преимуществу малаго размѣра, служившія для сладостей, пряностей и соли, а не для ѣды жидкихъ блюдъ. Для «варева» (суповъ) и каши, помимо глиняныхъ и деревянныхъ ложекъ, пользовались еще и небольшими чашечками, иногда съ ручками — «ковши». Древность ложекъ свидѣтельствуетъ и самое названіе ихъ, общее не только всѣмъ славянамъ, но и для части другихъ индоевропейскихъ народовъ: лат. *ligula*, кельт. *leigã*, ст.слав. *lъžica*.

Отъ обычной трапезы отличались т. наз. старославянскія «гостины» (*hostina*) — званые пиры, выдѣлявшіеся не столько особымъ приготовленіемъ, какъ обиліемъ ѣды и питія. Званыя угощенія были обычны при семейныхъ событіяхъ, какъ-то: свадьбахъ, постригахъ или похоронахъ. Чѣмъ богаче былъ хозяинъ, тѣмъ чаще у него бывали угощенія. Къ концу языческаго періода въ княжескіе дворы проникли чужіе обычаи: сѣверные, римскіе, византійскіе и даже восточные и внесли нѣчто новое въ порядокъ и содержаніе пиршествъ. Болѣе подробное ихъ описаніе сохранилось только отъ христіанской эпохи, напр., при дворѣ Болеслава Храбраго²⁾, но по нему нельзя, конечно, судить о пирахъ языческихъ. Извѣстно только, что при княжскихъ пиршествахъ христіанской эпохи, язычники не могли сидѣть за столомъ съ княземъ, а размѣщались или на полу, или даже въ другой палатѣ, что, конечно, было вызвано распоряженіями церкви, запрещавшими вкушать пищу вмѣстѣ съ язычни-

¹⁾ *Jackson, C. J.* The spoon and its history, its form, material and development.

²⁾ *Gallus*, I, 6, 14; или пиръ, который болгарскій царь Крумъ устроилъ въ честь славянскихъ вельможъ. (*Геофанъ*, изд. Воог, 491.)

ками. Иногда князья приказывали устраивать себѣ большіе столы, хотя у древнихъ славянъ было принято сидѣть при ѣдѣ на землѣ; у русскаго князя на пиру сидѣло съ нимъ за однимъ столомъ 40 дѣвушекъ¹⁾, а о болгарскомъ царѣ имѣется извѣстіе отъ 866 г., что за столомъ сидѣлъ онъ одинъ, а его жена и дружина сидѣла поодаль на землѣ²⁾. Самое названіе *пиръ*, т.е. званая трапеза съ «питіемъ» происходитъ отъ глагола *пити* (*pitī*), и обычно прилагалось къ обѣдамъ при свадьбахъ. Для поминальнаго обѣда было особое старое названіе — *strava* — «столь».

*

Напитки. О напиткахъ славянъ имѣется достаточно свѣдѣній. Какъ и всюду у нихъ большое значеніе имѣли опьяняющіе напитки и, особенно, приготовленные изъ меда. О нихъ имѣется цѣлый рядъ извѣстій, начиная съ 448 г., когда Прискъ рассказываетъ, что посламъ императора въ средней Венгріи давали просо и какой-то напитокъ изъ ячменя и, главнымъ образомъ, изъ меда. Свѣдѣнія о «медѣ» подтверждаются позже арабскими и персидскими писателями: Масуди, ибнъ-Ростехъ, Кардизи и др. Это же согласуется и съ русскими свѣдѣніями о томъ, что языческіе славяне приносили медъ въ жертву демонамъ, что кн. Ольга справляла тризну по кн. Игорѣ съ питьемъ меда, что Владиміръ Святой, отразивъ въ 996 г. печенѣговъ «створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меда и съзываша боляры своя и посадники, старѣйшины по всемъ градомъ и люди многи». О западныхъ славянахъ имѣется извѣстіе у Herbord'a (II, 1) въ жизнеописаніи еп. Оттона: «vinum autem nec habent, nec querunt, sed melleis poculis et cervisia curatissime confecta vina superant falernica». Медъ (ст.-сл. *медъ*) для питья приготовлялся варкою пчелинаго меда съ водой, и затѣмъ въ теченіе двухъ недѣль его оставляли бродить. Благодаря подобнаго рода приготовленію этотъ напитокъ долго сохраняться не могъ, его нужно было скоро пить и часто обновлять запасы. Возникновеніе «меда» имѣло свои причины,

¹⁾ Свидѣтельство ибнъ-Фадлана (*Гаркави*, Сказ., 101).

²⁾ Отвѣтъ папы Николая I болгарамъ, п. 42.

какъ въ окружающей природѣ, такъ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жили славяне. Закарпатскіе склоны изобиловали лѣсными плодовыми деревьями, цвѣтами и пчелами, о чемъ много говорятъ старыя памятники. Славяне не пользовались, какъ литовцы и латыши, только дикимъ медомъ, но и занимались искусственнымъ разведеніемъ пчелъ въ ульяхъ, т. е. пчеловодствомъ, — «бортничествомъ». Поэтому неудивительно, что медъ и воскъ, уже съ древнихъ временъ, явились для славянъ однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли, по преимуществу съ югомъ.

Наряду съ медомъ извѣстенъ также и другой опьяняющій напитокъ изъ солода, т. е. *пиво*. Первоначально пиво было не хмѣльное; когда его впервые начали приправлять хмѣлемъ, точно неизвѣстно, но лингвисты указываютъ, что хмѣль (общеслав. *chmel*, ст.-сл. *chъmelъ*, татар. *chomlak*) былъ заимствованъ славянами у финновъ или тюрко-татаръ, а затѣмъ переданъ на западъ нѣмцамъ, а вмѣстѣ съ нимъ и славянское названіе пиво, нѣм. *bier*. О хмѣлѣ, употребляемомъ при варкѣ пива имѣются свѣдѣнія съ XI в. и особенно въ XIII—XIV в., но, очевидно, онъ былъ извѣстенъ славянамъ значительно раньше.

Другой кисловатый напитокъ, «квась»¹⁾, впервые встрѣчается въ кievской лѣтописи въ концѣ X в.²⁾ Относительно кумыса, обычнаго для скиновъ, у славянъ свѣдѣній нѣтъ.

Что же касается винограднаго вина, то славяне узнали его рано на югѣ Россіи и низъ. Дунаѣ, куда его привозили греческіе купцы. Обще-славянское наименованіе *вино* — *vinо* — происхожденія итальянскаго и дошло оно къ славянамъ, главнымъ образомъ, по среднему Дунаю и Рейну посредничествомъ германцевъ, весьма вѣроятно вскорѣ послѣ Р. X. Сама по се-

¹⁾ «Русскій напитокъ изъ квашеной ржаной муки или изъ печенаго хлѣба съ солодомъ. Различныя квасы приготавливаются на разной муцѣ и солодахъ въ смѣси. Квась медовый на меду, клюквенный, грушевый, яблонный — готовятся и безъ муки, наливкою воды на плоды» (*Даль*, см. квась).

²⁾ Въ 996 г. Владиміръ приказалъ для больныхъ возить «медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квась». (*Лаврен. Лѣт.*³ 123.)

бѣ виноградная лоза оставалась славянамъ долгое время неизвѣстной. Упомянутія о ней впервые встрѣчаются, начиная лишь съ XI—XIII ст. Виноградная лоза восточнаго происхожденія и была получена греками, вѣроятно, черезъ посредство финикянъ, а затѣмъ уже изъ Греціи и Италіи перешла и къ славянамъ.

Пили славяне обычно на праздникахъ или при семейныхъ событіяхъ, была-ли то свадьба, погребеніе или тризна. Уже Иорданъ говоритъ, что погребальная тризна у славянъ и гунновъ была «*ingenti cum comessatione*»¹⁾; въ 593 г. слов. князь Мужокъ гдѣ-то на валашскомъ Дунаѣ правилъ тризну по своему брату, причѣмъ его люди такъ напились, что пали жертвой измѣнническаго нападенія римскихъ полководцевъ Приска и Александра²⁾. Ибнъ-Ростегъ³⁾ говоритъ, что въ годовщину похоронъ у славянъ обычно собирается вся семья умершаго надъ его могилой съ 20 жбанами меда. О томъ же говоритъ и Саксонъ Грамматикъ, рассказывая о тризнѣ князя балтійскихъ славянъ Исмара, во время которой, плѣнный датскій принцъ Ярмерикъ бѣжалъ отъ пережившейся стражи. О пьянствѣ на Руси при тризнахъ имѣются свѣдѣнія у ибнъ-Фадлана, который говоритъ, что они такъ прилежатъ вину, что пьютъ днемъ, ночью, а иногда даже умираютъ съ чашею въ рукахъ⁴⁾, а о любви къ вину говоритъ самъ Владиміръ Святой: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти»⁵⁾. О томъ, какъ пили славяне, извѣстно менѣе, чѣмъ о германцахъ. Обычно, круговыя чаши и бычачьи рога переходили изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока только хватало силъ пить. Гельмольдъ рассказываетъ, что у Полабскихъ славянъ пирующие выкрикивали возгласы или заклинанія, какъ добрымъ, такъ и злымъ богамъ (Сѣгновоһ). Упомянутія «о наполненіи бѣсовской чаши»

¹⁾ *Jordanis. Getica* 49 (258, изд. Th. Mommsen'a, *Monumenta Germaniae historica*).

²⁾ *Оеофанъ*. изд. Voog, 270.

³⁾ *Гаркави*. Сказ. 265.

⁴⁾ *Гаркави*. Сказ. 96.

⁵⁾ *Лавр.* лѣт. 3 83, подъ 986 г.

во время языческихъ празднествъ встрѣчаются и въ русскихъ церковныхъ поученіяхъ¹⁾.

По старой легендѣ св. Вацлавъ, на пиру у брата Болеслава поднялъ чашу въ честь св. Михаила, что можетъ быть объяснено, какъ замѣна въ древнихъ здравицахъ языческаго божества архангеломъ. Иногда въ попойкахъ участвовали и женщины; объ одной изъ княженъ, гдѣ-то въ сѣв. Венгріи, Дитмаръ говоритъ, что она ѣдила верхомъ, какъ воинъ и пила безъ мѣры. Какъ видно, пьянство издавна было извѣстно славянамъ и они въ этомъ отношеніи не уступали германцамъ. Поэтому такъ часто о питіи и пьянствѣ говорятъ въ Россіи церковныя поученія и свѣтскія наставленія. Отъ безмѣрнаго пьянства предостерегаетъ въ своемъ поученіи сыновей Владиміръ Мономахъ, не менѣе выразительно восклицаетъ Θεодосій Печерскій (XI в.) — «Горе пребывающимъ въ пьянствѣ²⁾».

VI

БОЛѢЗНЬ, СМЕРТЬ, ПОГРЕБЕНІЯ И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ.

Славяне были народомъ здоровымъ, но климатическія условія и среда, въ которой они жили (въ особенности болота района Припети), были причиной возникновенія у нихъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ болѣзней. Такъ, напр., въ Полѣсьи, несмотря на дренажъ, меліорацію и осушку болотъ, все же и донинѣ существуетъ болотная лихорадка и колтуны. Возможно, что эти болѣзни преемственно перешли въ историческій періодъ, изъ болѣе отдаленныхъ временъ.

¹⁾ «Наполняютъ черпала бѣсомъ»... «и черпала наполняюще вина». Въ «Словѣ нѣкоего христіянина» читается: «не можете бо пити чашѣ Гнѣ и чашѣ бѣсъ». (*Тихомировъ, И.* Лѣт. IV, 85, 86, 95.)

²⁾ Поученія Василія Вел. «о томъ, какъ подобаетъ воздержатися отъ пьянства». — Поученія преп. Θεодосія «о казняхъ Божіихъ...» *Порфирьевъ, т. I, 374—375.* Одинаковымъ образомъ осуждалось пьянство и у другихъ славянъ. У чеховъ — запрещеніе кн. Братислава въ 1039 г. (*Косьма II, 4. Пекаржъ (Рекат) — Nejstarší kronika česká, 152, 181*) У Поляковъ — *Dluhoš, I, 48.*

Отъ X в. имѣется лишь одно извѣстіе, въ которомъ Ибрагимъ ибнъ-Якубъ сообщаетъ, что всѣ славяне были подвержены двумъ болѣзнямъ: какой-то сыпи и опухоли, и почти не было людей, которые не переболѣли бы ими¹⁾. Объ этомъ же говорить и Масуди въ своемъ разсказѣ о баняхъ²⁾. Кромѣ того древня названія, общія всѣмъ славянамъ, указываютъ на отдѣльныя болѣзни, какъ напр., «дѣпа» (ломота), «ѣѣза» (ознобъ), кула (грыжа). О томъ, какъ древніе славяне лѣчили свои болѣзни и раны, имѣются свидѣтельства отъ VI в., а въ началѣ IX в. въ одной изъ грамотъ впервые упоминается славянскій лѣкаръ (Kosmas, Gradivo, II, 9); обычно же лѣчитъ народъ выпадало на долю старыхъ женщинъ — «колдуній», знахарокъ. Славяне умирали отъ болѣзней³⁾ или отъ старческой дряхлости, причѣмъ точно не доказано, но возможно предположеніе, что они убивали непригодныхъ къ работѣ и дряхлыхъ стариковъ ранѣе, чѣмъ наступала естественная смерть. Этотъ суровый обычай существовалъ у сосѣднихъ народовъ и, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ былъ вообще въ ходу у индоевропейцевъ⁴⁾.

О балканскихъ славянахъ извѣстно, что еще и въ истори-

1) *Ибрагимъ ибнъ-Якубъ*, изд. Вестберга, стр. 59, изд. Розена, ст. 54. Оба переводчика передаютъ это мѣсто такъ: «рожа и геморрой», но въ своихъ комментаріяхъ Вестбергъ оговариваетъ точность перевода; вообще слѣдуетъ считать сомнительнымъ сильное распространеніе геморроя у славянъ, жившихъ тогда въ постоянномъ движеніи. Осторожнѣе будетъ назвать эти болѣзни просто сыпью и опухолью.

2) *Масуди* считалъ, что паровыя бани избавляли славянъ отъ сыпи и опухоли. Изд. Розена, стр. 57.

3) О русскихъ купцахъ сообщаетъ ибнъ-Фадланъ, что когда кто-либо изъ нихъ заболѣвалъ, то раскидывали одну палатку поодаль, оставляли въ ней больного лежать и не приближались къ нему. Если онъ выздоравливалъ, то возвращался, если умиралъ, его сжигали; въ случаѣ если умершій былъ рабомъ, его трупъ оставляли на растерзаніе псамъ и коршунамъ. (*Гаркаси*. Сказ. стр. 96).

4) О Массаетахъ разсказываетъ *Геродотъ*, I, 216; о другихъ народахъ см. у *Ламышева* въ *Scythica*, I, 657 и 653 и *Страбонъ*, XI, 11, 3, а равно *P. Sartori*. Die Sitte der Alten-Krankentötung (*Globus*, LXVII, 107, 125).

ческий періодъ они убивали стариковъ¹⁾, напр., въ Нишскомъ и Пиротскомъ округахъ; объ этомъ же гласитъ и народная сербская пословица: «Чим човек претури педесету, треба га секиром по глави».

О томъ, какъ они встрѣчали смерть на войнѣ, сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ. Теофилактъ рассказываетъ, что въ 593 г. въ бою съ Прискомъ, славяне, съ какимъ-то экстазомъ, явно выражали тоску по смерти и желаніе умереть. О руссахъ, которые вторглись въ X ст. на Балканы, шель рассказъ (записанный Львомъ Діакономъ, IX, 8), что они не давались въ руки непріятелей, а охотнѣе, при опасности, убивали себя мечомъ.

*

О погребеніяхъ языческихъ славянъ свѣдѣній имѣется гораздо больше, чѣмъ о всѣхъ другихъ обрядахъ. Кромѣ того, многое сохранилось отъ древнихъ временъ въ современныхъ погребальныхъ обычаяхъ простого народа, хотя иногда уже трудно различить, что осталось отъ языческаго періода и что привнесено позже. Въ этомъ случаѣ на помощь приходятъ какъ историческія свидѣтельства, такъ и археологическія данныя.

Благодаря содержанию погребеній и ихъ устройству, можно ясно установить какія обычаи были общи всѣмъ временамъ и племенамъ и какіе различались между собою, въ зависимости отъ областей и эпохъ.

Погребальный ритуаль языческихъ славянъ, относящійся къ послѣднимъ вѣкамъ передъ принятіемъ христіанства, является уже вполне установившимся, довольно сложнымъ и разнообразнымъ, словомъ, обрядомъ, отошедшимъ уже далеко отъ тѣхъ первичныхъ формъ, которыя существовали еще до раздѣленія индоевропейскихъ народовъ.

Въ древнѣйшія времена, поскольку можно говорить о погребеніяхъ, приписываемыхъ славянамъ, они были болѣе просты и однообразны.

¹⁾ *Калашичъ*. Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ. (Этн. обозр. 1899, II, 160).

Позже, когда на славянскую жизнь, и въ особенности на погребальные обряды, начали дѣйствовать чужеземныя вліянія, единообразіе погребеній исчезаетъ, пока снова христіанство не установило окончательныя его формы, т. е. похороны покойника на общихъ, освященныхъ церковью кладбищахъ, смѣнившія трупосожженіе, существовавшее у славянъ, со времени ихъ возникновенія.

Вопросъ было ли сожженіе единственнымъ способомъ погребенія у языческихъ славянъ вплоть до принятія христіанства, пытался разрѣшить уже Добровскій¹⁾. Когда же въ Германіи начали выходить работы по доисторической археологіи, то эту задачу пришлось ставить уже иначе, а именно: были ли «кострища» восточной Германіи и Полабья германскими или славянскими?

Въ 70 г.г. минувш. вѣка этимъ вопросомъ занимался Р. Вирховъ²⁾, и въ настоящее время можно уже вполне опредѣленно сказать, что поскольку рѣчь идетъ о древне-языческомъ славянскомъ погребеніи до Р. Х., оно повсюду представляло *сожженіе*, подобно тому, какъ и у другихъ сосѣднихъ арійскихъ народовъ — литовцевъ, германцевъ и галловъ.

Впрочемъ, уже издавна, подъ чужими вліяніями, особенно римскими и восточными, въ этомъ первичномъ ритуалѣ встрѣчаются отклоненія, т. е. сожженіе наблюдается наряду съ погребеніемъ³⁾. Это даетъ возможность указать, что послѣ принятія христіанства не произошло рѣзкой перемѣны въ основномъ обрядѣ; въ разныхъ мѣстахъ и въ различные періоды, въ теченіи I-го тысячелѣтія по Р. Х. во всемъ славянствѣ были одновременно въ ходу оба вида погребенія: сожженіе и зарываніе въ землю.

¹⁾ *Dobrowsky, J.* Über die Begräbnisart der alten Slawen überhaupt und der Böhmen insbesondere (Abh. Ges. Wiss. 1876, 333).

²⁾ *Virchow, R.* Über Grabfelder und Burgwalle der Niederlausitz und des überoderischen Gebietes. (Berl. Verh. 1872, 226). Ему принадлежитъ установленіе терминологіи для положенія труповъ: «Lausitzer Turus u Burgwall Turus».

³⁾ *Котляревскій, А.* О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Москва 1868.

Однако, для языческаго періода сожженіе было болѣе типичнымъ видомъ, и только впоследствии оно вытѣснилось похоронами въ землѣ. Объ этомъ имѣется цѣлый рядъ археологическихъ и историческихъ свидѣтельствъ.

Археологія указываетъ на существованіе множества т. н. «пепелищъ», которыя можно встрѣтить на всей славянской территоріи отъ IV—V в. по Р. Х. и прослѣдить ихъ вглубь до начала I-го тысячелѣтія до Р. Х. У западныхъ славянъ они встрѣчаются въ большемъ количествѣ между Эльбой и Вислой. Сѣв. Бугомъ и Саномъ¹⁾. Что касается южныхъ славянъ, то они, пройдя по Р. Х. Венгрію и продвинувшись на Балканы, встрѣтили тамъ другую культуру — римскую и восточную (кочевниковъ, пришедшихъ изъ Азіи), и въ результатѣ этихъ новыхъ вліяній быстро смѣнили древній обрядъ сожженія на погребеніе.

О славянахъ восточнѣе Вислы, включая сюда и среднее Приднѣпровье, гдѣ находятъ много «пепелищъ», еще мало исследованныхъ и, возможно, относящихся къ латинско-римской эпохѣ, можно сказать, что сожженіе у нихъ не было такимъ исключительнымъ видомъ погребенія, какъ то было на западъ отъ Вислы.

О томъ, что это были славяне имѣется цѣлый рядъ указаній Плинія, Тацита и Птоломея, которыя свидѣлствуютъ, что на востокъ отъ Вислы живетъ племя славянскихъ венецовъ; Иорданъ и Прокопій въ VI в. рассказывали, что южная часть Руси населена неисчислимымъ племенемъ славянъ.

О западныхъ славянахъ сообщаетъ свѣдѣнія св. Бонифацій²⁾, повѣствуя, что Полабскіе славяне въ VIII в. сжигали на кострѣ умершихъ вмѣстѣ съ ихъ женами. Однако, другіе источники подобныхъ свѣдѣній о Полабскихъ славянахъ не содержатъ.

¹⁾ «Въ настоящее время я уже не такъ убѣжденъ въ ихъ славянскомъ происхожденіи, какъ былъ при составленіи своего труда „*Život Starých Slovanů*“, но это нисколько не вліяетъ на постановку вопроса о трупосожженіи у славянъ». *L. Niederle*.

²⁾ *Epistolae ad Aethibaldum* 59: «mulier mortem sibi intulit ut in una strue pariter ardeat rum viro suo».

О сожженіи у поляковъ говоритъ Детмаръ подь 1018 г.; указанія на тотъ же обычай имѣются и у Мартина Галла. О чехахъ языческаго періода, не только у Косьмы, но и у другихъ историковъ, не имѣется никакихъ свѣдѣній относительно сожженія труповъ.

Что же касается Балканскихъ славянъ, то неизвѣстный византійскій историкъ, повѣствуя объ ихъ совмѣстномъ съ аварами походѣ въ 626 г. на Царьградъ, сообщаетъ, что они сжигали павшихъ воиновъ. Въ X в. Масуди подтверждаетъ, своими разсказами, существованіе трупосожженія у сербовъ.

Свѣдѣнія о восточныхъ славянахъ относятся къ тому времени, когда наряду съ сожженіемъ существовало зарываніе въ землю, и въ силу этого отмѣчается оба вида погребеній; причѣмъ сожженіе считалось болѣе типичнымъ и характернымъ для языческаго періода. На основаніи подлиннаго свидѣтельства ибнъ-Фадлана, извѣстно, что «русы» одинаково сжигали какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ (Гаркави, Сказ. стр. 111, 115, 293). Въ своемъ описаніи онъ говоритъ о русахъ сѣверныхъ, въ то время какъ другіе арабскіе писатели (ибнъ-Хаукаль, Истахри, Ростехъ, Кардизи и др.), описывая сожженіе, смѣшиваютъ русовъ и славянъ, или говорятъ одновременно о тѣхъ и другихъ. Левъ Діаконъ¹⁾, разсказывая о битвѣ князя Святослава у Доростола въ 971 г., упоминаетъ, что воины сжигали своихъ павшихъ соратниковъ, а численность войска въ 60.000 человекъ исключаетъ возможность участія въ немъ однѣхъ только сѣверныхъ дружинъ.

Наконецъ, кіевскій лѣтописецъ, разсказывая о восточныхъ славянахъ, указываетъ, что радимичи, сѣверяне и кривичи сжигали своихъ мертвыхъ; у вятичей этотъ обрядъ удержался до XII в.: «аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ и по семь творяху кладу велику и възложашуть и кладу, мертвеца сожъжаху и посемъ собравше кости вложашу въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ». (Лавр. лѣт. ³12). На основаніи археологическихъ и историческихъ данныхъ, становится безспорнымъ, что въ

¹⁾ *Leonis Diac.* IX, 6.

древнѣйшія времена славяне своихъ мертвецовъ сжигали. Въ современныхъ народныхъ преданіяхъ отъ этого древнѣйшаго обряда сохранилось весьма мало слѣдовъ.

Jos. Klvaňi¹⁾ приводитъ встрѣчающуюся въ районѣ Моравско-Венгерскихъ Карпатъ поговорку о больномъ или старомъ человѣкѣ: «Этотъ уже близокъ къ пепелищу» — «Ten je už len do popelnice zúcí», которая не могла возникнуть подъ позднѣйшимъ вліяніемъ, т. к. народная книжная литература о сожженіяхъ и пепелищахъ не упоминаетъ.

Равнымъ образомъ, и такія названія погребеній, какъ «Паленица» (Pálenice), «Печеная» (Peczenyja), «Печице» (Pečičša), «Горянки» (Hořánky) указываютъ на существованіе этого древнѣйшаго вида обряда. Интересно установить какъ долго продолжалось сожженіе; сопоставляя различныя свидѣтельства съ археологическими данными, можно опредѣлить, что оно удержалось не во всѣхъ областяхъ одинаково долго и, что оба вида не были въ употребленіи одновременно у всѣхъ славянъ, и это зависѣло отъ того, насколько быстро утверждалось христіанство.

У померанскихъ славянъ и въ Мекленбургѣ время существованія обоихъ видовъ погребенія слѣдуетъ нѣсколько отодвинуть назадъ, такъ какъ зарываніе въ землю началось уже со II в. по Р. Х. Въ 1125 г. они были крещены еп. Бамбергскимъ Оттономъ, который въ своихъ наставленіяхъ ничего не говоритъ объ языческомъ сожженіи, хотя въ низовьяхъ Вислы, гдѣ соприкасались прусскіе и славянскіе элементы, оно существовало и продолжало быть въ ходу даже значительно позже, на что указываетъ договоръ, заключенный между прусскими и нѣмецкими рыцарями въ 1249 г. о томъ, чтобы впредь, при погребеніи трупы не сжигать.

Въ Чехіи и Моравіи періодъ двойнаго вида погребеній былъ короче, такъ какъ никакихъ слѣдовъ погребеній до VIII в. не встрѣчается. То же самое можно сказать и о лужицкихъ славянахъ.

Въ Силезіи отдѣльные случаи зарыванія тѣлъ, встрѣча-

¹⁾ J. Klvaňi. Čas. Olom. mus. č. 16, str. 170 r. 1888.

ются уже въ римскую императорскую эпоху, но въ народѣ оно привилось значительно позже, въ VI—VII вв.

По Дунаю и въ Альпахъ биритуальный періодъ продолжался отъ IV до IX (X) вв., принимая во вниманіе, что альпійскіе словинцы и населеніе Панноніи были крещены въ періодъ между VII—IX ст. Возможно, что на Балканахъ сожженіе удержалось много дольше, что объясняется особенностями края, изобилующаго горными глухими мѣстами, расположенными вдали отъ большихъ дорогъ.

Въ царствованіе царя Симеона (893—927) экзархъ Іоаннъ¹⁾, хотя и печалуется, что среди болгаръ удерживается язычество, однако, о сожженіи не упоминаетъ.

Запрещеніе сожженія содержитъ «Законникъ» царя Душана²⁾, и направлено оно противъ повѣрья объ оборотняхъ, причемъ сожиганіе трупа было, конечно, пережиткомъ основного обряда, который, съ теченіемъ времени ослабѣвъ, удержался и понынѣ въ формѣ зажиганія огня у могилы.

Не менѣе долго удержалось сожженіе на Руси, гдѣ вообще христіанство прививалось съ трудомъ и весьма медленно.

На Руси христіанство начало замѣщать язычество съ конца X и въ теченіе XI вв. Кн. Владиміръ былъ крещенъ въ 987 г., и въ ближайшіе годы (990) онъ крестилъ чисто славянскую часть Руси, т. е. славянъ новгородскихъ, Русь западную, начиная отъ Днѣпра съ кривичей, жившихъ въ верховьяхъ этой рѣки, и доходя до тиверцевъ по р. Днѣстру, а также сѣверянъ³⁾ за Днѣстромъ; въ то время какъ радимичи, вятичи и населеніе Ростовской, Муромской и Бѣлозерской областей сохранили свою старую религію, такъ какъ Владиміръ не хотѣлъ ихъ крестить насильно. Раздѣленіе на

¹⁾ Шестодневъ ркп. Синод. Моск. библ. годъ 1263, изд. Потемни, Москва, 1879 г.

²⁾ *Новаковичъ, Ст.* Законикъ Стефана Душана, стр. 23: «О гробѣхъ. И людїи које съ вльховствомъ узимлю изъ гробовъ тере ихъ съжижу; село које то-зиі учини, да плати вражду; ако ли будѣ попь на то-зи дошьль, да му се узме поповство». *Тројанович С.* Стари словенски погреб (Срп. Книж. Гласник. 1901, кн. III).

³⁾ *Самонъасовъ, Д.* Сѣверянская земля. Москва 1908.

епархіи произошло въ 911 г., но и въ обращенныхъ областяхъ еще по лѣсамъ оставалось много язычниковъ. Въ другихъ краяхъ, гдѣ славяне являлись колонистами среди чужихъ народовъ, христіанство начало прививаться лишь съ конца XI ст., а нѣкоторые изъ нихъ сохраняли язычество вплоть до XII—XV вв.

Археологическія данныя указываютъ, что къ востоку отъ Буга и Сана поляне¹⁾ подъ римскимъ и готскимъ вліяніемъ начали хоронить уже въ IV — VI вв.; то же можно сказать и о древлянахъ²⁾.

Напротивъ того сѣверяне, радимичи³⁾, кривичи, по свидѣтельству лѣтописца, сжигали еще въ X в., а вятичи удержали этотъ обрядъ до XII ст.

Внутри Россіи попадаются курганы съ сожженіями, причемъ открываемыя въ нихъ вещи относятся къ XII и XIII вв. Въ X в. сожженіе еще преобладаетъ въ погребеніяхъ сѣверянъ и радимичей (у Смоленска и Чернигова), но затѣмъ оно въ этомъ краѣ исчезаетъ, отступая, въ XI — XII вв., на Березину, въ Ярославскую, Владимірскую и Суздальскую области. Въ X — XI ст. сожженіе прекращается въ районѣ нынѣшнихъ Петроградской и Новгородской губерній, а также и въ приладожскихъ могильникахъ⁴⁾.

Ни одно поученіе кіевскихъ или новгородскихъ епископовъ XII—XIII в.в. уже не говоритъ о сожженіяхъ, но въ отдѣльныхъ областяхъ, какъ и у сосѣдей въ Литвѣ, Курляндіи и Эстоніи можно встрѣтить сожженія вплоть до XIV и даже XVI вв.

Какъ на западѣ, такъ и на востокѣ въ это время, иногда,

¹⁾ Самоквасовъ, Д. Могилы русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Самоквасова. Москва 1908 г.

²⁾ Антоновичъ, В. Б. Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. (Матер. Археолог. Ком. — № 11, Спб. 1893).

³⁾ Антоновичъ, В. Б. Погребальныя типы могилъ радимичей (Труды IX Арх. Съѣзда).

⁴⁾ Бранденбургъ, Н. Курганы южнаго Приладожья. Матеріалы по Археолог. Россіи — № 18, Изд. Арх. Ком. Спб. 1895.

наблюдаются оба ритуала, не только въ одномъ мѣстѣ погребенія, но и въ одной могилѣ.

Какъ видно, у славянъ биритуальный періодъ былъ различной длительности, иногда весьма продолжительной. При этомъ слѣдуетъ подчеркнуть, что зарываніе трупа не возникло у славянъ исключительно подъ влияніемъ христіанства, такъ какъ эта перемѣна въ основномъ обрядѣ произошла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (по Дунаю, у Балтійскаго моря, а также въ Волинско-Кіевскомъ краѣ) ранѣе, чѣмъ въ нихъ утвердилось христіанство, подъ чужимъ, главнымъ образомъ, римскимъ влияніемъ.

На югѣ Россіи этому способствовала скиео-сарматская культура¹⁾, оказывавшая воздѣйствіе на славянъ, въ силу чего многіе курганы такъ называемаго скиео-сарматскаго типа (встрѣчающіеся въ Кіевской и Полтавской губ.), вопреки опредѣленію русскихъ археологовъ, сложившемуся на основаніи находокъ, слѣдуетъ отнести къ славянамъ.

Въ результатѣ слѣдуетъ отмѣтить, что въ языческую эпоху у славянъ существовали похороны наряду съ основнымъ, первоначальнымъ обрядомъ сожженія, хотя въ незначительной степени, такъ что собственно биритуальный періодъ наступилъ подъ сильнымъ влияніемъ римско-христіанской культуры.

Поэтому нельзя согласиться съ А. Котляревскимъ, что биритуализмъ существовалъ у нихъ издревле, не какъ религіозное или социальное различіе, но просто какъ семейная традиція.

Какова была первоначальная идея сожженія неизвѣстно, но то, что говоритъ ибнъ-Фадланъ о Русахъ, вѣроятно же считать за домыселъ, возникшій на основѣ различныхъ восточныхъ вѣрованій. Это такъ же искусственно, какъ и то, что повѣствуетъ Кардизи о киргизахъ, которые сжигаютъ своихъ мертвцовъ, считая огонь за самое чистое изъ всего существующаго и способное очистить даже мертвыхъ.

¹⁾ Толстой-Кондаковъ. Русскія Древности. Вып. II. Древности Скиео-Сарматскія.

Идея сожженія могла навести на мысль, что сжигать слѣдуетъ не все тѣло, но лишь части его, чему аналогію можно найти у разныхъ примитивныхъ народовъ.

По поводу существованія у славянъ обычая преднамѣреннаго «частичнаго сожганія» ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

Археологическія находки «частичнаго сожженія», а также частичнаго зарыванія, добытыя изъ отдѣльныхъ могилъ, не даютъ права утвердительно разрѣшить данный вопросъ; скорѣе ихъ можно отнести за счетъ не вполне завершеннаго обряда, встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ позднихъ могилахъ.

Равнымъ образомъ, нельзя съ точностью сказать, что незаконченное сожженіе — «обжиганіе покойниковъ», встрѣчающееся въ русскихъ курганахъ, является переходной ступенью отъ одного вида обряда къ другому, хотя въ исторіи этому имѣются аналогіи.

*

Обрядъ сожженія покойника, по археологическимъ даннымъ и свидѣтельствамъ, обычно выполнялся слѣдующимъ образомъ: тѣло умершаго, съ плачемъ и пѣніемъ, доставлялось на мѣсто упокоенія либо къ общему костру, либо къ отдѣльной могилѣ, нижняя часть которой была заранѣе приготовлена. Тамъ былъ сложенъ костеръ, на который опускался трупъ непосредственно на полѣнья, или на доскѣ, или въ ладѣ, въ одеждѣ и вооруженіи, которыя онъ обычно носилъ при жизни, послѣ чего костеръ зажигался родственниками. Тотчасъ же по сожженіи, или на слѣдующій день, собирали пепель съ обожженными остатками костей, оружія и драгоценныхъ уборовъ въ кучу или въ особый сосудъ, который зарывали въ могилу или ставили на нее сверху на камень или на колъ, въ зависимости отъ того, какъ то было принято въ данной мѣстности. Къ этому сосуду съ останками присоединяли вещи, которыя должны были служить умершему въ загробной жизни, а иногда умерщвляли его женъ, слугъ и коней и съ тою же цѣлью погребали вмѣстѣ съ нимъ.

Если погребеніе было безъ сожженія, то трупъ опускали въ могилу вмѣстѣ съ вещами, а сверху зажигали жертвенный костеръ, около котораго и совершались поминальныя трапезы — «тризны».

Въ зависимости отъ матеріальнаго и соціальнаго положенія (рабы, «отроки»), могилы были просты и однообразны, а самый обрядъ могъ отличаться меньшимъ развитіемъ деталей, меньшей торжественностью и бѣдностью вещей, въ нихъ находимыхъ.

Въ славянскихъ земляхъ найденъ цѣлый рядъ могилъ, начиная отъ самыхъ однообразныхъ и бѣднѣйшихъ, въ которыхъ не встрѣчается сосудовъ съ пепломъ, но лишь кучки золы, нѣсколько черепковъ, слѣды отъ костра-«точка», и кончан богатыми могилами князей.

Слѣдуетъ отмѣтить, что типической чертой всѣхъ славянскихъ могилъ является ихъ относительная бѣдность, при сравненіи съ норманскими на сѣверѣ или скифо-сарматскими и тюрко-татарскими на югѣ.

Изъ вещей въ славянскихъ могилахъ чаще всего находятъ глиняныя горшечки, въ которыхъ покойному оставляли пищу, а иногда ихъ замѣняютъ деревянныя, окованныя желѣзомъ ведерки; изъ остатковъ «личнаго» убора — желѣзные ножи, серпы, оселки (у поясовъ мужчинъ); изъ драгоценностей — бронзовые или серебряныя обручи для украшенія головы, мониста изъ стеклянныхъ бусъ, пряжки, иглы и различныя подвѣски; изъ туалетныхъ принадлежностей — ножницы, гребни, зеркала и пинцеты. Гораздо рѣже встрѣчается оружіе (шлемы, кованые щиты, копыя, луки, колчаны со стрѣлами, сѣкиры, и части конскаго убора) и нѣкоторые другіе предметы домашняго обихода: ключи, замки, костяныя и желѣзныя иглы, ложечки, прясла, жернова. Особенно рѣдки находки вѣсовъ съ гириями, роговъ для питья, музыкальныхъ инструментовъ, чашъ, выдѣланныхъ изъ череповъ и проч. Обычны находки костей домашнихъ животныхъ и лѣсныхъ звѣрей, рыбьихъ костей, рѣчныхъ раковинъ (а иногда и морскихъ, особенно *Syprea*).

Ни историческія, ни археологическія данныя не подтверждаютъ того, что славяне, кладя въ могилы вещи, сами ихъ

разбивали; находимые тамъ черепки даютъ возможность предположить, что ими, для экономіи замѣняли цѣлые сосуды для пепла. Оружіе и другія вещи бывають чаще повреждены огнемъ или ржавчиной, чѣмъ умышленной порчей. Съ другой стороны, нельзя отрицать существованія у древнихъ славянъ этого обычая, который имѣеть достаточно аналогій въ жизни примитивныхъ народовъ; тѣмъ болѣе, что кромѣ находокъ это подтверждается встрѣчающейся у нихъ, въ болѣе позднюю эпоху, традиціей ломать передъ смертью оружіе. Этотъ обычай основанъ на нежеланіи передавать оружіе въ пользованіе другому, а не на повѣрьи, что сломанная вещь переходитъ въ новую жизнь на томъ свѣтѣ. Въ связи съ этимъ интересно отмѣтить, что сербы въ Скопльѣ до сихъ поръ разбивають посуду, которую употребляли при поминальной трапезѣ.

Снабженіе могилъ вещами не исчезло съ принятіемъ христіанства, а мѣстами — у южныхъ и восточныхъ славянъ этотъ обычай перешелъ и въ христіанскій обиходъ, когда, напримѣръ, надѣляютъ покойниковъ ѣдой. Поэтому въ Россіи встрѣчаются въ могилахъ обильныя приношенія еще въ XV — XVI вв., въ то время, какъ на Западѣ это быстро исчезаетъ, и могильный инвентаръ въ большинствѣ случаевъ ограничивается только тѣмъ, что покойный имѣлъ на себѣ (одежда, оружіе, украшенія). Тѣмъ не менѣе, очевидно, что и тамъ положеніе вещей въ могилы, особенно ѣды, удержалось довольно долго.

Еще въ XVIII в. Добровскій свидѣтельствуетъ, что у чеховъ клали въ могилу коровой хлѣба и ставили жбанъ воды¹). Въ Словакіи, Россіи и Польшѣ пережитокъ этого обычая существуетъ еще и понынѣ; тамъ женщины кладутъ, вмѣстѣ съ покойникомъ иглу съ нитью²), зеркало, а на балтійскомъ побережьи — рыбачью сѣть.

*

¹) *Dobrovsky. Ueber die Begräbnisart der Alten Slawen überhaupt... Сумцовъ Н. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ, 1885. Zibrt. Seznam pověr, 20.*

²) *Параскевовъ, П. Погребальные обычаи у болгаритѣ (Изв. на семинара по слов. филолог. II. Софія 1907).*

Этотъ основной обрядъ положенія въ могилу вещей и равнаго рода приношеній иногда дополнялся рядомъ другихъ обычаевъ и примѣтъ. Такъ, выносъ покойника изъ дому совершался не черезъ двери, а, по всей вѣроятности, черезъ спеціально пробиваемое отверстіе¹⁾, чтобы мертвый не могъ возвратиться въ домъ.

Родственники провожали умершаго похвальными рѣчами, а также плачемъ и причитаніями женщинъ, которыя нерѣдко переходили въ царапаніе лица ногтями или даже въ пораненія гѣла. Въ дѣйствительности, причитанія были скорѣе традиціональнымъ пережиткомъ, чѣмъ выраженіемъ истинныхъ чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ они первоначально зародились.

О существованіи этого обычая въ древней Руси говоритъ житіе Константина Муромскаго: «Невѣрнии людіе видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе... ни тризница, ни дыни (бдыни) не дѣяху, ни битвы, ни ножекроенія (кожикроенія) не творяще, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго»... Ибнъ-Ростехъ припоминаетъ, что славянскія женщины ножемъ рѣжутъ себѣ лица и руки, когда умираетъ кто-нибудь изъ ихъ семьи. О царапаніи лица, въ знакъ горя, у чеховъ говоритъ житіе св. Войцѣха, составленное Яномъ Канапаріусомъ (Canaparius) и Гайкомъ (Hájek²⁾, а у поляковъ свидѣтельствуеъ Kadlubek³⁾.

Этотъ обычай, подъ вліяніемъ христіанства, исчезъ, зато плачь и причитанія удержались въ разныхъ мѣстахъ славянства и понинѣ, а кое-гдѣ составляютъ столь важную часть погребенія, что безъ нихъ нельзя его совершить. Такъ, на примѣръ, на Балканахъ, въ Сербіи и Далмаціи существуетъ даже особая каста «покайницъ» (покајнице), т. е. плакальщицъ, которыхъ иногда бываетъ на погребеніи отъ 200 до 400, за что имъ, конеч-

¹⁾ Объ этомъ имѣются лѣтописныя свѣдѣнія: «Умре же (кн. Владимір 1015 г.) на Берестовѣмъ и . . . почью же межю клѣтми проймавшє помость, обертѣвши въ коверъ и, уки свѣсиша на землю; възложше и на сани, везыше» (*Лавр. лѣт.* 3, 127).

²⁾ *Kronyka czeska 1541*, грам. LV и LX.

³⁾ *Bielowski. Monum. Polon. Hist. II, 182. 263; ed. Przewd. 27—31.*

но, платять. То же непремѣнное «оплакиваніе» существуетъ и въ Болгаріи — «оплаквачки»¹⁾, и отчасти, въ видѣ остатковъ, въ пѣсняхъ Чехіи, Моравіи и у лужицкихъ славянъ.

Объ оплакиваніи на Руси свидѣтельства сохранились еще отъ X в. Въ 945 г., какъ сообщаетъ лѣтопись, кн. Ольга «плачетъ» надъ гробомъ мужа, въ обрядовомъ смыслѣ. О «безмѣрномъ» плачѣ и о «великомъ плачѣ» надъ гробомъ говорятъ житія Константина Муромскаго и Θεодосія Печерскаго.

Наиболѣе важной частью древне-славянскаго погребальнаго обряда была *добровольная или насильственная смерть одной изъ оставшихся женъ покойника, а иногда и его слугъ*²⁾.

О славянскихъ женщинахъ, которыя не желали переживать своихъ мужей и потому «добровольно» шли на смерть, говорить «Стратегика» Маврикія, это же подтверждаетъ и императоръ Левъ Мудрый (Leo, *Tactica*, с. XVIII, 105). О полякахъ имѣется свидѣтельство Дитмара Межиборскаго, а о полабскихъ славянахъ — св. Бонифація. Что же касается восточныхъ славянъ, то о нихъ свидѣлствуютъ нѣкоторые арабскіе писатели, пользуясь общимъ оригиналомъ IX в.; всѣ они (ибнъ-Ростехъ, Истахри, ибнъ-Хаукаль, Масуди и др.) говорятъ, что «Русы — народъ, который сжигаетъ мертвыхъ, а съ богатыми и женъ для блаженства ихъ», т. е. мертвыхъ мужей. Наиболѣе интересное и полное драматизма свидѣтельство объ умерщвленіи жены даетъ ибнъ-Фадланъ въ извѣстномъ описаніи погребенія богатаго «руса», на средней Волгѣ.

Какъ было уже сказано, это погребеніе относится къ сѣверному «русу», не славянину, но на немъ слѣдуетъ остановиться въ виду того, что въ X в., вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія, жизнь славянъ мало чѣмъ отличалась отъ жиз-

¹⁾ *Мариновъ, Д.* Жива Старина. Руссе. 1892. и *Нараскеовъ* *ibidem*, стр. 384, 392.

²⁾ *Charney.* Rélation 353: «Ceux-ci (Slaves) brulent les corps de leurs rois après la mort de ces derniers et consomment avec eux leurs esclaves de deux sexes, leurs femmes et toutes les personnes attachés au service particulier de ces princes, telles que le secrétaire, le vezir, le favori et le médecin».

ни «русовъ», и, въ частности, не было даже большой разницы въ обрядѣ погребенія.

Ибнъ-Фадланъ сначала говоритъ вообще объ обычаяхъ, который былъ у русовъ при похоронахъ: когда умираетъ властитель, тѣло его на 10 дней полагали во временную могилу. Въ это время шились одежды для погребальнаго обряда и дѣлилось наслѣдство, изъ котораго треть оставалась семьѣ, треть шла на погребеніе, а треть на опьяняющіе напитки при погребеніи. При этихъ приготовленіяхъ пили днемъ и ночью, и спрашивали семью, кто хотѣлъ бы изъ нихъ слѣдовать за покойнымъ въ могилу? Какъ только кто-нибудь вызывался и, обычно, это была женщина, возврата уже быть не могло.

Фадлану случилось присутствовать при подобномъ погребеніи. Умеръ какой-то вождь, и одна женщина согласилась слѣдовать за нимъ. Ее тотчасъ же отдали подъ надзоръ другимъ. Когда приблизился день погребенія, изъ рѣки вытащили ладью, подперли ее и обставили кругомъ деревянными подобіями человѣческихъ фигуръ. На ладьѣ устроили ложе, которое старая женщина — «вѣстница смерти» — такъ ее называли — покрыла дорогими тканями. Это была та же женщина, которая наблюдала за приготовленіями погребальныхъ одеждъ, и она же впоследствии убивала согласившуюся на смерть. Затѣмъ, шли за мертвымъ; вынимали его изъ временной могилы со всѣмъ, что съ нимъ тамъ было положено (напитки, ѣда и лютня), облекали въ златотканное одѣяніе и полагали въ ладью на ложе, подъ раскинутымъ шатромъ, вокругъ котораго были поставлены сосуды съ опьяняющими напитками, различный ѣдой, и разложено оружіе. Потомъ были принесена собака, убиты два коня, два вола, пѣтухъ и курица, и все это брошено въ ладью.

Пока все это совершалось, обреченная на смерть женщина ходила вокругъ по шатрамъ и предавалась въ нихъ тѣлеснымъ утѣхамъ «изъ любви» къ покойному.

Наконецъ, въ пятницу, послѣ полудня, жертва была приведена къ ладьѣ. Послѣ особаго церемоніала, причемъ женщина была уже въ состояніи экстаза, она сняла свои браслеты и вошла въ ладью, но еще не подъ шатеръ, гдѣ лежалъ мертвый.

Ей подали чашу опьяняющаго напитка, которую она взяла и съ пѣсней опоронила. Затѣмъ, ей поднесли другую, и она запѣла новую пѣсню. Такъ продолжалось долго, а старая женщина понуждала ее пить. Когда же, наконецъ, перепуганная жертва начала колебаться, старуха схватила ее сзади и быстро вошла съ нею въ шатеръ.

Стоящіе вокругъ со щитами и палками мужчины начали ударять по нимъ, чтобы заглушить выкрики, которые могли доноситься изъ шатра.

Во внутрь его снова вошло шесть мужчинъ и опьянѣвшая женщина отдавалась имъ по очереди. Затѣмъ, ее положили рядомъ съ покойникомъ, и въ то время, какъ ее крѣпко держали, «вѣстница смерти», накинувъ ей на шею петлю, воткнула въ сердце широкій ножъ.

Послѣ этого обряда къ ладѣ подошелъ самый близкій родственникъ умершаго и поджегъ приготовленный костеръ, а за нимъ послѣдовали другіе, и огонь вскорѣ охватилъ всю ладью. Въ короткое время все сгорѣло, и осталась лишь груда пепла.

Присутствующіе собрали его и насыпали могилу, посреди которой водрузили деревянный столбъ съ именемъ почившаго и съ «именемъ русскаго князя», послѣ чего всѣ разошлись.

Котляревскій видѣлъ слѣды этого обряда въ моравскомъ фольклорѣ, что, однако, недостоверно; онъ указываетъ также на русскую былинку о Потокѣ, въ которой разсказывается о погребеніи богатыря съ его женой.

Какъ уже говорилось, иногда кромѣ женъ, приносились въ жертву рабы и рабыни; объ этомъ сообщаютъ Фадланъ и Димешки, причемъ послѣдній упоминаетъ еще и другихъ лицъ, какъ, на примѣръ, княжескаго лѣкаря, конечно, въ надеждѣ, что онъ будетъ служить своему господину и на томъ свѣтѣ. Однако, ясныхъ и точныхъ археологическихъ данныхъ для этого нѣтъ, такъ какъ если въ остаткахъ пепла и находятъ части 2—3 костяковъ, то возможно предположить, что въ общей могилѣ похоронены умершіе естественною смертію, напр., отъ эпидемій.

У балтійскихъ славянъ такихъ общихъ могилъ не встрѣчается, тогда какъ въ приладожскихъ курганахъ X — XI вв. найдены слѣды 2 и 3 остововъ въ одной могилѣ, что ген. Бранденбургъ¹⁾ объясняетъ вышеуказаннымъ образомъ. Но въ этомъ, широко построенномъ объясненіи чувствуется нѣкоторая искусственность, такъ какъ находки этихъ общихъ погребеній относятся къ тому времени, когда христіанство уже утвердилось въ Кіевской и Новгородской областяхъ, и, естественно, была уничтожена насильственная «по обѣту» смерть женщины.

Однако, частичныя явленія подобнаго рода могли встрѣчаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ еще не вполне было воспринято христіанство.

Можно привести и археологическія доказательства, что обычай погребать жену и družину, вмѣстѣ съ вождемъ, существовалъ на югѣ Россіи; такъ, въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., былъ найденъ курганъ, гдѣ вокругъ главнаго остова были расположены 12 скелетовъ съ отдѣленными головами. Подобныя погребенія встрѣчаются въ могилахъ Херсонской и Екатеринославской губ., но относительно ихъ возникаютъ сомнѣнія — поскольку эти могилы принадлежали славянамъ.

Дѣйствительно, не будь историческихъ свидѣтельствъ, на основаніи лишь одной археологіи трудно было бы установить существованіе погребенія умершаго совместно съ женою и слугами. Какъ уже указывалось, жена слѣдовала за покойнымъ мужемъ въ могилу либо добровольно, либо по выбору, и, выражая согласіе, она становилась обреченной на смерть безвозвратно²⁾.

Чтобы жертва шла въ могилу безъ сопротивленія, прибѣгали къ опьяняющимъ напиткамъ, одурманиванію куреніями ароматическихъ травъ, музыкѣ, пѣнію, шуму и бряцанію оружіемъ и неоднократнымъ соит'амъ. Все это дѣлалось съ цѣлью настолько одурманить и обезсилить жертву, что она съ полнымъ

¹⁾ *Бранденбургъ, Н.* Курганы юж. Приладожья.

²⁾ *Левъ Діаконъ.* IX, 8, приводитъ свидѣтельство, что жена русскаго (умершаго) вождя, восклицала какъ бы въ экстазѣ: «гляжу туда и вижу своего господина, сидящимъ въ прекрасномъ зеленомъ саду, окруженнаго мужами и слугами и онъ зоветъ меня».

равнодушiемъ шла навстрѣчу смерти; ее или удушали (Масуди, Ростехъ), или пронзали ножемъ (Фадланъ), или отрубали голову (Дитмаръ) и клали вмѣстѣ съ умершимъ, съ которымъ сжигали или зарывали.

У болгаръ (Аль-Бекри, изд. Розена, 64), а по свидѣтельству Ростеха (Гаркави, Сказ., стр. 270) и у русскихъ былъ еще болѣе жестокой обычай заживо погребать жену вмѣстѣ съ мужемъ. Впрочемъ, этотъ обрядъ характеренъ не только для славянъ, но встрѣчается вообще у народовъ, стоящихъ на низкой примитивной ступени культуры.

Въ древности онъ существовалъ у германцевъ, литовцевъ, пруссовъ, фракійцевъ, скивовъ, грековъ и въ Индiи, а равно у финновъ и тюрко-татаръ — непосредственныхъ сосѣдей славянъ.

Попытки объяснить слѣдованiе жены въ могилу за мужемъ, какъ признакъ вѣрности славянской женщины, или боязнью вдовьяго одиночества, какъ это дѣлаютъ Маврикий, Левъ Мудрый, св. Бонифаций и арабскiе писатели (ибнъ-Ростехъ, Масуди, Аль-Бахри и др.), слѣдуетъ признать ошибочными. Нельзя отрицать, что въ единичныхъ случаяхъ высшiя побужденiя руководили женщиной, но обычно это было подчиненiе жестокой необходимости, основанной на традицiяхъ и народномъ вѣрованiи въ загробную жизнь. Общество, или семья, какъ бы обязывались снабдить покойника всѣмъ необходимымъ для загробной жизни, что являлось пережиткомъ анимизма, а въ нѣкоторыхъ родахъ приняло силу закона, въ виду чего жена должна была «добровольно» или принудительно жертвовать собой. Что же касается опрашиванiя — кто желаетъ слѣдовать за покойнымъ, то оно сводилось къ простой формальности, такъ какъ кто-нибудь изъ близкихъ долженъ былъ обречь себя въ жертву и, конечно, прежде всего жена; это самопожертвованiе, въ большинствѣ случаевъ, нельзя объяснить истинной взаимностью. Изъ указанiи пбнъ-Фадлана видно, что обратнаго обряда не было, т. е., «когда умираетъ жена, то мужъ съ нею не сжигается».

Близкимъ, и какъ бы служащимъ дополненiемъ къ погребальному обряду съ анимистической вѣрой въ будущую жизнь, является *женитьба покойныхъ*.

По словам Масуди, за умершим мужем слѣдовала жена, но когда умиралъ юноша, ему въ могилу, подобнымъ же образомъ обрекали дѣвушку, какъ бы совершая дополнительно къ погребенію обрядъ женитьбы, точнѣе подготавливая ему жену для будущей жизни¹). Можно безошибочно сказать, что обряды, которые теперь еще совершаются при смерти молодого человѣка или дѣвушки, являются пережитками чисто символическаго характера этого языческаго обычая. При подобныхъ похоронахъ у галицкихъ русинъ, на Украинѣ, въ Польшѣ, Сербіи, Болгаріи, у онѣмеченныхъ померанскихъ славянъ и въ Словакии, употребляется цѣлый рядъ атрибутовъ, присущихъ свадебному обряду: возложеніе вѣнца или свадебной повязки на голову дѣвушки, шествіе дружекъ и шаферовъ, какъ при свадьбѣ, несеніе деревца, украшеннаго лентами²), положеніе на гробъ корова и пр.

Въ южной Россіи подобныя похороны называются «весилье»; въ горной Моравіи погребальныя трапезы «свадьбой». Въ одной изъ погребальныхъ пѣсенъ гуцуловъ³), мать спрашиваетъ: «почему ты захотѣла, дитя, такую свадьбу?» Въ Подольѣ молодой человѣкъ, идущій за гробомъ дѣвушки, называетъ себя «вдовцемъ», подобно тому, какъ въ Галиціи дружка, идущая за гробомъ, олицетворяетъ жену, въ языческія времена, дѣйствительно, слѣдовавшую за мужемъ въ могилу.

По тѣмъ же анимистическимъ представленіямъ о будущей жизни, славяне погребали вмѣстѣ съ покойнымъ хозяиномъ и его боевого коня и собаку⁴), сопутствовавшую ему на охотѣ. Обычай убивать коня существовалъ и у сосѣднихъ народовъ: у иранскихъ скивовъ и сарматовъ⁵), литовцевъ, пруссовъ,

1) *Schrader, O. Totenhochzeit. Jena, 1904.*

2) Въ Болгаріи ставятъ на могилу свадебное деревцо «оруглица». *Мариновъ, Д. Жива Старина.*

3) *Kaindl, R. Huzulen, 1894.*

4) *Анучинъ, Д. О костяхъ собаки изъ кургановъ Смоленской губ. (Древности, IX, 66).*

5) *Minns, E. Scythians and Greeks. London 1913. Ростовцевъ, М. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. Лаппо-Данилевскій, А. С. Скиѣскія древности. (Зап. Арх. IV, Спб.).*

германцевъ, скандинавовъ и тюрко-татаръ. Однако, не слѣдуетъ считать, что обычай этотъ славяне заимствовали отъ чужихъ народовъ. Онъ существовалъ уже и у индоевропейцевъ, а также у непосредственныхъ сосѣдей славянъ — финновъ и тюрко-татаръ, конечно, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, въ зависимости отъ степени развитія коневодства. У скифовъ, какъ и у аваровъ и половцевъ, каждый мужчина считался былъ наѣздникомъ, и лошадь была его главнымъ достояніемъ. Въ ихъ могилахъ были найдены конскіе скелеты, часто въ очень большомъ количествѣ. Лаппо-Данилевскій указываетъ, что число такихъ остововъ достигало отъ 4 до 11. Еще больше ихъ найдено въ курганахъ кочевниковъ на Кубани¹⁾, на примѣръ, въ станицѣ Костромской, гдѣ было открыто 22 конскихъ скелета. Этотъ обычай еще и понынѣ сохраняется у киргизовъ и калмыковъ, бурятъ, чукчей, тунгузовъ, чувашей и другихъ.

Что касается славянъ, то у нихъ коневодство не было такъ развито и составляло лишь достояніе богатыхъ, и потому въ ихъ могилахъ конскіе остовы встрѣчаются значительно рѣже.

Литературныя свѣдѣнія объ этомъ имѣются только о Россіи²⁾. О погребеніи русскаго вождя съ конями, быками, пѣтухами говоритъ ибнъ-Фадланъ. О русахъ и славянахъ на Руси Масуди рассказывалъ, что они сжигаютъ вмѣстѣ съ покойникомъ и его вьючный скотъ. Наконецъ, въ былинѣ о Потокѣ богатырѣ, Михаилъ Ивановичъ уходитъ въ могилу со своимъ оружіемъ и конемъ.

Вопросъ о томъ, были ли погребенія съ конями въ центральной и сѣв. Россіи славянскія или чужія — особенно горячо обсуждается русскими археологами; до сихъ поръ выяснено только, что этотъ обычай слѣдуетъ считать присущимъ, главнымъ образомъ, кочевникамъ,номадамъ и въ послѣдствіи рас-

¹⁾ *Веселовскій, Н. И.* Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣв. Кавказѣ. (Труды XII Арх. Съѣзда).

²⁾ *Анучинъ, Д.* Сани, ладя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Москва. 1890.

пространившимся въ славянской средѣ. В. Городцовъ¹⁾ полагаетъ, что славяне переняли его отъ урало-алтайцевъ, Н. Бранденбургъ²⁾ относитъ кіевскіе курганы къ печенѣгамъ, В. Антоновичъ къ полянамъ.

То же, что о славянахъ на Руси, Масуди повторяетъ о сербахъ. Тамъ и понынѣ у селянъ сохранился обычай вести за гробомъ умершаго его коня. Въ дѣйствительности, обычай, на который указываетъ Масуди, не былъ общимъ у славянъ и примѣнялся только въ случаѣ смерти богатаго или выдѣлившагося своими воинскими заслугами.

Эти соображенія подтверждаетъ и хронологія. Конскіе костяки попадаются не только на окраинахъ славянской территоріи, но и въ областяхъ древнихъ полянъ, древлянъ, новгородскихъ славянъ и особенно кривичей.

Въ другихъ мѣстахъ славянства подобныя находки рѣдки, хотя на Дунаѣ, гдѣ въ VI—X вв. господствовало смѣшеніе гунскихъ, аварскихъ и мадьярскихъ элементовъ, встрѣчаются позднія сарматскія группы могилъ, которыя, вѣроятно, можно отнести къ славянскимъ погребеніямъ³⁾.

Совершенно особую группу составляютъ курганы, гдѣ найдены погребенія умершихъ, посаженныхъ верхомъ на коня; правда, случаи подобныхъ находокъ очень рѣдки, и на югѣ Россіи эти курганы нельзя съ достовѣрностью признавать за славянскіе.

Наряду со скелетами коней и собакъ, иногда въ могилахъ встрѣчаются остовы домашнихъ животныхъ: барана (чаще всего), свиньи и быка; изъ птицъ домашнихъ — пѣтуха или курицы, а изъ хищныхъ — орла и ястреба; изъ лѣсныхъ звѣрей — медвѣдя, оленя, зайца и соболя. Всѣ эти находки скорѣе указыва-

¹⁾ *Городцовъ, В. А.* Погребеніе съ конемъ въ Европейской Россіи. (Изв. Арх. Ком. XII).

²⁾ *Бранденбургъ, Н.* Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губ., въ которыхъ вмѣстѣ съ покойникомъ погребены остатки убитыхъ лошадей? (Труды X Арх. Съѣзда. Рига, 1896). *Спицинъ, А.* Курганы кіевскихъ торковъ и берендѣевъ. (Зап. Арх. Общ. Слав. Отд. XI).

³⁾ *Hampe.* Alterthümer I, 78.

ють на объём погребальной трапезы, совершавшейся на могилѣ, чѣмъ на обычай снабжать умершаго живностью для загробной жизни. Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ и птицъ, только закланіе пѣтуха, провозвѣстника дня и солнца, могло имѣть символическое значеніе, которое удержалось за нимъ и въ позднѣйшемъ славянскомъ фольклорѣ. Другимъ животнымъ не слѣдуетъ придавать никакой символики, почему и нельзя согласиться съ мнѣніемъ А. Котляревскаго, усматривавшаго даже въ собакахъ и быкахъ символы и олицетворенія явленій природы.

Рис. 1. Погребеніе св. Глѣба подъ ладьей.
(Миніатюра изъ Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ)

Интересною разновидностью древне-славянскаго ритуала являются погребенія въ ладьѣ. Обычай сжигать покойника въ ладьѣ или просто насыпать надъ нею могилу, встрѣчается часто у сѣв. германцевъ и балтійскихъ финновъ, главнымъ образомъ въ зап. Финляндіи¹⁾, откуда онъ перешелъ къ кареламъ и удержался у нихъ до второй половины XIX в.

У славянъ погребенія въ ладьяхъ очень рѣдки, и если встрѣчаются, то только на востокѣ. Историческихъ свидѣ-

¹⁾ Hackman, A. Om likbränning i båtar under den yngre järnåldern i Finland (Finst Museum, 1897).

тельство объ этомъ не сохранилось за исключеніемъ приведеннаго разсказа ибнъ-Фадлана о сожженіи Руса и лѣтописнаго извѣстія о кн. Ольгѣ (рода русскаго), которая отомстила древлянамъ, похоронивъ ихъ заживо вмѣстѣ съ ладьями, на которыхъ они прибыли. Д. Анучинъ приводитъ миниатюру изъ Сильвестровской рукописи, гдѣ представлено покрытіе ладьею тѣла св. кн. Глѣба¹⁾ — «Святаго Глѣба положиша въ лѣсѣ межи двѣма кладома подъ насадомъ». Насадъ, по толкованію В. Срезневскаго — есть родъ судна. Между тѣмъ, А. Спицынъ въ 1899 г. писалъ²⁾, что находки въ русскихъ могилахъ не обнаруживаютъ погребеній въ лодкахъ. Однако, въ послѣдствіи Т. Скадовскій³⁾ нашелъ ладьи въ курганахъ у Бѣлозерки (Херсонск. губ.), а Сергѣевъ и Сизовъ⁴⁾ сочли возможнымъ предположить ихъ наличие въ Гнѣздовскомъ курганѣ и въ могилѣ у д. Туровичей на р. Сожѣ (Могилевской губ.); аналогичныя предположенія дѣлалъ Бранденбургъ⁵⁾ о могилѣ у Усть-Рыбижны и Анучинъ о двухъ костромскихъ курганахъ⁶⁾.

Впрочемъ, всѣ эти свидѣтельства недостаточно еще подтверждены, чтобы на основаніи ихъ дѣлать, подобно А. Котляревскому, выводы. Между тѣмъ, онъ пришелъ къ заключенію, что обычай класть покойниковъ въ ладьи существовалъ у славянъ, и что время его появленія относится еще къ тому праславянскому періоду, когда славянскія поселенія были и по берегамъ моря, которое внушило имъ представленіе, что страна мертвыхъ лежитъ далеко за морями, и что души умершихъ должны переправляться къ ней на ладьяхъ. На это же древнее повѣрье, по его мнѣнію, указываетъ и терминъ «навье» —

1) «Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ». Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. Изд. Срезневскаго. Спб. 1860.

2) Жур. Мин. Народ. Просв. 1899 г. VIII, 315.

3) Труды VIII Арх. Съѣзда III, 75.

4) Сизовъ, В. Смоленск. кург. 77.

5) Бранденбургъ, Н. Курганы Прилад. 91, 102.

6) Anutschin, D. Die Kurganenkultur des Gouv. Kostroma im X—XII jahrh. (Globus 1900, № 21, 335). — О культурѣ Костромскихъ кургановъ. Москва, 1899.

загробная жизнь, этимологически обозначающій плаваніе (navigatio).

Однако, съ этими выводами нельзя согласиться, въ виду того, что «русскіе» славяне, у которыхъ былъ обнаруженъ этотъ обрядъ, никогда не жили близъ моря, которое могло дать поводъ къ возникновенію этого обычая, а кромѣ того, нѣтъ историческихъ и весьма мало археологическихъ данныхъ для подтвержденія такихъ заключеній. Вѣроятно же всего, что этотъ обрядъ перешелъ къ славянамъ отъ финновъ или скандинавскихъ руссовъ, гдѣ лодка при погребеніи имѣла то же значеніе, что конь или походная кибитка номада, т. е., опуская ее въ могилу, хотѣли снабдить покойника всѣмъ, чѣмъ онъ пользовался при жизни. А въ жизни сѣвернаго воина лодка играла важную роль; для этого достаточно припомнить ихъ хищническіе набѣги на европейское побережье.

Если даже у славянъ и существовало въ X и послѣдующихъ вѣкахъ представленіе о какой-то переправѣ души черезъ водную пучину, то его возникновеніе слѣдуетъ скорѣе отнести за счетъ вліянія греческой и римской культуръ, причемъ это повѣрье проникло къ славянамъ по Дунаю или съ береговъ Чернаго моря.

Подобныя предположенія оправдываются и тѣмъ, что тѣ же культурныя вліянія создали извѣстныя понятія, укрѣпившіяся въ славянскомъ фольклорѣ, какъ-то: коляды отъ «kalendae», русалки отъ «rosalii», радуницы отъ «rhodanii». Такимъ же путемъ могло перейти къ славянамъ и античное преданіе о Харонѣ, переправляющимъ за плату души умершихъ въ загробный міръ въ лодкѣ; этой традиціей отчасти объясняется, что даже въ самыхъ бѣдныхъ гробницахъ Пантикапеи (Керчи) находятъ мѣдныя деньги.

О томъ, что такое повѣрье существовало у славянъ, видно изъ обилія монетъ, находимыхъ въ могилахъ конца языческаго періода и начала христіанской эпохи.

Монеты обычно вкладывались въ ротъ или въ руку умершему, и являлись данью, платимой за перевозъ Харону¹⁾.

¹⁾ *Karlłowicz. L'obole du mort.* (Melusine, X, 56) — о полякахъ и кошубахъ.

Этотъ обычай класть деньги за перевозъ удержался у протого народа, въ большей или меньшей степени во всемъ славянствѣ, вплоть до XIX в. По украинской версіи — перевозчикомъ является «дідько, котрий зараз витає покійника, та питає за гроші, які ему належить дати за місце», говорить Пачовскій¹). Длугошъ указываетъ на имена божествъ *Ну*

Рис. 2. Перенесеніе тѣла св. Бориса въ саниахъ.
(Миніатюра изъ Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ)

или *Нуја*, которое связано съ «навъ», «навій». Поскольку можно считать древнее славянское «навье» (навье) или польск. *nawa* заимствованнымъ отъ лат. *navis* или греч. *navis*, или оно было мѣстнымъ терминомъ, могутъ рѣшить только филологи. Самое же представленіе о перевозчикѣ души или о пловцѣ имѣется и въ сказочномъ фольклорѣ.

Изъ всего приведеннаго слѣдуетъ замѣтить, что погребенія въ ладѣхъ нельзя относить къ первоначальнымъ славянскимъ обрядамъ, а лишь къ древнимъ обычаямъ. То же самое

^{1Chotko. (Narodop. Vestnik 1906, 255) о Словакахъ. *Pič* (Starož. III, I. 76) и *Červinka* (Pravěk 319) о Чехахъ.}

надлежитъ сказать и о погребеніи покойника въ саняхъ, или вѣрнѣе объ обычаѣ привозить покойника къ могилѣ въ саняхъ, во всякое время года, пережитки чего удержались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и понынѣ¹⁾).

Въ кievской лѣтописи разсказывается подъ 1015 г. о смерти св. кн. Владиміра и о томъ, какъ его останки отвезли изъ Берестова въ Кіевъ на саняхъ, причемъ, какъ извѣстно, онъ умеръ въ іюлѣ. — «Възложше и на сани, везше поставица и в святѣй Богородици» (Лавр. лѣтоп. ³, 128).

Подобное описаніе имѣется въ житіи свв. Бориса и Глѣба (Сильвестр. ркп. XIV в.): «Глѣба въ гробу положили и доставили въ церковь»; позднѣе, останки обоихъ святыхъ были перевезены въ Вышгородскую церковь, также на саняхъ. Аналогичныя свѣдѣнія имѣются въ лѣтописи о погребеніи кн. Ярослава въ 1054 г., убитаго кн. Изяслава въ 1078 г., кн. Михаила Святополка въ 1113 г. и многихъ другихъ князей.

О томъ, что въ древней Руси былъ обычай отвозить умершаго къ могилѣ на саняхъ, говорятъ и свѣдѣнія объ отдѣльныхъ лицахъ, которые, почувствовавъ приближеніе смерти, сажались въ сани и просили отвезти ихъ въ церковь, а также и сложившееся выраженіе: «сидѣтъ въ саняхъ», что было равнозначущимъ стоять передъ лицомъ смерти.

Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи говоритъ: «сѣдя на санехъ, помислихъ въ души своей»...

На Руси этотъ обычай сталъ исчезать лишь въ XIV в., но въ Москвѣ, при великокняжескомъ дворѣ удержался еще нѣкоторое время, а на Украинѣ въ народѣ пережитки его встрѣчаются еще и понынѣ, причемъ въ сани запрягались не лошади, но волю²⁾.

Анучинъ и Волковъ дали обильный литературный матеріалъ о погребеніи въ саняхъ не только въ XVII в., но и въ XIX ст., а рядъ славянскихъ этнографовъ указалъ на суще-

¹⁾ *Бяляшевскій*. Сани въ похоронныхъ обрядахъ. (Кіевск. Стар. 1893, IV). *Труворовъ*. О погребальныхъ саняхъ (Русская Старина 1887 XII). *В. Замѣтки* объ обрядѣ погребенія въ саняхъ (Изв. Арх. Комис. IV).

²⁾ *Яцуржинскій*. Остатки языческихъ обрядовъ въ малорусскомъ погребеніи (Труды VII Археолог. Съѣзда II).

ствование этого обычая у современнаго населенія западныхъ окраинъ Карпатъ, Кіевской и Вологодской губерній Россіи, въ Словакіи, у поляковъ и у сербовъ въ болевацкомъ краю. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ обычай встрѣчается и за предѣлами славянства, у финновъ, вотяковъ, пермяковъ, черемисовъ, зырянъ и далѣе у вогуловъ, чувашей, самоѣдовъ, лапландцевъ и коряковъ, которые, дѣйствительно, хоронятъ покойниковъ въ саняхъ. Одно время Д. Анучинъ ставилъ вопросъ, не усвоили ли славяне этотъ обычай у финновъ, но впоследствии онъ и Ф. Волковъ, на основаніи обширнаго матеріала, пришли къ заключенію, что этотъ обычай не заимствованъ, но является древнимъ, мѣстнымъ, собственно славянскимъ.

Въ этомъ утвержденіи Волковъ пошелъ еще далѣе, указавъ ему аналогіи въ галльскомъ, персидскомъ и индійскомъ фольклорѣ и установивъ его существованіе еще въ праарійскую эпоху. Основаніемъ къ его возникновенію послужило представленіе о долгомъ пути, который душа должна была пройти, прежде чѣмъ вступала въ новую жизнь.

Однако, такое смѣлое утвержденіе слѣдуетъ признать искусственнымъ. Въ этомъ обычаѣ необходимо различать какъ положеніе покойника въ сани и перевезеніе его къ могилѣ, такъ и самое погребеніе въ саняхъ. Первое, судя по климатическимъ условіямъ, могло быть общимъ для всей Руси и финновъ, такъ какъ сани у нихъ были первымъ средствомъ передвиженія; что же касается второго, то археологическія находки не даютъ точныхъ доказательствъ, чтобы можно было отрицать финское вліяніе на этотъ обычай. Въ южной области Россіи были открыты могилы со скелетомъ, посаженнымъ на двухколесный возокъ; этотъ обычай свойствененъ всѣмъ установившимся культурамъ Европы (начиная на Западѣ съ галловъ) и связанъ съ уже описаннымъ положеніемъ въ могилу коней, собакъ и лады.

Теоретически нельзя возразить противъ существованія этого обычая у славянъ, въ особенности въ тотъ періодъ, когда они уже имѣли двухколесные возы¹⁾. Однако, могилы, въ

¹⁾ «Рясныя могилы» X в. Бахмутскаго уѣзда, Екатеринослав. губ., содержали два двухколесныхъ воза. *Спицынъ* (Зап. Арх. Ком. 1896 г.)

которыхъ такіа находки открыты, ничѣмъ характернымъ не подчеркиваютъ свою принадлежность къ славянскимъ погребеніямъ, но скорѣе даютъ возможность дѣлать предположенія противоположнаго характера.

Слѣдуетъ еще упомянуть изъ предметовъ, встрѣчаемыхъ въ славянскихъ могилахъ, особыя плетенки изъ ремня, которыя связывались съ представленіемъ какой-то загробной дороги въ рай, и о которыхъ говоритъ еще въ XVI в. житіе Константина Муромскаго, называя ихъ «Ременная плетенія древолазная». Значеніе ихъ точно не выяснено; что же касается объясненія Котляревскаго, считавшаго ихъ за подобія лѣстницъ, по которымъ души умершихъ восходили «на гору», то его слѣдуетъ признать слишкомъ искусственнымъ.

VII

ТРИЗНА, ПОМИНАЛЬНЫЯ ТРАПЕЗЫ И СВЯЗАННЫЯ СЪ НИМИ ОБРЯДЫ.

Интересной подробностью, описаннаго ибнъ-Фадланомъ погребенія, является погребальное торжество и связанное съ нимъ пиршество. Другіе источники свидѣтельствуютъ, что они были и у славянъ и назывались по ст.-сл. «тризна» и «страва». Упомянутое о тризнѣ встрѣчается прежде всего у русскихъ славянъ: «аще кто умряше, творяху тризну (въ нѣк. рукоп. тризну) надъ нимъ и до семь творяху кладу велику и възложашуть и на кладу, мертвеца сожжашу»... — говоритъ лѣтописецъ о погребеніи у радимичей, вятичей, сѣверянъ и кривичей. (Лавр. лѣт. 3, 13). Въ той же лѣтописи повѣствуется и о тризнѣ съ «питіемъ», которую устроила кн. Ольга надъ могилою кн. Игоря... «да поплачюся надъ гробомъ его (мужа) и створю тризну мужю своему... и повелѣ людямъ своимъ съсуги могилу велику и яко соespoша и повелѣ тризну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити и повелѣ Ольга отрокомъ относить ихъ къ погребеніямъ кочевниковъ. О находкахъ вазовъ принадлежащихъ скифо-сарматскому періоду см. *Анучинъ*. Сани и т. д. 193.

служити пред ними»... Подъ 969 г. въ лѣтописи есть запись о томъ, что сама Ольга, будучи христіанкой, «заповѣдала не творити тризны надъ собою». (Лавр. лѣт. 66). Тризна, какъ древній языческій обрядъ на Руси, упоминается еще въ житіи св. Константина Муромскаго «ни тризнища, ни (б)дыни не дѣяху, ни битвы»...

Относительно поминальныхъ трапезъ у другихъ славянъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Польская хроника, говоря о погребальныхъ обрядахъ, не упоминаетъ о тризнѣ. О полабскихъ славянахъ Саксонъ Грамматикъ (изд. Holder'a, стр. 276—277) рассказываетъ, что ихъ князь Исмиръ въ палаткѣ, возлѣ могилы, правилъ пиръ въ память своего умершаго брата, но была ли это собственно тризна — сказать нельзя. О подобномъ же угощеніи въ 593 г. гдѣ-то въ Валахіи, которое устроилъ князь Мужокъ своему умершему брату, говорятъ югославянскіе источники. О большомъ пиршествѣ надъ могилою Атиллы рассказываетъ Иорданъ, а употребленное при описаніи славянское названіе «strava» даетъ возможность предполагать, что торжество это совершалось по обычаю славянъ древней Венгріи, надъ которыми онъ владычествовалъ¹⁾.

Трудно положительно рѣшить была ли старославянская тризна лишь пиршествомъ, какъ это чаще всего предполагаютъ, или особымъ торжественнымъ обрядомъ, выполняемымъ помимо трапезы. Котляревскій считаетъ тризну за особое торжество, составленное изъ военныхъ игръ, къ которымъ затѣмъ обычно присоединялось и угощеніе; намѣренно упоминаетъ о «битвѣ» въ честь умершаго и житіе св. Константина Муромскаго. Исходя изъ этого, Котляревскій пришелъ къ заключенію, что тризна могла возникнуть лишь у воинственныхъ славянскихъ племенъ и что ее не было у мирныхъ земледѣльцевъ, которые въ память покойнаго совершали лишь «поминки», т. е. пиршества. Онъ былъ несомнѣнно правъ, когда утверждалъ, что тризна не была только пиромъ; однако, правильнѣе предположить, что это было какое-то торжество изъ символическихъ

¹⁾ *Jordanis. Get. 258. Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius, quam apellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes luctu funereo mixto gaudio explicabant.*

игръ, сопровождаемое питіемъ и пѣніемъ, не вездѣ одинаковое по своему содержанію и характеру. На размѣры тризны оказывали вліяніе степень достатка племени или рода, военное или мирное состояніе страны, соціальное положеніе покойнаго, а поэтому совершенно неправильно различать, какъ это дѣлаетъ Котляревскій, «военныя тризны» отъ мирныхъ «поминокъ», тѣмъ болѣе, что неизвѣстно, какія изъ племенъ слѣдуетъ считать «воинственными» и какія «мирными».

О самомъ содержаніи тризны свѣдѣній имѣется очень мало.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ житіи Константина Муромскаго¹⁾ слово «тризнице» отдѣлено отъ «битвы», но все-таки по нѣкоторымъ памятникамъ, въ которыхъ хотя и не упоминается «тризна», можно выяснитъ характеръ торжествъ, которыми сопровождалось погребеніе. Въ этомъ отношеніи интересенъ рассказъ Космы Пражскаго, дополненный Гайкомъ, который перечисляетъ языческіе обряды при погребеніи, искореняемые «добрымъ княземъ» Братиславомъ II (1092).

Здѣсь прежде всего важно указаніе на свѣтскія игры, исполняемыя надъ тѣломъ умершаго — «*ioci profani*», съ которыми нужно связать — «*scenas faege*», что, вѣроятно, обозначаетъ какое-то театральное представленіе, и что слѣдуетъ сопоставить съ выраженіями: «игрища, сборища, позорища, поворы творити, на позорища ходитъ, глумы дѣяти», употребляемыми обычно церковными наставленіями, запрещающими языческія торжества. Конечно, у чешскаго лѣтописца «*scenas faege*» не обозначаетъ настоящей погребальной тризны, но только реминисценціи на какое-то установившееся и повторяющееся почитаніе памяти умершаго, а выраженіе *ad animarum pausionem* указываетъ на то, что и души предковъ должны были присутствовать тамъ, гдѣ происходили эти торжества.

Съ этимъ объясненіемъ тризны, какъ ритуала, главной частью котораго была сцена, представляющая битву, согласно и этимологическое значеніе слова «тризна». Его можно связать съ чешск. *trýzniti*, *trýzeň* въ смыслѣ бѣдствіе, и особенно въ значеніи «бить», «бичевать», съ польск. *tryźnić*, бѣлорусск. *triz-*

¹⁾ ...«ни тризница, ни (б)дыни не дѣяху, ни битвы» etc.

nis — быть въ восхищеніи. Поэтому и въ древне-церковномъ славянскомъ языкѣ тризна имѣеть значеніе состязанія (*certamen, pugna*), переводимаго какъ *στάδιον, ἀθλον, παλαίστρα*, подобно тому какъ существуетъ «тризнице», — гр. *στάδιον* «тризнодавецъ», *pugnator*, «тризници и борцы, крѣпши тризници», тризновати — *pugnare*¹⁾).

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ видно, что при погребеніи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при поминкахъ, которыя впослѣдствіи повторялись періодически, исполнялась какая-то игра, состоящая изъ символическихъ движеній, причѣмъ главнымъ моментомъ ея была военная сцена — собственно тризна — состязаніе, сопровождаемое бряцаніемъ оружія, криками и военными пѣснями. Исполняемое «дѣйство» не имѣло цѣлью реально воспроизвести битву, въ которой нѣкогда участвовали покойный, и поэтому основы его были иныя. Возможно, что это были состязанія между мужами, аналогичныя древнегреческимъ *ἀγων*'амъ, которыми уже во время Гомера прославлялась кончина выдающихся мужей-героевъ, а равно допустимо и объясненіе, что это были выступленія противъ злыхъ демоновъ, враждебныхъ мертвому съ цѣлью ихъ устрашенія и отогнанія. То же самое подтверждаетъ позднѣйшій фольклоръ и западно-русское преданіе у Менеція²⁾: «*eductis gladiis verberant auras, vociferantes gey, geythe, begoythe peckelle, id est: augifite vos daemones*», а по-русски — «бѣгайте пекельни».

Въ этомъ смыслѣ можно объяснить и употребленіе масокъ и вообще переодѣваніе. Котляревскій и въ этомъ случаѣ ошибочно принялъ догадки Афанасьева и толковалъ переодѣваніе, какъ символизацию явленій природы. Болѣе правдоподобно, что маски, какъ при погребеніяхъ, такъ и при другихъ языческихъ обрядахъ у славянъ и другихъ примитивныхъ народовъ, имѣли цѣлью устрашать злыхъ духовъ (демоновъ), причѣмъ эти маски могли быть подобіями предковъ, какъ это

¹⁾ *Соболевскій, А.* Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. Спб. 1910. *Miklosich. Lexicon paleoslav.* стр. 1001, 1002.

²⁾ *Menetius.* De sacrificiis et ydolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium. Ser. rer. Livon. II, 1848, 391.

было у римлянъ, гдѣ вошло въ обычай переодѣваться и съ маской (личиной) предка на лицѣ, участвовать въ погребальной процессіи¹). Однако, позднѣе у славянъ вмѣсто этой первоначальной цѣли, переодѣваніе при похоронахъ приняло увеселительный характеръ, приобретаая эротическій оттѣнокъ, какъ это было и на свадьбахъ. Масуди и ибнъ-Ростехъ въ X в. отмѣтили, что славяне при погребеніи предаются буйному веселью, нерѣдко переходящему въ пляску и игры. Отличительною чертою этихъ игръ было переодѣваніе мужчинъ въ женское одѣяніе и наоборотъ, а также въ шкуры различныхъ звѣрей, о чемъ свидѣтельствуемъ Косьма въ своемъ описаніи «безбожныхъ игръ надъ мертвыми», добавляя, что лица участниковъ были покрыты масками; въ «гомиліяхъ» Опатовицкаго есть упоминаніе о непристойномъ смѣхѣ (*cahinni*) надъ умершими: «*carmina diabolica, quae super mortuos nocturnis horis vulgus facere solet, et cahinnos quos exercet, in contestationem dei omnipotentis, vetate*» (изд. Necht, 22). На то же самое указываютъ русскія церковныя поученія XI—XII вв., запрещающія дикія игры и пляски въ дни посвященныя памяти мертвыхъ.

А. Н. Веселовскій разсматриваетъ русаліи, какъ празднества, установленныя въ память мертвыхъ, въ составъ которыхъ неизмѣнно входила военная игра, исполняемая скомоухами въ маскахъ²).

То же говоритъ и житіе св. Нифонта: «въ церковные праздники ови бяху в бубны, друзіи же въ козицѣ и в сопѣли сопяху, инииже възложивше на лица скураты идяху на глумленье челоувкомъ и мнози оставивше церковъ на позоръ течаху и нарекоша игры тѣ Русалья»³). О пляскахъ и пѣсняхъ «диавольскихъ» при похоронахъ упоминается и въ Стоглавѣ (1551 г.). «Въ троицкую субботу по селамъ и погостомъ сходятся мужи

¹) *Blümner, H.* Die römischen Privataltertümer. Iv. Müllers Handbücher IV, 2, 2, München, 1911.

²) *Веселовскій, А. Н.* Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XIV, 262, 271.

³) *Сньгиревъ, П.* Русскіе простонародные праздники. I—IV. Москва, 1837—39.

и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ. И егда начнутъ играти скоморохи, гудци и прегудники, ониже отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти»...

Поэтому не слѣдуетъ забывать, что шумныя забавы послѣ похоронъ и въ настоящее время существующія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ славянства — въ Словакіи, Болгаріи, у русинъ¹⁾ и др., являются лишь пережитками этихъ древнихъ игръ и плясокъ, т. е. остатками древнихъ тризнь.

*

Не менѣе важною частью погребальнаго обряда являлась *страда* — *strava*, т. е. пиръ, совершавшійся на самой могилѣ, или вблизи нея, причемъ напитки играли въ этомъ пиршествѣ главную роль. Часть питій и яствъ были чисто обрядоваго характера, но по окончаніи погребенія начиналось общее бражничанье. Обрядовая часть выражалась въ возліянніи чаши медоваго вина или подобнаго напитка на могилу, или осушеніе чаши въ память покойнаго, что кіевскій лѣтописецъ называетъ «пити на кого», и къ чему присоединялось приношеніе ѣды въ могилу. Такую «чашу разлуки» пьютъ на погребеніи Руса, описанномъ ибнъ-Фадланомъ; о ней же припоминаетъ Кадлубекъ, когда рассказываетъ о пирѣ кн. Попела. Княгиня Ольга, какъ сообщаетъ лѣтопись подъ 945 годомъ, «повелѣтъ отрокомъ своимъ пити на ня» (т. е. за древлянъ).

Наряду съ поминаніемъ покойника славяне надѣляли пицей и питьемъ различныхъ «демоновъ», которые, согласно древнимъ повѣрьямъ, имѣли вліяніе на человѣческую судьбу, и въ особенности на смерть. На Руси это были «родъ» и «рожаницы», противъ которыхъ неустанно боролась церковь, запрещающая «трапезу рожаницамъ готовить», «трапезу ставити роду и рожаницамъ», «незаконная тряпеза и мѣнимая роду и рожаницамъ». Пачовскій²⁾ отмѣчаетъ, что у гуцуловъ при погре-

¹⁾ Эти хоробыды и пляски носятъ разныя названія, вродѣ: «лопатки бити», «медвѣдя вити», «олій бити».

²⁾ Пачовскій. Пох. обр. 19.

беніи кладуть покойнику кромѣ денегъ для «дѣдка» еще и хлѣбъ (kolac) «для роду».

По совершеніи обряда слѣдовало шумное пиршество всѣхъ присутствующихъ, обычно переходившее въ нѣчто, вродѣ «все-народной оргіи»¹⁾. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ уже упомянутыхъ источниковъ: въ 593 г. кн. Мужокъ правилъ тризну по братѣ, причемъ всѣ настолько опьянѣли, что римляне, предводительствуемые Прискомъ, заняли ихъ становище и плѣнили князя. Пьянство на тризнѣ, устроенной полабскимъ кн. Исмиромъ было такъ велико, что дало возможность плѣнному датскому принцу не только бѣжать, но и поджечь шатеръ, гдѣ правилась тризна. Местъ кн. Ольги древлянамъ удалась благодаря тому, что ихъ послы упились медомъ. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и польскіе источники. «Страву» упоминаетъ и Лактанцій Плацидъ²⁾ въ выраженіи *srtaba* или *traba*. Родъ напитковъ, употребляемыхъ при пиршествѣ точно указать нельзя, но зато кушанья опредѣляются достаточно точно на основаніи археологическихъ находокъ, въ видѣ костей домашняго скота и дикихъ животныхъ (медвѣдя, оленя, тура). Такія кости встрѣчаются въ центральномъ пепелищѣ, а иногла и въ верхнихъ слояхъ надмогильныхъ насыпей. Очевидно, что часть яствъ полагалась въ самую могилу, а остальное шло для «стравы», остатки которой бросали на могилу и, затѣмъ, засыпали сверху землей. Находки костей въ верхнихъ слояхъ насыпи даютъ возможность предполагать періодичность подобнаго рода поминальныхъ трапезъ³⁾.

Нѣкоторые изъ погребальныхъ обычаевъ, которые относятся еще къ языческому періоду, продолжали существовать у славянъ и послѣ принятія христіанства, и мѣстами удержались еще до сихъ поръ. Такъ напримѣръ, и теперь еще ставятъ возлѣ гроба, или въ гробъ, или на окно кушанья и

¹⁾ *Аничковъ, Е.* Пѣсня I, 296.

²⁾ *Lactantius Placidus.* Scholia ad Theb. Statii XII, 62 «extruebatur regibus mortuis pyra quem ritum sepulturae hodieque barbari servare dicuntur, quas strabas (trabas) dicuntur lingua sua».

³⁾ Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ восточной Россіи. (Изв. арх. об. Казань. X).

напитки для покойника; на поминкахъ ихъ полагають на самую могилу. Къ этому же относится и угощеніе¹⁾ не только близкихъ, но и всѣхъ присутствующихъ послѣ погребенія, или передъ выносомъ покойника изъ дома, и питье «за поминъ его души»²⁾. То же чувствуется и въ бѣлорусскомъ обычаѣ, когда отецъ зажигаетъ свѣчи и молится въ кругу присутствующихъ за столомъ о покойникѣ и призываетъ предковъ, обращаясь въ нимъ такъ, какъ и тысячу лѣтъ назадъ:

«Святые дзиды, зовемъ васъ
святые дзяды, идзице до насъ!
Ёсьць тутъ усѣ, што Богъ дау
што я ли васъ охвяровау,
чимъ только хата богата».

Послѣ того, какъ для «дзядовъ» отлили водки и отложили вѣду въ сторону, по окончаніи трапезы отецъ восклицаетъ:

«Святые дзяды, вы сюды приляцѣли,
пили и ѣли.
Ляцццежъ цаперъ до сябе!
Акышь, акышь!»

Вообще поминальные пиры въ память умершаго начинались обычно на слѣдующій день и повторялись въ теченіе перваго года въ сроки точно установленные традиціей, о чемъ говорить уже ибизъ-Ростехъ; это было во второй, третій, шестой, седьмой, девятый, двадцатый и сороковый день, а затѣмъ полугодовыя и годовыя памяти. Отсюда, въ особенности въ Россіи и на Балканахъ, возникла и терминологія: тречина, шестина, *sedmica* (*sedmina*), дзевяцина, сорочина (*četredsnica*) четересе, полугодница, поугодки, година, угодки³⁾ и др. ря-

1) У бѣлоруссовъ — «жалобный, горячий столъ», сербск.-подушје, болг. — трапезата на смъргъта, польск. — *stupa*, *pogrzebiny*.

2) *Volkov, F.* Seelenspoisung bei den Weißrussen (Am Urquell, VI, 25). *Krauss, Fr.* Der Tod in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven (Zs. f. Volks. I, 1896). *Charvát, Kr.* Smrt', pohrab a mrtvi v tradicii a zvykoch ľudovych. (Slovenské pohľady 1894—1895).

3) *Kalužniacki.* Ueber den Ursprung des Dritten, Neunten und Vierzigsten in dem Todtenkultus der heutigen Griechen, Slawen und Runnaenen. (Thätigkeitsbericht der phil. Ges. Univ. Czernowitz 1908. 7. Nov.).

домъ съ общими названіями: трапеза, подушје, orijelo, sofrа, помен, приносъ, прикладзины, поминки, задушки и т. д. Обычно три или четыре дня въ годъ посвящаются вообще поминанію душъ умершихъ, которыя на Балканахъ называются — «задушница», въ Запад. Руси — «радуница» (въ Виленск. губ. — радощина), въ Бѣлоруссіи — поминальная суббота «дзяды», наряду съ мѣстными «хаутура, хавтура» (отъ лат. chartularium); въ Великороссіи — «родительскія субботы», «навій», «навскій день», «великдень», «семикъ», въ Малороссіи — «гробки», «могилки».

Славянскія русаліи (серб. «ружичало», «дружичало»), возникли, по аналогіи съ римскими розаліями, т. е. празднествами розъ, которыя были тѣсно связаны съ днями весеннихъ поминокъ умершихъ на кладбищахъ. Проф. Мурко¹⁾ правильно ставитъ эти празднованія въ связи съ розаліями и говоритъ, что эти празднованія перешли въ Россію при посредствѣ греческой церкви, которая передала имъ и свое наименованіе: *ῥοδῶνα, ἡμέρα τῶν ῥοδῶν*. Впервые это названіе встрѣчается на Руси лишь въ 1372 г. (4-ая Новгородская лѣтопись), въ то время какъ о русаліяхъ уже упоминается въ Кіевской лѣтописи въ 1068 г. (Лавр. лѣт. ³, 166). Во время этихъ празднествъ родственники собирались дома или на кладбищѣ, и вновь полагали на могилу пищу и питье, и жгли свѣчи на поминъ души. Католическая церковь всячески препятствовала этимъ языческимъ пережиткамъ, въ то время, какъ православная допускала совершеніе поминокъ при храмахъ, что подтверждается усвоеніемъ греческаго литургическаго термина *τράπεζα*, слав. «трапеза», «трпеза» не только въ смыслѣ стола, но и въ значеніи погребальнаго пиршества, а впоследствии и спеціальнаго угощенія въ память умершихъ, которыя встрѣчаются у юго-славянъ и русскихъ. Вначалѣ церковь запрещала ихъ (напр. поклоненіе роду и рожаницамъ), но затѣмъ, въ виду того, что они слишкомъ укоренились въ быту, разрѣшила, а на Балканахъ было даже отведено для нихъ особое мѣсто въ церкви — притворъ — «црквена трапезарја» у сербовъ, «слаганые трапеза» въ Болгаріи. Либерализмъ восточной церкви принялъ

¹⁾ Murko. Wörter und Sachen. II band.

и сохранилъ эти, еще языческіе обряды, въ то время, какъ у католиковъ они почти исчезли.

Можно указать еще на одинъ пережитокъ язычества, удержавшійся въ первое время по принятіи христіанства, это — *зажиганіе огня на могилахъ*. Историческія свидѣтельства объ этомъ сохранились у славянъ, только отъ поздняго времени. Въ хроникѣ Гаека (Hájek)¹⁾ 1551 г. упоминается «что по смерти чешскаго князя (миѳическаго) Неклана (Neklan) развели большой огонь и ходили около него». Въ «словѣ» Михаила изъ Яновець (XV в.) Брюкнеръ²⁾ нашелъ указаніе объ языческомъ обычаѣ зажигать огни въ память умершихъ.

Все это слѣдуетъ понимать, какъ пережитокъ первоначальнаго обряда сожженія. Послѣ же принятія христіанства сожженіе было замѣнено зажиганіемъ костровъ на самихъ могилахъ или вблизи ихъ, причѣмъ на возникновеніе этого обычая оказывало вліяніе вѣрованіе, что очистительная сила огня воспрепятствуетъ умершему оборотиться въ вампира, и, покинувъ могилу, возвратиться на землю. Въ силу этого при раскопкахъ встрѣчаются слѣды костровъ у могилъ, гдѣ сожженія уже не было.

Находки остатковъ отъ костровъ въ разныхъ слояхъ могилы указываютъ на повтореніе этого обряда, хотя ихъ можно объяснить и огнемъ, необходимымъ для приготовленія пищи на поминкахъ; вѣроятнѣе всего предположить, что обѣ причины (ритуальная и утилитарная) сливались воедино.

Зажиганіе соломы и взываніе къ мертвымъ, о чемъ говорится въ 41 гл. Стоглава — «въ великій четвертокъ порану солому палатъ и кличють мертвыхъ», — не имѣетъ связи съ зажиганіемъ огня на могилѣ, какъ это полагалъ Котляревскій. Существуетъ и другой обрядъ, также зажигающій солому, но въ честь *домового*, и правъ Д. Зеленинъ, который оба эти обряда различаетъ. Зажиганіе соломы было вызвано, какъ хозяйственными соображеніями, такъ, отчасти, на основаніи

¹⁾ Kronijka 1. LV.

²⁾ *Brükner*. Kazania II, 322, Archiv f. sl. Phil. X. 385.

повѣрїи о необходимости «грѣть покойниковъ»¹⁾, аналогично тому, какъ ихъ одѣляли ѣдой и парили въ банѣ. Современный славянской фольклоръ знаетъ еще цѣлый рядъ погребальныхъ обычаевъ, которые не имѣютъ ни древнихъ историческихъ, ни археологическихъ свидѣтельствъ, но существованіе которыхъ по ихъ характеру, можно отнести къ языческой эпохѣ. Такъ, напримѣръ, открываніе оконъ, чтобы душа могла отлетѣть, бдѣніе около покойника, что нѣкоторыя западно-европейскія церковныя наставленія называютъ — «vigiliae cadaverum mortuorum», — запираніе его жилища, и выносъ покойника, не касаясь порога, обычаи бросать камни и вѣтви черезъ плечо, и запрещеніе оглядываться при возвращеніи съ кладбища, обычаи пробивать групу коломъ (осиновымъ) и облекаться въ траурныя одежды, въ особенности вывороченныя наизнанку.

Вся эта обрядность построена на вѣрованіяхъ и заботахъ облегчить душѣ «отходъ», защитить ее отъ злыхъ духовъ и воротата на землю. Въ юго-славянскомъ и русскомъ фольклорѣ сохранилось еще указаніе на обычай очищенія огнемъ и водой присутствовавшихъ на похоронахъ, и обычай изгонять душу умершаго изъ дому, выметая метлой или махая въ воздухъ топоромъ²⁾.

Возложеніе на лицо покойнаго металлической маски³⁾ подтверждается подобною находкою въ могилѣ у м. Коваль, Каневского у., но этотъ курганъ слѣдуетъ отнести къ кочевникамъ, и вообще этотъ обычай, хотя довольно распространенный, должно считать не славянскимъ. Еще можно указать на обычай дѣлать искусственную дыру въ сосудѣ для пепла, собираемаго послѣ сожженія трупа, съ цѣлью дать выходъ душѣ, такъ какъ

¹⁾ Зеленинъ, Д. Народный обычай «грѣть покойниковъ». (Сборникъ Харьков. Истор. Общ. въ честь Н. Сумцова. Харьковъ 1909.)

²⁾ Charvát. Ibid, сообщаетъ, что вернувшись съ погребенія, махаютъ метлой по всѣмъ четыремъ угламъ и зываютъ: «Kde si? Ako si tu, choď von», и такъ повторяютъ три раза, послѣ чего заявляютъ, что душа отлетѣла.

³⁾ Кузнецовъ, С. Погребальныя маски, ихъ употребленіи и значеніе (Изв. Археолог. Общ. Казань XXII, II). Benndorf, O. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien 1878. Dall, H. On masks, labrets and cert. aboriginal customs. Washington 1884.

сверху сосудъ покрывался крышкой въ видѣ блюда, либо плоскимъ камнемъ; впрочемъ, въ собственно славянскихъ могилахъ, такіе сосуды не обнаружены.

VIII

УСТРОЙСТВО МОГИЛЬ И ПОГРЕБЕНІЙ. — КУРГАНЫ, СОПКИ И ЖАЛЬНИКИ.

Внѣшній видъ могиль. Если при разборѣ погребальныхъ обычаевъ и ихъ пережитковъ въ современномъ славянскомъ фольклорѣ основываются на историческихъ свидѣтельствахъ, то при разсмотрѣніи устройства самихъ могиль слѣдуетъ опираться на весьма обильный археологическій матеріалъ, нерѣдко дающій единственныя, въ своемъ родѣ, данныя.

При ознакомленіи съ разновидностями устройства могиль надлежитъ остановиться на основномъ ея типѣ, который въ слѣдствіи можетъ быть дополненъ восточно-славянскимъ археологическимъ матеріаломъ, до сихъ поръ не вполне разработаннымъ даже русскими археологами.

Въ настоящее время, древне-славянское погребеніе часто ничѣмъ не отмѣчено на поверхности земли, и это слѣдуетъ отнести за счетъ вѣтровъ, дѣйствія водъ, а также и вліянія позднѣйшей культуры.

Уже въ языческой періодъ на родственникахъ или населеніи лежала забота объ охранѣ мѣстъ упокоенія, которыя должны были оставаться неприкосновенными, какъ мѣсто пребыванія душъ умершихъ. Въ силу этого люди всюду обозначали могилу такъ, чтобы она отличалась отъ остальной поверхности. Обычно мѣста погребенія, отмѣчались могильной насыпью, — «могила» (рядомъ со ст.-сл. *gomila*, болгар. *могила*, польск. *mogila*, малорусск. *могила*, *могыра*, *могура*¹⁾), изъ камней или изъ земли.

Даже и тамъ, гдѣ ихъ въ настоящее время не видно, можно предполагать ихъ существованіе.

¹⁾ *Миклошичъ* производитъ *mogyla* отъ корня *mog* (*moga*, *mošti*).

Къ концу языческаго періода славянскія могилы становятся болѣе высокими и замѣтными, въ особенности на востокъ отъ Вислы. Вообще же выдающимся людямъ, съ цѣлью ихъ прославленія могильную насыпь дѣлали особо высокой¹⁾. Объ этомъ имѣются свидѣтельства даже изъ тѣхъ областей славянства, гдѣ вообще могилы были очень мало обозначены, какъ напр., въ западной Польшѣ, Чехіи и на Балканахъ.

Но въ христіанскій періодъ и эти насыпи исчезаютъ, и часто встрѣчаются лишь небольшіе холмики съ крестами. Зато, на сѣверѣ, у Балтійскаго моря, въ завислянской Польшѣ и еще дальше, на востокъ, у русскихъ славянъ, въ первое время христіанства и въ концѣ языческой эпохи, наступаетъ, такъ называемый, *курганный періодъ*. Въ болѣе древнее время и у восточныхъ славянъ дѣлали небольшія могилы, за исключеніемъ южной границы, гдѣ образцомъ послужили высокіе скиео-сарматскіе курганы²⁾. Чѣмъ ближе къ христіанской эпохѣ датируется могила, тѣмъ явственнѣе становится увеличеніе насыпи, разнообразіе ея формъ и внутренняго устройства. На югѣ, въ этомъ отношеніи, вліяли скиѣ и сарматы, на сѣверѣ — норманны и русы, но не финны, у которыхъ насыпь была не велика.

Слѣдуетъ отмѣтить вліяніе русовъ, которые уже въ VIII и IX вв. въ Скандинавіи (Аландъ, Готландъ и Упсала), имѣли высокія, коническія могилы, а на большіе варяжскіе курганы указываетъ и лѣтописецъ, говоря о погребеніяхъ Аскольда, Дира и Игоря. Любопытно, что въ высокіхъ погребеніяхъ на славянской территоріи встрѣчаются вещи по типу сходныя со скандинавскими³⁾.

Отъ русовъ славяне переняли, наряду со многими деталями погребальнаго обряда, и высокую, коническую форму могильной насыпи, особенно часто наблюдаемую въ мѣстахъ ихъ

1) Кіевская лѣтопись говоритъ, что могилы Аскольда и Дира въ Кіевѣ и Олега на горѣ Щековицѣ были такъ велики, что тамъ впослѣдствіи былъ выстроенъ храмъ въ честь св. Николая.

2) Толстой-Кондаковъ. Русскія древности. Вып. II, стр. 90 и 105.

3) Сизовъ, В. Курганы Смоленской губерніи. I Гнѣздовскій могильникъ. (Мат. Арх. Ком. № 28. Спб. 1902).

наибольшаго взаимнаго соприкосновенія. Эта могильная форма наиболѣе распространена въ районѣ Волхова, Ловати, Мсты, Шелони, а также въ Смоленской, Черниговской, Тверской и Кіевской губерніяхъ и носить названіе *сопокъ*¹⁾.

Что касается высоты кургановъ, то она различна, — отъ 1,5 до 14 арш.; обычно же колеблется отъ 2 до 3 арш. Конечно, отдѣльныя сопки могли быть значительно выше, такъ напр., «Черная могила» (Черниговск. губ.) имѣетъ 15 арш. высоты при 180 арш. въ окружности.

Форма русскихъ кургановъ, въ вертикальномъ разрѣзѣ измѣняется отъ высокихъ коническихъ въ правильные полукруговые, а иногда въ низкіе сегментовидные. Тѣмъ же разнообразіемъ отличается горизонтальный разрѣзъ, который бываетъ не только круглымъ, но и квадратнымъ и овальнымъ.

Рядъ отклоненій и интересныхъ разновидностей формъ могильниковъ встрѣчается около Сестрорѣцка, на берегу Финскаго залива; по своему происхожденію они должны быть относимы къ финскимъ погребеніямъ.

Въ области кривичей въ послѣдніе два вѣка перваго тысячелѣтія по Р. Х. возникли курганы болѣе или менѣе продолговатые, отъ 5 до 50 метр. длины при высотѣ въ 1 метръ; это т. н. «длинные» или «удлиненные курганы»²⁾. Нельзя, однако, считать, что такіе курганы существовали только у кривичей, потому что территорія, на которой они встрѣчаются, довольно обширна — Смоленская, Витебская, Псковская, Новгородская губерніи, а на югѣ одиночныя могильники подобнаго типа попадаются въ Полтавской и Харьковской губ. Новгородскія могилы отличаются своей длиной и носятъ мѣстное названіе «богатыри».

Однако, до сихъ поръ по формѣ кургана нельзя точно опредѣлить ни мѣсто возникновенія, ни народность, которой принадлежала та или другая форма. Вообще, можно только

¹⁾ Спицынъ, А. Сопки и жальники (Зап. арх. 1899, XI). Ст-сл—сыра, рус.-насыпь, чешск. — páser, pásur.

²⁾ Спицынъ, А. Удлиненные и длинные русскіе курганы (Зап. Русск. Слав. Арх. V, 1902). Сизовъ, В. Длинные курганы въ Смоленской губ. (Труды XI Археолог. Съѣзда. въ Кіевѣ, II).

сказать, что на сѣверѣ типичною формою кургана была коническая насыпь, тогда какъ въ центральной части Руси преобладалъ куполообразный видъ.

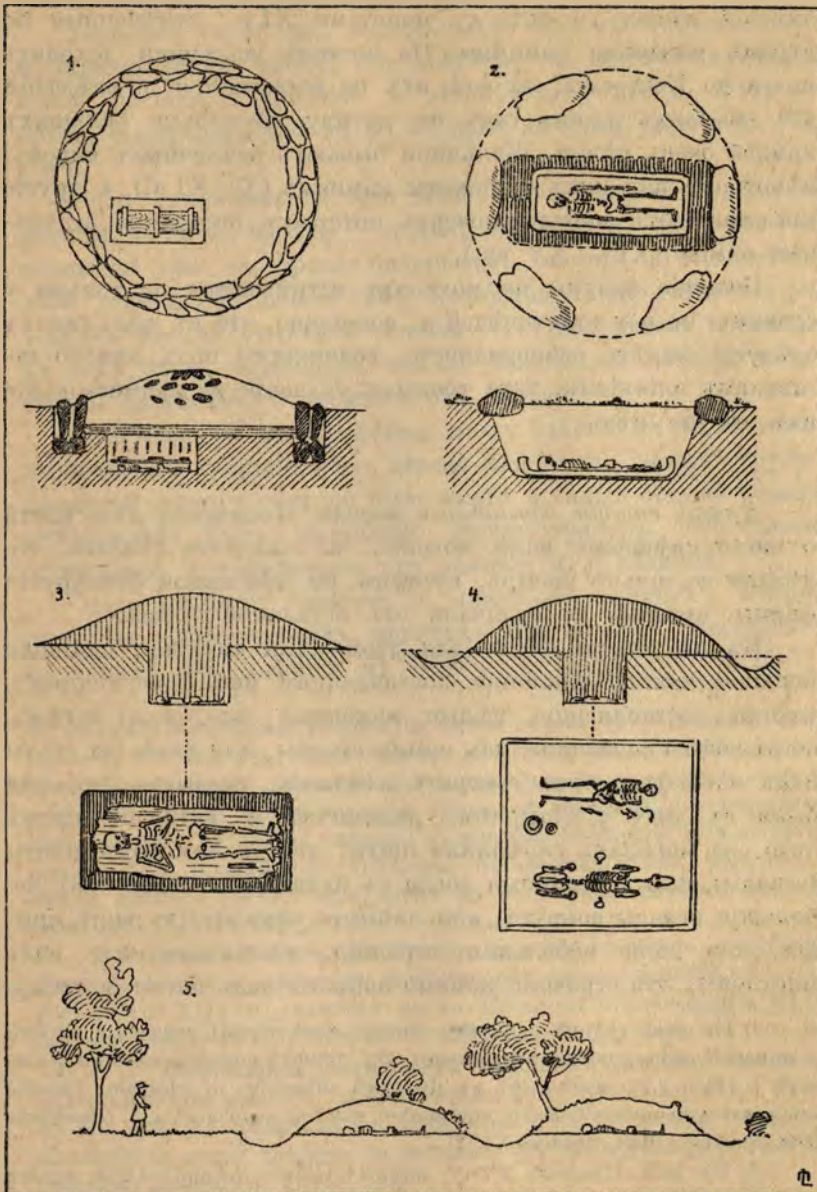
Обычнымъ дополненіемъ кургановъ являются неглубокія канавы или кладки изъ большихъ камней, опоясывающія ихъ основаніе. Канавы или рвы возникли чисто механически тамъ, гдѣ при насыпаніи кургана бралась земля вблизи мѣста предназначеннаго для могилы, и обычно, чѣмъ больше и выше былъ курганъ, тѣмъ глубже была канава вокругъ него, черезъ которую, иногда перекидывались даже мостки (радимичскіе и дреговичскіе курганы).

У небольшихъ могильниковъ, естественно, эти канавы не сохранились, но зато при описаніи такихъ русскихъ и польскихъ кургановъ часто указывается, что вокругъ могилъ идетъ параллельно канавѣ насыпь. Гораздо болѣе рѣдки свѣдѣнія о кладкѣ изъ камней вокругъ подошвы насыпи, такъ какъ онѣ не возникали механически, какъ образовывалась канава. Чаше всего онѣ встрѣчаются на востокѣ славянства, въ его сѣверной части, и изъ нихъ впоследствии создались, такъ называемые, «жальники» XII—XV вв. (табл. VII).

Съ XI в. на Руси начинаютъ мало по малу исчезать высокіе курганы и ихъ мѣсто заступаютъ низкія насыпи съ могильною ямою подъ землею. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такую могилу обкладывали вокругъ камнями, но, затѣмъ, и этотъ обычай постепенно исчезаетъ и замѣняется другимъ — водружать надъ могилой, главнымъ образомъ, на мѣстѣ головы и ногъ, нѣсколько отдѣльныхъ большихъ валуновъ, а иногда въ видѣ кучи. Такъ возникъ «жальникъ» (отъ ст.-сл. *žalъ* — *dolor* — скорбь). Типичные сѣвернорусскіе жальники начинаются съ XI в., хотя, періодъ ихъ большаго распространенія падаетъ на XII—XIV вв., такъ какъ въ XV в. они начинаютъ уже исчезать.

Чаше всего ихъ находятъ въ петербургской¹⁾, новгородской, псковской и полоцкой областяхъ, но они проникали

¹⁾ *Спицынъ, А.* Курганы С.-Петербургской губерніи въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго (Мат. Арх. Ком. № 20, Спб. 1896).

Курганы и могильники въ горизонтальномъ и вертикальномъ — 1, 2;
разрѣзахъ 3, 4 — Черниговъ; 5 — Угличъ.

также и въ Польшу. Въ м. Орцимовичахъ у Полоцка Ф. Тарчинскій нашелъ могилы съ монетами XI в., отмѣченныя по угламъ четырьмя камнями. На востокѣ жальники доходятъ почти до Костромы; на югѣ ихъ не встрѣчается, и свѣдѣнія объ обычаяхъ класть тамъ на могилу нѣсколько большихъ камней очень рѣдки. Жальники бываютъ различныхъ видовъ: нѣкоторые изъ нихъ обложены камнями (X—XI в.), а другіе представляютъ могилы, поверхъ которыхъ положены отдѣльные камни (XIV—XV вв.).

Большіе валуны на могилахъ встрѣчаются не только у славянъ, но и у ихъ сосѣдей и, возможно, что въ жальникахъ слѣдуетъ видѣть разновидность, возникшую подъ римско-латинскимъ вліяніемъ, хотя точныхъ указаній на заимствованіе ихъ оттуда нѣтъ.

*

Другой способъ обозначенія могилъ. Поскольку рѣчь идетъ о чисто внѣшнемъ видѣ могилы, то слѣдуетъ указать, что дѣлали не только насыпь, курганъ, но придавали еще другія формы, которыя ее отличали отъ остальной почвы.

Въ языческую эпоху для этой цѣли служили одинокіе большіе камни, наклонно поставленные или положенные¹⁾, иногда составляющіе цѣлыя каменные кладбища; затѣмъ, встрѣчаются сложенные изъ камня столпы, или какъ бы столы надъ могилой, о чемъ говоритъ лѣтопись, указывая, что они были въ ходу у сѣверянъ, радимичей и вятичей; кромѣ того, на могилахъ укрѣпляли щиты, иногда каменные плиты (стеллы), или деревянные доски съ надписями, также какъ небольшія ограды вокругъ, или какія-то покрытія въ видѣ крыши, или даже небольшія строенія, возвышающіяся надъ могилой²⁾. Эти строенія, помимо покрова надъ могилой, имѣли

¹⁾ Къ этой группѣ слѣдуетъ отнести извѣстіе объ означеніи могилы у померанскихъ славянъ «*trigorkami*». Въ грамотѣ померанскаго кн. Казимира I (1174 г.) о монастырѣ въ Даргунѣ читается: *in quosdam tumulos qui sclave dicuntur «Trigorka» antiquorum videlicet sepulcra*; и *L. Giesebrecht, «Die Trigorki»*. (*Balt. Studien XI, 2*).

²⁾ Въ ркп. Прологъ XV ст. подъ 11 Юля записано: «Олга призва сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею равно погрести ю а

еще значеніе временнаго пріюта для души покойнаго, на что указываетъ аналогія во всемъ мірѣ¹⁾).

Большая часть над могильныхъ знаковъ сохранилась и въ христіанскую эпоху, но, конечно, съ соответствующими новой религіи надписями и атрибутами, среди которыхъ крестъ выступаетъ уже въ XI в., какъ на Руси, такъ и въ Чехіи²⁾).

Эббо припоминаетъ, что померанскіе славяне клали на могилы какіе-то «fustes» — кольца, либо доски, которыя называются уже въ древне-баварскомъ законѣ (Totenbretter), либо деревца, подобные тѣмъ, которыми тюрко-татарскіе кочевники иногда отмѣчали могилы. Въ Бѣлоруссіи (Полѣсье) до сихъ поръ сохранился обычай класть на могилы цѣлыя стволы деревьевъ, очищенные отъ вѣтвей.

Ставились ли въ языческую эпоху славянами на могилахъ изображенія умершихъ изъ дерева или камня сказать трудно. Аналогій этому у сосѣдей было много, и самый обычай ставить изображенія былъ настолько распространенъ, что весьма естественно предположить его наличіе и у славянъ.

Рядъ извѣстій говоритъ о какихъ-то фигурахъ, найденныхъ на южно-русскихъ могилахъ (въ области сѣверянъ и на западѣ отъ Днѣпра, въ Кіевск. и Подольск. губ.).

могилы не сути ни тризнѣ творити, ни бдына дѣяти» (*Срезневскій* — *Материалы* I, 47). Значеніе слова «бдынѣ» не вполне ясно; скорѣе всего нѣмъ можно видѣть разновидность корня «бъд» (ст.-сл. бѣдѣти, будити), а «бъдынѣ дѣяти» можно пояснить какимъ-то обрядомъ, совершавшимся надъ могилою, съ цѣлью взыванія къ душамъ умершихъ. Такъ же это понимаетъ и П. Владиміровъ, указывая, что «бъдынѣ дѣяти», «бдѣльникъ» имѣло значеніе «бдѣнія при трупѣ до погребенія» (*Памятники древн. церк. литер.* т. III, стр. 123).

1) Въ древней Руси они носили названіе «голубецъ», «голубецъ». О нихъ говорятъ и памятники письменности, первое извѣстіе объ этомъ относится къ XIII ст., указывая, что кн. Ярополкъ Владиміровичъ (†1139) былъ погребенъ «въ голубцѣ», см. *И. Шлякинъ* въ *Зап. Арх.* VII, стр. 251.

2) О древнѣйшихъ могильныхъ крестахъ Кіевской, Волынской и Новгородской областей см. *А. Слицинъ*. *Зап. Арх.* Петроградъ V, 203; XI, 273, 286. Въ грамотахъ кн. Владиміра и кн. Всеволода опредѣлено наказаніе за порчу крестовъ на могилахъ или при дорогѣ. (*Владимірскій-Будановъ*, *Хрестомат.* I, 213, 228).

Этотъ обычай былъ характернымъ для тюрко-татаръ, которымъ принадлежать и курганныя «бабы»¹⁾, степной полосы Россіи. Что же касается западныхъ и южныхъ славянъ, то у нихъ подобныхъ находокъ на могилахъ не встрѣчается.

Обычай ставить на могилахъ изображеніе умершаго, или какой-либо другой памятникъ, поскольку это относится къ восточнымъ славянамъ, можетъ быть объясненъ тюрко-татарскимъ вліяніемъ.

IX

ВНУТРЕННЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ МОГИЛЬ. — ЯМА, СРУБЪ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ КАМЕРА. — КЛАДБИЩА.

У западныхъ славянъ внутренняя конструкція могилъ по обряду сожженія была очень проста; земля и камни насыпались надъ пепломъ въ видѣ небольшого холма; внутреннихъ ямъ или особыхъ погребальныхъ камеръ не было, и пепель только прикрывался сверху камнями.

Позднѣе, когда сожженіе было замѣнено обычаемъ зарывать останки въ землю, вошла въ обиходъ яма, обычно неглубокая (отъ 0,5 метра до 2), куда полагался трупъ, которому часто подъ голову, либо возлѣ нея, клали камень. Отклоненій отъ общепринятыхъ конструкцій могилъ у западныхъ славянъ очень мало; иногда яма въ нѣкоторой своей части, выкладывалась камнемъ или досками, что можно встрѣтить въ Чехіи и Моравіи, въ Силезіи, а также въ Польшѣ и Полабьи. Такъ же просты по своему устройству и могилы южныхъ славянъ.

Болѣе сложная и разнообразная конструкція могилъ съ камерами надъ землей или ниже уровня существуетъ у восточныхъ славянъ, на которыхъ въ этомъ отношеніи оказали вліяніе, какъ сѣверные народы, такъ и, въ особенности, скиео-сарматы, аланы и хозары. Но и въ этомъ случаѣ сложность конструкціи является отличительнымъ признакомъ лишь бо-

¹⁾ *Demetrykiewicz, W. Figury kamienne t. zw. bab w Azyi i Europie i sto. sunekich do mytologii słowianskiej (Spraw. Akad. Um. Krakow, 1910).*

гатыхъ погребеній, въ то время какъ бѣдныя могилы разнятся лишь тѣмъ, гдѣ былъ положенъ трупъ: на уровнѣ земли, или на нѣкоторомъ возвышеніи надъ поверхностью, или въ ямѣ ниже уровня.

Если могильная насыпь служила лишь для того, чтобы на ней былъ поставленъ сосудъ съ пепломъ (подъ прикрытіемъ или на столиѣ), какъ указываетъ лѣтопись, на существованіе подобнаго обычая у родимичей, вятичей и сѣверянъ, то она была лишена какой-либо внутренней конструкціи. Когда же въ могилѣ долженъ былъ быть зарытъ пепель въ сосудѣ или просто въ видѣ кучки, то внутренность ея специально оборудовалась для этой цѣли, и эти сооруженія, въ зависимости отъ времени и края, иногда достигали сложной конструкціи.

Въ древній періодъ, когда на Руси трупы сжигали, особыхъ солидныхъ сооруженій не встрѣчается. Послѣ сожженія пепель собирался въ кучку, или заключался въ особый сосудъ и засыпался землею, причемъ онъ могъ быть на материкѣ, или выше уровня, или въ небольшомъ углубленіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на югѣ Россіи, встрѣчаются сразу всѣ три вида погребеній.

Въ м. Шаргородѣ, Кіевск. губ. обычны могилы съ погребеніемъ на уровнѣ, рѣже въ неглубокой ямѣ; это же было обнаружено Хвойко и въ Броваркахъ¹⁾.

Большія черниговскія могилы имѣютъ слѣды костра на материкѣ, а остатки сожженныхъ вещей въ верхнихъ слояхъ насыпи, или пепелище встрѣчается въ центрѣ могилы, а сосуды съ пепломъ размѣщены нѣсколько выше. Въ Смоленскихъ курганахъ можно различить, что сначала насыпалась округлая насыпь на $\frac{1}{3}$ должной высоты, которую покрывали слоемъ бѣлаго песка; затѣмъ, посреди насыпи раскладывали костеръ, на которомъ сжигали трупъ, и пепель частью собирали въ сосудъ, а частью разметывали вокругъ. Остатки вещей укладывали въ кучу возлѣ пепелища, ближе къ краю. Если умершій сжигался гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, то остатки переносили и складывали въ центрѣ кургана. Часто сосудъ

¹⁾ Раск. мог. при с. Броварки.

съ пепломъ покрывался и обкладывался вокругъ плоскими камнями. Затѣмъ все засыпалось различными слоями песка и земли. Аналогичное устройство могиль можно указать въ Минской и Витебской губерніяхъ. На сѣверѣ, въ Приладожьѣ пепелища расположены выше уровня поверхности и нѣтъ случаевъ, чтобы пепель былъ сложенъ въ ямѣ. Такой же характеръ носятъ и финскія могилы, встрѣчаемыя у Сестрорѣцка.

Изъ остальныхъ деталей внутренней конструкціи могиль съ сожженіемъ заслуживаютъ упоминанія столпы, сложенные изъ камней, и уступы, хотя назначеніе ихъ до сихъ поръ остается неопредѣленнымъ.

Въ періодъ, когда обрядъ сожженія былъ замѣненъ зарываніемъ трупа въ землю, устройство могиль сохранило тѣ же 3 основныя формы, но при этомъ начала преобладать высокая насыпь, которая естественно способствовала болѣе разнообразному оборудованію внутренности могилы, что и было, отчасти, главною причиною ея возникновенія.

Кромѣ того, и самый принципъ полагать тѣло умершаго въ могилу побуждалъ къ болѣе сложному устройству мѣста погребенія, въ особенности по сравненію съ тѣмъ, когда все сводилось къ сохраненію небольшой кучки пепла.

Всѣ эти три вида, и главнымъ образомъ первый, т. е. когда трупъ опускали въ яму ниже уровня земли, нуждались въ особой конструкціи внутренняго помѣщенія — погребальной камеры, предназначенной уже специально для храненія тѣла умершаго. Хотя они были въ ходу, одновременно у всѣхъ славянъ и въ Россіи, однако, встрѣчаются группы и цѣлыя области, для которыхъ отдѣльные типы могиль особо характерны. На западѣ и югѣ славянства преобладаютъ погребенія съ ямами, но безъ кургановъ и лишь съ небольшою насыпью.

На югѣ Россіи, чаще всего находятъ простыя ямы глубиною 0,5—1 метра (лишь иногда до 2 м.) подъ невысокой насыпью; однако, и здѣсь, въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ, встрѣчаются погребенія и на уровнѣ земли, въ самой насыпи.

При раскопкахъ такихъ могиль обычно представляется слѣдующее: на днѣ невысокаго кургана имѣется яма, сред-

ней глубины, приблизительно $\frac{3}{4}$ метра, а въ ней собственно могила, обложенная досками, гдѣ и лежитъ скелеть.

Между 252 курганами Мельникова нашла яму въ 62%, костякъ на уровнѣ земли — 21% и выше его — 13%, приче́мъ бывали случаи, когда всѣ эти типы могилъ встрѣчались въ одномъ мѣстѣ, напр., у Поддубцевъ или у Борохова¹⁾. На большемъ полѣ погребенія у Вел. Рыкань (Дубно), найдены только неглубокія ямы; у с. Емельчина и въ с. Глумчи (Новоградъ-Волынской) также ямы съ костяками, прикрытыми камнями.

Въ своихъ раскопкахъ древлянскихъ могилъ Вл. Антонович²⁾ нашель 58% ямъ, въ 25% скелеть на уровнѣ земли и въ 17% выше уровня, на искусственной насыпи. Въ м. Миропольѣ кромѣ ямъ, выложенныхъ досками и камнями, встрѣчаются еще ямы и обожженныя огнемъ (табл. VIII).

Напротивъ того, въ извѣстїяхъ о раскопкахъ бар. Ф. Штейнгеля въ районѣ Ровно, Луцка, Житомира и Овруча, преобладають могилы со скелетами на материкѣ, либо выше его уровня. На поляхъ, около д. Андреевичъ, на границѣ Житомирскаго и Новоградскаго уѣздовъ имѣются три группы кургановъ, изъ которыхъ одна съ ямами, а двѣ другихъ съ погребенїями на уровнѣ земли.

Трудно рѣшить зависѣло ли это различїе отъ эпохи или отъ традицій рода. То же разнообразїе наблюдается и въ области Кїева и на востокъ отъ Днѣпра; по этой линїи нѣкогда проходила граница, дальше которой славяне уже перемѣшались съ многочисленными чуждыми элементами.

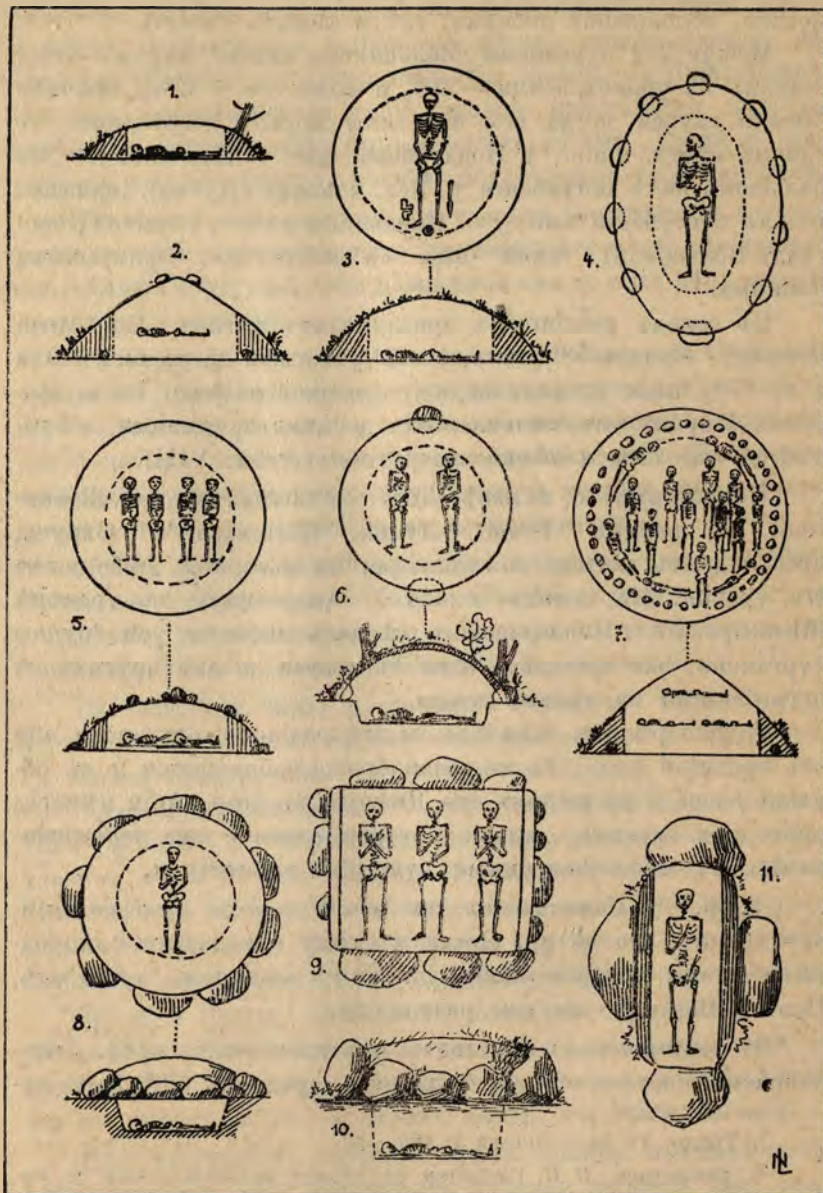
Проф. Д. Самоквасовъ, въ итогѣ своихъ изслѣдованїй, опредѣлиль, что по рр. Деснѣ и Сейму попадаются однородные курганы, которые можно отнести къ славянамъ, а на Сулѣ, Пслѣ и Ворсклѣ они уже разнородны.

Въ радимичскихъ курганахъ, изслѣдованныхъ проф. Антоновичемъ, костяки обычно были надъ уровнемъ (78%), на на-

¹⁾ Труды XI Арх. Свѣзда I, 185, 482.

²⁾ Антоновичъ, В. Б. Раскопки въ странѣ древлянъ (Мат. по Археолог. Россїи N 14).

ТАБЛИЦА VIII

Курганы и жалъники XI—XIV вв. въ окрестностяхъ Гдова (Петерб. губ.)
 1, 2, 3 — XI в.; 4, 5 — XI—XII вв.; 6 — XIII в.; 7, 8 — XII—XIII вв.;
 9 — XIV в.; 10, 11 — XIII—XIV вв.

сыпи, около полуметра высотой, но въ Новозыбковскомъ и Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., наблюдается преобладаніе могилъ на уровнѣ (76%), а два другихъ типа погребеній встрѣчаются какъ исключенія. Не менѣе разнообразны могильные типы въ Калужской, Смоленской и Тверской губ. и то же слѣдуетъ сказать и о центральной Россіи (Московск., Рязанск. и Владимирск. губ.).

Перейдя границы древлянской и полянской областей по Днѣстру на Припеть, и оттуда далѣе на сѣверъ, слѣдуетъ отмѣтить существованіе могильныхъ ямъ и въ этомъ районѣ.

Проф. В. Завитневичъ, изслѣдовавшій до 100 кургановъ Минской губ. нашель 68% погребеній на уровнѣ и лишь 13% въ ямахъ¹⁾. Цукевичъ²⁾ отмѣчаетъ характерное для Бѣлоруссіи преобладаніе могилъ на уровнѣ земли. Въ Польшѣ перемежаются оба типа. На сѣверѣ Россіи, чаще всего могилы расположены на уровнѣ земли, и лишь въ XII—XIII вв. появляются ямы, что можно объяснить вліяніемъ христіанства; въ жальникахъ, къ этому времени, замѣчается углубленіе ямъ. Въ западныхъ областяхъ ямы возможно объяснить отчасти и литовско-латышскими вліяніями, хотя у послѣднихъ онѣ встрѣчаются значительно раньше, уже въ IX—XI вв., такъ напр., у Люцина (Витебск. губ.), изъ 250 могилъ 83% было въ глубокихъ (въ 1 метръ) ямахъ, обложенныхъ досками.

Такимъ образомъ, нельзя сказать, что къ концу языческаго періода у восточныхъ славянъ существовалъ опредѣленный типъ могилъ.

Вѣроятно же всего, что у нихъ, какъ и у западныхъ славянъ, первоначально возникла небольшая яма для пепла, которая покрывалась невысокой насыпью. Когда же въ концѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х. возникъ обычай дѣлать большіе, высокіе курганы, то и на востокъ явилось представленіе о необходимости углубленія ямъ, что, впрочемъ, удержалось лишь на самомъ югѣ Россіи.

1) *Завитневичъ, В.* Формы погребальнаго обряда въ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣзд., Минской губ. (Труды IX Археолог. Съѣзда Вильно).

2) *Szukiewicz. W. Mater. X, 39. XI, 57.*

Когда по всей Руси утвердилось христіанство (XII в.), которое воспрещало «могилу творити», возобладалъ типъ погребенія въ ямѣ; такъ, съ прекращеніемъ возможности насыпать курганы, естественно, отпали остальные два вида погребеній: надъ уровнемъ и на уровнѣ земли.

Въ вопросѣ о типахъ могилъ, надъ установленіемъ которыхъ затрудняются окончательно высказаться русскіе археологи, слѣдуетъ, прежде всего, принимать во вниманіе хронологическія данныя.

Эволюція во внутренней конструкціи могилъ становится особенно замѣтной, когда яма выкладывалась досками или бревнами, или же когда, при погребеніи на уровнѣ земли, надъ трупомъ умершаго дѣлалась особая камера въ зависимости отъ характера и размѣровъ погребенія¹).

Свидѣтельство о могилахъ, обложенныхъ досками много, но все же, иногда, на основаніи ихъ трудно различить, были стѣны ямы забраны досками, или въ нее былъ опущенъ деревянный гробъ. Также встрѣчаются камеры или срубы, построенные изъ толстыхъ досокъ или бревенъ съ покрытіями и даже столбами. Наличіе погребальныхъ камеръ характерно для юга Россіи, такъ какъ тамъ славяне могли наблюдать скиео-сарматскія погребенія, въ которыхъ бревенчатый срубъ со стропилами, поддерживаемыми столбами имѣлъ большое значеніе.

На основаніи однихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ устройствѣ могильныхъ помѣщеній, трудно составить себѣ представленіе, такъ какъ обычно обозначенія «склепъ» и «срубъ» примѣняются въ широкомъ значеніи, не дающемъ точнаго представленія о видѣ и размѣрахъ внутренней конструкціи.

Въ результатѣ скиео-сарматскаго вліянія у славянъ возникла и вошла въ обиходъ подобная же погребальная камера, хотя и меньшихъ размѣровъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ этотъ видъ погребенія былъ весьма распространенъ и встрѣчается

¹) Ибнъ-Ростехъ сообщаетъ, что у русовъ, при погребеніи богатаго покойника полагали въ просторную камеру и вмѣстѣ съ нимъ затворяли его любимую жену, а бѣдные должны были ограничиваться малою могилою. (*Гаркаси. Сказанія*, 270).

въ курганахъ Волынской, Кіевской, Полтавской, Воронежской, Минской и Могилевской губерній.

Въ южно-русскихъ могильникахъ были найдены и покрытія, поддерживаемыя столбами; впрочемъ, трудно опредѣлить принадлежатъ ли эти сооруженія скифо-сарматамъ или собственно славянамъ.

Что касается склеповъ съ куполообразными покрытіями, которые являются типическимъ видомъ погребеній для сѣвернаго Прикавказья, то они до сихъ поръ не встрѣчались среди славянскихъ могилъ, также какъ и «катакомбы», т. е. подземная камера, съ ведущимъ въ нее ходомъ или лѣстницей, что было характернымъ явленіемъ въ древнѣйшую эпоху для Кавказа, района Дона и нижняго Приднѣпровья. Къ болѣе позднему времени относятся катакомбы, открытыя на Донцѣ въ Верхне-Салтовѣ (Волчанск. уѣзд. Харьков. губ.), которыя, очевидно, принадлежали кочевникамъ, хозарамъ, и могутъ быть отнесены къ VII—IX вв.

Особые склепы съ выступами и нишами, поддерживаемые столбами, съ находящимися въ нихъ костяками, были найдены Хвойкой на усадебной землѣ Петровскаго, и относятся, вмѣстѣ съ другима обнаруженными въ Кіевѣ (подъ Десятинной церковью), ко времени основанія древняго града Кіева княжеской эпохи. При этомъ можно предположить, что мертвыхъ погребали въ церквахъ, вблизи «Десятнца» въ какихъ-то деревьяхъ обшитыхъ галлереяхъ. Костяки лежатъ иногда обложенные камнями, а иногда въ саркофагахъ, и относятся частью къ языческой (IX в.), частью къ христіанской эпохѣ. Подобныя же склепы съ останками были найдены въ 1909 г. и въ Черниговѣ, на Княжьей горѣ подъ основаніемъ храма, относимаго къ XI—XII вв.

Отъ ямы, либо камеры, забранной по стѣнамъ досками, былъ естествененъ переходъ ко гробу, т. е. особому ящику, куда полагали тѣло умершаго, прежде чѣмъ опустить его въ землю.

Въ древнія времена подкладывали лишь одну доску или подъ трупъ, или сверху; позднѣе останки полагали между двухъ досокъ, а затѣмъ появился обычай приставлять доски

и по бокамъ¹⁾, но нельзя упускать изъ виду, что онѣ, особенно вначалѣ, не были сбиты гвоздями или соединены металлическими скрѣпками.

Начиная съ XI ст., можно встрѣтить въ могилахъ остатки истлѣвшихъ досокъ и гвозди, указывающіе на то, что останки были положены въ гробы, сбитые гвоздями. Типическимъ же явленіемъ подобный гробъ становится лишь съ XIII ст. и то еще не повсемѣстно.

Впрочемъ, въ это время гвозди очень рѣдки и потому нельзя точно опредѣлить былъ ли ими сколоченъ гробъ, или они скрѣпляли доски погребальной камеры.

Въ Кіевской лѣтописи XI в. есть указаніе, что уже тогда изготовляли и продавали гробы: «В си же времена мнози челоувѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты (въ рукоп. Радзивил. стоитъ — кресты): Яко продахомъ корсты отъ Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ». Кърьста, корства, корьста, къроста, крьста — служили для обозначенія гроба, чаще всего съ опредѣленіемъ «корста мраморяна, камена»²⁾.

Другой видъ гроба, который былъ извѣстенъ въ сѣв. Европѣ уже за 2000 лѣтъ, дѣлался изъ выдолбленныхъ дубовыхъ стволовъ съ отверстіемъ, обычно прикрываемымъ доскою³⁾.

О находкахъ подобныхъ гробовъ на славянской территоріи имѣются свѣдѣнія, какъ въ Чехіи (у Димокуръ и Радима⁴⁾), такъ и въ Россіи (Черниговск., Харьковск. губ., около Житомира и въ Приладожьѣ⁵⁾).

Предположенію, что гробъ возникъ у самихъ славянъ, не противорѣчатъ утвержденія филологовъ, указывающихъ, что ст.-сл. терминъ *рака*, чешск. *rakev*, хорв. *rakva*, болг. *ракъ*,

1) *Niederle, L. Příspěvky. I. 25.*

2) *Срезневскій. Матер. I. 1411 и Анучинъ. Сани, стр. 178.*

3) *V. Boye et A. Madsen. Trouvailles de cercueils en chêne de l'âge du bronze en Danemark. Copenhagen, 1896.*

4) *Ріѣ. Star. III, 1, 76, 343.*

5) *Бранденбургъ. Прил. кург.; Спицынъ. Родим. кург.; Анучинъ. Сани.*

ракла, ведущіе свое начало изъ праславн. *orku*, *orka*, заимствованы изъ герман. *ark(a)*, латинск. *arca*, въ значеніи хранилища, деревяннаго ларя, — или съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что его форма была непосредственно заимствована отъ римлянъ.

На основаніи филологическихъ построений, допуская ихъ правильность, нельзя настаивать на томъ, что славяне, при погребеніи не употребляли деревянныхъ ящиковъ — ларей, до тѣхъ поръ, пока они не узнали и не восприняли значенія лат. *arca*. Возможно, что здѣсь идетъ рѣчь лишь о заимствованіи термина, скорѣе всего для опредѣленія новой формы гроба, который впослѣдствіи распространился у славянъ (въ концѣ перваго тысячелѣтія) на всѣ виды гробовъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ установилось общеніе съ римскимъ міромъ, славяне заимствовали ихъ обычаи. Это видно уже изъ того, что относящіеся къ VIII в. погребенія знатныхъ хорватъ въ районѣ Книна и Бискупіи, находятся прямо въ землѣ, или при базиликахъ въ каменныхъ саркофагахъ, совершенно римскаго типа.

Въ русскихъ лѣтописяхъ имѣются первыя извѣстія о «*ракахъ*», указывающія на нихъ, какъ на особое специально изготовляемое изъ камня или дерева вмѣстилище для мертваго тѣла¹⁾.

Скорѣе всего это была *arca*, заимствованная у римлянъ, и впослѣдствіи это наименованіе было распространено вообще и на деревянные гробы.

Въ могилѣ обычно хоронился одинъ трупъ, если же въ ней находятся 2 или 3 скелета, то это обычно семья — отецъ или мать съ ребенкомъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ особый гробъ. Позднѣе встрѣчаются курганы со многими скелетами; возможно предположить, что это были общія могилы, въ которыхъ постепенно погребались члены одного рода, что и создавало нѣсколько рядовъ погребеній — особый типъ, такъ называемые «ярусные курганы».

¹⁾ *Срезневскій*. Матеріалы III, 64 и *Altmann*. Architektur und Ornamentik der antiken Sarkophage. Berlin, 1902.

Съ другой стороны, курганы со многими погребеніями можно также разсматривать какъ «братскую» могилу людей, одновременно умершихъ отъ мора или на войнѣ.

Обряженіе тѣла не ограничивалось тѣмъ, что умершаго одѣвали въ его одежду и полное вооруженіе, но, въ особенности, въ тѣхъ краяхъ, гдѣ при погребеніи не употребляли гробовъ, существовало еще и другое приготовленіе, касающееся не только останковъ, но и внутренности могилы. У восточныхъ славянъ былъ обычай готовить подъ тѣло подстилку («подстилка») изъ желтаго и бѣлаго рѣчного песка, желтой глины или пепла, перемѣшаннаго съ пескомъ, или даже подкладывать какую-либо ткань, остатки которой, однако, очень рѣдко находятся при раскопкахъ.

Памятники письменности свидѣтельствуютъ, что покойниковъ обертывали въ какое-то покрывало¹⁾.

Антоновичъ указываетъ, что въ древней Руси существовалъ даже спеціальнй терминъ «спрятать тѣло», напр., въ лѣтописи «спрятавшѣ тѣло, положиша его».

Кромѣ того, есть достаточно указаній на выкладываніе могилы корою, вѣтвями, листьями березы или дуба²⁾; иногда и все тѣло обвивали березовой корой (берестой).

Этотъ обычай былъ въ особенности распространенъ на восточныхъ окраинахъ древне-русской области, а въ виду того, что онъ въ равной мѣрѣ былъ извѣстенъ угро-финнамъ, возникли предположенія о заносѣ его къ славянамъ отъ финновъ. Однако, этотъ обычай настолько естественъ и понятенъ, что не слѣдуетъ причины его возникновенія объяснять чужимъ вліяніемъ, тѣмъ болѣе, что слѣды его находили и въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ финскихъ поселеній.

Сюда же слѣдуетъ отнести и обкладываніе тѣла известкой что было отмѣчено при раскопкахъ въ нѣсколькихъ могилахъ Подольской губ., и что, возможно, возникло изъ гигиеническихъ соображеній.

¹⁾ Тѣло князя Владиміра, умершаго въ Берестовѣ «обертѣвшѣ въ коверъ» (*Лавр. лѣт.* 127).

²⁾ На Волыни Мельникова нашла въ 15 курганахъ подстилки изъ березовой коры и въ 6 случаяхъ тѣло было обвито ею.

Важную роль при погребеніи играетъ положеніе трупа и ориентація его по отношенію къ странамъ свѣта.

Прежде всего слѣдуетъ установить, что въ концѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х. славяне обычно клали покойниковъ ногами на востокъ, а головой на западъ, т. е. лицомъ къ восходящему солнцу. Конечно, рассматривая подобную ориентацію, слѣдуетъ помнить, что въ разное время года солнце восходитъ въ разныхъ пунктахъ горизонта, что и вліяло на мнимое отклоненіе отъ этого обычая.

Явное отклоненіе отъ принятаго положенія умершаго выражалось въ обращеніи головы на сѣверъ и ногъ на югъ; однако, слѣдуетъ отмѣтить, что подобное явленіе въ славянскихъ погребеніяхъ было такимъ исключеніемъ, что его можно объяснить чужими традиціями и вліяніями — финскимъ и тюрко-татарскимъ (хотя, возможно воздѣйствіе и другихъ сѣверныхъ народовъ), для которыхъ подобная ориентація была обычна. Чаще наблюдается другое отклоненіе, т. е. обращеніе ногами на западъ, а головою на востокъ, что встрѣчается на сѣверѣ и отчасти въ центрѣ Россіи, причемъ интересна подробность (конечно, принимая на вѣру наблюденія изслѣдователей), что положеніе различалось въ зависимости отъ пола умершаго. На сѣверѣ Россіи нерѣдко встрѣчаются различныя ориентаціи въ одномъ курганѣ.

Трудно сказать возникло ли основное положеніе тѣла лицомъ на востокъ среди самихъ славянъ, или его можно поставить въ связь съ христіанствомъ.

На языческое происхожденіе этого обычая указываетъ житіе Константина Муромскаго, въ которомъ описывается удивленіе еще не обращенныхъ въ новую вѣру русскихъ относительно умершаго князя Михаила, который будучи погребенъ по христіански, не былъ положенъ въ могилѣ «взнакъ на востокнъ», т. е. лицомъ къ востоку, и надъ его могилой не былъ насыпанъ курганъ.

Дѣйствительно, обычай погребать лицомъ къ солнцу былъ искони свойствененъ народу, а христіанство лишь укрѣпило это положеніе, въ силу чего отклоненія отъ него очень рѣдки;

единственнымъ примѣромъ, гдѣ преобладаетъ обратная оріентація служить Федовскій могильникъ на р. Мстѣ (XI—XII в.¹).

Покойника клали въ могилу навзничъ, съ руками вдоль туловища, либо скрещенными на груди, либо съ одною на груди, а другою вдоль тѣла; рѣже одна рука была подложена подъ голову. Ноги, обычно, вытянуты, иногда скрещены. Всѣ эти положенія тѣла чередуются. Что же касается отклоненій, какъ напр., въ видѣ бокового, или ничкомъ, либо стоя, то ихъ слѣдуетъ считать аномаліей или объяснять небрежностью допущенною при производствѣ раскопокъ.

Два отклоненія въ этомъ случаѣ заслуживаютъ упоминанія. Кое-гдѣ встрѣчаются костяки *на боку* въ скорченномъ видѣ, т. е. съ ногами прижатыми къ животу, такъ называемое «утробное положеніе»²).

Такое положеніе типично для древнѣйшаго доисторическаго періода; нѣкогда это было распространено по всей Европѣ и являлось первоначальнымъ положеніемъ тѣла при погребеніи, но, впослѣдствіи, оно стало ослабѣвать и совершенно исчезло въ римскую эпоху.

Однако, примѣры такого рода встрѣчаются и въ гораздо болѣе позднихъ могилахъ. Трудно сказать, былъ ли это пережитокъ древняго обычая, или археологическое заблужденіе, вызванное неправильностью раскопокъ, или, наконецъ, такъ хоронили чужеземцевъ, у которыхъ продолжалъ существовать этотъ видъ погребенія.

Болѣе опредѣленно установлены случаи погребенія въ «сидячемъ положеніи», обычно лицомъ на востокъ. Причины, вызвавшія его, неизвѣстны, но, вѣроятно, это былъ родовой обычай, настолько распространенный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что его можно было считать даже типическимъ явленіемъ, въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ онъ является лишь исключеніемъ.

¹) *Спицынъ*. Изв. Арх. XV, 1905.

²) *Wossinsky, M.* L'attitude repliée des morts aux temps préhistorique, Paris, 1891. *Schoetensack, O.* Über die Bedeutung des Hockerbestattung (Berl. Verh. 1901, 522). *Červinka.* Starožitnosti Moravské II, 5—11.

Районъ его распространенія (губерніи Петроградская, Новгородская, Псковская) даетъ возможность предполагать и здѣсь финское вліяніе, хотя, съ другой стороны, изслѣдованіе Лядинскаго, Томниковскаго и Подболотскаго могильниковъ, указываетъ, что финны, какъ и латыши, хоронили въ горизонтальномъ положеніи. Интересно отмѣтить, что это отклоненіе появилось уже въ христіанскую эпоху и существовало отъ XII до XIV—XV вв.

Кладбища. На основаніи нѣкоторыхъ признаковъ можно установить, что древніе славяне, подобно многимъ другимъ примитивнымъ народамъ, хоронили своихъ мертвыхъ въ жилищахъ, или вблизи нихъ, основываясь на вѣрованіи, что душа и послѣ смерти продолжаетъ обитать въ своемъ жильѣ. Равно существовалъ обычай, подтвержденный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находками, хоронить дѣтей подъ порогомъ дома. Однако, археологическія данныя по этому вопросу до сихъ поръ очень рѣдки и не вполне достовѣрны.

Р. Мерингеръ пытался объяснить этотъ первоначальный обычай славянскаго погребенія путемъ лингвистическихъ сравненій. Онъ предполагалъ, что сл. «хлѣвъ» не возникло изъ заимствованія гот. слова *hlīja*, какъ это обычно полагаютъ, но изъ гот. *hlaiw*, и скорѣе всего въ ту эпоху, когда это слово у германцевъ обозначало не только жилище, но и могилу.

Проф. І. Янко¹⁾ проводитъ аналогію и съ церковнославянскимъ «*svkqati*» — погребать, собственно спрятать въ домѣ и ст.-чешск. — *pokutiti* — погребать.

Славяне уже издавна выбирали подходящія мѣста, поодаль отъ поселеній, для погребенія своихъ умершихъ; въ особенности они стали обращать на это вниманіе, когда, въ теченіе I-го тысячелѣтія по Р. Х., они начали вести осѣдлую жизнь. Обычно это были мѣста у проточныхъ водъ, въ лѣсахъ, на небольшихъ возвышенностяхъ, на холмахъ или городищахъ. Особо излюбленнымъ мѣстомъ погребенія было распутье дорогъ²⁾.

¹⁾ *J. Janko. Věstník Národopisný, II, 66.*

²⁾ О русскихъ славянахъ говоритъ лѣтопись, что они хоронили «на путехъ» (*Лавр. лѣт. — 3, 13.*)

Эти обычаи долго и упорно продолжали существовать и даже в то время, когда у славянъ появилось христіанство, установившее для погребенія мѣста около церкви. Объ этомъ обычѣ говорятъ у чеховъ церковныя запрещенія эпохи Братислава I (1039 г.) и II (1092 г.). О томъ же у померанскихъ славянъ, повѣствуетъ Эббо (*Vita Ottonis*, I, 12): «*ne sepeliant mortuos inter paganos in silvis aut in campis sed in cimiteriis*». На Руси объ этомъ встрѣчается въ запрещеніяхъ новгородскихъ еп. Макарія и Феодосія въ 1534 и 1548 гг., указывающихъ, что жители Вотской пятины «мертвыхъ своихъ кладутъ въ лѣсѣхъ по курганомъ и коломищомъ» (коломище — жальникъ). Въ Словакіи, несмотря на церковныя запреты, еще въ XVIII в., мертвыхъ хоронили въ лѣсахъ, подъ деревьями, а у сербовъ этотъ обычай длился до недавнихъ поръ.

Величина кладбища опредѣлялась числомъ членовъ поселенія или рода.

Имѣются свѣдѣнія объ одинокихъ могилахъ, о небольшихъ группахъ, но чаще всего о большихъ кладбищахъ, доходящихъ иногда до ста могилъ. Въ Чехіи были найдены поля погребеній, состоящія болѣе чѣмъ изъ 250 могилъ и относимыя еще къ эпохѣ сожженія (у Платениць, при Добръжиховѣ); въ Полабьи (у *Darzau*, нижн. течение Эльбы, 4000) и на Руси (у Черняхова 500—600, у Снѣтина, по подсчету Самоквасова, 1700 могилъ въ одной группѣ). Кладбища достигали многихъ сотенъ, а иногда и тысячъ могилъ.

Очень часто могилы на кладбищахъ были раздѣлены на небольшія группы, какъ погребенія отдѣльныхъ семей или родовъ.

Оградой для кладбища служили заборы или валы, но объ этомъ археологія даетъ очень мало свѣдѣній, указывая лишь на валъ, опоясывающій кладбище, въ особенности, когда оно было расположено на мѣстѣ стараго городища.

Что же касается «мѣста сожженія», то на каждомъ кладбищѣ ихъ было одно или нѣсколько въ видѣ желобчатыхъ ямъ, расположенныхъ въ сторонѣ, откуда, по сожженіи, пепель выгребали и зарывали въ специально приготовленную для по-

гребенія могилу. Такія мѣста для сожженій называются «жаровища» или «ustrina» отъ лат. *ustrina* или *ustrinum* (мѣсто для сожженія труповъ).

Въ IX—XI вв. славяне одинаково примѣняли оба вида сожженія; на могилѣ или на особомъ «жаровищѣ», на что указываютъ находки на русскихъ кладбищахъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области помогутъ установить, было ли у славянъ общее жаровище мѣстнымъ явленіемъ, или, какъ полагаютъ нѣкоторые¹⁾, оно было перенято отъ сѣверныхъ народовъ.

Рис. 3. Похороны у гуцуловъ.

¹⁾ Спицынъ, А. Изв. Арх. XV, 9.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

ЧАСТЬ II

ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ

X

ТКАНИ И МЪХА.

На основаніи данныхъ доисторической культуры, можно установить, что въ періодъ, предшествовавшій раздѣленію народовъ, индоевропейцы и славяне не ходили нагими. Терминъ «нагъ» (*pagъ*¹⁾ древній и общеславянскій примѣнялся для различія нагого отъ одѣтаго.

Къ этой же эпохѣ совмѣстной жизни всѣхъ славянъ относится и цѣлый рядъ какъ названій тканей (*tkaň*, полотно, сукно), такъ и отдѣльныхъ частей одеждъ: рубашка (*rouho*), полотенце (*ručnik*), саванъ, *rubasъ*, штаны (*nohavice*), онучи, обувь, плащъ, кожухъ, юбка, поясъ и пр.

Однако, несмотря на существованіе столь многихъ общихъ названій, можно предположить, что древне-славянское одѣяніе было долгое время просто и однообразно особенно у народа, жившаго вдали отъ торговыхъ путей и не имѣвшаго достатка покупать себѣ у пришлыхъ купцовъ южные и восточные товары, будь то драгоцѣнные украшенія, дорогія ткани или уже готовое платье иноземнаго покроя.

Домашняя выработка тканей, кропотливая и несовершенная какъ технически, такъ и эстетически, неизбѣжно влекла за собою однообразіе и простоту славянскихъ одеждъ.

Поворотъ наступилъ лишь ко времени Р. X. Въ теченіе

¹⁾ Miklosich. E. W. ст.-сл. — *pagъ*, лит. — *nogas*, *nougas*, лат. — *nudus*.

періода, начиная отъ римской эры и до конца язычества, постепенно измѣнялся вкусъ, что оказало вліяніе не только на украшенія, но и на построй одеждъ, во всей средней и сѣв. Европѣ, а слѣдовательно и у славянъ. Къ началу христіанской эпохи славяне обладали болѣе богатымъ гардеробомъ, чѣмъ въ періодъ ихъ общей жизни съ другими народами, но, правда, что въ ихъ одѣяніи было много чужого и заимствованнаго, въ особенности среди имущаго класса.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію славянской одежды, необходимо остановиться на матеріалахъ, изъ которыхъ она изготовлялась.

Первымъ и основнымъ его видомъ повсемѣстно была снятая и соотвѣтственно пригнанная шкура убитыхъ звѣрей. Въ доисторической періодъ и у всѣхъ примитивныхъ народовъ звѣриная шкура служила главной одеждой, а впоследствии удержалась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ природа и климатъ требовали теплаго одѣянія, т. е. на территоріи средней и сѣверной Европы.

Въ суровой по климату славянской области, теплая одежда была необходима болѣе большую часть года и въ тѣ времена, когда славяне еще не знали выработки сукна и войлока, они естественно должны были пользоваться выдѣланными теплыми мѣхами. Даже и въ болѣе позднюю эпоху мѣхъ продолжалъ быть у славянъ излюбленнымъ матеріаломъ не только для собственныхъ нуждъ, но и для торговли съ югомъ, гдѣ его цѣнили, какъ предметъ роскоши и украшенія.

Естественно, что для изготовленія верхней одежды были пригодны, прежде всего, мѣха крупныхъ животныхъ; изъ домашнихъ шли на это кожи барановъ, а изъ дикихъ звѣрей — медвѣдей и волковъ. Въ древнихъ источникахъ упоминается, главнымъ образомъ, мѣха мелкихъ хищниковъ, въ особенности куница, соболь, горностай, лисица и выдра, а изъ грызуновъ — бобръ и бѣлка. Всѣ эти мѣха употреблялись на подшивку, оторочку и для головныхъ уборовъ. Римскіе и византійскіе портные умѣли шивать ихъ для изготовленія платья большого размѣра. Уже самый переходъ названій изъ славянскаго въ латинскій языкъ — *veverka* слав., въ *viverra* и греч. (куница —

ὁ καυνάκης, ἢ καυνάκη) свидѣтельствуютъ о торговлѣ и сношеніяхъ славянъ съ югомъ Европы¹).

Всѣ эти мѣха, занимавшіе главное мѣсто среди вывозимыхъ товаровъ приобрѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, столь важное значеніе, что куньи, бѣличьи и собольи шкурки стали денежной единицей при мѣновой торговлѣ, или при собираніи дани. Извѣстно, что уже IX—XII в. русскіе племена платили дань чужимъ или своимъ князьямъ по одной куньей или бѣличьей шкуркѣ со двора²), а иногда давали «куньи»³). Въ тѣ времена владѣть запасомъ этихъ мѣховъ, значило быть богатымъ. Въ княжьихъ или городскихъ сокровищницахъ лежали запасы куньихъ и бѣличьихъ мѣховъ («кунь и бѣль»); когда русскіе князья раздавали подарки дружинѣ и народу, или чужеземнымъ владыкамъ, среди нихъ преобладали мѣха, особенно бобровые, собольи, чернобурой лисы и горностая. Такъ, въ лѣтописи говорится, что Игорь (945 г.), Ольга (955) и Святополкъ, когда «садились на княжій столъ» раздавали мѣховыя одежды и куньи шкурки.

Также и чешскій Ольдрихъ (Oldřich), и польскій князь посылають королю Лотарю въ 1135 г. «pelles griseas atque merdellinas» наряду съ «variis auri et argenti et pretiosarum rerum muneribus»⁴). Одинаково высоко цѣнили мѣха въ древней Руси, ставя ихъ наряду съ серебромъ и золотомъ, что явствуетъ изъ лѣтописной записи подъ 1068 г. «дворъ жь княжъ

¹) О томъ, что изъ Чехіи вывозили бобровые и другіе мѣха свидѣлствуетъ Ибрагимъ-ибнъ-Якубъ (изд. Розена, стр. 49). О Польшѣ упоминаетъ Длугошъ; онъ же говоритъ и о древ. Руси, изобиловавшей мѣхами, а въ нихъ «plena sebelliorum, mardurum et aliarum nobilium pellium de animalibus», и что люди эти мѣха «ditissime vestiuntur» (ed. Przewdziecki I, 26). Объ экспортѣ древне-русскихъ мѣховъ на Югъ и, глав. образомъ, на Востокъ, сообщаютъ ибнъ-Ростехъ, Хаукаль и др. (*Гаркави* Сказан. 49, 221, 251, 263, 264, 276).

²) Хозары брали съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей по бѣличьему мѣху; Варяги же взимали съ Древлянъ по черной куницѣ, равно какъ и Ольгѣ Древляне платили дань мѣхами (*Лавр. лѣт.*³, 18, 23, 57).

³) *Кауфманъ, И.* Записки нумиз. отд. Арх. Общ. II, вып. 1—2, стр. 2. Спб. 1910.

⁴) *Ann. Paganenses*, подъ годомъ 1135, Pertz M. G. H. XVI, стр. 257.

разграбиша, бесчисленное множество золота и серебра, кунами и бѣлью» (Лавр. лѣт.³ 167). Древніе кожевенники и скорняки упоминаются уже въ источникахъ XI в.

Наряду съ выдѣлкой мѣховъ, рано появилось и домашнее производство тканей плетеныхъ, или изготовляемыхъ на примитивномъ вертикальномъ станкѣ изъ льняныхъ, конопляныхъ или шерстяныхъ волоконъ.

Полотно, сукно, ткань, а также *волна* были древнія общеславянскія понятія¹⁾. Ленъ является древнѣйшимъ индоевропейскимъ культурнымъ растеніемъ²⁾; конопля была рано заимствована славянами у иранцевъ, которые употребляли ее какъ одурманивающее средство, а также издавна знали, что ея волокна пригодны для изготовленія тканей. Древнее свидѣтельство времени Геродота, т. е. V в. до Р. Х. указываетъ, что еракійцы дѣлали одежду изъ конопли, а ея сѣмена были найдены на территоріи западныхъ славянъ въ могилахъ времени до Р. Х.

Въ историческихъ памятникахъ она впервые упоминается въ церковномъ постановленіи кн. Ярослава: «Аще челоувѣкъ иметь красти коноплю, или ленъ и всакое жито»³⁾.

Ибрагимъ-ибнъ-Якубъ говоритъ, что въ X в. въ Чехіи выдѣлывали изъ льна довольно высокаго качества ткань, но небольшого размѣра (платокъ), которая служила мѣстной мѣновою единицей⁴⁾. Сюда же слѣдуетъ отнести и подати льномъ и кусками полотна, примѣромъ чему можетъ служить уплата

¹⁾ Ткань — tkanina, ст.-сл. тъkanie отъ корня тък, тъкати. Сукно отъ сѣк, отсюда чешск. soukati. Полотно: ст.-сл. платьно, платѣнь изъ праславянск. polъ, polъно; глаголь poltiti обозначаетъ то, что можно складывать.

²⁾ На древнее происхожденіе льна указываютъ сходныя названія во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ: греч. — *λίνον*, лат. — *linum*, брет. — *lien*, литовск. — *linai* и слав. — *льнъ*.

³⁾ *Владимірскій-Будановъ*. Хрест. по истор. русск. права. I, 21.

⁴⁾ Обыватели Праги имѣли деревянныя скрѣни, наполненныя ими, и въ обмѣнъ на эти ткани можно было купить плоды, зерно, коня и, даже, золотыя и серебряныя надѣлія (Изд. Westberg'a, стр. 54 и слѣд.).

славянами дани франкамъ въ видѣ «linum ad duas camisiales»¹⁾).

Овечья шерсть и шерстяныя ткани упоминаются уже въ самыхъ древнихъ переводахъ Библии, и въ другихъ источникахъ XI в.; напр. въ Изборникѣ Святослава: «отъ вълны сы а не отъ льну», или въ житіи Θεодосія (по записи Нестора): «Θеодосію руками прядущю вълну»; 9: «сядѣше прядыи вълну на съплетение копытцемъ». Кромѣ того, остатки льняныхъ и шерстяныхъ издѣлій были нерѣдко находимы при раскопкахъ могилъ. Впрочемъ, большинство описаній этихъ находокъ говоритъ лишь о качествѣ ткани, не указывая ея сорта. Такъ же невозможно безошибочно опредѣлить и остатки *войлока* изъ битой шерсти, хотя общеславянское названіе указываетъ на древнее и мѣстное его происхожденіе²⁾; свидѣтельства въ памятникахъ письменности сохранились лишь отъ болѣе поздняго времени (XIV—XV в.).

Въ X в. впервые упоминается въ славянскихъ земляхъ грубая нижняя одежда («исподнее платье» — *goucha*), тканая изъ конскихъ волосъ или козьей шерсти, по образцу, какъ то носили христіанскіе аскеты³⁾.

Мѣха, льняное полотно, или изъ конопляныхъ волоконъ, равно и шерстяныя ткани служили славянамъ основнымъ матеріаломъ для изготовленія домашнего платья, объ этомъ въ X в. говоритъ анонимный персидскій географъ и Кардизи, причѣмъ они обычно были бѣловатаго, сѣроватаго и коричневатаго оттѣнковъ, въ зависимости отъ недостаточной выдѣлки. Наряду съ ними привозились чужеземные товары, между которыми были ткани болѣе пестрыя и богато выдѣланныя. Эта торговля способствовала тому, что къ концу языческаго періода князья, ихъ приближенные и вообще богатые люди

¹⁾ *Грамота 1150 г.* см. Erben. Reg. I, 126.

²⁾ Ст.-сл. — *plъstь*; рус. — *полстъ*, *полстина*; чешск. — *plst'*; польск. — *plśé*.

³⁾ Подобную власяницу носили монахи Печерск. Лавры (*Лавр. лѣт.* подъ 1074 г., стр. 186, 189). Согласно легендѣ Kristiana св. Вацлавъ также въ X в. носилъ «*ciliciis ob oblacionem mundicie servandam utens asperis nimis*». *ed. Pekař. Nejst. kronika*, 152, 181.

носили одежды чужого покроя, или сшитыя изъ цѣнныхъ привозныхъ тканей, чѣмъ отличались отъ остального населенія и своихъ бѣдныхъ сосѣдей.

Между иноземными, привозными тканями, упоминаемыми въ древнихъ источникахъ и находимыми въ могилахъ, первое мѣсто занимаетъ *шелкъ*, который былъ распространенъ по всему славянству. Съ древнѣйшихъ временъ его доставляли изъ Китая черезъ Азію торговыми караванами на югъ Европы, откуда онъ распространялся и на сѣверъ. Трудно установить, ознакомились ли съ нимъ славяне черезъ посредство германцевъ, на что указываетъ его чешское названіе *hedváb*, церк.-слав. *godovablъ*, отъ верх. нѣм. *godaweppi* изъ готск. *gudawabi*, или же онъ былъ заимствованъ непосредственно изъ Азіи, какъ то полагаютъ Шрадеръ, сопоставляя англо-сакс. *seolc*, литовск. *szilkai*, старо-прусск. *silkas*, и считая ихъ за производные изъ ст.-слав. *selkъ*.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что уже къ концу языческаго періода у славянъ шелкъ получилъ свое мѣстное наименованіе *svila*, *свила* отъ «вити», «свити». У Іоанна, экзарха болгарскаго встрѣчается уже выраженіе: «ризы свильны» и «другаго съмотри чрвы иже и себе свилу точить»¹⁾.

Отъ VIII ст. сохранились свидѣтельства, что балканскіе славяне обмѣнивали плѣнныхъ за шелковыя одежды. Олегъ, отправляясь въ 907 г. противъ Царыграда имѣлъ на ладьяхъ «парусы наволочиты Руси, а Словеномъ кропильныя» (Лавр. лѣт.³, 31). Въ чешскихъ источникахъ шелкъ упоминается въ XI в.

Можно опредѣленно установить, что въ одеждѣ богатыхъ людей шелкъ игралъ очень важную роль, особенно, когда въ Переяславлѣ и Кіевѣ установилась непосредственная имъ торговля.

Одновременно съ шелкомъ, къ славянамъ шла, торговыми путями, тяжелая золотая парча и «аксамить», т. е. золотная или

¹⁾ *Срезневскій*. Матеріалы. III, 271.

серебряная ткань съ разводами, плотная и ворсистая, какъ бархатъ¹⁾.

Кромѣ этого приходили и легкія прозрачныя ткани для покрываль, искусно и пестро окрашенныя или вышитыя и для нихъ также сохранилось нѣсколько названій.

Общеславянское *аксамитъ* (XII в.) или *оксамитъ* взяты изъ греч. *ἀξάμιτον*—*ἐξάμιτον*; *koprina*, *kropina* (XII в.) шелковая ткань — возможно, что это названіе мѣстнаго славянскаго происхожденія; *kutnja* — полосатая полусшелковая ткань — отъ турецк. *kutni*, бухар. *chutne*; *bračinz*, *bračepъ* (XI в.) шелковая ткань. Бернекеръ производитъ это слово отъ лат. *brāca* (штаны) итальянск. *braca*. Академикъ Соболевскій (Archiv. sl. Phil. XXXIII. 609), считая его корень отъ *bark*, связываетъ съ араб. *barrakān*, — *barkān*, *barchāt*, *bar-chent* (отсюда русск. бархатъ). *Olovir* (оловиръ) — пурпуровая ткань, тканая золотомъ; въ Ипатьевск. лѣт. подъ 1252 г. есть такое упоминаніе: «Кожюхъ оловира Грецкаго и круживы златыми ошить». *Фофудья* (*fofudija*), восточная драгоценная ткань, изъ которой дѣлались одежды; въ лѣтописномъ извѣстїи, относящемся къ 912 г. — «Леонъ (импер. визан.) почти послы русскыя дарми, златомъ и паволоками и фофудьями»²⁾. Арабское слово «*миткаль*» обозначало уже въ X в. византійскую ткань, которую у славянъ обмѣнивали на мѣху³⁾.

Историческія и археологическія данныя и даже миниатюры рукописей X—XI в. указываютъ, что одежды славянскихъ князей этого времени шились именно изъ чужестранныхъ тканей, доставляемыхъ по торговымъ путямъ съ Востока или изъ Византіи.

¹⁾ Объ аксамитѣ упоминается въ Словѣ о Полку Игоревомъ: «помчаша (Русичи) красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато и поволокы и драгыя оксамиты». *Савваитовъ*. Описаніе стар. русск. утвар. одеждъ, оружія... Спб. 1896 г., стр. 2.

²⁾ Лавр. лѣт. ³ 37, ср. *Савваитовъ* «Описаніе», гдѣ онъ производитъ это названіе отъ еврейскаго *efud*, *efod* — *amiculum humerale*, для котораго употреблялась ткань изъ золота, крученаго виссона, а также изъ пряжи разн. цвѣтовъ.

³⁾ *Иностранцевъ, К.* Изъ исторіи старинныхъ тканей (Зап. Вост. О. Русск. Арх. Общ. XIII, 4, 1901).

Въ древней Европѣ, особенно у германцевъ, иногда пользовались для изготовленія одежды, вѣрнѣе нѣкоторыхъ ея частей, какъ-то, поясовъ, обуви, или плащей — древеснымъ лыкомъ. Прямыхъ свѣдѣній объ этомъ у славянъ нѣтъ, но возможно предположить такое использование лыка и у нихъ, тѣмъ болѣе, что самое слово *лыко* — древнее и общеславянское¹⁾.

XI

ОДЕЖДА.

Славянская одежда отличалась какъ общимъ видомъ, а также и деталями отъ платья сосѣднихъ народовъ, не только восточныхъ, что было вполне естественно, при наличіи большой разницы культуръ, но и западныхъ, напр., германскихъ. Объ этомъ имѣется рядъ историческихъ свидѣтельствъ: одно изъ нихъ повѣствуетъ, что въ 631 г. нѣмецкій король Дагобертъ отправилъ посла Сихарія къ князю Само, правившему въ Чехіи, но Само не допустилъ его къ себѣ прежде, чѣмъ этотъ посолъ не переодѣлся и не явился къ нему въ славянскомъ платьѣ²⁾.

Аналогичное свѣдѣніе, относящееся къ концу языческаго періода, имѣется и о померанскихъ славянахъ: нѣмецъ Гериманнъ, помощникъ епископа Оттона въ 1124 г., пришелъ къ святыни Триглава въ Штетинѣ предварительно переодѣвшись въ славянское одѣяніе, такъ какъ упоминается о шапкѣ и плащѣ³⁾.

Отсюда уже видно, что нѣмцы своимъ костюмомъ отличались отъ мѣстныхъ славянъ и что, то же самое, но въ большей мѣрѣ могло распространяться на чужестранцевъ, входящихъ съ Востока.

Конечно, по этимъ свидѣтельствамъ нельзя установить, чѣмъ собственно отличался славянскій костюмъ — отдѣльными

¹⁾ Будиловичъ. Слав. I. 109.

²⁾ *Fredegar, Chron* IV. 68 (Sicharius vestem indutus ad instar Sclavinorum).

³⁾ *Ebbo* II. 13 — «Herimannus pilliolum barbaricum et clamidem mercatus».

ли частями, покроемъ или манерою его носить; и это тѣмъ болѣе трудно опредѣлить въ силу того, что отдѣльныя части одежды имѣютъ много аналогій и у сосѣднихъ народовъ. Прокопій (VI в.) такъ характеризуетъ древнюю одежду славянъ: «нѣкоторые не имѣютъ ни хитоновъ, ни грубыхъ плащей, а ходятъ лишь въ штанахъ, которые доходятъ до бедеръ; такъ они ходятъ и въ бой противъ враговъ»¹⁾).

Дальнѣйшій рядъ свидѣтельствъ относится уже къ IX—X в.; въ большинствѣ случаевъ они принадлежатъ арабскимъ писателямъ, причемъ надо всегда имѣть въ виду различіе между русами и славянами, которые, поскольку это касалось одежды, въ этихъ извѣстіяхъ были иначе характеризованы. Впрочемъ, къ этому времени терминъ «русь», рускій, принимаетъ уже болѣе широкое территоріальное значеніе. Для арабскихъ писателей «русы» и славяне, вслѣдствіе близкихъ сношеній, могли уже не выдѣляться своими характерными признаками. Поэтому, когда рѣчь идетъ о русскихъ купцахъ на Волгѣ или о дружинѣ Святослава, нельзя исключать возможности наличія въ нихъ славянскаго элемента. Такъ напр., Фадланъ сообщаетъ о русскихъ купцахъ, плавающихъ по Волгѣ: «Они рыжи, не надѣваютъ ни куртокъ, ни кафтановъ, но у нихъ мужчина надѣваетъ кису, которою онъ обвиваетъ одинъ изъ боковъ и одну руку выпускаетъ изъ подъ нея»²⁾. Однако, этихъ купцовъ онъ отличаетъ отъ умершаго русскаго вождя, которому для погребенія одѣли куртку, шаравары, носки (или башмаки), сапоги и кафтанъ изъ «дибаджа» съ золотыми пуговицами, надѣли ему на голову «калансуву изъ дибаджа съ соболемъ»³⁾. Ибнъ-Хаукаль говоритъ о томъ же: «Руссы. Одежда ихъ малыя куртки, одежда же хазаръ и болгаръ — цѣлыя куртки»⁴⁾, причемъ эту справку Хаукаль заимствовалъ у Истахри. Позднѣе Кардизи сообщаетъ о славянахъ: «одежда ихъ рубахи; они носятъ сапоги. Ихъ обувь походитъ на табаристанскіе сапоги, которые носятъ

¹⁾ *Prokopios*. В. Г. III. 14.

²⁾ Переводъ *Гаркави*. Сказанія, 93.

³⁾ *Idem* 98; высокая шапка.

⁴⁾ *Ibid.* 221.

табор. женщины». Кроме того онъ упоминаетъ, что «одежда руси и славянъ изъ полотна... они носятъ верхнюю одежду и надѣваютъ шапки»¹⁾. Персидскій географъ, черпавшій свѣдѣнія изъ того же источника, что и Кардизи, написалъ о славянахъ: «Они все носятъ рубашки и наголенники до щиколотокъ»... «Одежда ихъ большею частью лень»²⁾. Далѣе онъ добавляетъ о русахъ: «изъ болѣе или менѣе ста локтей кербаса шиваютъ шаровары и носятъ, заворачивая выше колѣна. На головѣ носятъ шерстяныя шапки, спуская внизъ за затылкомъ конецъ». Къ этому можно добавить и свидѣтельство ибнъ-Ростеха: «Шаровары носятъ они широкія: сто локтей матеріи идетъ на каждыя. Надѣвая шаровары, собираютъ они ихъ въ сборки у колѣна, къ которымъ затѣмъ и привязываютъ»³⁾. Ибрагимъ ибнъ-Якубъ написалъ о славянахъ: «Носятъ широкія одежды и лишь рукава книзу узки»⁴⁾.

Заслуживаетъ упоминанія еще одно свидѣтельство XIV в., описывающее народный словинскій костюмъ, который возникъ передъ X ст., и въ который одѣвался, согласно старой традиціи, вступавшій на княженіе Корутанскій князь. Этотъ нарядъ составляли штаны изъ сѣраго сукна, красныя башмаки, привязанные ремешками, сѣрая суконная куртка безъ воротника, съ разрѣзомъ спереди и сзади длиною до колѣнъ, неподрубленный сѣрый плащъ, выкроенный изъ цѣльнаго куска и на головѣ сѣрая шапка съ четырьмя цвѣтными кистями. Подобное же одѣяніе у князя Мейнгардта указываетъ Янъ изъ Виктринга въ 1341 г., прибавляя послѣ его описанія «*eodem modo, quo rusticus induitur*»⁵⁾.

Изъ приведенныхъ историческихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что они или противорѣчатъ одно другому, или не даютъ возможности составить представленіе объ одеждѣ славянъ. Поэтому, необходимо обратиться къ другимъ источникамъ, и прежде всего къ археологіи.

¹⁾ Кардизи. Изд. Бартольда, стр. 123.

²⁾ Туманскій. *Idem* стр. 135, 136.

³⁾ Гаркави. *Ibid* стр. 269.

⁴⁾ Изд. Розена, стр. 54.

⁵⁾ Font. Rer. Germanorum ed. *Bochmer*, I, 318.

Археологическія находки въ этомъ отношеніи даютъ очень немного. Большею частью это незначительные остатки тканей, которыя иногда можно довольно точно опредѣлить, остатки обуви (кожа сохраняется лучше) и головныхъ уборовъ; при раскопкахъ весьма рѣдко встрѣчается настолько сохранившаяся одежда, чтобы по ней можно было догадаться о формѣ платья.

Находки украшеній, пряжекъ, пуговицъ, металлическихъ бляшекъ, которыя нерѣдко нашивались на коймы и рубцы, облегчаютъ опредѣленіе рода одежды, въ которой былъ погребенъ умершій. Онѣ характерны для богатыхъ погребеній, въ которыхъ финскіе, восточные и византійскіе наряды въ изобиліи снабжены металлическими украшеніями. Что же касается типическаго, мѣстнаго, народнаго костюма, то подобныя находки даютъ мало достовѣрныхъ данныхъ.

То же слѣдуетъ сказать и о русскихъ кладахъ, дающихъ много интересныхъ свѣдѣній объ одеждахъ и драгоценныхъ уборахъ, но уже относящихся къ болѣе позднему періоду — XII—XIII в.¹⁾

Такъ же мало матеріала даютъ и древніе скульптурные памятники; они сохранились въ весьма ограниченномъ количествѣ и нѣкоторые изъ нихъ спорны по времени, и вызываютъ сомнѣніе въ ихъ подлинности. Такъ называемая «Святовитова» колонна — памятникъ, дѣйствительно, древній, но изъ костюма на ней можно различить лишь низкую шапку, да кафтанъ или рубаху съ поясомъ. На колоннахъ Марка и Траяна въ Римѣ и на Траяновомъ памятникѣ въ Адамклисѣ (Добруджа) изображены нѣкоторыя подробности одѣянія варваровъ сѣверныхъ Карпатъ, которыя во многомъ сходны со славянской одеждой конца языческаго періода, но это сходство, за неимѣніемъ другихъ доводовъ, недостаточно, чтобы вывести заключеніе, что эти варвары являются славянами II ст. по Р. Х. (см. табл. IX). Начиная съ X в. имѣется болѣе опредѣленный иконографическій матеріалъ въ миниатюрахъ, фрескахъ и др.

¹⁾ *Кондаковъ, Н. П.* Русскіе клады. Древности великокняжескаго періода. Спб. 1896.

памятникахъ искусства. Весь этотъ матеріаль, особенно съ XI в., имѣлъ бы неизмѣримое значеніе, такъ какъ въ одеждахъ еще многое сохранилось отъ предыдущихъ эпохъ, если бы въ немъ не было одного спорнаго пункта.

Дѣло въ томъ, что большинство этихъ изображеній является лишь схематическими рисунками, которые выполняли иллюминаторы на западѣ и востокѣ славянства на основаніи древней, античной, впоследствии византійской традиціи и образцовъ, причемъ это касалось, главнымъ образомъ, фигуръ, ихъ выраженія и деталей одеждъ. Передача позъ и рисунокъ платья чаще всего основывается на римскомъ и византійскомъ антикѣ, и поэтому изображенное на фрескѣ или миниатюрѣ не всегда можно относить къ тому времени, когда они были исполнены. Прежде всего слѣдуетъ детально и тщательно разбирать, является ли рисунокъ схемою, или иллюстраторъ изображалъ реалистично, заимствуя изъ окружающей его дѣйствительности X или XI в. Съ этой точки зрѣнія и необходимо разсматривать всѣ памятники искусства.

Къ числу миниатюръ, возникшихъ на западѣ, или изображающихъ событія западнаго славянства въ Чехіи, относятся: такъ называемый Вышеградскій кодексъ, писанный въ Прагѣ во второй половинѣ XI в.; затѣмъ Евангеліе библіотеки св. Вита и кодексъ Апокалипсиса (съ глаголическими отрывками), хранящійся въ той же библіотекѣ¹⁾, Евангеліе Піаристской коллегіи²⁾ въ Прагѣ конца XI или начала XII в. и два кодекса, сохранившіеся въ Польшѣ: такъ называемый *codex augeus* и краковскій кодексъ: оба XI в. и принадлежать той же школѣ миниатюристовъ, откуда вышелъ Вышеградскій кодексъ.

Важное значеніе имѣетъ Гумбольдова легенда о св. Вацлавѣ въ Вольфенбюттельскомъ кодексѣ, составленномъ въ самомъ концѣ X или началѣ XI в., по приказанію княгини Эммы, жены Болеслава II (967—999). Этотъ памятникъ любопытенъ тѣмъ, что иллюминаторъ рисовалъ не по шаблону и устано-

¹⁾ *Podlah. Soupis památek. Praha, II, 2* и его же *Pam. arch. XXII. 401.*

²⁾ Монашескій орденъ.

вившейся манерѣ, но придавъ фигурамъ жизненность и индивидуальныя черты; всѣ изображенія вполнѣ исторически вѣрны, въ силу чего памятникъ приобрѣлъ крупное культурное, историческое значеніе.

Другіе указанные памятники, въ томъ числѣ и Вышеградскій кодексъ, не могутъ сравняться съ нимъ по значенію, такъ какъ ихъ изображенія шаблонны и схематичны, какъ и всѣ имъ современныя среднеевропейскія миниатюры. Встрѣчающіяся въ этихъ рукописяхъ одежды имѣютъ значеніе, поскольку они воспроизводятъ одѣяніе, которое сложилось изъ болѣе древняго, со слабой примѣсью византійскаго вліянія, и которое носили въ X—XI ст. во всей средней Европѣ, а также отчасти и у западныхъ славянъ. Подобнаго же рода и символическая фигура Sclauini'и (изображена на выходномъ листѣ Мюнхенскаго Евангелія рядомъ съ олицетвореніями Рима, Германіи и Галліи), выражающая изъясненіе покорности Оттону III, такъ какъ ея нарядъ не содержитъ въ себѣ ничего характерно славянскаго.

Изъ фресокъ слѣдуетъ отмѣтить роспись крѣпостной (hrad — ср. русск. — городище) капеллы въ Зноймѣ (Znaim), начала XII в.¹⁾, изображающую сцену изъ языческихъ временъ: призваніе къ власти Перемысла (Přemysla).

Объ одеждѣ восточныхъ славянъ и прежде всего о княжескомъ уборѣ можно составить представленіе по наиболѣе древнимъ восточнымъ, русскимъ и византійскимъ рукописямъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ богато изукрашенная Псалтырь XI в. архіепископа Трирскаго Эгберта, называемая Codex Gertrudianus съ изображеніемъ кн. Ярополка Изяславича († 1085), жены его Ирины и матери Гертруды²⁾ и «Изборникъ Святослава» 1073 г. вѣрно изображающій (подобно

¹⁾ По новому изслѣдованію проф. Матейчика относится къ началу XIII в.

²⁾ Этотъ кодексъ издали *H. V. Sauerland* и *A. Haseloff* — «Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier. 1901. Къ этой рукописи присоединено 5 листовъ, среди которыхъ есть изображенія русской княжеской семьи. Разборъ этихъ листовъ см. *Кондаковъ, Н. П.* «Изображенія рус. княж. семьи въ миниатюрахъ XI в.» Спб. 1906.

Вольфенбюттельскому кодексу) русскую одежду того времени¹). Далѣе, сюда слѣдуетъ отнести древнее изображеніе свв. кн. Бориса и Глѣба, сыновей вел. кн. Владиміра Святославовича, убитыхъ въ 1015 г.; оно является точной копіей стараго оригинала, написаннаго вскорѣ послѣ ихъ кончины для Вышгородской церкви ихъ имени²).

Рис. 4. Св. князь Борисъ. Изъ «Бесѣды І. Златоуста».

Къ нимъ близки и изображенія отдѣльныхъ княжескихъ фигуръ XII вѣка въ стереотипныхъ праздничныхъ одеждахъ³). Изъ нихъ наиболѣе важной по значенію была бы фреска съ изображеніемъ семьи кн. Ярослава, въ храмѣ св. Софіи въ Кіевѣ (1037 г.), если бы позднѣе, при реставраціи, часть ихъ не была замѣнена фигурами свв. Софіи, Вѣры, Надежды и Любви; отъ оригинала остались лишь двѣ фигуры, къ сожалѣнію подправленныя очень неточно. Для характеристики одеждъ нельзя также воспользоваться фресками лѣстницъ этого храма, не потому, что онѣ были исполнены византійскими мастерами, но какъ указалъ Н. П. Кондаковъ⁴), онѣ воспроизводятъ характерно-византійскіе сюже-

¹) Пономаревъ, В. Памятники древнерусской церков. литер. 1897. III. 253 «Изборникъ» былъ изданъ въ 1880 г. Общ. Любит. Древн. Письмен.

²) Срезневскій Древнія изображенія свв. кн. Бориса и Глѣба. Спб. 1863.

³) Стасовъ, В. Миниатюры иѣкот. рукп. визан. болгарск. русск. и персидск. Спб. 1902 и Кондаковъ *idem*, стр. 42, 44.

⁴) Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора Спб. 1888 г. Рѣдинъ и Айналовъ. Кіево-Софійскій соборъ. Спб. 1889.

ты: цирковыя игры и состязанія въ присутствіи императора и его двора. Однако, ни содержаніе росписи, ни одежды на ней изображенныя, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ встрѣчаются варварскіе наряды, нельзя принимать за славянскіе.

Еще слѣдуетъ упомянуть «Подлинники», которые, сохраняя характеръ греческихъ оригиналовъ X—XI в., въ то же время вносятъ измѣненія какъ въ рисунокъ фигуръ, изобра-

Рис. 5. Фигуры болгаръ изъ Ватиканскаго Менологія.

жающихъ народъ, такъ и въ одѣянія, какъ напримѣръ, облекая свв. Бориса и Глѣба въ типичную русскую одежду-шубу и шапку (княжескую¹).

Въ одной изъ византійскихъ рукописей XIV в. — Иоанна Скилица Куропалата — (открыта Н. П. Кондаковымъ въ Мадридской библ.²) имѣется нѣсколько миниатюръ, представляющихъ сцены изъ русской исторіи временъ Святослава; но эти рисунки поздни и недостаточно ясны.

¹) Прохоровъ, В. Христіанскія древности, т. I кн. 1.

²) Кондаковъ, Н. П. Русскіе клады. т. I, рис. 41, 95, 122 и стр. 212.

Зато большой интерес представляют изображенія болгаръ, покоренныхъ царемъ Василиемъ II Болгаробойцемъ, въ миниатюрѣ греческой псалтыри, хранящейся въ библиотекѣ св. Марка въ Венеціи¹⁾ и фигуры двухъ болгаръ на миниатюрѣ Менологія (Ватикан. библ.), писаннаго для императора Василия II (975—1025), т. е. въ концѣ X и началѣ XI в. Она изображаетъ убіеніе мучениковъ въ Адрианополѣ въ 814 г. по приказу царя Крума, но иллюминаторъ нарисовалъ уже не турецкихъ болгаръ времени Крума, но ославянившихся, т. е. далъ типы своей эпохи, на 200 лѣтъ позднѣе.

Менѣе важнымъ памятникомъ, въ смыслѣ ознакомленія со славянской одеждой конца языческаго періода, является рукопись «Хроника Манассіи», т. е. болгарскій переводъ древней хроники Константина Манассіи, писанной для болгарскаго царя Іоанна Александра въ XIV в. и украшенной множествомъ миниатюръ изъ болгарской и русской исторіи. Хотя, здѣсь и изображаются иногда сцены изъ языческой эпохи (крещеніе болгаръ, крещеніе Руси, воины Святослава и др.), но промежутокъ времени между событіями и ихъ воспроизведеніемъ слишкомъ значителенъ; рисунки поверхностны и порою неясны, вслѣдствіе чего этотъ памятникъ имѣетъ значеніе лишь при изслѣдованіи костюма и вооруженія XIV в. Изъ сербскихъ памятниковъ слѣдуетъ упомянуть инициалы Мирославова Евангелія XII в.²⁾

Что касается княжескихъ фигуръ на древнихъ монетахъ, то онѣ обычно очень неясны и схематичны. Можно только различить головной уборъ и плащъ, заколотый на плечѣ фибулой, и иногда далматину³⁾.

Гораздо яснѣе выступаютъ фигуры и даже можно различить детали костюма на драгоценныхъ вещахъ, исполненныхъ эмалью, напр., св. Борисъ и Глѣбъ на такъ называемыхъ «бар-

¹⁾ *Кондаковъ*. Македонія, стр. 230 и *Ch. Diehl*. Manuel d'art byz. 376. Paris, 1910.

²⁾ *Evangelium kn. Miroslava*. Београд. 1897.

³⁾ *E. Fiala*. České penáry. Praha, 1895. *Толстой, И. И.* «Древнѣйшія русскія монеты вел. княж. Кіевскаго». Спб. 1882. *Его же.* «Древнѣйшія русскія монеты X-XI в.». Спб. 1893.

махъ» рязанскаго (находка 1822 г.) и кievскаго (находка 1824 г.) кладовъ¹⁾.

Другихъ памятниковъ подобнаго рода вплоть до XII в. указать нельзя. Конечно, при выясненіи славянской одежды можно воспользоваться еще одной группой матеріаловъ, а именно разсмотрѣть старинные народные костюмы, которые еще съ давнихъ поръ удержались въ отдѣльныхъ областяхъ славянства, но это использованіе народнаго одѣянія славянъ для воспроизведенія его вида и формъ, существовавшихъ въ языческія времена, станетъ возможнымъ послѣ специальной работы, выполненной сравнительнымъ методомъ, такъ какъ славяне издавна подпадали подъ сильное вліяніе европейскихъ и азіатскихъ модъ — турецкихъ, татарскихъ и др., и оно было гораздо значительнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Однако, еще и понынѣ не составлено должнаго описанія и разбора одежды славянъ на Балканахъ, гдѣ она наиболѣе сохранила свой древній видъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о старомъ польскомъ костюмѣ, наиболѣе сохранившемся въ отдѣльныхъ горныхъ мѣстностяхъ; въ то время, какъ чешскій и моравскій костюмъ населенія равнинъ уже отличается своимъ видомъ²⁾.

¹⁾ *Кондаковъ*. Клады стр. 101 и Русск. древ. вып. V.

²⁾ *Eljasz Walery-Radzikowski*. *Ubiory w Polsce i u sąsiedów*. Krakow, I, 1879; II, 1889; III, 1899; IV, 1905; (aż do XV stol.). *Golebiowski, L.* *Ubiory w Polsce od najdawn. czasów*. Warszawa, 1830. *Malewski, B.* *Próba charakterystyki ubiorów ludowych* (Wisła XVIII, 285). *Koula, J.* *O kroji lidu slovenského* (Č. Lid. I, 21, 178, 273, 375, 472). *Klvaňa, Jos.* *O lidových krojích na mor. Slovensku* (Č. Lid. II, 18, 165, III, 421) *Zibrt, Č.* *Dějiny kroje v zemích českých od dob nejstarších až po války husitské*. Praha, 1892. *Оленичъ, А.* *Опытъ объ одеждѣ, оружии, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія славянъ*. Спб., 1832. *Прохоровъ, В.* *Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной*. Спб., 1881-1885. *Савченковъ*. *Старое и новое въ народномъ убранствѣ и одеждѣ* (Жив. Стар., 1890, 103). *Стасовъ, В.* *Замѣтки о древнерусской одеждѣ и вооруженіи* (Ж. М. Н. П., 1882, ССХІХ, 168-196). *Стрекаловъ, С.* *Русскія историческія одежды отъ X до XIII вѣковъ*, Спб., 1877. *Познаискій*. *Одежда малороссовъ* (Труды XII Арх. Съѣзда, III, 178-210). *Liersch, C.* *Nachrichten über Tracht und Sitten der Germanen und Slaven aus dem VI Jahrh.* (Mitth. niederlaus. 1891, 154). *Piš. Starož.* III, 1, 148.

Сравнительная филологія и въ этой области могла бы оказать помощь съ ея лексикографическимъ матеріаломъ, что можно пожелать для будущихъ работъ.

У славянъ для одеждъ было нѣсколько названій: ст.-сл. *rubo*, ц.-сл. — *одѣжда*, *odězda*, *osteyъ*, *ostězъ*, а также *порты* (пърты, пъръты, портице), этимъ терминомъ пользовались въ старыхъ памятникахъ письменности для обозначенія платья вообще, а не въ томъ узкомъ значеніи, которое ему было придано въ болѣе позднее время; напр.: «рекоша дружина Иго-реви: отроци Свѣнльжи изодѣлися суть оружемъ и порты, а мы нази» или «свергъ порты, сунуся въ Диѣпръ и побреде» (Лавр. лѣт. къ 945 и 968 гг.³, 51, 64) и «самъ же въ худыя пърты обълкъся ти, тако хожаше» (Нестор. жит. Θεοδοσία, 4 и др.). Древняго происхожденія и названіе *rubъ*, *rubu*, ст.-сл. *rabъ*, польск. *raqb*, *raqbek*, малор. *руб*.¹⁾

XII

МУЖСКОЙ КОСТЮМЪ. — НИЖНЕЕ ПЛАТЬЕ.

Вопросъ объ одеждѣ славяне не разрѣшили оригинально и красиво, какъ то сдѣлали нѣкогда греки. Древнее одѣяніе славянина не было свободно и не подчеркивало красоту тѣлесныхъ пропорцій, мускуловъ и ихъ движенія; три основныя части славянскаго костюма: штаны, рубаха и верхній плащъ, такъ же мало отвѣчали этой задачѣ. Лишь позднѣе античное вліяніе сообщило ихъ покрою нѣкоторую красоту линій, и придало легкость складкамъ. Первоначально всѣ три части костюма были довольно узки, грубы и тяжелы въ складкахъ. Исподняя одежда издавна состояла изъ штановъ и рубашки, для защиты нижней и верхней части тѣла.

Согласно извѣстію Прокопія, штаны у славянъ доходили до начала бедеръ (собственно до *μέχρι ἐς τὰ αἰδοῦτα*), гдѣ они держались стянутые кускомъ ткани, веревкой или ремнемъ,

¹⁾ Древне-русское названіе: рубъ, рубы, въ смыслѣ поношенной и разорванной одежды см. у *Срезневскаго*, *idem* III, 184.

а внизу были завязаны, чаще всего, над ладыжками. Такими ихъ изображаютъ наиболѣе древнія миниатюры (X—XI в.), на которыхъ мужчины обычно одѣты въ узкіе штаны съ ббльшимъ или меньшимъ количествомъ складокъ, въ зависимости отъ матеріала, изъ котораго они были сдѣланы, причемъ штаны, сшитые изъ сукна или «гуни» больше прилегали къ ногамъ и близки покроємъ къ тѣмъ, которые до сихъ поръ носятъ жители Карпатъ. На нѣкоторыхъ миниатюрахъ изображено, что икры ногъ обвиты тесьмой или стянуты особыми голенищами, и лишь начиная отъ колѣнъ штаны были свободны¹). Возможно, что именно въ это время чехи приняли за обычай носить римско-нѣмецкіе короткіе штаны (*hósa*), а внизъ отъ колѣнъ какія-то голенища *tibialia*, *ocreae*, *caligae*, которые держались у колѣнъ завязками. Уже въ X в. покрой штановъ у славянъ не былъ однообразенъ; на ночь штаны обычно снимались. Косьма рассказываетъ, подъ 1004 г., что поляки, которые были въ Прагѣ, раннимъ утромъ, подвергшись нападенію, убѣгали босы и безъ штановъ²). Въ древности штаны были безъ клапановъ, а разрѣвъ приходился чаще всего сбоку. Для обозначенія этой части одежды имѣлось два термина, которые, конечно, въ древности отличали покрой: *gati* (*gatě*) и *ногавицы* (*nohaviče*). Терминъ *gati* (церк.-слав. *gašie*, малоруск. *gачи*, болг. *găluta*, ст.-чешск. *hase*, праслав. *gatja*), загадочнаго происхожденія и трудно выяснить, что они первоначально значили; теперь это слово сохранилось для обозначенія свободныхъ полотняныхъ нижнихъ штановъ, что, возможно, было и въ древности въ отличіе отъ верхнихъ *ногавиць*, причемъ этотъ терминъ не только древній, но и общеславянскій.

Третье названіе — *шаровары*³) — также древнее, общеславянское, но заимствованное, вѣроятно, изъ иранскихъ языковъ. Юлій Полидевкъ (II в. по Р. Х.) сообщаетъ, что тавры и скифы имѣли исподніе штаны и называетъ ихъ *τὰ σαράβαρα* или

¹) Какъ то можно видѣть на изображеніяхъ пастуховъ въ Еван. Піаристск. Коллегіи. Pam. arch. XXII, 411—419, рис. 4—8.

²) *Козма*, I, 36... sine braciis accelerat fugam.

³) Русск. — шаровары, чешск. — šaravary, серб. — шалваре, польск. — szarawary (*Korš. Archiv für Slav.Philol.*, XI, 674.)

σαφάλλα. Это же названіе было и для широкихъ штановъ, о которыхъ припоминаетъ, говоря о русахъ, ибнъ-Ростехъ и персидскій географъ; ихъ шили изъ широкой ткани и завязывали у колѣнъ. Покрой этотъ возникъ несомнѣнно на Востокѣ, гдѣ и удержался отчасти до сихъ поръ съ тѣмъ же названіемъ. Оба указанныхъ автора, говоря о шароварахъ, имѣли въ виду только русовъ, въ то время, какъ изъ отвѣта папы Николая въ 866 г., видно, что по примѣру волжскихъ болгаръ, ихъ носили и балканскіе славяне. Самый терминъ *шаровары* распространенъ по всему славянству, указывая, что этотъ родъ широкихъ штановъ былъ извѣстенъ и другимъ славянамъ.

Ногавицы носили и другіе варвары средней и сѣверной Европы (еракійцы, даки, германцы и галлы), но едва ли можно говорить о заимствованіи съ той или другой стороны; очевидно, они были наслѣдствомъ, полученнымъ отъ общей арійской эпохи, когда первоначально возникли съ цѣлью защиты отъ холода. Конечно, позднѣе они подпадали подъ вліяніе римской или западной моды, на что, на примѣръ, указываетъ авторъ Переяславско-Суздальской лѣтописи, говоря о новой модѣ ногавицъ, заведенной латинянами¹⁾.

Другой частью нижней одежды было платье, которое одѣвалось непосредственно на тѣло и покрывало его верхнюю часть. Прокопій говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что славяне кромѣ штановъ не имѣли одежды и ходили до пояса нагими, но тотчасъ же самъ ограничиваетъ сказанное, добавляя «нѣкоторые», но, навѣрно, и эти послѣдніе не ходили такъ въ теченіе всего года. Возможно, что въ битвы они хаживали съ открытымъ торсомъ.

Рубаха была необходима для защиты тѣла отъ зимнихъ стужъ, она привилась издревле и вполнѣ естественно, что въ языческое время для этой части костюма у славянъ существуетъ нѣсколько названій, которыя служили для обозначенія разныхъ ея видовъ: «*гибъ*, *рубаха*, *рубашика*, *чехоль*, *сечел*, *свита*, *срака*, *сукня* (сукмань), *košile*, *kotyga*. Главные отличительные признаки были: длина, разрѣзъ ворота, рукава и сортъ мате-

¹⁾ Времен. Моск. Общ. Истор. и Древ., IX, 1856 г., 3.

ріама, но въ древнихъ славянскихъ памятникахъ всѣ виды смѣшиваются съ греческ. ῥάκος, ἐσθής, ὀθόνη, χιτών, ἱμάτιον, лат. *tunica, camisia, vestis*.

Однимъ изъ наиболѣе древнихъ видовъ была рубаха; на это указываетъ не только древнее, общеславянское ея наименованіе *rubъ*, ст.-сл. *rabъ* (чешск. *rubáš*, русск. *рубаха, рубище*, сербск. *рубина*, болг. *рѣбъ*, польск. *rabek*), въ смыслѣ длинной рубахи или плата, что уже засвидѣтельствовано въ памятникахъ XII в., когда говорится о плохомъ и бѣдномъ одѣяніи, но и то значеніе, которое ей присвоено въ славянскомъ фольклорѣ. Ею пользовались въ наиболѣе важныхъ случаяхъ жизни, очевидно, памятуя, что нѣкогда она была основной частью мужского и женскаго костюма.

Въ этомъ же смыслѣ въ славянствѣ былъ въ употребленіи и другой терминъ: *čechl*, русск. *чехоль, чехликъ*, и, хотя, онъ также древняго происхожденія, но этимологическое значеніе его не вполне ясно¹⁾.

Вообще родъ длинной рубахи возможно считать за древнѣйшій типъ одежды; о томъ какъ дѣлался воротъ, былъ ли онъ настолько широкъ, что голова могла свободно проходить, или для этого разрѣзали на груди, равно какой видъ имѣли рукава — не сохранилось никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній.

Варвары на памятникѣ Траяна въ Адамклисѣ облечены въ длинные рубахи, стянутыя по таліи ремнемъ, съ широкимъ разрѣзомъ и длинными рукавами, но это изображеніе можетъ служить только аналогіей, такъ какъ еще ничѣмъ не доказано славянское происхожденіе этихъ варваровъ²⁾ (таблица IX).

Лишь со времени римской эпохи въ славянскихъ земляхъ появляется множество пряжекъ и застежекъ небольшого размѣра, которыя свидѣлствуютъ, что была въ большомъ ходу одежда изъ легкихъ тканей, полотняныхъ или шерстяныхъ. Эти вещи были римскаго производства, и возможно предполо-

¹⁾ Поскольку извѣстно «чехоль» встрѣчается впервые въ Словѣ Иоанна Златоуста, рукоп. XIV в., а въ чешскихъ памятникахъ въ *Mater Verbor. XIII в.* — *čechel-sudarium*.

²⁾ *Tocilescu. Monument von Adamklissi, 66—68, 98—100.*

ТАБЛИЦА ІХ

Древняя одежда: Варваръ на Траяновомъ памятникѣ въ Адамклицѣ. — Діаволь изъ Вышеградскаго кодекса. — Статуэтка изъ кургана Полтавской губ. — Дѣвица въ рубашкѣ съ чешской миниатюры XIV в.

жить, что вмѣстѣ съ ними пришла мода на легкую, короткую римскую тунику.

Конечно, нельзя сказать, что раньше этого періода славяне не носили короткихъ рубахъ своего производства, но мода на нихъ началась съ указанной эпохи подъ вліяніемъ римскимъ, а позднѣе византійскимъ, подобно тому, какъ оттуда же къ нимъ перешли верхнія одежды и плащи.

Уже въ концѣ языческаго періода у славянъ была короткая и легкая рубаха: — *срака*, *срачица*, этотъ терминъ заимствованъ непосредственно изъ латинск. *zarca* и засвидѣтельствованъ въ памятникахъ X в., чѣмъ устанавливается ея распространеніе въ ихъ области въ концѣ I-го тысячелѣтія по Р. Х. Сорочка не носилась только какъ нижнее бѣлье, но употреблялась и какъ верхнее платье, причемъ бывала богато украшена каймой по воротнику, рукавамъ и по низу, что можно отнести за счетъ византійскаго вліянія. Такую сорочку упоминаетъ въ Шестодневѣ Іоаннъ, экзархъ болгарскій¹⁾ и равнымъ образомъ, различные виды ея, можно прослѣдить на фигурахъ святыхъ въ росписяхъ и мозаикахъ Софійскаго собора въ Кіевѣ²⁾.

Къ этимъ короткимъ сорочкамъ нужно присоединить длинныя «далматики» также византійскаго происхожденія, не имѣющія разрѣза спереди, и одѣваемые черезъ голову (*tunica dalmatica*, виз. *διβητήσιον* или *διβητίσιον*).

Наряду съ сорочкой, для той же одежды у славянъ существовало и названіе *сукня*, *сукманъ*, *сукно*, *сукманецъ*, чешск. *sukně*, польск. *suktana*, очевидно, производимое отъ *сукна*, и изготовляли ее изъ грубой домашней шерстяной ткани. Проф. Зибртъ указалъ, что лат. *tunica* въ чешскихъ памятникахъ, писанныхъ по латыни, обозначаетъ мужскую одежду, покрывающую верхнюю часть тѣла³⁾, а словарь Bohemaſius'a

¹⁾ «Смрьдаіа сядь вѣшьніаіа, іако же не соуть видѣла княза въ срацѣ златами ницьми шьвена и на вѣи гривну злату носяща»..., а въ другомъ мѣстѣ читается: «Аще ся прилучить іемоу и княза видѣти сѣдяща въ срацѣ бисьромъ поkyданѣ гривну цятаву на вѣи носяща». *Срезневскій*. Древ. извѣст. о Бор. и Глѣбѣ, стр. 24.

²⁾ Кіевскій-Софійскій соборъ, ч. I табл. 23, 29, 35 и ч. II табл. 39.

³⁾ *Zibrt. Dějiny krojeje*, стр. 60.

(XIV в.) переводить ее словомъ *сукня*¹⁾. На Руси и въ Сербіи этотъ терминъ встрѣчается лишь въ XIV в.²⁾. Распространеніе этого названія за предѣлы славянской области указываетъ, что этотъ родъ одежды былъ типическимъ для славянъ. Въ зап. Европу оно было передано черезъ посредство западн. славянъ³⁾, а изъ заноса его въ Венгрію и Грецію явствуетъ, что и Балканскіе славяне ее знали и носили⁴⁾. «Сукни» украшались аналогично сорочкамъ, богатой каймой, что видно изъ миниатюръ Вышеградскаго кодекса, гдѣ иллюминаторъ XI в. изобразилъ діавола не нагимъ, какъ обычно, но въ типичномъ для того времени одѣяніи — въ узкихъ штанахъ и въ богатой туникѣ-сукнѣ (см. табл. IX). Въ подобныхъ же костюмахъ, въ упомянутомъ кодексѣ и въ другихъ, изображены и князья⁵⁾. Другимъ украшеніемъ была мѣховая опушка или оторочка, что связано съ лучшею выдѣлкой и добротностью матеріала, изъ котораго дѣлалась сукня.

Подъ римско-византійскимъ вліяніемъ древняя рубашка начала постепенно исчезать, оставаясь лишь у простого народа. Богатые классы пользовались ею какъ нижнимъ бѣльемъ, надѣвая поверхъ легкую «срачицу» (*srakû*), или же плотный и длинный сукманъ (*sukně*). Подъ римскимъ вліяніемъ для ея обозначенія былъ принятъ особый терминъ *кошуля* (*košulja*), отъ вульгарнаго лат. *casula*, который встрѣчается уже въ славянскихъ памятникахъ съ XI ст.⁶⁾. Другія латинскія названія «*camisia*», «*interula*» попадаются въ чешскихъ источникахъ, начиная съ XII в. Косьма приводитъ народную пословицу: «*quis enim ignorat, quod camisia proprior sit corpori, quam tu-*

1) *Hanka*. Zbírka nejdávn. slovníků. 1883, стр. 43: *tunica-suknye*.

2) *Срезневскій*. Мат. III, 614—15 и Данчичъ Речник. III, 200.

3) Нѣмцы — *suckenie*; французы — *soisqualie, sorqualie*; англичане — *sequanie, suckeney*.

4) Въ Сербіи и Болгаріи и до настоящаго времени сохранилось это названіе: сукня, сукмакъ. *Кондаковъ, Н. П.* Македонія, стр. 41, 67 и *Мариновъ*. Жива Старина, II, 23.

5) *Lehner*. Česká škola, табл. XVII, 8, 10, 23.

6) Впервые это названіе встрѣчается въ Синайскомъ Патерикѣ XI ст. *Срезневскій*. Мат., I, 1306.

піса»¹⁾ Въ XIII в. Переяславскій лѣтописецъ говоритъ о русахъ: «Латына бестудіе вѣземше отъ худыхъ Римлянъ, а не отъ ватыязѣй... начаша пристроати собѣ кошулы, а не срачицы и межиножіе показывати и кротъполіе носити и яки чворъ в нагавици створше образъ килы имуще и нестыдящесе отинудъ, аки скомраси»²⁾). Впослѣдствіи понятія рубаха и сорочка слились въ кошулу, для обозначенія болѣе легкаго исподняго платья. Интересно отмѣтить, что на Руси названіе «кошула» распространялось на одежду, изготовляемую изъ заячьяго или бараньяго мѣха.

Довольно рано въ славянскихъ памятникахъ встрѣчается и «*котыга*», серб.-хорв. *котига*, малор. — *котик*; оно возникло изъ средневѣков. латин. «*cotusa*» — *tunica clericis* и замѣняло одновременно и хитонъ и гиматій.

Въ восточной церкви былъ принятъ изъ свѣтскаго греческаго костюма — *подризникъ-стихарь*, изъ греческ. *στυχάριον*, въ видѣ длиннаго до пяты хитона съ рукавами и безъ разрѣза.

XIII

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА.

Въ качествѣ верхней одежды могло служить только что описанное исподнее платье — сорочка и сукня, главнымъ образомъ, когда онѣ шились изъ добротной ткани и были достаточной длины. Польская «сукмана» стала верхнимъ, спереди открытымъ одѣяніемъ, которое носили поверхъ камзола и жупана.

Кромѣ этого, возникъ цѣлый рядъ спеціально верхней длинной одежды съ рукавами или безрукавной, которая одѣвалась черезъ голову или имѣла разрѣзы спереди, которые застегивались съ помощью различныхъ застежекъ и пуговиць.

¹⁾ Fontes. II, 192.

²⁾ Времен. Москов. Общ. Истор. Древ., IX, 1851 г., 3.

Длиннымъ верхнимъ платьемъ славянскаго происхожденія была *свита* или *свитка*¹⁾, упоминаемая въ памятникахъ, начиная съ XI в., и которая замѣняла названія — *ἰμάτιον*, *χιτών*, *ἑσθῆς*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свита была длиннымъ рукавнымъ платьемъ, которое одѣвали непосредственно на тѣло. Въ XI в. преп. Θεодосίη «въ единой свитѣ си пребываше», а «одежа его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ»²⁾. Однако, изъ памятниковъ письменности явствуетъ, что свиту носили и поверхъ рубахи; такъ напр., въ лѣтописи подъ 1074 г. сообщается о нѣкоемъ монахѣ Исаакѣ: «и облечеса въ власяницу и на власяницу свиту вотоляну»³⁾.

Это подтверждается и другими древними извѣстіями и покроемъ свиты, сохранившимся до сихъ поръ у малорусовъ и югославянъ въ видѣ верхней длинной одежды съ широкимъ въ складкахъ низомъ, изъ грубаго домашняго полотна или сукна.

Интересно отмѣтить, что на колоннѣ Траяна въ Римѣ и на его памятникѣ въ Адамклиссѣ, сѣверные варвары изображены въ длинномъ одѣяніи, напоминающимъ свиту. Однако, несмотря на это, нельзя признать правильнымъ предположеніе ряда русскихъ археологовъ и проф. П. Беньковскаго⁴⁾, что эти фигуры можно принять за славянъ, такъ какъ не исключена возможность, что другіе, сосѣдніе римлянамъ народы, напр., еракійцы и даки имѣли нарядъ, похожій на свиту.

Кабатъ, жупанъ, кафтанъ. Уже въ X—XI вв. у славянъ существуетъ, наряду со свитой, цѣлый рядъ другихъ верхнихъ одеждъ, въ большей или меньшей степени открытыхъ спереди, на груди, и сшитыхъ изъ лучшихъ тканей. Самое названіе *кабатъ* (чешск. *kaбат*, болг. *кавада*, серб. *кавад*, польск.-луж. *kabat*), было скорѣе всего восточнаго происхожденія⁵⁾, но стало впослѣдствіи общеславянскимъ.

¹⁾ Возможно отъ корня *vi*, *viviti*. Это слово обще-славянское, рядомъ съ русск. *свита*, польск. *świta*, серб.-хорв. *свита*.

²⁾ Житіе преп. Θεодосіа, состав. Несторомъ, 8 и 29.

³⁾ *Лав. мѣт.* ³, 189.

⁴⁾ *Biełkowski. Sarmaci a Roxolanie w sztuce rzymskiej* — докладъ на III съѣздѣ польскихъ историковъ. *Sprawozd. Sekc.*, III. Krakow, 1900.

⁵⁾ Персидск. — *kabā* и араб. — *'abā* обозначаютъ верхнюю одежду, открытую спереди и опушенную мѣхомъ. О восточномъ происхожденіи

Позднѣе, особенно въ Россіи и Польшѣ, появился цѣлый рядъ кабатовъ, которые разнились покроемъ и длиною, причемъ имъ были даны и спеціальныя названія. О древнѣйшей эпохѣ можно только сказать, что этотъ родъ платья уже существовалъ, но возсоздать его форму, на основаніи археологическихъ находокъ въ видѣ остатковъ воротниковъ, застежекъ, пуговицъ, опушекъ, невозможно. Матеріалы, извлеченные изъ погребеній IX—XI вв. указываютъ на неоспоримое существованіе, особенно у восточныхъ славянъ, разнообразнаго верхняго платья, шитаго изъ тяжелыхъ, цѣнныхъ и зачастую чужеземныхъ тканей, съ узкими или широкими рукавами, съ наручниками у запястій, съ отложнымъ или стоячимъ воротникомъ, свободнаго или стянутаго драгоцѣннымъ поясомъ, изукрашеннымъ бляшками и галунами, иногда еще и обшитаго по низу бахромою¹⁾, а иногда открытаго спереди и застегивающагося на рядъ пуговицъ или петлицъ²⁾. Это подтверждается археологическими раскопками въ предѣлахъ западн. славянства (въ Чехіи и Венгріи) и южнаго въ Далмаціи, но особенно обильные матеріалы поступаютъ изъ русскихъ могилъ IX—XII вв.³⁾, которые дополняютъ древніе рисунки, относящіяся, какъ къ восточнымъ, такъ и южнымъ славянамъ; такъ напр., въ Ватиканскомъ Менологіи X—XI ст. имѣется рисунокъ болгарина въ препоясанномъ кабатѣ, подбитомъ мѣхомъ и съ петлицами спереди⁴⁾, въ греческой Псалтыри (XI в. — рукопись бібліотеки св. Марка въ Венеціи), на миниатюрахъ,

кабата свидѣтельствуемъ *Константинь Порфирородный* „De ceremoniis“, III, 52, р. 744, ed. Bonn., рассказывая, что на дворцовыхъ празднествахъ, болгары и другіе народы—фаргавы, хазары, франки и пр. являются въ своихъ народныхъ костюмахъ, въ особенности въ кабатахъ.

1) Бахрома, бахрама, багрома см. *Савваитовъ*. Описаніе и *Н. П. Кондаковъ*. Русскіеклады, стр. 163 и слѣд., гдѣ поясняется, что это украшеніе ведетъ свое начало отъ ассиро-халдейской бахромы.

2) Застегиваніе кабатовъ на петлицы тоже восточнаго происхожденія, см. *Кондаковъ* «Изображеніе русск. княж. семьи», стр. 31., миниатюры уйгурскія, джагатайскія и персидскія въ соч. *Стасова*. Миниатюры, 17; какъ видно это вошло въ обычай у Славянъ уже въ X в.

3) *Толстой и Кондаковъ*. Русскія Древности, вып. V, стр. 70 и слѣд.

4) *Стасовъ*. Ibid 16. См. также рис. 4, на стр. 153

изображающихъ покореніе болгарь, фигуры одѣты въ длинные опоясанные кафтаны сѣраго, синяго и фіолетоваго цвѣтовъ съ большими воротниками и узкими рукавами, украшенными золотыми наручьями и налокотниками¹⁾. На выходномъ листѣ Святославова Изборника 1073 г., князья изображены въ препоясанныхъ кафтанахъ, съ какими-то золотыми воротниками (возможно гривнами), съ узкими рукавами и золотыми наручьями, а по переду кафтана младшаго сына Романа ясно видѣнъ рядъ аграфовъ изъ золотыхъ шну ровъ, доходящихъ до пояса²⁾.

Въ длинныхъ златотканыхъ кафтанахъ съ узкими рукавами и золотыми наручьями были написаны на древнихъ иконахъ свв. Борисъ и Глѣбъ, и кн. Ярославъ съ сыновьями на погибшей фрескѣ Кіевско-Софійскаго собора; такъ же изображали въ древнихъ «подлинникахъ» и народъ, у котораго по верхъ исподняго платья («исподъ»), надѣты кафтаны, открытые на груди и опушенные мѣхомъ³⁾.

Однорядка православныхъ князей ведетъ свое происхожденіе изъ Византіи⁴⁾. Изъ историческихъ свидѣтельствъ можно указать на ибнъ-Фадлана, который упоминаетъ о короткомъ и длинномъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами; другіе авторы (ибнъ-Хаукаль, Кардизи, Истахри и пр.) не даютъ точнаго описанія, къ тому же и переводчики ихъ не дѣлали различія между терминами: куртка, рубаха, рубашка, такъ что нельзя составить яснаго представленія о какой части одежды идетъ рѣчь. Во всякомъ случаѣ, мѣсто происхожденія этихъ каботовъ, кафтановъ и ихъ украшеній слѣдуетъ искать отчасти на Востокѣ, отчасти въ Византіи.

¹⁾ *Кондаковъ*. Македонія, 30. Равно Ибрагимъ ибнъ-Якубъ сообщаетъ о болгарскихъ послахъ, что они были одѣты въ узкое платье опоясанное длиннымъ поясомъ, на которомъ были нашиты золотыя и серебряныя пуговицы (изд. *Westberg*, стр. 56).

²⁾ *Кондаковъ*, *Н. П.* Изображ. русск. княж. семьи, 41—42.

³⁾ *Прохоровъ*, *А.* Христіанск. Древн., I, къ стр. 153, II, кн. VIII, табл. 4.

⁴⁾ Верхняя широкая, долгополая одежда, безъ воротника съ длинными рукавами, подъ которыми дѣлались прорѣхи для рукъ; задъ у нея былъ нѣсколько выше переда. *Савваитовъ*. Описаніе, стр. 89.

Западные славяне также носили платье, заимствованное отъ другихъ народовъ, что подтверждается цѣлымъ рядомъ историческихъ извѣстій. Легенда Христіана упоминаетъ о великолѣпнй одеждѣ чешской знати временъ княгини Драгомиры¹⁾, а Косьма объ изукрашенной одеждѣ Strachkvas'a²⁾.

Сохранилось свидѣтельство, что Оттонъ Бамбергскій идя крестить Померанскихъ славянъ взялъ съ собою куски драгоценныхъ тканей и запасъ одеждъ, которыми одарялъ знатнѣйшихъ изъ нихъ, добавляя къ этому золотые пояса и пестро вышитыя туфли³⁾.

Если западная Европа вліяла на костюмъ западныхъ славянъ, то въ гораздо большей мѣрѣ оказывали вліяніе Востокъ и Византія на одежду восточныхъ и южныхъ славянъ. Это вліяніе сказалось по преимуществу на верхнемъ платьѣ и его украшеніяхъ, которое изготовлялось изъ чужеземныхъ дорогихъ шелковыхъ и парчевыхъ тканей и богато расшивалось золотымъ и серебрянымъ шитьемъ и галунами.

Впрочемъ, безъ особаго сравнительнаго изслѣдованія невозможно опредѣлить, что было въ этихъ одеждахъ привнесено Византіей, а что являлось слѣдствіемъ цѣлаго ряда восточныхъ вліяній, среди которыхъ надлежитъ различать тюрко-татарскія отъ хозаро-аланскихъ, кавказскихъ, персидскихъ, арабскихъ и даже китайскихъ.

Византійское вліяніе отражалось, главнымъ образомъ, на костюмахъ князей, но распространялось также на одежду бояръ⁴⁾ и купцовъ, которые вели съ этимъ государствомъ торговлю. Кое-гдѣ византійскій покрой перешелъ и въ простой народъ, напр. на Балканахъ. Болгарско-сербская *сая*, *саиче*, носимая въ Македоніи и Старой Сербіи — является римско-византійскимъ *sagum*, а Н. П. Кондаковъ полагаетъ, что во-

¹⁾ *Inestimabilis praeciosa vestis.* ed. Pekař. Nejst. kronika česká, 176.

²⁾ *Kosmas.* I, 30 (*Fontes* II, 45): «Ztrahquaz veste compositus».

³⁾ *Herbord.* II, 28, 29, III, 1. *Pueros... duabus camisiis de subtili panno vestivit et eadem camisias aurifrigio in ora capicii et sutura humerali atque brachiali ornari eis fecit, duosque cingulos aureos tradens et calciamenta picturata.*

⁴⁾ Въ житіи преп. Θεодосія говорится: «славьну и свѣтлыу одежю. яко же е лѣпо боляромъ», изд. митр. Филарета, 144.

обще и другія детали болгарскаго и македонскаго платья (напр., широкіе наверхенные пояса) появились подъ византійскимъ вліяніемъ¹⁾. Оно выразилось также и въ заимствованіи названій одеждъ и ея матеріала у грековъ, напр., «камасій» — *καμάσιον*, «мантія» — *μάντιον*, «милоть» — *μηλωτή*, «сермяга» — *σκαρμάρκιον*, «схима» — *σχήμα*, «стихарь» — *στιχάρι*, «фелонь» — *φαιλόριον*, а Н. П. Кондаковъ указываетъ и полотно отъ *πλατάριον*²⁾.

Восточное вліяніе было также очень сильно, что подтверждается массовыми находками восточныхъ украшеній и драгоценностей въ славянскихъ могилахъ IX—XI ст. Равнымъ образомъ и византійскія миниатюры, изображая болгарскихъ воиновъ IX—XI ст., подчеркнули въ ихъ лицахъ славянскій элементъ, но одѣли ихъ въ длинные восточные балахоны (галена) или въ богатые кафтаны, застегнутые аграфами.

Это подчиненіе бѣдной славянской культуры Востоку и Византіи будетъ легче понять, если вспомнить, что и сами греки не избѣжали варварскаго вліянія, которое отразилось и на ихъ костюмѣ. Уже въ 100 г. по Р. Х. Діонъ Хризостомъ въ одной изъ своихъ рѣчей указывалъ, что греки въ Ольвіи были греками только по имени, а въ остальномъ походили больше на окружавшихъ ихъ варваровъ, искажали свою рѣчь и носили скиескую одежду³⁾.

На восточное вліяніе въ одѣяніи, какъ для отдѣльныхъ ея видовъ, такъ и для деталей, указываетъ и цѣлый рядъ восточныхъ названій: армякъ, зипунъ, кафтанъ, халать, сарафанъ, ферязь, шушунъ, доломанъ, кунтушь, епанча и др.⁴⁾ Болѣе позднимъ заимствованіемъ является *жупанъ*⁵⁾, причеиъ это названіе не возникло изъ-за того, что его носили начальники славянскихъ группъ, но отъ слова «зипунъ», производимаго изъ греч. *ζιποῦνι*, венец. — *ziron*, итальянск. — *giurpone*,

¹⁾ Кондаковъ. Македонія, 45, 48, 68 и Русск. Клады, 81.

²⁾ Изображ. княж. семьи, стр. 38.

³⁾ Латышевъ. Scythica, I, 173.

⁴⁾ Савваитовъ. Описание, и Коршъ. Archiv. f. slav. Philol., IX, 506 и слѣд.

⁵⁾ Жупанецъ, серб. — зѹбун, болг. — забун, чешск. — župan, польск. — zupan, suran.

происшедшаго изъ турецк. — *zubun* или арабск. — *džubbah*. Русскій «зипунъ» впервые встрѣчается въ Домостроѣ; на Балканахъ *zubun* обозначаетъ типическій верхній «кабать» безъ рукавовъ, преимущественно женскій. Другимъ, позднѣйшимъ заимствованіемъ, является *halena* или *halina* (родъ балахона), хотя оно и стало общеславянскимъ названіемъ, но происходитъ отъ персидск. *zali* — коверъ.

Славянская одежда испытала измѣненія не только благодаря южнымъ, но и сѣвернымъ, норманскимъ вліяніямъ. Ибнъ-Фадланъ и другіе арабскіе писатели отмѣчаютъ разницу въ одѣяніи руссовъ и славянъ, указывая, что руссы не носятъ ни кабатовъ, ни кафтановъ; очевидно, что въ IX—X ст. эти потомки варяговъ еще не усвоили моду на восточные кабаты и другіе виды одежды, какъ то успѣли сдѣлать современные имъ славяне. Что касается финскаго вліянія на славянскій костюмъ, то оно незамѣтно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма распространенныхъ на Руси въ X—XI вв., украшеній; вообще финны, подобно венграмъ, сами легко заимствовали у славянъ.

Кожухъ и шуба. Въ зимнюю пору славяне одѣвали поверхъ обычнаго платья еще и теплую длинную или короткую одежду, подбитую или обшитую мѣхомъ. Для этой цѣли изготовлялись подобнаго рода сукни, кабаты, плащи, а кромѣ того, и особыя одѣянія изъ различныхъ сортовъ мѣха; для ихъ обозначенія существовало у славянъ два названія: *кожухъ* и *шуба*. Первый былъ домашнимъ издѣліемъ и мѣстнаго происхожденія, на что указываетъ и самый терминъ — (кожухъ отъ кожа, мѣхъ) и встрѣчается уже въ памятникахъ XII в., напр., въ Уставѣ Студійскомъ 1193 г.: «отъ кожъ устроены ривы же и мантиѣ, яже кожоухы»; въ Ипатьевск. лѣтописи подъ 1252 г. приводится: «кожоухъ же оловира Грецькаго и круживы золатыми плоскими опитъ и сапозы зеленого хъза шити золотомъ».

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ читается: «орьтъмами и япощицами и кожоухы начаша мосты мостити по болотомъ».

Шуба возникла позже; это названіе часто обозначаетъ у славянъ тотъ же кожухъ, но другія производныя этого слова приближаются къ точному значенію арабскаго *al-džubbah* —

шерстяное нижнее платье. Слово шуба, служившее для обозначения кожаной одежды, могло быть образовано из *schube*, *schaube*, но также допустимо предположение, что его заимствовали от венгров или других восточных народов, что видно из свидетельства Кардизи¹⁾, от X в., в котором отмѣчается существование у венгров одежды, называемой *džubba*. Сосѣди славянъ, особенно нѣмцы, охотно покупали у нихъ мѣха и носили, пока не возобладала римская и византийская мода, а съ ней и мнѣніе, что славянинъ, продолжавшій носить свой традиціонный кожухъ былъ одѣтъ неподобающимъ образомъ. Презрительный намекъ по этому поводу можно видѣть въ словахъ, сказанныхъ императоромъ Никифоромъ II (963—969) царю болгарскому: «скажите вашему одѣтому въ кожухъ начальнику, что...²⁾».

Поясъ. Первоначально поясъ былъ предназначенъ для иной цѣли, чѣмъ въ болѣе позднія времена. У индоевропейцев³⁾, какъ и у другихъ примитивныхъ народовъ, онъ служилъ повязкой вокругъ бедеръ, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что его возлагали на младенца съ выполнениемъ особой церемоніи. Когда же выработалась одежда, то поясъ способствовалъ тому, чтобы удерживать ее на тѣлѣ, и въ этомъ видѣ онъ уже извѣстенъ въ концѣ языческаго періода.

Всѣ описанныя одежды стягивались обычно поясомъ, который вырѣзался изъ куска ткани, или былъ плетенымъ, или выдѣлывался изъ кожи. Дорогие пояса изготовлялись изъ парчи или украшались металлическими бляшками и привѣсками, на что указываютъ археологическія находки, свѣдѣніе объ Оттонѣ Бамбергскомъ, приносившимъ золотые пояса къ Померанскимъ славянамъ, и позднѣйшія упоминанія объ нихъ въ русскихъ лѣтописях⁴⁾.

1) Изд. Бартольда, 121—123.

2) *Leon Diakon*, IV, 5.

3) Лит. — *jūosta*, греч. — *ζωστήρ*, ст.-слав. — поясъ, *pojaś*, чешск. — ораз, др.-русск. — опась, опаска, польск. — ораз, серб. — опасиванье.

4) *Толстой и Кондаковъ*. Русск. Древн., V, стр. 158; относительно лѣтописныхъ свидѣтельствъ см. Полин. Собр. Русск. Лѣтоп. II, 219 и др.

Относительно археологических находокъ слѣдуетъ замѣтить, что около женскихъ скелетовъ остатки поясовъ съ пряжками попадаются изрѣдка; это можно объяснить тѣмъ, что женщины больше носили легкіе пояса, плетеные или тканые съ заложеными, либо завязанными концами. Впрочемъ, и около мужскихъ скелетовъ пряжки встрѣчаются довольно рѣдко; это указываетъ, что у славянъ обычнымъ былъ длинный матерчатый или плетеный поясъ, аналогичный тѣмъ, которые еще и понынѣ носятъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи, въ Карпатахъ и на Балканахъ. Поясъ обвивали вокругъ стана и завязывали или подтыкали такъ, что концы его спускались внизъ; подобную манеру ихъ носить можно прослѣдить на различныхъ миниатюрахъ, напр. на золотыхъ поясахъ сыновей Святослава въ «Изборникѣ», у св. кн. Бориса и у Ярополка въ Трирскомъ кодексѣ. Такіе же пояса сохранились до нынѣшняго времени у польскихъ мазуровъ, у малоросовъ и у болгаръ, о которыхъ еще Ибрагимъ ибнъ-Якубъ сообщалъ, что «они имѣютъ длинные пояса»¹⁾.

Кожаные пояса обычно были узки, ихъ употребляли, главнымъ образомъ, для поддерживанія штановъ. Богатые, вышитые или набранные золотыми и серебряными бляшками пояса были восточнаго (возможно и сѣвернаго) происхожденія и приспособлялись для ношенія меча или сабли.

На поясахъ у мужчинъ висѣло либо оружіе, либо мѣшочки съ огнивомъ, ножикомъ и туалетными принадлежностями, что можно видѣть на одномъ изъ болгаръ Ватик. Менологія, и что подтверждается рядомъ находокъ²⁾. Богатыя женщины носили у поясовъ и особые футляры для туалетныхъ мелочей, сработанные изъ кожи, бронзы и серебра; существованіе ихъ

«И розда Владимиръ убогимъ имѣніе свое все: золото и серебро и каменіе дорогое и поясы золотыи отца своего и серебряныи и свои иже бяше» (*Ипатьев. лѣт.* подъ 1288).

¹⁾ Относительно пояса у болгаръ см. *Кондаковъ*. Македонія, 41, 50, 67; ихъ ткутъ женщины длиною въ 2—3 метра.

²⁾ *Толстой и Кондаковъ*. Русск. древ., вып. V, 64, 96, 99 и 159. *Piš, Starožitn.*, III, 1, 100 и въ XIII ст. о нихъ упоминаетъ грамота Собѣслава (Sobeslav) — XII cinguli cum cutellis vaginatis et marsupii (*Friedrich, Cod.* I, 406).

подтверждается какъ археологическими находками, особенно въ предѣлахъ Пермской губ., такъ и свидѣтельствомъ ибнъ-Фадлана, что «каждая женщина (на Руси) носитъ на груди футляръ изъ желѣза, мѣди, серебра или же золота, въ зависимости отъ достатка ея мужа, а въ такомъ футлярѣ хранятся ножъ съ кружкомъ»¹⁾.

Наряду съ малыми сумочками у пояса богатыхъ людей были и большія мошны²⁾ (*тошьна*), причѣмъ плетенныя изъ лыка были типическою принадлежностью крестьянина или крестьянки; подобною лыковою мошною преданіе надѣлило оратая Перемысла, и мастеръ, расписывавшій стѣны капеллы въ Зноймѣ, не забылъ изобразить въ сценѣ призванія Перемысла на чешскій тронъ и висящую на деревѣ сумку. Съ аналогичной же лыковой или кожаной сумой въ X—XI вѣкѣ изображались на миниатюрахъ чешскихъ рукописей и пастухи (пастыри³⁾).

Плащъ. Третьимъ видомъ верхней одежды славянъ былъ большой кусокъ ткани, который не одѣвался, но прямо накидывался на плечи и покрывалъ тѣло, подобно нынѣшнему плащу. Первоначально плащѣмъ славянамъ служили мѣха дикихъ звѣрей, особенно медвѣжья, или просто кусокъ грубой, но плотной ткани.

Кромѣ того, они рано ознакомились съ разнородными плащами своихъ сосѣдей и особенно купцовъ (финикійскихъ, греческихъ и римскихъ), напр., греческ. — *ἱμάτιον* и *χλαμύς*, римск. — *pallium*, *sagum*, *lacerna*, *paenula*, *cucullus*; это заимствованіе новыхъ формъ повело къ тому, что въ концѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х., рядомъ съ плащѣмъ мѣстнаго происхожденія, существовали и чужіе.

Слово плащъ — древнее и обозначало гладкое (корень *plaskъ*), плотное покрывало⁴⁾; но рядомъ съ нимъ типическимъ

¹⁾ *Гаркави.* Сказанія, стр. 93.

²⁾ Слово мошна встрѣчается въ памятникахъ письменности съ X—XI вв. *Соболевскій.* Матеріалы, стр. 67.

³⁾ *Lehner.* *Dej.* I, 259. 264. и рис. 90, 91 и 140.

⁴⁾ Слово общеславянское изъ праслав. — *plaskъ*, церк.-сл. — плащь. болг. — плаштаница, чешск. — *plášť*, польск. — *plaszcz*.

славянскимъ одѣяніемъ, также служившимъ для покрытія тѣла было — «корзно, кързно стар.-чешск. — *krzno*, хорв. — *krznar*, слов. — *krzno, krznina*, упоминаемое уже въ памятникахъ X—XI ст.¹⁾). Въ кievской лѣтописи встрѣчаются многократныя упоминанія о корзно: въ 1015 г. кн. Святополкъ «созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна а другимъ кунами»; въ 1147 г. ...«и сскочи Володимеръ с коня и покры и корзно» (Игоря); въ 1175 — «сверже Амбалъ коверъ и корзно».

Источники указываютъ на корзно прежде всего, какъ на специально княжескій плащ²⁾; впрочемъ, впоследствии его стали носить богатые люди изъ населенія, на что указываетъ и требованіе Оттона II къ Полабскимъ славянамъ, чтобы они, вмѣстѣ съ другими вещами давали и корзно для уплаты десятины³⁾. Очевидно, что въ этомъ случаѣ корзно замѣняетъ собою мѣха, которыми было принято уплачивать дани, а равнымъ образомъ, это свидѣтельство служить показателемъ того, что его дѣлали изъ мѣха, или подбивали, или обшивали имъ. Съ этимъ значеніемъ существовало латинск. названіе *crusna, crosna, crusina*⁴⁾, нѣм. *kürsen*; оно было удержано и славянскими языками. Происхожденіе слова корзно точно не установлено; возможно, что оно отъ славянъ перешло на западъ⁵⁾.

О томъ, что славяне имѣли особые плащи, у нихъ возникшіе, видно изъ свидѣтельства Эббо, сообщающаго, какъ нѣкій нѣмецъ Гериманъ, чтобы проникнуть къ святынь Триглава въ Помераніи, надѣлъ славянскую шапку и плащъ; возможно, что это было корзно.

Въ средневѣковой Европѣ существовало и особое названіе для этого плаща, собственно славянскаго — лат. *sclavina*,

¹⁾ *Аристовъ*. Промышленность древней Руси, 140, указываетъ на сходство корзно съ «корзовина», что значитъ неровная, косматая шерсть.

²⁾ По мнѣнію *Н. П. Кондакова* (Изобр. р. кн. семи, 95) на Руси корзно было княжескимъ плащемъ уже съ X в.

³⁾ Грамота Оттона II отъ 983 гласитъ: «*omnem decimationem rerum suarum scilicet frugum, pecudum, pecuniarum, vestimentorum, mellis et crusinarum... persolvant* (Cod. dipl. Sax. I, 1. 267).

⁴⁾ *Du Cange*. Gloss. — *pallii seu vestis genus ex ferinis pellibus*.

⁵⁾ Нѣмецкій поэтъ XIII ст. *S. Helbling*, III, 233 опредѣленно говоритъ, что „*scheaffn kürsen für den frost komen uns von Tœchen*“.

sclavinia, sclavonia, франц. *esclavine*, нѣм. — *slavenie*, которое глоссарии XVII в. объясняютъ какъ — *vestis longior sagi militaris instar, Sclavis familiaris*¹⁾. Отчасти подобной типично-славянской народной одеждой стала *гуня, гуна*, общеслав. «*gunja*»²⁾, хотя по своему виду она скорѣе напоминала кабатъ нежели плащъ.

О другихъ разновидностяхъ плащей извѣстно значительно меньше. Въ средней Европѣ, уже передъ концомъ языческаго періода, былъ введенъ въ моду *sagum, сáγιον*, короткий воинскій плащъ носимый въ римскомъ войскѣ наряду съ *lacerna* и *paenula*³⁾. Въ такіе плащи одѣты какъ римляне, такъ и варвары на колоннѣ Марка въ Римѣ и памятникѣ Траяна въ Адамклисѣ.

Древнія миниатюры изображаютъ народъ и воиновъ съ короткими плащами на плечахъ, что указываетъ на его большое распространеніе по всей Европѣ.

Сангаленскій монахъ (I, 34⁴⁾) записалъ, что въ Германіи короткіе плащи начали носить при дворѣ Карла Великаго, который высмѣивалъ ихъ, считая бесполезными.

На непосредственный переходъ *sagum*'а къ славянамъ указываетъ и то обстоятельство, что у болгаръ и сербовъ до сихъ поръ удержалось для обозначенія «галене» — особаго вида балахона, византійское названіе *сáγιον* передѣланное съ *сай, сая, саја, сажче, сажалија*⁵⁾. Какъ монашескій плащъ извѣстенъ *sucullus* — слав. *кукуль* или *куколь*. Рядомъ съ нимъ былъ заимствованъ на Руси суконный «мятль», возникшій или отъ греч. *μαντήλιον* или отъ нѣм. *mantel*⁶⁾. Въ памятникахъ писъ-

1) *Du Cange*. Gloss. — *sclavina* — *vestis longior sagi militaris instar, vestis villosa*.

2) Хорв., сербск., словин. — *gunj, gunja, гуньче, гуњац*; чешск. — *houně, huňa*; польск. — *gunia*.

3) Короткіе черные плащи носили ольвійскіе греки во времена Діона Хризостома. *Латышевъ. Scythica, I, 173.*

4) *S. Gallen*.

5) *Кондаковъ, Н. П.* Македонія, 49, 68. *Хаджи-Василевичъ, И.* Јужна Стара Србија (Белград, 1909, стр. 309).

6) *Голубинскій, Е. Е.* Исторія рус. церкви I, 575. *Соболевскій.* Лингвистическ. и археолог. наблюденія. Варшава, 1912 г. *Н. П. Кондаковъ* сравниваетъ «мятль» съ малорусск. свитою (Изображ. р. княж. семьи, 96).

менности XI в. уже встрѣчаются указанія на этотъ видъ плаща: «сидоша... слуги княжи вси въ чернихъ мятлихъ... видѣ Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли»¹⁾).

Особый покррой имѣла *луда* изъ сѣв. *lodha*, англ.-саксон. *loda*, упоминаемая Кіевской лѣтописью, какъ польская одежда: «бѣсъ въ образѣ Ляха въ лудѣ, носяща въ приполѣ цвѣтки» (Лавр. лѣт.³ 185). Турецкій терминъ — *японча*, *епонча*, *япончица*, встрѣчается впервые въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Обычно плащъ носили наброшеннымъ на лѣвое плечо такъ, что на правомъ соединялись оба его конца, причемъ ихъ скрѣпляли вмѣстѣ застѣжкой, пряжкой на ремнѣ или при помощи петлицъ, причемъ правая рука оставалась свободной. Такъ же описываетъ плащи русскихъ купцовъ X в. ибнъ-Фадланъ и Левъ Діаконъ, повѣствующій о воинахъ Святослава (числомъ нѣсколько тысячъ), среди которыхъ были не только норманны, но и славяне. Это же подтверждаютъ фрески, миниатюры и монеты X—XI вв.; обычно на нихъ князья изображены въ плащахъ различной длины, иногда на подкладкѣ²⁾, или отороченныхъ и скрѣпленныхъ на правомъ плечѣ фибулою или иного рода застѣжкой. Существовалъ еще особый видъ церемональнаго плаща съ вырѣзомъ для головы, застѣгнутый на груди и покрывавшій обѣ руки, но который въ обыденной жизни не былъ въ употребленіи³⁾.

Въ погребеніяхъ X—XII вв. были найдены, около плечевыхъ костей (особенно много въ Россіи) большія пряжки и иного рода застѣжки, служившія для скрѣпленія какихъ-то одеждъ; въ Чехіи чаще пользовались петлицами и завязками.

Къ этой группѣ одеждъ удобнѣе всего отнести *ризу*, о которой извѣстно, что она была свободной, длинной верхней одеждой и въ памятникахъ (начиная отъ X ст.) упоминается вмѣстѣ съ сорочкой: «отемлящу у тебе ризу и срацищу»⁴⁾ или

¹⁾ Лѣтопись по Ипатьевскому списку, изд. 1871 г., стр. 564.

²⁾ Исполъ плаща имѣетъ иную окраску, чѣмъ верхъ. напр., плащъ одѣтый на кн. Святославѣ на миниатюрѣ «Изборника».

³⁾ Кіевскій Софійск. Соборъ, табл. XI, 1; XIII, 4 и 7, XXVIII, 8, 10 и др.

⁴⁾ Юрьевское Еван. 1119 г.

съ портами «и облечеш и въ порты чисты или самъ ся и надежеш ризы крестныя и вѣнецъ»¹⁾, что указываетъ, что риза дополняла нижнее платье.

Обычно риза является монашескимъ или церковнымъ одѣяніемъ, которое носятъ сверхъ подризника, имѣющаго видъ длиннаго подпоясаннаго хитона. По-гречески эта риза называется фелонью — *φαιλῶνης* отъ первоначальнаго *φαιβῶλης*, что отвѣчаетъ лат. *raenula*.

Старая римская *raenula*, какъ и древняя богослужебная риза покрывала все тѣло отъ головы до ногъ, на подобіе крыши, чѣмъ и объясняется ея названіе *casula*²⁾.

Нельзя опредѣлить, пока не будетъ выяснено возникновеніе и древность самого термина, была ли риза сходна съ церковнымъ облаченіемъ. Возможно, что древніе славяне имѣли подобное покрывало и лишь впоследствии, ставъ церковнымъ одѣяніемъ, оно слилось съ *raenula*. Въ древне-чешскихъ памятникахъ слово «ризa» вообще обозначаетъ длинное платье, въ *Mater Verb.* читается: *rixa-vestis, pepulum*³⁾. Нѣмецкія миниатюры и литературные источники указываютъ на ризу (*rixa, riße*), какъ на верхнюю накидку, принимаемую за греч. *θήριστρον*, лат. *theristra*, которая была обычно принадлежностью костюма замужнихъ женщинъ.

XIV

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА.

Рубашка. О женской народной одеждѣ имѣется свѣдѣній еще меньше, чѣмъ о мужской. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что и для женщинъ основной одеждой была рубашка, первоначально служившая одновременно исподнимъ и верхнимъ платьемъ.

¹⁾ Слова *Нифонта*, см. Истор. библ., VI, стр. 26.

²⁾ *Голубинскій*. Истор. р. церкви. т. I, стр. 258.

³⁾ *Патера-Срезневскій*. Чешскія глоссы, стр. 68.

Возможно, что въ теплое время года костюмъ славянки состоялъ только изъ одной рубашки, какъ это еще и до настоящаго времени можно наблюдать у южныхъ славянъ¹⁾. Судя по рубашамъ жителей Карпатъ, которыя несомнѣнно сохранили стародавній покрой, можно отчасти возстановить ея древній видъ. Она дѣлалась изъ широкаго куска матеріи, который обертывали вокругъ стана и сбоку зашивали; для прикрытія ногъ пришивалась нижняя часть, вся набранная въ складкахъ, на подобіе свиты²⁾. Эта рубаша держалась на особой лямкѣ, перекинутой черезъ плечо (рѣже ихъ было двѣ); рукавовъ она не имѣла, чѣмъ и отличалась отъ сорочки, которая всегда была рукавной.

Подобная рубаша изображена и на древнихъ чешскихъ миниатюрахъ XIV в.³⁾ (табл. IX).

Нельзи, однако, опредѣлить былъ ли этотъ видъ женской рубашки первичнымъ, или же ограничивались однимъ кускомъ широкой ткани, въ которую обертывали тѣло и, затѣмъ сшивали съ одного бока, какъ то было обычнымъ для мужскихъ рубашекъ.

Женщины носили рубашу всегда опоясанной, и ходить безъ пояса считалось, очевидно, непристойнымъ. Интересно отмѣтить, что женщины варварскихъ народовъ изображены на памятникѣ въ Адамклицѣ въ рубашкѣ, собранной у шеи въ массу мелкихъ складокъ, которыми еще и понынѣ набираютъ свои оплечья словачки въ Карпатахъ, изъ чего можно судить, что эти складки и у славянъ были древняго происхожденія.

Для предохраненія тѣла отъ холода и отъ возможности запачкаться при работѣ, древнія славянки одѣвали на рубашу родъ верхняго одѣянія, причѣмъ нижнюю часть тѣла, начи-

¹⁾ *Jelica Belovič-Bernadzikowska* (Ljuba Dančić). Das Hemd im Glauben, Sitte und Brauch der Südslaven. Anthropophyteia, VII, 56.

²⁾ *J. Kvaňan*. Rubeš a oplěko na jihovýchodní Moravě (Č. Lid. VIII, 198).

Tetmajer. Ubiory II, 19. Подобный покрой сохранился и въ Малороссіи, гдѣ сорочка состоитъ изъ двухъ частей: верхней «станокъ» и нижней — «підточка» — *Чубинскій*, Труды, VII, 426.

³⁾ Латинск. рукоп., чешской работы, хранящ. въ Королевской Библ. въ Мюнхенѣ, № 826 — *Kobell*. Kunstvolle Miniaturen.

ная отъ пояса, обычно закрывали фартуками, которые шли отъ зада къ переду и наоборотъ; пережитки ихъ сохранились въ старинныхъ народныхъ костюмахъ, напримѣръ, въ зап. Болгаріи, гдѣ на сукманъ одѣвають два фартука: передній — «фута», «престилка» и задній — «вълненикъ», «завѣска»¹⁾. Также существуетъ два вида передниковъ и у малоруссовъ: «запаска» и «попередница», при праздничномъ костюмѣ на задъ одѣвають плахту, а передъ покрываютъ запаской²⁾; это же вошло въ употребленіе и въ нѣкоторыхъ частяхъ Великороссіи, напр., въ Орловской губ. — сзади навѣшивали «паневу», а спереди «запаску»³⁾. Запаски извѣстны также и въ Польшѣ.

На верхнюю часть тѣла одѣвали мѣховые или шерстяные сукни и кабаты, которые иногда были такъ длинны, что покрывали и ноги.

Въ языческой періодъ эти кабаты и кафтаны мало чѣмъ отличались отъ мужскихъ; они шились изъ одного и того же матеріала, имѣли одинаковыя украшенія и различались только по качеству, въ зависимости отъ степени достатка людей ихъ носившихъ.

То же самое можно сказать и о поясахъ; впоследствии они стали отличаться формою и тѣмъ, что ихъ старались приспособить къ женской фигурѣ.

Въ X—XI в. широкіе рукава стали обычными для верхняго женскаго платья; это была общая мода, для всей Европы, занесенная на западъ съ юга.

Такого покрою верхнюю одежду надѣвали на исподнее платье съ узкими рукавами, что можно прослѣдить по миниатюрамъ того времени⁴⁾.

1) *Мариновъ*. Жива Старина, т. II, стр. 24.

2) *Чубинскій*. Труды VII, стр. 427.

3) *Русск. Жур.* «Живая Старина», I, стр. 105 и XIX, стр. 5 и слѣд.

4) См. изображенія женщинъ въ кодексахъ Вышеградскомъ и Вольфенбюттельскомъ. *Н. П. Кондаковъ* полагаетъ, что рукава одежды княгини въ Изборникѣ Святослава — широки, но стянуты у запястій такимъ образомъ, что производятъ впечатлѣніе двойного рукава (Изобр. р. кн. семья, 40); то же самое можно сказать и о миниатюрѣ съ изображеніемъ кн. Ирины въ Трирскомъ кодексѣ.

Такая же общеевропейская мода, постепенно распространившаяся съ юга на сѣверъ, была и на златотканную далматику, украшенную широкими коймами; она стала характернымъ параднымъ одѣяніемъ и неоднократно воспроизводится въ миниатюрахъ X—XI в.

Однако, были случаи, когда нѣкоторыя части славянской женской одежды переходили на западъ; такъ, напр., французскій поэтъ XIII в. отмѣчаетъ какъ красить женщинъ сукня: «Il n'est vesteure si belle com sousquanie a damoiselle»¹⁾.

Въ памятникахъ XIII ст. еще упоминается какаля-то женская одежда подъ названіемъ — «godeže» (gôdehsen²⁾).

Плащъ и риза не были обычной женской одеждой, въ особенности среди низшаго класса. Женщина, работающая цѣлый день, не могла затруднять движеніе рукъ плащемъ. Поэтому плащи, накинутые на плечи женщинъ, относятся къ праздничному княжескому убору, напр., Ирина въ кодексахъ Гертруды, жена кн. Ярослава на фрескѣ Кіево-Софійскаго собора, Ольга на миниатюрѣ рукописи Іоанна Куропалата, св. Варвара на фрескѣ Спасо-Нередицкой церкви въ Новгородѣ³⁾.

Равнымъ образомъ и Косьма, приписывая Любушѣ слова: «meum accipite thalarium et clamidum», которыми она напутствовала пословъ къ Перемыслу, имѣлъ въ виду праздничный княжескій уборъ своего времени⁴⁾. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что, судя по памятникамъ, плащи на женщинахъ

¹⁾ *Guillaume de Lorris*. «*Roman de la rose*» рукопись Corsini 1216, Ed. Méon 1814. Название «sorquenie», «souskanie», «soschanie», «sequenie» встрѣчаются во французской литературѣ, начиная съ XII ст., наприм., въ «*Partonopeus de Blois*» (XII в.), у *Gautier de Coincy* (*Miracles de la St. Vierge*), у *Adam de la Hale* (*Jeu de Robin*, 348) и въ лирическихъ пѣсняхъ XIII в.

²⁾ *Lichtenstein*, (*Frauendienst*. 218, 30): *gôdehsen, das ist ein windisch wibes kleit*.

³⁾ *Кондаковъ*, *Н.* Клады I и *Стрекаловъ*. Русск. истор. одежды, стр. 17.

⁴⁾ *Kosmas, J.* 5. *Ann. Pagavienses* подъ 1109 г. упоминаютъ о золототканномъ плащѣ *Jitky*, дочери *Vratislava*: „*mantellum eius preciosissimum insigniter et artificiose satis auro textum*“. *Pertz*. *M. G. s.s.* XVI. 249.

скрѣплялись на груди, а не на плечѣ, что, какъ извѣстно, тоже было признакомъ праздничнаго одѣянія.

Однимъ изъ видовъ верхней одежды была и *понява*¹⁾, сохранившаяся и до настоящаго времени, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этому термину придано иное значеніе. Какъ она, такъ и ея названіе — древняго происхожденія и встрѣчается въ памятникахъ съ XI в. Обычно она служила для передачи *λέντιον ὀρθόνιον*, *linteum*, *sindo*.²⁾

XII

ОБУВЬ.

Терминъ обувь — общеславянскій, происходящій отъ *обути* (болг. *обуя*, *обуца*, русск. *обувь*, *обуца*, *обушита*, серб. *обућа*, чешск. *obuv*, польск. *obuw*). Можно предположить, что у славянъ однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ обуви были башмаки, состоящіе изъ подошвы, края которой загнуты вверхъ и стянуты у подъема ноги лычкомъ, шнуркомъ или ремнемъ; ее можно сравнить съ обувью, которая до настоящаго времени удержалась на Карпатахъ и Балканахъ.

Вообще у народовъ сохранилось ея праславянское названіе *курпы* (малорус. — *керпеч*, сербск. — *крпле*, польск. — *kiepse*, чешск. — *krpě*, *krpse*), или церк.-слав. — *опьнѣкъ* (болг. — *опинци*, *опинки*, серб.-хорв. — *опанак*, чешск. — *opánek* отъ *opětí*). Одновременно были въ употребленіи и лапти (общ.-слав. *larty*), плетеные изъ лыка.

Терминъ *черевики*³⁾ (др.-слав. — *červъjъ*), упоминается

¹⁾ Русск. *понява*, *понева*, *понявица*, *поня*, обозначаетъ иногда накидку, а чаще всего родъ юбки (*Даль*, *Словарь*). Въ Чехіи *ronja* обозначаетъ большой кусокъ ткани, которымъ покрываютъ возъ. Словин. *ronjava* — простыня.

²⁾ «Понявами и вонями обивъ, Иосифъ въ гробѣ новѣ положи» Воскр. триод. цвѣт. (XII ст.) или «взя тѣло Василка и понявицею обить, реку саваномъ, и положи его в скровнѣ мѣстѣ» (*Лавр. лѣт.* къ 1237 г.).

³⁾ Древ.-русск. *черевы*, совр. *черевикъ*, болг. — *црѣве*, *црѣвули* хорв.-серб. — *creva*, *črevija*, чешск. — *střevíc*.

уже въ X в. Константиномъ Порфиророднымъ, какъ славянская обувь у сербскихъ слугъ¹⁾. Этимологически слово *ber-voľь* указываетъ также и на кусокъ отрѣзанной кожи, но позже, вѣроятно, съ XI в. оно уже обозначало низкую обувь, доходящую до щиколотки и подъема, изготовленную изъ кожи, или изъ ткани, и въ рѣдкихъ случаяхъ изъ дорогой парчи.

Всѣ эти виды обуви были домашняго производства и вошли въ обиходъ, начиная съ X ст. О лаптяхъ упоминаетъ Кіевская лѣтопись подь 985 г. — богатырь Добрыня говоритъ Владиміру о плѣнныхъ болгарахъ: «и суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти; поидемъ искать лапотниковъ» (Лавр. лѣт. ³, 82). Древнее чешское преданіе повѣствуетъ, что лыковую обувь носилъ уже Перемышль (Kozmas I, 7). *

О существованіи у славянъ низкихъ башмаковъ говорятъ и анонимный персидскій географъ X в. и Кардизи. Упоминаніе о «черевичахъ», одновременно съ Константиномъ Порфиророднымъ встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ: Повѣсть врем. лѣтъ, 993 г. — «преторже черевии руками»; подь 1074 г., «стояше в прабошняхъ, в черевьяхъ» (Лавр. лѣт. ³, 189), Четвероевангеліе 1144 г. — «раздрѣшити ремене чревьемъ его) и др. Позже, для обозначенія грубой сельской обуви славянами былъ заимствованъ турецкій терминъ «постоль»²⁾, а въ Чехіи возникло слово *škrpál*³⁾.

Такая низкая обувь, чаще всего чернаго или краснаго цвѣта, украшенная рядами бѣлыхъ точекъ или швовъ, воспроизведена на древнихъ миниатюрахъ⁴⁾. Наряду съ ней вошли въ обиходъ башмаки, доходящіе до половины голени, съ разрѣзомъ спереди, которые зашнуровывались или застегивались на пуговицы. Впрочемъ, простой народъ носилъ лапти изъ лыка, а не дорогую обувь, приходившую изъ Рима и Византіи, и ставшую достояніемъ лишь знатныхъ людей и высшаго духовенства.

¹⁾ *Konst. Porfyr.* «De administrando imperio» 32.

²⁾ Русск. постолы, постоль, болг. — посталь, босталь, серб. — посто, постола, чешск. — *postola*, польск. — *postol*.

³⁾ *Zibrt, Děj. kroje v zemích českých.*

⁴⁾ *Lehner. Česk. škola tab. XVI—XXIV.*

Къ концу языческаго періода славяне имѣли, кромѣ указанныхъ родовъ обуви, еще и высокіе кожаные, покрывающіе голенъ, *сапоги* и *скоры*¹⁾. Слово сапогъ возникло изъ праславянскаго «*zapogos*»; Соболевскій²⁾ объясняетъ его происхожденіе отъ *sopa* (ср. сопѣль, сопъ, sorouch, сопоть), въ смыслѣ кожаной трубы. Упомянутыя о нихъ встрѣчаются уже въ древнихъ памятникахъ письменности, такъ напр., у Іоанна, экзарха Болгарскаго — «Швьць показываетъ оученикоу како, рѣзальникъ дръжаще, рѣзати оусьмъ и коюгоу дръжящи, шити сапогы³⁾»; кромѣ того, въ Остромировомъ Евангеліи, Кіевской лѣтописи, Словѣ о полку Игоревѣ и др., причѣмъ названіе «сапогъ» служитъ отличіемъ высокой обуви отъ низкой.

На миниатюрахъ X—XI в. князя Святославъ, Борисъ (Бесѣды Іоанна Златоуста), Ярославъ Всеволодовичъ (на фрескѣ Спасо-Нередицкой ц.), Ярополкъ (кодексъ Гертруды) и русскіе воины въ хроникѣ Монассіи⁴⁾ — изображены въ цвѣтныхъ — зеленыхъ, красныхъ, синихъ — сапогахъ съ острыми, нѣсколько загнутыми вверхъ носками.

Дружинники и цари на сассанидскихъ и болгарскихъ блюдахъ и посудѣ изображены также въ высокихъ сапогахъ до колѣн⁵⁾. Это обстоятельство отчасти можетъ служить доказательствомъ, что славяне заимствовали ихъ формы съ Востока. Археологическія находки даютъ, въ этомъ отношеніи цѣнный матеріалъ, хотя при описаніяхъ ихъ часто указываютъ на остатки кожаной обуви въ видѣ отдѣльныхъ кусковъ

1) Чешск. *škorně*, словинск. — *skornja*, *škórnice*, польск. *skórnie*, *škórzeń*. Въ памятникахъ западныхъ славянъ «скоры» переводились латинск. *osrea*. Глоссы къ *Mater Verborum* — *scorne* — *osreas*, *tybialia*, *quae suras tegunt*. — *Патера и Срезневскій*, Чешскія глоссы, 33.

2) Лингвистич. и археолог. наблюд. II, 14 и слѣд. стр.

3) *Срезневскій*. Матер. т. III, 262, 1601.

4) *Стасовъ*. Миниатюры, стр. 75, 91, 92, табл. II—IV. *Кондаковъ*. Изобраз. р. кн. семьи, стр. 42, 45—46. Въ Ипатьевской лѣт. подъ 1252 г. читается: «сапози зеленого хъза шити золотомъ».

5) *Hampel*. *Altertümer* III. 290, 292, 294. *Кондаковъ-Толстой* Русск. Древ. V, стр. 73 и слѣд.

нижней ея части, тѣмъ не менѣе при раскопкахъ находятъ обувь достаточно сохранившуюся, чтобы судить о ея формѣ и матеріалѣ; напр., черевики изъ Шаргородскихъ могилъ IX—XI в. съ малыми отверстіями вдоль разрѣза; на подобную же форму обуви изъ района Луцка и Волыни указывали Антоновичъ и Мельникова, называя ихъ «башмаками», хотя это названіе болѣе поздняго и турецкаго происхожденія.

На югѣ Россіи неоднократно были найдены сапоги и башмаки, обычно сшитые изъ цѣлаго куска кожи со швомъ на подошвѣ¹⁾, либо сбоку, и загнутыми вверхъ носками, причемъ голенища иногда были отвернуты, также какъ на византійскихъ фрескахъ Софійскаго собора въ Кіевѣ. Обычно они дѣлались изъ различной кожи или сафьяна; такъ, напр., въ Шаргородѣ (Кіевской губ.) были найдены высокіе красные сапоги. А Черепнинъ нашелъ въ курганахъ около Пронска (Рязанск. губ.) полусапожки сшитые изъ одного, но вдвойнѣ сложеннаго куска кожи, причемъ шовъ, соединяющій края, былъ сбоку, а подошва пришита безъ ранта; верхъ срѣзанъ по направленію къ пяткѣ; они стягивались ремнемъ или шнуркомъ, продѣтымъ черезъ отверстія вдоль края. Такая подошва вызвала у Черепнина предположеніе, что она была сдѣлана специально для погребенія и, что ходить въ нихъ нельзя²⁾.

Среди предметовъ роскоши, ввозимыхъ въ славянскія земли, слѣдуетъ отмѣтить и сандали; образцомъ ихъ можетъ служить сандалия, приписываемая по преданію св. Вацлаву, нынѣ хранящаяся въ ризницѣ храма въ Старомъ Болеславѣ (Staré Boleslavi); на ней сохранились слѣды шитья по кожѣ, романскаго стиля и остатки восьми шелковыхъ завязокъ³⁾.

Иногда нижняя часть штановъ, вверхъ отъ обуви обертывалась матерчатою перевязью (вродѣ тесьмы), или ремнями, что служило не только для лучшаго укрѣпленія обуви, но и для защиты въ бояхъ части ноги, наиболѣе открытой

¹⁾ Слово «подошва» встрѣчается уже въ Повѣсти врем. лѣтъ, Переяслав. список. подъ 993 г. и въ Ипатьевск. лѣтоп. подъ 1229 г.: *Срезневскій. Мат. II. 1071.*

²⁾ Арх. Изв. и Зам. VI, стр. 13.

³⁾ *Рѣ. Starozitnost. III. 152 и слѣд. 172.*

при верховой ѣздѣ; такъ, напр., на выходномъ листѣ Вольфенбюттельскаго кодекса св. Вацлавъ изображенъ въ видѣ воина съ копьемъ въ рукѣ и обернутыми голеними. Такія перевязи замѣняли собою чулки; впрочемъ, шерстяные чулки упоминаются уже въ XII в.; несомнѣнно къ нимъ относится древне-русское названіе — «копытце», встрѣчаемое въ памятниках¹⁾, начиная съ XI ст. и сохранившееся до настоящаго времени въ Польшѣ и Моравіи, въ значеніи шерстяныхъ носковъ.

Онуци (общ. слав. *onuce*²⁾ также замѣняли носки и понинѣ удержались въ народномъ обиходѣ. Первые свидѣтельства о нихъ встрѣчаются въ Юрьевскомъ Евангеліи 1119 г., въ Изборникѣ Святослава (1073 г.) — «нагаго есть риза, юже ты храниши въ ковчезѣхъ, босааго онушта есть», и въ чешскихъ памятникахъ XII в.³⁾

XVI

ПРИЧЕСКИ И МУЖСКІЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ.

Можно предположить, хотя объ этомъ историческихъ указаній не сохранилось, что у славянъ, какъ у германцевъ и другихъ ихъ сосѣдей, для неженатыхъ существовалъ обычай носить длинные волосы, ниспадающіе на затылокъ, и расчесанные на темени. Правда, имѣются свѣдѣнія, относящіяся къ концу языческаго періода о моравскихъ и померанскихъ славянахъ, что они коротко стригли свои волосы и усы, и иногда даже брили⁴⁾, но эту моду надо отнести за счетъ чужого

¹⁾ Въ житіи преп. Θεодосія говорится, что онъ «сядяше, прядый вълну на съплетение копытцемъ», а въ Прологѣ XIV в. — «днесъ босъ а заутра копытца и калигы». — *Срезневскій*. Мат. I, стр. 1282.

²⁾ Церк.-слав. онушта, древ.-русск. — онуча, онуца, болг. — навуца, навои, чешск. *onuce*, польск. *onusa*.

³⁾ *Zibrť. Dĕj. kroje v zemích českých*. стр. 48.

⁴⁾ *Саксонъ Грамматикъ* сообщаетъ, что идолъ Свантовитъ былъ безъ усовъ и, какъ-бы, съ подстриженными волосами, согласно господствовавшей у нихъ модѣ — *corasse barbe, crines attonsi figurabantur ut artificiiis*

вліянія — у первыхъ венгерскаго, а у вторыхъ, возможно, римскаго, аналогичнаго тому, какое было впоследствии у поляковъ. Въ древности остриженные волосы и у славянъ были признакомъ рабства; поэтому въ Чехіи, еще въ XI в. стригли волосы слугамъ, а въ Судной Грамотѣ кн. Ярослава опредѣлено наказаніе тому, кто острижетъ другому волосы или бороду: «Аще пострижетъ кто кому главу или бороду, митрополиту 12 гривенъ, а князь казнить»¹⁾).

На миниатюрахъ и фрескахъ князья и народъ изображались съ длинными волосами; такъ, напр., св. Вацлавъ и Болеславъ со своей дружиной, въ Вольфенбюттельскомъ кодексѣ, Перемысль съ дружиной въ капеллѣ въ Зноймѣ и др.

Исключеніемъ является лишь кн. Святославъ, судя по описанію Льва Діакона²⁾: онъ былъ средняго роста, съ густыми бровями, голубыми глазами и плоскимъ носомъ, имѣлъ остриженную бороду, но густые, длинные, опущенные внизъ усы. Голова у него была также острижена, а на одну сторону свисала прядь волосъ, свидѣтельствующая объ его высокомъ происхожденіи; шею онъ имѣлъ толстую, плечи широкіе, тѣло пропорціональное. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ отчасти видѣть измѣненную византійскую или восточную моду стричь волосы, или германскую манеру оставлять завязанный узелъ волосъ (*nodus*), либо на темени, либо сбоку головы³⁾, что можно объяснить и восточнымъ вліяніемъ (ср. запорожскій «осѣлецъ» или чубъ). Другія характерныя прически у древнихъ славянъ неизвѣстны, но иногда, какъ уже отмѣчалось въ чеш-

industriam Rugianorum ritum in cultu capitem emulatam putares. (Изд. *Helder*, стр. 565). Изъ жалобы еп. *Theotmar* а папѣ Іоанну видно, что *Moimarii Sclavi Ungariorum non modicam multitudinem ad se sumpserunt et more eorum capita suorum pseudochristianorum penitus detonderunt.* *Friedrich. Codex dipl.* I, 32.

¹⁾ *Голубинскій. Истор. р. церкви, т. I, 635.*

²⁾ *Leo Diakon, IX, 11.*

³⁾ *Tacit. Germ. 38; P. Bieńkowskiého. O starożytnich ludach z fryzura kobiele (Bulletin Krakow. Akad. 1902, 61).* Подобныя прически имѣются у нѣкоторыхъ варваровъ на памятникѣ Траяна въ Адамклицѣ. *Tocilescu. Monument, 23, 52, 67, 93—94.*

ской литературѣ, волосы у нихъ заплетены въ косы, что встрѣчается и понынѣ, но только у Detvan'овъ¹⁾, которые носятъ косы, перебрасывая ихъ черезъ плечи на грудь, причемъ на затылкѣ волосы остаются распущенными; однако, этотъ обычай нельзя считать славянскимъ. Такую прическу имѣли авары въ VI в.²⁾, когда пришли къ Дунаю и на Балканы и, возможно, предположить, что Detvan'ы сохранили этотъ древній, чужой обычай.

Въ настоящее время для великоросса типична длинная борода, малоросса — усы, часть чеховъ ихъ бреетъ, для югославянъ вновь характерны большіе усы и т. д., однимъ словомъ, нельзя установить однообразную манеру ношенія усовъ и бороды у современныхъ славянъ, то же самое было и тысячу лѣтъ тому назадъ.

О восточныхъ славянахъ и русахъ Valchi и Chaukal сообщаютъ, что они бреютъ усы, или заплетаютъ ихъ въ косы, и окрашиваютъ въ золотистую краску³⁾.

Какъ было уже указано, Святославъ стригъ бороду и носилъ длинные усы, но другіе князья изображены на миниатюрахъ и фрескахъ XI в. (Ярославъ Владиміровичъ, Ярополкъ и др.) съ большой бородой⁴⁾.

Косьма Пражскій и Далимилъ повѣствуютъ о чешскомъ народѣ, о князѣ Спитигнѣвѣ (Spytihněv) и епископѣ Гебгартѣ, что у нихъ были бороды, причемъ упоминается, что послѣдній глядя бороду похвалялся ею, считая достойной императора⁵⁾. На реалистическихъ изображеніяхъ Вольфенбюттельскаго кодекса написаны св. Вацлавъ съ окладистой бородой, молодой Болеславъ безбородымъ, а ихъ приближенные съ длинными, свисающими усами. Перемысль и послы

¹⁾ Učes Detvanů въ ст. *K. Medveckého* въ *Č. Lidu* XVI, 371—375.

²⁾ *Theophanes*, подъ 588 г. изд. Voog, стр. 232.

³⁾ *Гаркави* Сказанія, стр. 221.

⁴⁾ Въ Кіево-Софійскомъ соборѣ князья на фрескахъ безъ бороды, но роспись была реставрирована, и нельзя ручаться за ихъ правильность. (*Кондаковъ*. Изображ. р. кн. семьи, стр. 39).

⁵⁾ *Козмас* II, 33. О Gebhart'ѣ: *barbam manu permulcens: certe dixit est ceusare digna.*

Любуши на фрескахъ въ Зноймѣ безбороды; однако, на монетахъ онъ данъ прямолично съ бородою, но Смоликъ считаетъ это изображеніе за голову Христа¹⁾. Саксонъ Грамматикъ, говоря о статуѣ Святовита (Svantovit), добавляетъ, что «одинъ изъ его высшихъ жрецовъ носилъ длинные волосы и бороду противъ обычая своей родины».

Всѣ приведенные памятники и историческія свидѣтельства подтверждаютъ, что къ концу языческаго періода, въ X—XI в. не существовало единообразія въ манерѣ носить усы и бороду. Тѣмъ не менѣе, длинные усы и борода были наиболѣе обычны и вырваніе послѣдней строго каралось русскими и сербскими законами того времени²⁾: публичное вырваніе или остриганіе бороды въ XI в. было наиболѣе тяжелой карой, какъ въ Чехіи, такъ и на Руси, гдѣ для этой цѣли существовалъ особый инструментъ пытки, называемый *проскъпомъ*³⁾.

Мода стричь и брить волосы привилась у славянъ подъ чужимъ вліяніемъ, въ особенности римскимъ и стала отличительнымъ признакомъ христіанина отъ язычника. Какъ уже указывалось, бритвы въ погребеніяхъ X—XII в. встрѣчаются очень рѣдко, и поэтому возможно предположить, что волосы и бороду только подстригали, на что указываетъ и авторъ житія св. Ядвиги (XIII в.), говоря о Генрихѣ Польскомъ⁴⁾.

Головные уборы. Уже издавна мужчины носили мѣховыя шапки — бараньи, куньи, изъ выдры и друг., такъ какъ онѣ лучше всего защищали голову отъ дождя и снѣга; у славянъ онѣ сохранились почти повсемѣстно и понынѣ.

Древнія шапки дѣлались также изъ грубой, матеріи и только обшивались широкой мѣховой опушкой; о томъ,

¹⁾ *Smolik České denáry, Praha, 1899 г., 67 и слѣд.*

²⁾ Судная грамота кн. Ярослава *Владимірскій-Будановъ*. Хрестоматія, I, 62, 221 и «Законникъ» царя Душана, изд. *Новаковича*, стр. 75, ст. 97: «кто се обрѣте искубъ браду властѣлину или добру чловѣку; да се тому зи обѣ рущѣ отсѣку».

³⁾ Киевск. лѣтоп. подъ 1071 г.: «и брадѣ ею поторганѣ проскъпомъ».

⁴⁾ *Barbam ferebat non quidem longam sed moderata pilorum precisione decenter aptatam (Monum. Pol. Hist. IV 519).*

какой онѣ имѣли видъ, можно судить по миниатюрамъ и фрескамъ; такъ, въ Изборникѣ Святослава вся его семья одѣта въ высокія шапки съ наушниками, отороченныя мѣхомъ¹⁾. Кн. Ярославъ, въ Спасо-Нередицкомъ храмѣ, и многочисленныя иконы свв. кн. Бориса и Глѣба, а равно и народъ (по иконописнымъ подлинникамъ), изображены въ шапкахъ, опушенныхъ мѣхомъ. Иногда на миниатюрахъ мѣховая опушка замѣнена златотканной, какъ, напр., у св. Бориса въ «Бесѣдахъ I. Златоуста», что дало поводъ Прохорову²⁾ объяснить эту шапку, какъ лѣтній головной уборъ. Судя по эмалевымъ вещамъ можно заключить, что иногда на шапкахъ спереди укрѣпляли, въ видѣ украшенія эгретъ или ташъ изъ перьевъ³⁾.

Рис. 6. Княжескія шапки Святослава, Ярослава и Бориса съ миниатюръ, фресокъ и Ватиканскаго менологія.

На чешскихъ миниатюрахъ XI в. выступаетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ шапокъ; одни изъ нихъ сходны съ только что описаннымъ типомъ, другія явно отличаются и можно предпологать, что онѣ являются копіей древнихъ образцовъ, но переданныхъ весьма схематично (табл. X).

Скорѣе всего, въ тѣ времена у западныхъ славянъ были особыя по формѣ шапки, отличавшіяся отъ современныхъ имъ германскихъ, что явствуетъ изъ эпизода съ Гериманомъ (см. стр. 146), который, какъ уже было указано, принужденъ былъ одѣтъ «pilliolum barbaricum», т. е. мѣховую или соломенную шапку, бывшую въ употребленіи у славянъ. О суще-

¹⁾ Наушники отогнуты вверхъ, но они до сихъ поръ составляютъ принадлежность высокіхъ малорусскихъ шапокъ, носящихъ названіе — *малахай* или *капелюхъ*, см. *Познанскій. Труды XII Арх. Съѣзда III*, 187—188.

²⁾ Христіанскія Древности II.

³⁾ *Кондаковъ, Н. II. Изобр. р. кн. семья*, стр. 45, 50.

Головные дуборы въ запад. памятникахъ XI—XIII вв. 1—2, 14—17 — кодексъ Краковскій; 3 — еван. Піористское; 4 — капелла въ Зноймѣ; 5—9, 13, 15 — Вышеградскій кодексъ; 10—11 — съ фресокъ въ св. Климентѣ въ Стар. Болеславѣ; 12 — Святovitскій кодексъ; 13 — Гнѣзденскій кодексъ; 14—17 — надгробныя чешскія плиты XIII ст.

створені у нихъ соломенныхъ шляпъ до XII в. достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется, хотя самая техника плетенія соломы была извѣстна издревле, а кромѣ того у ихъ непосредственныхъ сосѣдей-германцевъ плетеные изъ соломы головные уборы были въ ходу уже въ X в.; такъ, въ 946 г. войско Саксовъ, численностью въ 30.000 чел. имѣло «*pilleorum ex culmis contextorum*»¹⁾).

Наряду съ описанными шапками у славянъ были приняты чужеземныя формы головного убора, на что указываетъ и самое заимствованіе общеслав. термина *клобукъ*, возникшаго изъ турецк. *kalpak*²⁾, обозначающаго шерстяную (суконную) или кожаную шапку.

Скорѣе всего, это былъ тотъ же типъ суконной или, въ рѣдкихъ случаяхъ, парчевой шапки, отороченной мѣхомъ, съ коническимъ верхомъ, образцомъ чего служить цѣнная, византийско-восточнаго происхожденія шапка Мономаха.

Волжскіе болгары, какъ указываетъ ибнъ-Фадланъ, носили *kalansuwa* и таковую изъ парчевой ткани съ собольимъ мѣхомъ одѣли на голову умершаго вождя русовъ³⁾.

Плетенныя шляпы, которыя дѣлали въ XI в. монахи Кіево-Печерскаго монастыря, въ памятникахъ называются — клобуками⁴⁾.

Въ древнихъ переводахъ св. Писанія словомъ *клобукъ* передавали греческ. *κίβουκ* или *κίβρα*⁵⁾, а въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ письменности это названіе служило для обозначенія княжеской шапки, обшитой соболемъ⁶⁾.

¹⁾ *Vidukind*, III, 2.

²⁾ Первоначально это названіе возникло изъ турецк. *kalbuk*, древн.-русск. — кльбукъ, русск. — клобукъ, малорусск. — клобучина, чешск. — *kloubok*, польск. — *kloubuk*, серб.-хорв. — *klóbuk* и лишь вторичная форма, значительно позднѣе, была образована изъ *kalpak*.

³⁾ *Гаркави*. Сказанія 98.

⁴⁾ Въ Жит. преп. Феодосія — «И рукама своима дѣлахуть дѣло, оволи копытьца плетуци и клобуку».

⁵⁾ *Срезневскій*. Матеріалы, I, 1223.

⁶⁾ Въ Изборникъ Святослава читается: «на главѣ же носаше рекше клобучьць, тиару и дъштиу злату» (121).

Такъ же было заимствовано и названіе *шапка*, *сарка*, *кара*; Коршъ производитъ его изъ тюрко-татарскаго яз., обычно же его считаютъ происходящимъ отъ средневѣковаго латин. слова *sarra*, откуда создалась франц. форма «*chape*».

Вообще, о головномъ уборѣ имѣется мало свѣдѣній, а при археологическихъ раскопкахъ почти не было найдено остатковъ матерчатыхъ шапокъ; лишь Антоновичъ нашелъ, въ одномъ изъ Житомирскихъ могильниковъ, возлѣ черепа куски березовой коры, обтянутые остатками шерстяной ткани и съ нашитыми на нее стеклянными, золотыми и серебряными бусами¹⁾.

XVII

ЖЕНСКІЯ ПРИЧЕСКИ И ГОЛОВНЫЯ ПОКРЫВАЛА.

Славянскія дѣвушки ходили всегда съ непокрытой головой, причемъ волосы были распущены или заплетены въ косы и обычно онѣ убирали ихъ разнообразными украшеніями, цѣнность которыхъ опредѣлялась состоятельностью ихъ семей, и была различна для праздничнаго или повседневнаго убора. Къ этимъ украшеніямъ относятся разные вѣнцы и бронзовыя, серебряныя и даже золотыя бляшки различнаго вида и величины, наборы изъ которыхъ шли по лбу, затылку, или вплетались въ волосы; въ особо торжественныхъ случаяхъ онѣ одѣвали повязки изъ дорогихъ тканей или металлическіе обручи²⁾.

Но, несмотря на всѣ эти украшенія, темя и волосы, спадающіе назадъ, оставались ничѣмъ не прикрытыми; это было признакомъ дѣвчества, подобно тому, какъ для замужней женщины было обязательно ходить съ покрытой головой.

¹⁾ Ланенко. Древности V.

²⁾ Въ этомъ отношеніи много интересныхъ находокъ сдѣлано Мельниковой въ районѣ Луцка и на Волини (Изв. XII Арх. Съѣзда., стр. 183 и Труды того же съѣзда т. I, 697).

Древнія фрески и миниатюры удержали и постоянно воспроизводили этотъ признакъ, отличающій дѣвицу отъ замужней. На этомъ же основаніи Дѣва Марія также изображалась съ распущенными волосами и непокрытой головой, подобно ангеламъ, въ то время какъ свв. жены всегда закутаны въ покрывало.

Уже было указано, какое важное значеніе для дѣвушки имѣло покрытие головы: тотъ, кто накидывалъ ей на голову платокъ или «наметку» (отъ *namĕtati*) избиралъ ее себѣ въ жены, послѣ чего она переставала быть свободной.

Общеславянскіе термины «покрытка» или «завитка» сохранились для обозначенія утратившей свою невинность или забеременѣвшей дѣвушки.

Женщина, вышедшая замужъ, теряла право носить дѣвичій уборъ и ходить съ распущенными волосами. Поэтому становится понятнымъ возмущеніе, вспыхнувшее въ чешскомъ народѣ, когда въ 977 г. старая княгиня Дубравка одѣла на голову дѣвичій вѣнецъ¹⁾; сурово, подобно насильнику, карался тотъ, кто срывалъ головное покрывало съ женщины.

Замужнія обычно накрывали волосы *наметкой* (малорус. — *namitka*, польск. — *namiotek*), *увиваломъ*, *повойникомъ* (чешск. — *závoj*) и *убрусомъ* въ видѣ куска бѣлой или цвѣтной плотной ткани²⁾, или же носили чепецъ. Это подтверждается какъ археологическими находками³⁾, такъ и миниатюрами XI—XII

¹⁾ «Dubrauca... replum capitis sui deposuit et puellarum coronam sibi imposuit; quod erat magna dementia mulieris». *Костас* I, 27 (Fontes II, 40).

²⁾ По древне-славянской легендѣ св. Людмила носила *увивало*, которое Косьма переводитъ лат. *replum* (Fontes II, 144), а *Далимиль* какъ *zawog* (ed. Mourek, 49). Въ грамотѣ кн. Ярослава Владиміровича отъ 1195 г. читается, что налагается пеня на того, кто дернетъ съ женщины *повой*. (*Владимірскій-Будановъ*. Хрестоматія р. права I, 94); *объ убрусъ*, какъ головномъ уборѣ говорятъ *Савваитовъ* (Описание, 153) и *Н. П. Кондаковъ* — Изобраз. р. кн. семьи, 113.

³⁾ Въ могилахъ находили женскіе черепы, закутанные въ ткани — *Neuman*, *Zbiór* XIV, 74., Каталогъ Историч. Музея, стр. 290 и *Ріж* — *Starožitnosti* III, 1, 170.

вв.¹⁾, на которыхъ обычно изображается платокъ, свободно окутывающій голову женщины, съ ниспадающими на грудь концами, или дорогое прозрачное «увивало» (вуаль) вначалѣ доступное, какъ ввозной предметъ роскоши, лишь княгинямъ и знатнымъ людямъ, и только впоследствии распространившееся среди менѣе состоятельныхъ классовъ. Въ народѣ же обыкновенно носили простой бѣлый платокъ, обертывая его вокругъ головы, что сохранилось мѣстами и понынѣ, какъ, напр., въ Болгаріи, Македоніи и Польшѣ²⁾).

Уже къ концу языческаго періода, наряду съ увиваломъ или повоемъ, былъ въ ходу и чепецъ³⁾, однако, скрытый подъ ними, онъ съ трудомъ различается на миниатюрахъ.

Въ древнихъ могилахъ были найдены остатки чепцовъ изъ плотныхъ тканей и другихъ головныхъ уборовъ, которые являются прототипами позднѣйшихъ русскихъ «визь» и «кокошниковъ»⁴⁾, бывшихъ скорѣе всего византійскаго или татарскаго происхожденія⁵⁾.

1) Златотканное покрывало различимо на кн. Эммѣ въ Вольфенбютельскомъ кодексе; увивало и чепецъ украшаютъ кн. Ирину въ кодексе Гертруды (*Кондаковъ*. Изображ. р. кн. семьи 16, 31); платокъ подъ мѣхвою шапочкою видѣется у жены кн. Святослава, см. выход. листъ Изборника Святослава.

2) *Кондаковъ*, Н. П. Македонія, стр. 39—43. *Мариновъ*. Жива Старина II, 28; о Польшѣ см. *Mat. His. Pol.* VIII, II, 28 и слѣд.

3) Старослав. — *ѣрьсь*, малорусск. *чепеч*, *очипокъ*, сербск.-хорват. *ѣрас*, чешск. *ѣрес*, польск. *сзеріес*; *Berneker* (E. W. 143) считаетъ это названіе мѣстнымъ, славянскимъ, въ то время какъ *Микошичъ* указываетъ на его родство со средневѣк. латинск. *sara*. Древне-русск. *чепьць* *Срезневскій* отмѣчаетъ впервые въ памятник. письменности XVI в. Въ одномъ изъ погребеній (Шаргородъ, Кіевск. губ.), былъ найденъ чепецъ, сдѣланный изъ матеріи, затканной золотомъ и серебромъ.

4) Остатки какого-то деревяннаго коническаго предмета на женскомъ черепѣ, найдены близъ Канева (Кіевск. губ.). Академикъ *Кондаковъ* указываетъ кокошникъ въ видѣ митры, изображенный на эмалевыхъ подвѣскахъ золотыхъ серегъ Лѣсковскаго клада, сработанныхъ въ Кіевѣ въ XII в. (*Русск. Клады*, I, табл. XV).

5) *Кика* (кичка) женск. головн. уборъ, у котораго околышъ состоялъ изъ цки (металлич. или берестян. пластина), огибавшей голову въ видѣ широкой ленты и соединенной концами на затылкѣ. Верхъ покрывался цвѣтною тканью, а передняя часть набиралась репьями, жемчугами и

Трудно точно опредѣлить насколько древняя по своему происхожденію была словацкая «уводница» (úvodnice), сшитая изъ двухъ кусковъ полотна и вышитая по концамъ, которую женщины одѣвали при семейныхъ торжествахъ, но преданіе относитъ ея возникновеніе къ далекому прошлому¹⁾.

XVIII

ИЗГОТОВЛЕНІЕ ОДЕЖДЫ.

Вся одежда, за исключеніемъ привозной чужеземнаго покроя или изъ дорогихъ тканей, изготовлялась дома, хотя можно предположить, что быстро появились спеціальныя портныя и швецы, обслуживавшія потребности тогдашняго общества. Выраженіе *швьць*, *швецъ* впервые употреблено Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, но для обозначенія сапожника, и лишь въ памятникахъ XII в. этотъ терминъ примѣняется къ портному.

Одежда шилась съ помощью грубыхъ иглъ, что подтверждается археологическими находками, относящимися еще къ эпохѣ до Р. Х.

Въ Приладожскихъ курганахъ были найдены игольники въ видѣ бронзовыхъ или желѣзныхъ трубочекъ съ колечкомъ для ношенія на груди.

Самое слово *игла* общеславянское²⁾. Уже издревле умѣли чинить порванное платье, о чемъ свидѣтельствуется такой древній терминъ, какъ *латка*, *латати*; изъ житія преп. Феодосія

драг. камнями. (*Савваитовъ*. Описаніе, стр. 55). *И. Е. Забѣлинъ* говорить, что «подобно тому какъ дѣвичій вѣнецъ имѣлъ значеніе какъ бы короны, такъ и кика была короною замужнихъ женщинъ, или короною замужества, вѣнцомъ брачной жизни». (Домаш. бытъ русск. народа, т. II, стр. 597).

¹⁾ Český Lid I. 278. «уводница» — длинный ручникъ, вышитый по концамъ, одѣваемый женщинами на плечи какъ шаль, при первомъ посѣщеніи церкви послѣ родовъ.

²⁾ Jgyla изъ праслав. ѡгъла, изъ чего образовалась jъgъla.

Печерскаго (XI в.) видно, что у него «одежа... бѣ худа и сплатана».

Въ одеждахъ преобладали бѣловатыя отгѣнки, такъ какъ онѣ обычно приготовлялись изъ шерсти или полотна домашней выдѣлки; однако, это не былъ вполне бѣлый, но скорѣе сѣроватый и желтоватый цвѣтъ¹⁾, и лишь благодаря стиркѣ и сушенію на солнцѣ ткань выбѣливалась.

Вообще, бѣловатый тонъ можно считать преобладающимъ въ древне-славянскомъ одѣяніи²⁾. Одежду стирали не только женщины, но и мужчины; уже въ грамотахъ XI и XII в. упоминается объ «ablutores vestium»³⁾. Стирка производилась въ проточной водѣ или рѣкѣ, вѣроятно же всего деревянными плоскими вальками; возможно, что быстро вошло въ употребленіе глаженье съ помощью деревянныхъ или каменныхъ гладиль, хотя точныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется.

«Свѣтлая», т. е. чисто выбѣленная и выстиранная одежда, по источникамъ XI в., считается праздничной, такъ, напр., въ житіи преп. Феодосія читается — «одежу славьну и свѣтлу, яко же е лѣпо болярюмъ»⁴⁾. Что касается различныхъ отдѣлокъ одеждъ, то кромѣ нашитыхъ украшеній и одѣваемыхъ драгоценностей уже издревле было введено и вышиваніе цвѣтными нитями, причемъ существованіе этого у славянъ подтверждается распространенностью вышивокъ у примитивныхъ народовъ вообще, и у ихъ непосредственныхъ сосѣдей въ частности. Косьма Пражскій описываетъ вышитую подушку, находящуюся въ палатѣ Любуши⁵⁾, причемъ подобныя работы уже въ то время считались старыми.

Самоковасовъ нашелъ куски матеріи, вышитыя квадратами въ курганѣ у с. Левинки близъ Стародуба (Чернигов. губ.⁶⁾).

1) Сукно сѣроватаго отгѣнка называлось: *seř, řetina, řetka*.

2) *Левъ Діаконъ*, IX, 11 отмѣтилъ, что кн. Святославъ имѣлъ бѣлыя одежды, отличашіяся только чистотою отъ окружающихъ.

3) *Erben. Reg. I, 78, 177.*

4) Изд. Филарета, стр. 144.

5) *Kosmas I, 4 «in pictis stratis nimis moliter accubabat».*

6) Могилы русск. земли. 209.

О подобнаго рода рукодѣліяхъ свидѣтельствуеъ Прискъ, повѣствуя, что при дворѣ Атиллы, дѣвушки, сидя вокругъ его жены, вышивали разноцвѣтные узоры по ткани, которая затѣмъ шла на украшеніе одѣяній; это извѣстіе относится къ 448 г., когда, какъ можно предположить изъ дальнѣйшаго текста того же автора, славяне были подъ владычествомъ гунновъ¹⁾.

Относительно кружевъ, въ плетеніи которыхъ нѣкоторыя славянскія племена достигали большого искусства, изслѣдователи полагаютъ, что это производство было извѣстно славянамъ уже въ X—XI в., хотя прямыхъ доказательствъ тому не имѣется²⁾. Хвойко нашелъ куски шитаго золотомъ кружева, относящіяся къ X—XII вв., въ могильникахъ Бѣлгорода (Кіевск. губ.); кромѣ того, кружево той же эпохи было обнаружено въ Шаргородскихъ погребеніяхъ у Василькова, однако, этимъ еще не доказывается мѣстная выработка, такъ какъ оно лежало рядомъ съ чужеземной парчей и поясами, затканными золотомъ и серебромъ.

О кружевѣ, какъ о цѣнной отдѣлкѣ, упоминаетъ Ипатьевская лѣтопись подъ 1288 г. «увина и оксамитомъ съ круживомъ, яко достоить царемъ».

Наряду съ основными бѣловатыми тонами ткани оживлялись украшеніями, различными мѣховыми опушками, а равно славянами были усвоены и другіе цвѣта; въ особенности привился у нихъ красный, причемъ одинъ изъ его оттѣнковъ — пурпурный былъ воспринятъ подъ вліяніемъ Византіи, гдѣ въ тѣ времена онъ имѣлъ большое значеніе³⁾.

Балканскіе славяне, познакомившись съ пурпуромъ въ Византіи, заимствовали его для своихъ костюмовъ, напр., пурпуровая обувь, короткіе плащи македонцевъ, само названіе которыхъ — «багряница», указываетъ на первоначальный

¹⁾ *Латышевъ*, *Scythica*, I, 829.

²⁾ *M. Smolková a R. Bíbová*. *Krajky a krajkářství lidu československého*, Praha 1907.

³⁾ Пурпуръ былъ занесенъ въ Италію изъ греческихъ колоній Сициліи и быстро распространился въ Галліи и Германіи (*Schrader*. *Realex*. 644).

ихъ цвѣтъ¹⁾). Въ Россіи «багряница» упоминается въ памятникахъ XI в., какъ княжеское одѣяніе²⁾).

Появленіе въ Чехіи одеждъ краснаго цвѣта — «*tunika rubra*» отмѣчено Косьмою подъ 1108 г.; объ употребленіи древними славянами другихъ цвѣтовъ точныхъ свѣдѣній не имѣется.

XIX

ПАРАДНОЕ КНЯЖЕСКОЕ ОДѢЯНІЕ.

Княжескій нарядъ, особенно церемоніальный, который одѣвали при всякихъ торжественныхъ случаяхъ, заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ домашнемъ быту, на пирахъ, на играхъ и во время охоты, славянскіе князья и владыки, носили такое же платье какъ ихъ народъ, только сшитое изъ лучшихъ и болѣе дорогихъ тканей.

Историческія свидѣтельства, археологическія находки, древнія миниатюры и монеты восточныхъ и южныхъ славянъ обычно не касаются повседневной одежды, но воспроизводятъ праздничный торжественный уборъ, который, по своему характеру, не былъ славянскимъ.

Княжескія праздничныя и церемоніальныя облаченія не только подчинялись иноземнымъ вкусамъ, но, очевидно, изготовлялись въ чужихъ странахъ и затѣмъ торговымъ путемъ, или въ качествѣ подарковъ достигали славянскихъ земель.

Извѣстно, что византійскіе императоры блескомъ и великолѣпіемъ своего двора, пышностью и богатствомъ одеждъ и разнообразіемъ знаковъ отличій, производили неизгладимое впечатлѣніе на варварскихъ владыкъ³⁾. Всѣ эти условія легли въ основу византійскаго двора, и именно на нихъ зиждился весь придворный церемоніаль, на что указываетъ

¹⁾ *Кондаковъ* (Македонія, 44—45) относитъ красный цвѣтъ тамошнихъ вышивокъ всецѣло за счетъ византійскаго вліянія.

²⁾ *Срезневскій*, Мат. I, 38.

³⁾ *Кондаковъ*. Изобраз. р. кн. семь, стр. 54 и слѣд.

книга Константина Порфиророднаго — «De ceremoniis aulae byzantinae» и болѣе поздняя (XIV в.) книга Кюдина — «De officiis».

Константинъ Багрянородный, поучая своего сына Романа, указываетъ, что императоръ, отправляясь въ походъ или въ военный лагерь, долженъ быть снабженъ дорогими тканями и одеждами разнаго достоинства для подарковъ чужимъ народамъ, причемъ нѣкоторыя одежды были специально заготовлены въ соотвѣтствіи съ варварскими вкусами. Этотъ дипломатическій приемъ чаще всего примѣнялся по отношенію къ Руси и Балканскимъ славянамъ.

Академикъ Н. П. Кондаковъ высказываетъ мнѣніе¹⁾, что церемониальный княжескій уборъ былъ точнымъ воспроизведеніемъ византійскаго, и тѣмъ опровергаетъ предположенія Стасова и Прохорова, которые въ немъ видѣли элементы мѣстные и національныя²⁾. Разбирая сохранившееся на памятникахъ XI и XII в., какъ отдѣльныя части, такъ и полное одѣяніе, онъ стремится доказать справедливость своего положенія³⁾.

Впрочемъ нельзя не отмѣтить, что проф. Кондаковъ въ полемикѣ со Стасовымъ преувеличенно подчеркиваетъ въ каждомъ изображеніи византійское происхожденіе русскаго княжескаго одѣянія. Между тѣмъ, неоднократно указывалось, что нѣкоторыя части княжескаго торжественнаго облаченія были сходны съ одеждами, которыя носили приближенные, новгородскіе и кіевскіе купцы и даже простой людъ.

¹⁾ Изображенія русской княж. семьи въ миниатюрахъ XI в.

²⁾ Прохоровъ. Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. Спб. 1881 г. Стасовъ, В. В. Замѣтки о древне-русской одеждѣ и вооруженіи. Ж.М.Н.П. 1882 г. Кн. I, стр. 168—196.

³⁾ Кодексъ Гертруды съ изображ. Ярополка Изяславича († 1085), его жены Ирины и матери Гертруды; изображеніе Ярослава Всеволодовича изъ Спасо-Нередицкой церкви 1198 г.; изображеніе князя въ рукописи «Слово Ипполита», хранящейся въ Чудовомъ мон.; рядъ изображеній свв. Бориса и Глѣба, начиная бесѣдами І. Златоуста (ркл. Синод. биб. XIII в.), изображеніе на окладѣ Мстиславова Евангелія, изображенія князей въ Мадрид. рукописи Іоанна Скилица Куропалата XIV в. и изображеніе семьи Святослава въ «Изборникѣ» 1073 г.

Можно предполагать, что русская шапка, опушенная собольимъ мѣхомъ, была распространена въ народѣ, причѣмъ она была скорѣе восточнаго, нежели византійскаго происхожденія; равно и кожаные сапоги (даже изъ цвѣтной кожи) носилъ простой народъ, какъ сукни и халаты, заимствуя ихъ отъ хазаръ, половцевъ и болгаръ; извѣстно, что среди народа былъ въ ходу плащъ, сколотый на плечѣ, согласно римской модѣ. Однимъ словомъ, большая часть одеждъ въ концѣ языческаго періода, настолько проникла въ народныя массы, что праздничный княжескій уборъ, въ своихъ главныхъ частяхъ, мало чѣмъ отличался отъ остальныхъ. Дѣйствительно, костюмы семьи Святослава въ «Изборникѣ» не въ такой степени византійскіе, какъ это хочетъ доказать Кондаковъ. Въ этихъ одеждахъ можно отмѣтить заимствованія изъ Византіи только въ великолѣпніи цвѣтовъ, въ особенности пурпура, присущаго императорскому достоинству, въ роскоши выдѣлки ткани и, возможно, въ покроѣ и способахъ изготовленія.

Однако, на нѣкоторыхъ миниатюрахъ, которыя изображаютъ князей въ праздничныхъ одеждахъ, выступаетъ костюмъ, который, какъ по общему своему характеру, такъ и въ деталяхъ отличается отъ разсмотрѣннаго и приближается къ церемониальному облаченію византійскаго царя: таково, напр., полное великолѣпнѣе изображеніе императора Никифора Востаніата (1078—1081) и его жены Маріи въ греческой рукописи св. Іоанна Златоуста XI в., или въ цѣломъ рядѣ святыхъ на фрескахъ Софійскаго собора въ Кіевѣ.

Общій видъ, детали украшеній и всѣ инсигніи, одѣтыя на этомъ нарядѣ, были принадлежностью исключительно одеждъ царя, деспота и патриціанскаго костюма Византіи; равно и русскіе князья и княгини въ этихъ торжественныхъ, церемониальныхъ одѣянїяхъ во многомъ отличались отъ народа и даже знати. И въ этой части Кондаковъ правъ, когда утверждаетъ, что торжественный княжескій костюмъ былъ византійскимъ.

Если собрать всѣ детали, которыя встрѣчаются на миниатюрахъ и фрескахъ одной и той же эпохи, то церемониальныя

княжескія облаченія, согласно академику Кондакову, будутъ состоять изъ слѣдующихъ частей:

Обычнымъ головнымъ уборомъ была шапка, отороченная мѣхомъ съ верхомъ изъ цѣнной ткани; но въ торжественныхъ случаяхъ славянскіе князья одѣвали короны, о чемъ свидѣтельствуется въ X в. ибнъ-Ростехъ и Кардизи¹⁾. Образцомъ для княжеской короны послужила византійская, не только въ ея древней формѣ въ видѣ діадемы (*στέφανος*), но и въ болѣе поздней, временъ Юстиніана, стеммы (*στέμμη*), причѣмъ она состояла изъ металлическаго обруча съ 2-мя перекрещенными металлическими дугами наверху, на которыхъ укрѣплялся крестъ; внутри же ее подбивали разноцвѣтною дорогою тканью.

Академикъ Кондаковъ княжескую шапку (клубукъ) съ мѣховымъ или золотымъ околышемъ, украшеннымъ драгоценными камнями не считаетъ за чисто русскую или славянскую, а производитъ ее отъ шапки византійскаго деспота (*σχοῦρα, σχιάδιον*), которая вообще была распространена въ ту эпоху въ Западной Европѣ. То обстоятельство, что она удержалась на Руси, превратило ее въ типичный русскій уборъ.

На Руси этому виду княжеской шапки съ X в. было придано значеніе короны, цѣннымъ образцомъ которой служить такъ называемая шапка Мономаха, возбуждившая много споровъ относительно своего происхожденія²⁾. Н. П. Кондаковъ считаетъ ее византійскимъ издѣліемъ XI—XII в., но добавляетъ, что вещь была исполнена въ какой-то восточной малоазійской или сирійской мастерской, гдѣ византійское искусство уже соприкасалось съ восточнымъ.

¹⁾ *Ростехъ, Гаркави*. Сказанія, 266 и *Кардизи* изд. Бартольда, стр. 123.

²⁾ *Анучинъ, Д.* Архив. Изв. Зам. V, 163. *Стасовъ, В.* Миниатюры. стр. 86. *Кондаковъ, Н.* Изобр. р. кн. семьи. 50; Русскіеклады, I, 60 и сл. 75. Русск. Древн., вып. V, стр. 40 и слѣд. *Регель, В.* Anal. Byzant. Russ. Спб. 1891. Красочная репродукція въ Древн. Государ. Россійскаго II, табл. 1—2. Академикъ *Соболевскій* предполагаетъ въ ней древній княжескій клубукъ (Арх. Изв. Зам. V, стр. 67).

Княжескій плащъ — его покроей, богатая ткань, пурпурные отгѣнки, золотая кайма и горностаевый подбой, также является копіей императорскаго византійскаго плаща (*χλαμύς, χλαμίς, χλαμίδιον, σάριον, σαρομαντίον*), который въ VIII—X в. распространился въ Европѣ и былъ усвоенъ, наряду съ діадемой, какъ неотъемлемая принадлежность владыки. Онъ имѣлъ продолговатую или овальную (*χλαμύς*) форму и застегивался на груди или на правомъ плечѣ. Въ такомъ плащѣ на горностаяхъ изображенъ Ярополкъ при своемъ вѣнчаніи (кодексъ Гертруды), его же можно различить на иконахъ св. Бориса (XI в.), и на князьяхъ росписи Софійскаго собора въ Кіевѣ и Спасо-Нередицкой ц. въ Новгородѣ. Этому плащу на Руси было присвоено славянское названіе — *корзно*, или византійское — *πορφύρα, σάριον*.

Также византійскаго происхожденія была длинная туника, одѣваемая черезъ голову такъ назыв. «дивитисіи» *διβητήσιον*¹⁾, который можно видѣть на изображеніяхъ Ярополка, свв. Бориса и Глѣба и др. Прототипомъ ему послужилъ древній греческій хитонъ, легкая ткань котораго была замѣнена златотканной парчей. Дивитисіи облегалъ станъ, имѣлъ разрѣзы до колѣнъ, стянутые рукава у запястій «наручами»²⁾, а около ворота шла широкая кайма. Въ торжественныхъ случаяхъ его первоначально дополняли «лоромъ» (*λῶρος*³⁾, т. е. драгоцѣннымъ, широкимъ поясомъ, который былъ обернутъ вокругъ стана, шель по шеѣ и перебрасывался черезъ руку; позднѣе придавали еще оплечье, въ видѣ широкаго отложнаго воротника, который уже съ X в. считался эмблемой императорскаго и княжескаго достоинства⁴⁾.

1) О «дивитисіи» см. *Бяляевъ, В.* Зап. Арх. VI, 50—56. Позже ему соотвѣтствовали царскій *σάκκος*, а въ западн. государствахъ «далматика».

2) О различныхъ названіяхъ латин. и греческ. для наручій — *armillae, perichelides, ψέλλα, πλάττα* см. *Кондаковъ*. Изобр. р. кн. семьи, стр. 104.

3) О возникновеніи и ношеніи лора см. *Бяляевъ, idem*, 213 и слѣд.

4) Объ оплечьяхъ и такъ назыв. русскихъ «бармахъ», см. *Кондаковъ*, Изображ. р. кн. семьи, 101; Р. Клады, 158 и Р. Древн. вып. V, 129.

На рукавахъ дивитисія нашивались роскошныя налокотники, аналогичныя «наручамъ», украшавшимъ запястья; ихъ можно различить на кафтанахъ Ярополка и Бориса на миниатюрѣ греческой псалтыри (хранящ. въ библиотекѣ св. Марка въ Венеціи), изображающей покореніе болгаръ византійскимъ императоромъ Василиемъ II Болгаробойцемъ. Одежда стягивалась въ талии великолѣпнымъ, украшеннымъ драгоценными камнями поясомъ, который на фигурѣ кн. Ярополка поражаетъ своей преувеличенной шириной. Обычно поясъ завязывался такъ, что концы его ниспадали по бокамъ.

Княжеская обувь дѣлалась изъ краснаго или пурпурнаго сафьяна и также была типичнымъ признакомъ византійскаго царскаго наряда.

Первоначально этотъ цвѣтъ въ Византіи былъ присвоенъ нѣсколькимъ высокимъ особамъ, но позднѣе, какъ свидѣтельствуемъ Кодинъ, онъ сталъ привилегіей императора, въ то время какъ придворныя чины носили различныя цвѣта¹⁾.

Таково было парадное облаченіе русскихъ князей и несомнѣнно, что сербскіе и болгарскіе князья также носили одежды, которыя были копіей наряда византійскаго деспота и патриція, что можно прослѣдить на фигурѣ царя Крума въ Хроникѣ Манассіи, на изображеніи царя Іоанна Александра и болгарскаго царя съ семьей въ частной греческой рукописи²⁾.

Церемониальное одѣяніе русской княгини, согласно объясненію акад. Кондакова воспроизводило костюмъ «опоясанной патриціанки» Византіи. Кн. Ирина на миниатюрѣ Трирской псалтыри (хранится въ Cividale) одѣта въ синюю далматичку съ широкими рукавами, стянутыми у запястья; поверхъ нея одѣтъ тяжелый, великолѣпный лоръ, украшенный драгоценными камнями, опоясывающій станъ и перекинутый черезъ лѣвую руку; онъ былъ въ Византіи также знакомъ патриціан-

1) Кондаковъ. Изображ. стр. 105. О пурпурной обуви, какъ при знакъ царскаго достоинства см. Уваровъ. Сборникъ III, стр. 325.

2) Стасовъ. Миниатюры, стр. 49 и слѣд.

скаго достоинства¹). На немъ спереди различимъ платъ — *θώρακιον* въ видѣ овальнаго, суживающагося къ низу щита. Торакіонъ носили нѣсколько ниже талии наискось наложенный поверхъ лора. На той же миниатюрѣ княгиня имѣетъ поверхъ далматика плащъ — сколотый на груди круглой застежкой.

На головѣ виднѣется синее увивало²) и поверхъ него башеннообразная зубчатая корона (*προπόλωμα*) съ бѣлымъ покрываломъ, опущеннымъ назадъ³). Эта «прополома», вмѣстѣ съ лоромъ и торакіемъ, составляла принадлежность парадной одежды византійской патриціанки. Красная точка на лбу Ирины обозначаетъ драгоценный камень въ очельѣ діадемы, которая иногда покрывалась увиваломъ⁴).

У западныхъ славянъ княжеское облаченіе менѣе связано съ византійской модой, чѣмъ-то было у ихъ восточныхъ и южныхъ собратій; это подтверждается и преданіемъ, что уже кн. Само одѣвался по-славянски. Въ концѣ языческаго періода, конечно, и запад. князья употребляли дорогія чужеземныя ткани, чаще византійскаго и восточнаго происхожденія и въ ихъ предѣлы стали проникать византійскіе образцы, а у франковъ, со времени Карла Лысаго (876 г.) начала преобладать византійская мода.

Вообще, на древнихъ миниатюрахъ и фрескахъ Запада не встрѣчается одеждъ аналогичныхъ и бывшихъ въ ходу на Во-

¹) *Кондаковъ*. Изображ., стр. 106 и Македонія, 51: о лорѣ, какъ знакѣ патриціанскаго достоинства см. 50 главу книги *Константина Порфиророднаго*.

²) Подобное увивало различимо на кн. Ольгѣ въ Мадрид. кодексѣ. — *Кондаковъ*: Русск. Клады I, рис. 1. Оно же покрываетъ и головы княгинь въ росписяхъ Спасо-Нередицкой ц. и Мирожскаго монастыря, а равно, на свв. женахъ алтарнаго образа церкви въ Студеницѣ (Сербія). *Кондаковъ*, Изображ., 113.

³) *Кондаковъ*, Н. П. (Изображ. 109) считаетъ эту корону за признакъ царскаго достоинства, котор., однако, позднѣе стала у варварскихъ народовъ обычною, чисто декоративною частью женскаго головного убора (русск. кокошникъ).

⁴) *Кондаковъ* (Изображ. стр. 114) предполагаетъ, что съ діадемой былъ соединенъ малый чепчикъ, покрывавшій волосы.

стокъ и въ Византіи; всё онѣ короче и легче — мѣсто тяжелыхъ, чрезмѣрно длинныхъ далматикъ и дивитисіевъ заступать короткая туника, а нѣкоторыя части костюма и вовсе отсутствуютъ, какъ напр., сапоги или лоръ.

Вольфенбюттельскій кодексъ, самый достовѣрный въ передачѣ одеждъ, реалистически изображаетъ князей въ уборѣ, который былъ распространенъ по всей средней Европѣ (штаны, короткая туника и плащъ) и приближался къ народному костюму; въ такихъ же одеждахъ ходила и знать. На выходномъ листѣ этой рукописи передано торжество вънчанія; однако, одѣяніе св. Вацлава во многомъ отличается отъ церемоніальнаго облаченія кн. Ярополка, изображеннаго въ аналогично-знаменательномъ моментѣ его жизни. Это различіе можетъ быть усмотрѣно и на другихъ изображеніяхъ (Св. Вацлавъ въ Вышеградскомъ кодексѣ, Мечиславъ II въ *Ordo Romanorum* и Перемысль на фрескахъ въ капеллѣ въ Зноймѣ).

Вообще можно установить, что западно-славянскіе князья въ концѣ языческаго и въ началѣ христіанскаго періода, придерживались распространенной по средней Европѣ моды, причемъ въ основѣ ея лежали античныя формы. Одежды изготовлялись, сообразно этой модѣ, изъ легкаго матеріала, а покрой ихъ не препятствовалъ движеніямъ, чѣмъ они и различались отъ современныхъ имъ тяжелыхъ, сшитыхъ изъ плотной ткани византійскихъ церемоніальныхъ облаченій.

Суммируя воедино свѣдѣнія, имѣющіяся о славянскомъ одѣяніи, можно заключить, что къ концу языческаго періода оно было весьма разнообразно и до извѣстной степени общесъ платьемъ другихъ народовъ, такъ какъ на него оказало сильное воздѣйствіе среднеевропейская мода, въ свою очередь создавшаяся благодаря римско-византійскимъ вліяніямъ, а въ восточныхъ славянскихъ земляхъ ко всему этому присоединились образцы, заимствованные съ Востока, причемъ это прежде всего относится къ состоятельнымъ классамъ и людямъ, имѣвшимъ сношенія съ чужими странами. Простой же народъ, жившій въ деревняхъ, удаленный отъ городовъ, и еще болѣе лишенный возможности войти въ соприкосновеніе съ иноземной культурой, довольствовался своимъ исконнымъ

одѣянiемъ и продолжалъ носить свою рубаху, штаны и лапти, а въ суровое время года еще накидывалъ мѣховой плащъ.

Невозможно различить, въ виду недостатка какъ историческихъ, такъ и археологическихъ данныхъ, что въ древнеславянской одеждѣ было присуще опредѣленной эпохѣ и мѣстности, что было народнымъ, а что являлось принадлежностью зажиточнаго класса. Можно только отмѣтить, что въ разныхъ областяхъ народъ жилъ своеобразно, а это, конечно, сказывалось и на одеждѣ. Такъ, поляне были богаче дреговичей, жившихъ въ припетскихъ болотахъ, и это обстоятельство не могло не отразиться на ихъ одеждѣ; равнымъ образомъ, чехи изъ Полабья и чехи, жившіе по верхнему теченію Нитры и Тиссы, разнились другъ отъ друга.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что ни одинъ современный славянскій народный костюмъ не слѣдуетъ возводить ко временамъ язычества. Правда, въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ, напр., въ Карпатахъ или на Балканахъ многіе жители сохранили древнія особенности и детали костюма, но, однако, по нимъ нельзя всецѣло воссоздать славянскую одежду древняго періода, какъ это пытается дѣлать prof. Koula¹⁾, относящій къ древности черты несомнѣнно позднѣйшія.

XX

ЦѢННЫЯ УКРАШЕНІЯ И ПРЕДМЕТЫ ЛИЧНАГО УБОРА.

Драгоценныя украшенія были тѣсно связаны съ одеждой, зачастую составляя ея принадлежность или дополненіе, благодаря чему славяне употребляли ихъ въ большомъ количествѣ для своего личнаго убора²⁾.

¹⁾ Č. Lidu I, 1892, стр. 21 и слѣд.

²⁾ Древняго славянскаго названія не существовало, и до сихъ поръ не установлено было ли общеславянск. слово *сѣта* именно этимъ терминомъ, см. *Кондаковъ*. Русск. Клады, стр. 173.

Въ данномъ случаѣ, чего нельзя сказать объ остальныхъ сторонахъ славянскаго быта, археологическій матеріалъ настолько обширенъ и полонъ, что можно вполне ясно представить и рассмотреть разнообразныя виды драгоценностей, и ознакомиться съ художественною промышленностью, ихъ поставлявшею. Эти вещественныя памятники для болѣе подробнаго разбора, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ группы: I — предметы, служившіе украшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ практически необходимыя для одежды: пряжки, застежки, булавки для скальванія, затѣмъ запонки и поясныя пряжки; II — предметы, предназначенныя исключительно для украшенія одежды и тѣла, и не имѣющіе никакого практическаго значенія; къ нимъ относятся различныя головныя украшенія (діадемы, височныя кольца), серьги, монисты и разнаго вида ожерелья, оплечья, перстни, браслеты и, наконецъ, различныя мелкія бляшки, которыя нашивались на одежду.

Прежде чѣмъ перейти къ рассмотрѣнію драгоценностей, необходимо кратко прослѣдить ихъ развитіе, начиная, по крайней мѣрѣ, съ римской эпохи, которая внесла большія измѣненія въ эту сторону славянской культуры, благодаря огромному наплыву предметовъ ея производства; а кромѣ того, составить представленіе о формахъ, господствовавшихъ въ первые вѣка христіанства, затѣмъ, въ эпоху переселенія народовъ и о связанномъ съ нею германскомъ и восточномъ вліяніяхъ.

*

Застежки, иглы для скальванія и фибулы. Если платье не застегивалось съ помощью петлиц или пуговицы, то первоначально для закальванія одежды на груди или на плечѣ пользовались прямой иглой. Впослѣдствіи, изъ нея развилась застежка или такъ называемая «фибула».

На сѣверѣ къ иглѣ добавляли кусокъ протянутаго шнура или металлическую дужку (въ видѣ лука), которые на другой сторонѣ захватывались остриемъ иглы (такъ называемая — «германская застежка»), на югѣ иглѣ придавали изгибъ и на одномъ концѣ проверчивали примитивное отверстіе или

ушко (такъ называемая луковидная застежка), которая стала характерною для Греціи и Италіи въ концѣ II-го тысячелѣтія до Р. Х. Съ этого времени фибула (въ особенности ея южная разновидность) интенсивно развивалась и уже въ римскую эпоху достигла наивысшаго распространенія по всей Европѣ.

Возможно предположить, что фибулы еще ранѣе этого періода проникли къ закарпатскимъ славянамъ, и, хотя рѣдко, но уже въ пепелищахъ восточной Германіи, Чехіи и Моравіи встрѣчаются фибулы, которыя нѣкоторые археологи относятъ къ славянамъ. Съ наступленіемъ же римской эпохи, отмѣченной крупнымъ производствомъ мелкихъ предметовъ украшеній какъ въ римскихъ, такъ и провинціальныхъ мастерскихъ, большое количество этихъ издѣлій, а вмѣстѣ съ ними и фибула, быстро распространились на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Римская застежка была въ ходу у славянъ, и ея появленіе тѣсно связано съ замѣною одного вида одежды другимъ — когда легкая туника замѣнила рубашку, а мѣховое корзно уступило мѣсто короткому, легкому плащу. Малыя застежки, находимыя въ могилахъ временъ Р. Х., были предназначены къ застегиванію именно такихъ одеждъ.

Въ могилахъ сожженной римской эпохи (I—V в. по Р. Х.), встрѣчаемыхъ въ славянскихъ земляхъ, — на сѣверъ отъ средняго Дуная, на востокъ отъ Волтавы, средняго теченія Эльбы и нижняго бассейна Одера, до средней Россіи включительно, фибулы были найдены въ большомъ количествѣ. Въ Чехіи и Моравіи, въ такъ называемой «добржиховской культурѣ»¹⁾, затѣмъ у лужицкихъ и полабскихъ славянъ встрѣчаются отъ наиболѣе древняго періода (I—II в.) остатки такъ называемыхъ «латенскихъ формъ», изъ которыхъ впоследствии развился римскій типъ застежки, весьма распространенной по всей средней Европѣ, и «наугеймскій типъ», характерный для I в. по Р. Х. Также обильно представлены фибулы римскихъ провинцій, такъ называемыя «норицкія» (Noricum), обычно состоящія изъ двухъ суставовъ, и рѣже попа-

¹⁾ *Niederle-Buchtela. Rukovět, 83 и слѣд.*

дается «галльскій типъ» съ одѣтою поверхъ бляшкою, круглою или квадратною изъ бѣлаго сплава и каймою вокругъ лука. Изъ издѣлій провинціальныхъ римскихъ мастерскихъ больше всего находятъ плоскія застѣжки (дощечковидныя) кругообразной формы въ видѣ буквы S, свастики и звѣрей, украшенныхъ эмалью, которая въ III—V в. была замѣнена, въ большинстве случаевъ, тонкой двойной «арбалетной» фибулой изъ бронзы въ видѣ буквы T, съ болѣе длинной лопатовидной или ромбоидальной пятой.

На сѣверѣ, въ Полабьѣ и Прибалтійскомъ краѣ фибулы, лицевая часть которыхъ отличалась широкимъ и плосковиднымъ лукомъ, получили названіе «вендинскихъ застѣжекъ» (отъ *Vendu*). Первоначально этотъ типъ появился въ сѣверо-восточной Германіи и затѣмъ оттуда распространился въ предѣлы лужицкихъ славянъ, Чехіи и Моравіи¹). Къ нимъ приближается другой видъ, обычный для болѣе древней «культуры Добржихова» (*Dobřichově*, Чехія) и на сѣверѣ, который на лицевой поверхности, вблизи пружины, снабженъ двумя выемками или глазками (*Augenfibel*). Наряду съ ними, между нижнимъ теченіемъ Одера и Вислы въ I и II в. по Р. X. встрѣчаются арбалетныя фибулы съ выдающимися суставами, украшенныя гранеными колечками, которыя, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, начиная съ III в. заканчивались репейкомъ, а по ихъ стволу были расположены проволочныя колечки; затѣмъ идутъ застѣжки съ высокой пятой и, наконецъ, фибулы съ поперечной перекладиной, которыя нѣмецкіе археологи обычно называютъ — *Sporssenfibel*. На этой же терри- торіи въ I—II в. вновь появляется и простая застѣжка съ пятою, обращенною внизъ и при помощи проволоки связанной съ дужкою, такъ называемая (*Fibel mit umgewandten Fuss*). Эту разновидность ошибочно приписывали готамъ, нѣкогда задержавшимся въ предѣлахъ Россіи. Всѣ эти виды фибулъ найдены въ могилахъ съ трупосоженіемъ и погребеніемъ

¹) *O. Almgren*. Studien über nordeurop. Fibelformen (Stockholm 1897.) *E. Blüme*. Die germ. Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur Röm. Kaiserzeit (Würzburg 1912).

и, вѣроятно, въ извѣстной части принадлежатъ славянамъ, такъ какъ сравнительно точно установлено, что германцы ушли изъ Полабья и района Одера между II и IV в., а славяне поселились не въ V—VI ст., какъ это полагаютъ нѣмецкіе изслѣдователи, но жили тамъ и раньше, поэтому издѣлія промышленности, найденныя въ мѣстныхъ могилахъ, были въ ходу и у славянъ. Тѣ же фибулы, по представленныя бѣднѣе встрѣчаются въ Привислянскомъ краѣ до р. Санъ и въ районѣ припетскихъ болотъ, причемъ чаще всего находятъ среди нихъ «норицкія», «арбалетныя», «вендинскія» и застежки съ «высокой пятой» (табл. XI). Эти же типы распространились и дальше, вплоть до центра восточнаго славянства, до Поднѣпровья. Въ Киевской губ. въ могилахъ съ сожженіемъ найдены простыя застежки съ обороченной пятой и «наугеймскій» типъ, характерный для I в. по Р. Х.; позднѣе въ этомъ краѣ начали преобладать «арбалетныя» фибулы, но только болѣе простой и массивной формы¹).

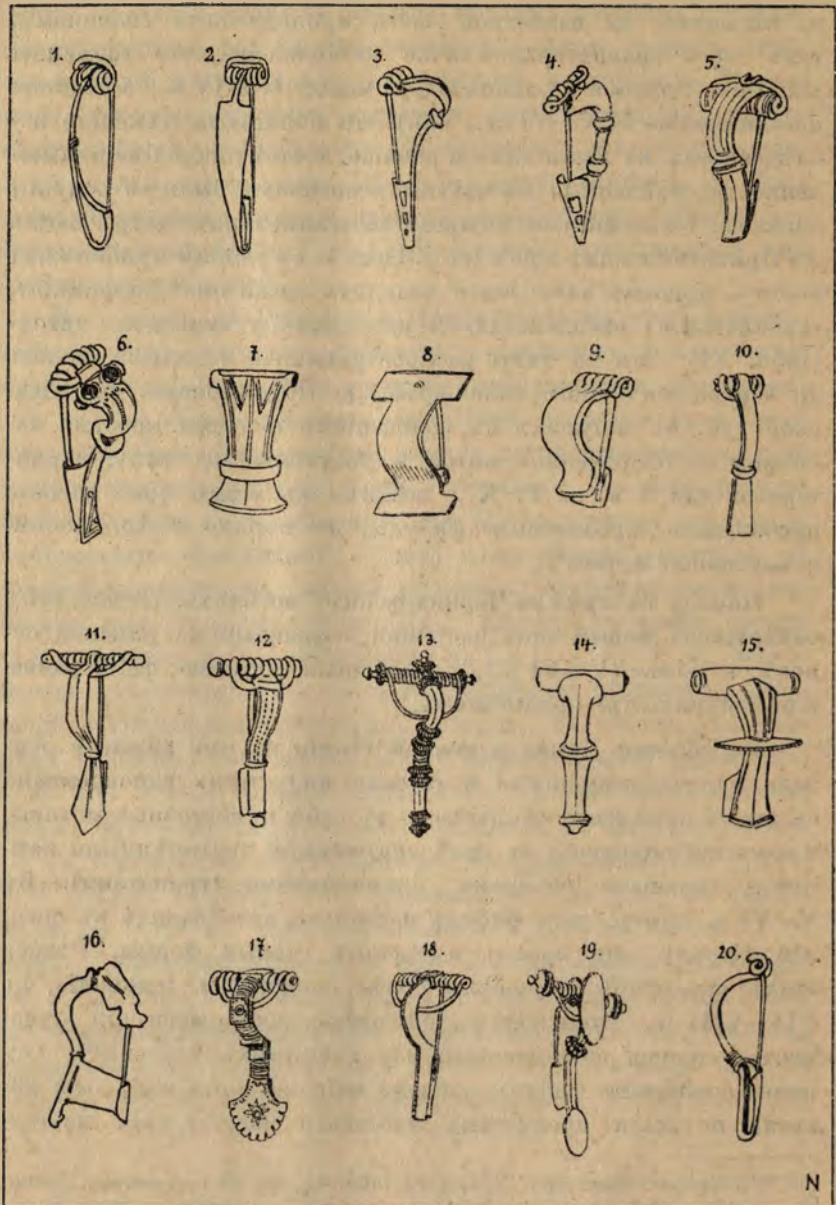
Наряду съ ними въ Черняховскихъ могилахъ (Киевск. губ.) обнаруженъ новый типъ застежки, созданный на римской основѣ, и позже (V—VI в.), украшенный рѣзбою, филигранью или «звѣринымъ» орнаментомъ.

Въ области Дуная и южной Россіи на ихъ развитіе оказало вліяніе германская и готская индустрія. Одновременно съ этимъ орнаментъ заключаетъ въ себѣ и восточные мотивы, и вводятся украшенія въ видѣ инкрустацій драгоценными камнями, главнымъ образомъ, алмадинами (гранатами). Въ V—VI в. этотъ типъ фибулъ настолько возобладалъ въ средней Европѣ, что началъ вытѣснять старыя формы. Рѣзба этихъ украшеній становится болѣе сложной и, наконецъ, въ VII—VIII в. появляется извѣстный зооморфическій орнаментъ, сплошь составленный изъ звѣриныхъ плетеній²). Однако, подобныхъ фибулъ найдено меньше, такъ какъ онѣ никогда не были предметомъ массоваго изготовленія мастер-

¹) Хвойко. Зап. Арх. XII, 1—2 табл. 19, 20, 23 и Ханенко. Древн. Приднѣпров. IV, табл. 13.

²) Riegel. Kunstindustrie и Hampel. Alterthümer, I, 773—788.

ТАБЛИЦА XI

Фибулы.

1 — Изъ Олива у Гданска; 2 — Зарубинчи (Кіевск. г.); 3—4 — Пичгора (Чехія); 5 — Зливъ (Чехія); 6 — Пичгора; 7—8 — Задерсдорфъ (Лужиц.); 9 — Коморово (Петроков.); 10—12 — Тшебичка (Чехія); 13 — Долгеймъ (Пруссія); 14 — Прзеворскъ (Галичъ); 15 — Долгеймъ; 16 — Псары (Рогатинъ); 17 — Варникамъ (Пруссія); 18 — Долгеймъ; 19 — Мекленбургъ; 20 — Ольвія.

скихъ, а кромѣ того, и производительная сила въ эпоху переселенія народовъ и въ ближайшія къ ней времена, значительно пала, въ силу чего, существуютъ районы, куда эти богатые застѣжки вовсе не проникали, напр., въ Пруссію (очевидно, и въ Литву), которая со временъ римскаго періода стала центромъ своеобразной промышленности, внося измѣненія, усложненія украшеніями старые типы и создавая рядъ новыхъ германскихъ образцовъ¹⁾.

Въ погребеніяхъ V—VIII ст., поскольку ихъ можно считать славянскими, находки издѣлій промышленности и цѣнныхъ украшеній очень рѣдки, чѣмъ доказывается общій культурный упадокъ, вызванный эпохою переселенія народовъ; за эти вѣка славяне не выработали ничего оригинальнаго и пользовались лишь предметами римской, византійской или прусско-литовской промышленности, которая въ это время была въ расцвѣтѣ, или издѣліями франкскихъ и восточныхъ мастерскихъ.

Въ могилахъ съ трупосожженіемъ въ Чехіи и Моравіи въ періодъ отъ V до VIII в., подобныхъ украшеній не найдено; равнымъ образомъ, бѣдна находками и Галиція.

Нельзя отрицать существованіе славянской культуры въ Венгріи (поскольку исторіей выяснено ихъ пребываніе въ этой странѣ), наряду съ другими, въ особенности сармато-аварской, и не отмѣтить находокъ поздняго типа арбалетной фибулы, затѣмъ простой съ обращенной внизъ пятой, и плоской округлой формы (дощечковидной), наравнѣ съ новыми готскими вещами, орнаментированными лучеобразно, изображеніями птицъ, иной рѣзьбой и инкрустаціями, которыя были предметами ввоза или служили образцами для подражанія²⁾.

Въ области полабскихъ и польскихъ славянъ находки издѣлій промышленности, относящихся къ періоду V—IX ст. весьма скудны, и случайно обнаруженные единичные экземпляры опредѣляются вещами римско-германскаго или литовскаго

¹⁾ *Door*. Die Graberfelder auf dem Silberberge und bei Serpin. Elbling, 1898.

²⁾ *Hampel*. Alterthümer, I, 308, 331.

типа. Относительно восточныхъ славянъ для этого періода хронологически точно датированныхъ какъ поселеній, такъ и могилъ мало, и тѣмъ не менѣе въ этой области встрѣчается достаточное количество вещей, сходныхъ по стилю съ вышеописанными украшеніями. Въ южной Россіи въ изобиліи попадаются первичныя и богато развитыя формы романо-германскаго типа, наряду съ древней застежкой съ изогнутой пятой, что и дало поводъ къ возникновенію гипотезы о южно-рускомъ и готскомъ происхожденіи этого типа.

Въ эту эпоху готы населяли крайній югъ, и въ ихъ могильникахъ въ Гурауфѣ (Крымъ) найдены вещи, свидѣтельствующія о томъ, насколько богата и развита была у нихъ художественная промышленность въ VI—VII в.¹⁾

Однако, вещи того же типа найдены и въ остальной Россіи, и въ особенности въ Приднѣпровьи, въ то время еще всецѣло славянскомъ²⁾.

У восточныхъ славянъ былъ еще одинъ культурный центръ, предѣлы котораго точно не установлены, гдѣ возникла и утвердилась своеобразная форма фибуль, обычно въ видѣ треугольниковъ съ геометрическимъ орнаментомъ и съ прорѣзною лицевою пластинкою, украшенною въ углубленіяхъ эмалью, чаще краснаго, рѣже синяго и зеленаго цвѣта. По мѣсту находки этихъ фибуль въ Моцинскомъ городищѣ (Калужск. губ.) данный типъ получилъ названіе «моцинскаго»³⁾. Откуда приходили эти цѣнные украшения точно опредѣлить нельзя, но можно предполагать, что центръ ихъ производства былъ на западѣ у Балтійскаго моря, въ литовско-латышскомъ краѣ.

На Руси, именно въ этомъ районѣ, появляется эмаль, которая была характерной для Кавказа, гдѣ выработка ея раз-

¹⁾ Рѣпниковъ, Н. И. Нѣкоторые могильники области крымскихъ готовъ. Изв. Археолог. Ком. XIX, 1906, 1—80 стр.

²⁾ Спицынъ, А. Древности Оки. Зап. Арх. Ком. V, 1—2, 136, 142. Толстой-Кондаковъ. Рус. Древ. V, 71, 72, 146.

³⁾ Бульчевъ, Н. Отчетъ Арх. Ком. 1889, 89 и Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра. Москва, 1899. *Baron de Baye. Les bronzes émaillés de Mostchina, Paris, 1891. Кондаковъ-Толстой. Русск. Древ. Вып. V, 54.*

вивалась подь римско-византійскимъ вліяніемъ, благодаря чему А. Спицынъ¹⁾, хотя съ нѣкоторой оговоркой, считаетъ область аланъ мѣстомъ происхожденія мощинскаго типа фибуль. Однако, ихъ форма и, въ особенности, типическій видъ, хотя и измѣненной древней балтійской застежки, которая въ нихъ проступаетъ, и, наконецъ, статистика находокъ, составленная самимъ Спицынымъ, указываетъ на Прибалтійскій край, какъ на центръ ихъ выработки.

Во всякомъ случаѣ, этотъ типъ не славянскаго происхожденія, но былъ весьма распространенъ по рѣкамъ Нѣману, Двинѣ, Окѣ и въ кіевскихъ предѣлахъ въ VI—VII в.

Въ VIII и послѣдующихъ столѣтіяхъ для всей Европы наступаетъ полный упадокъ въ производствѣ застежекъ. Она удержалась лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или употреблялась въ единичныхъ случаяхъ, какъ принадлежность церемониальнаго наряда.

Въ богатыхъ классахъ она утратила свое практическое назначеніе, такъ какъ трудно было прокалывать цѣнные и плотныя ткани, которыя именно въ это время начали распространяться по всей Европѣ, благодаря усилению восточной и византійской торговли. Простой же людъ довольствовался обычнаго вида пряжкой, пуговицей или завязывалъ свои одежды съ помощью шнура, пропущеннаго черезъ петли.

Наступаетъ періодъ петель и завязокъ, что подтверждается миниатюрами X—XI ст., гдѣ на княжескихъ одеждахъ можно различить, наряду съ круглыми, цѣнно изукрашенными фибулами и пряжками, петлицы, петли и аграфы, посредствомъ которыхъ застегивались ихъ облаченія²⁾, напр., у Вацлава и Болеслава въ Вольфенбюттельскомъ кодексѣ, у Святослава въ Изборникѣ, и на нѣкоторыхъ иконахъ Бориса и Глѣба.

Наиболѣе бѣдно застежками въ эту пору западное славянство. Въ районѣ между Эльбой и Вислой встрѣчаются единичныя находки тисненыхъ и штампованныхъ фибуль (по преи-

¹⁾ Спицынъ, А. Предметы съ выемчатою эмалью. Зап. Арх. 1903, V, 149, глав. образ. 169 стр. и слѣд.

²⁾ Lehner. Česká škola, Tabl. 8, 13, 22. Прохоровъ. Христіанск. Древности, I, стр. 100, 110.

муществу плоскихъ и круглыхъ формъ), въ Чехіи и Моравіи онѣ вовсе отсутствуютъ.

Чаще застежки можно встрѣтить въ придунайскомъ краѣ, и въ предѣлахъ альпійскихъ земель, гдѣ римское и византійское вліяніе сказывалось сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Въ эту эпоху Венгрію наводнили авары и мадьяры, не употреблявшіе застежекъ или пользовавшіеся фибулами лишь въ видѣ исключенія. Онѣ также отсутствуютъ въ извѣстныхъ хорватскихъ могилахъ сѣв. Далмаціи, несмотря на богатство и разнообразіе драгоценностей, въ нихъ найденныхъ. Зато, въ восточныхъ Альпахъ, въ то же время образовался центръ, гдѣ въ большомъ ходу были кругловатыя застежки, украшенныя по лицевой поверхности цвѣтною эмалью и которыя, по мѣсту находокъ, въ Кетлахъ (Kettlach), названы «кетлашскимъ» типомъ¹⁾, и по различнымъ признакамъ считаются относящимися къ IX—X в. по Р. Х. Вѣроятно же всего, что этотъ видъ выработался изъ досчатовидной застежки римской императорской эпохи, но былъ украшенъ растительнымъ и звѣринымъ орнаментомъ, и эмалью бѣлаго, желтаго, зеленаго, краснаго и чернаго цвѣтовъ. Хотя, мѣсто происхожденія этихъ украшеній до сихъ поръ неизвѣстно, однако, можно предполагать, что онѣ выходили изъ франкскихъ мастерскихъ, или даже изготовлялись по ихъ образцу гдѣ-то на славянской территоріи, подобно тому, какъ уже было отмѣчено для Прибалтійскаго края, и одновременно начали развиваться въ Кіевской области. Въ томъ же районѣ, наряду съ застежками кетлашскаго типа, былъ обнаруженъ еще и другой видъ, тоже кругловатой формы, но нѣсколько большихъ размѣровъ, причѣмъ онѣ состояли изъ бронзовой или серебряной пластинки, украшенной тисненымъ или чеканнымъ геометрическимъ орнаментомъ, а иногда въ углубленіяхъ и разноцвѣтными стеклами, которыя, при помощи бѣловатой массы (гипсъ), прикрѣплялись къ оборотной части, снабженной иглой.

¹⁾ *Reinecke*. Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters (Mittheilung. der Anthropol. Gesellschaft in Wien XXIX, 46 и слѣд). *Otto Tischler* въ Sitzungsber. Anthropol. Gesellschaf. Wien 1890, стр. 88 и слѣд.

Этотъ видъ застежки удержался въ Альпахъ, встрѣчается въ различныхъ погребеніяхъ Венгріи и распространился на сѣверъ вплоть до Балтійскаго моря.

У восточныхъ славянъ, очевидно, не возникло никакого собственнаго, мѣстнаго типа фибуль. Въ концѣ языческаго періода они ихъ еще не знали и не носили, лишь изрѣдка къ нимъ попадали единичные экземпляры, доставляемые изъ сосѣднихъ земель торговымъ путемъ; обычно же они употребляли лишь пряжки.

Въ IX—X в. Скандинавія начинаетъ въ массѣ поставлять для восточныхъ славянъ разнаго вида пряжки, застежки и фибулы; изъ этого центра, очевидно, посредствомъ варяговъ, приходили въ X в. на Русь большія, богато изукрашенныя чашечныя и скорлупообразныя фибулы, но онѣ мало привились въ славянствѣ и, возможно, что могилы, гдѣ таковыя были обнаружены, въ большомъ количествѣ принадлежали варягамъ. Эти фибулы раздѣляются на нѣсколько видовъ; чаще всего встрѣчаются бронзовыя овальныя чаши, на подобіе орѣховой скорлупы съ литой, сильно профилированной поверхностью, украшенной орнаментомъ поздняго норманскаго стиля, въ видѣ сложныхъ плетеній¹⁾. На меньшихъ застежкахъ кругловатой или иной формы (напримѣръ, въ видѣ дубоваго листа), украшенія были штампованныя. Такія фибулы носили на груди или на плечѣ обычно попарно и соединенныя цѣпочкою. Возможно, что къ нимъ прицѣпляли богатыя подвѣски изъ цѣпочекъ, какія извѣстны по находкамъ въ ливонскихъ погребеніяхъ, а также изъ Люцинскаго могильника²⁾. Онѣ были распространены отъ Финляндіи и Ливоніи черезъ южное Приладожье, во Владимірской, Ярославской, Рязанской губерніяхъ, а на югѣ доходили до Смоленской и рѣже попадаются въ Кіевской губерніи³⁾.

¹⁾ *Montelius*. Kulturgesch. Schwedens, его же *Antiquités suédoises*. Stockholm, 1873—1875, 156 и слѣд.

²⁾ *Bähr*. Gräber der Liven, (Dresden 1850), tab. II, 5; III, 2; IV, 1; IX, 1, 3, 4. Люцинскій могильникъ, табл. IV—V и X.

³⁾ *Брандербургъ*. Кург. Приладожья 29, 32, 79 и табл. I, 1—3; II, 10. *Сизовъ*. Смоленск. кург. 35 и слѣд. стр.; табл. I, V, 20 и XII, 3.

Наиболѣе характерныя формы были найдены въ Гнѣздовскомъ курганѣ X в., и въ Михайловскомъ могильникѣ, Ярославской губ. того же времени.

Центромъ производства этихъ фибулъ былъ скорѣе всего островъ Борнгольмъ (Bornholm¹), но среди гнѣздовскихъ и ладожскихъ находокъ отмѣчены вещи болѣе грубой работы, что даетъ возможность предположить ихъ изготовленіе на Руси по скандинавскимъ образцамъ.

Другой видъ скандинавскихъ застежекъ, существовавшій въ ту же эпоху, попадаетъ въ Россіи значительно рѣже; зато изъ сѣверныхъ областей они проникали и къ западнымъ славянамъ. Этотъ типъ фибулы имѣлъ форму трилистника съ растительнымъ, стилизованнымъ орнаментомъ; ихъ единичныя находки отмѣчены въ Россіи, затѣмъ, далеко на западѣ, въ Чехіи и сѣверной Венгріи, но по преимуществу они были распространены въ франкскихъ владѣніяхъ²).

XXI

БУЛАВКИ, ИГЛЫ, ЗАПОНЫ, ПРЯЖКИ И ПОЯСНЫЯ УКРАШЕНІЯ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наряду съ фибулами сохранились, но въ небольшомъ количествѣ прямыя булавки, которыми пользовались не только для скальванія одеждъ, но и для украшенія волосъ. Въ эпоху до Р. X. онѣ типичны для пепелищъ лужицкаго и силезскаго характера; начиная съ римской эпохи къ старой формѣ булавки присоединилась новая — римская, съ продолговатой граненой или рѣзной головкой. Въ V—VIII в. ими еще продолжали пользоваться для закальванія одеждъ, это подтверждается тѣмъ, что нѣкоторыя фибулы соединены цѣпочкой съ булавкой; особенно обильны

¹) Толстой-Кондаковъ. Русск. Древ., вып. V, 55, 61, 147. *Vedel. Recherches dans l'île de Bornholm (Mém. Soc. des Ant. du Nord, 1890)*, и *его же Efterskrift til Bornholms Oldtidsminder og Oldsager. Kopenhagenvъ, 1897.*

²) *Reinecke. Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters. Wien XXIX, 1899* и *Antiq. tidskrift för Sver. 1890, 82* и слѣд.

подобнаго рода находки въ Прибалтійскомъ краѣ. Большое разнообразіе въ формахъ и раздѣлкѣ булавокъ существовало въ этотъ періодъ въ районѣ Дуная, что видно изъ находокъ. Въ болѣе позднее время на славянской территоріи онѣ совершенно исчезаютъ, какъ и фибулы, уступая мѣсто пряжкѣ, пуговицамъ и завязкамъ. Въ IX—XI в. булавки встрѣчаются очень рѣдко и лишь только въ сѣверной Россіи, гдѣ онѣ были предметомъ ввоза изъ Скандинавіи и литовско-финскаго района или случайно сохранились отъ болѣе древней эпохи.

*

Запоны и пряжки. Въ болѣе позднія времена пряжками пользовались значительно больше, чѣмъ фибулами. До римской эпохи существовали только «запоны», т. е. двѣ металлическія пластинки, изъ которыхъ одна, снабженная крючкомъ, вкладывалась въ прорѣзъ или ушко другой. Съ наступленіемъ римскаго періода ихъ вытѣснила пряжка, состоящая изъ металлической рамки съ иглой, прикрѣпленной къ одеждѣ такимъ образомъ, что поясъ продѣвался черезъ эту рамку и закалывался иглой¹⁾. Въ теченіе перваго тысячелѣтія по Р. Х. на славянской территоріи сосуществуютъ запоны и пряжки, но первыя въ небольшомъ количествѣ.

Въ римскую эпоху запоны обычны языковидной, удлиненной формы или съ массивными литыми пластинками древняго римскаго типа. Въ Венгріи, въ такъ называемыхъ «сарматскихъ могилахъ» найдены запоны, состоящія изъ двухъ круглыхъ пластинокъ, украшенныхъ на лицевой сторонѣ стеклянной массой, причемъ одна изъ нихъ снабжена крючкомъ, а другая ушкомъ, когорые и служатъ имъ скрѣпомъ²⁾. Въ IX—XI в. встрѣчаются на Руси (наприм., въ Гнѣздовскомъ могильникѣ), лишь отдѣльные экземпляры запоны, раздѣланные въ типичномъ сѣверномъ, норманскомъ вкусѣ, имѣющіе двѣ

1) *J. Mestorfová.* Entstehung der Schnalle, 1884, 27.

2) *Hampel.* Alterthümer, I, 337, 339 и слѣд.

пластинки, одну съ четырехугольнымъ или кругловатымъ отверстиемъ, другую съ крючкомъ.

Среди славянскихъ находокъ поздней эпохи имѣется много и тонко сработанныхъ малыхъ запонъ, которыя служили для застегиванія шейныхъ украшеній и ожерелій изъ различныхъ стеклянныхъ и металлическихъ бусъ и даже гривнъ, витыхъ изъ проволоки.

Въ римскую императорскую эпоху въ сѣверной Чехіи обычны застежки¹⁾ въ видѣ буквы S, единичные экземпляры каковыхъ обнаружены также въ сѣверной и средней Руси, но въ могилахъ точно не датированныхъ.

Въ концѣ языческой эры чаще всего встрѣчается застежка у ожерелій на подобіе растительнаго листа изъ серебра, или продолговатаго ромба, или спиралевидно-загнутаго крючка.

Не ранѣе XII в. появляются аграфы полуовальной формы, украшенные нѣсколькими (3-мя и больше) филигранными подобіями жемчуга и заканчивающіеся двумя ушками; они наиболѣе извѣстны по русскимъкладамъ XII—XIII вв. и были восточнаго или даже сирійскаго происхожденія²⁾.

Пряжки. Римская пряжка раньше всего проникла въ придунайскія провинціи и оттуда уже распространилась на сѣверъ.

Первый, наиболѣе древній типъ очень простъ — нѣсколько ограниченный кружокъ съ шипомъ. Таковы были «помпеянскія» пряжки I в. по Р. X.³⁾, которыя сохранились вплоть до средне-вѣковья (до X—XI вв.), наряду съ осложненными формами. Ихъ рамка переходитъ отъ кольцеобразной, эллипсовидной формы къ четырехугольнику или прямоугольнику и лишена какой-либо орнаментаціи. Археологическія данныя подтверждаютъ, что ими пользовались не только для застегиванія одеждъ и поясовъ, но также для обуви, подвѣшиванія мечей

¹⁾ *Рѣ. Starožitnosti*, II, 3; III, 125 (табл. 82, 41, 84, 16); III, 51 (табл. III, 10, 11).

²⁾ *Толстой-Кондаковъ. Русск. Дрв.*, V, 109, 114, 116. Клады т. I, 132 и табл. IX.

³⁾ *Riegel. Kunstindustrie*, I, 159. *Hampel. Alterthümer*, I, 288 и слѣд.

и для конского убора. Уже со II в. по Р. Х. пряжка нѣсколько видоизмѣнилась; къ ея ребру, на которомъ укрѣплялась игла, была присоединена вплотную или на шарнирѣ металлическая пластинка, такъ называемый «наглавникъ», который сталъ украшаться орнаментацией первоначально римскаго стиля; ее находятъ въ Придунайскомъ районѣ, въ Чехіи, Моравіи, Польшѣ, и даже въ Кіевской губерніи.

Меровингская эпоха отъ V до VIII вв. была временемъ наибольшаго развитія пряжки. Прежде всего наблюдается утолщеніе рамки, шипа и появленіе выпуклой орнаментации, составленной изъ зооморфическихъ мотивовъ¹⁾, инкрустации а также и рѣзбы. Одновременно развился и наглавникъ, причемъ ему придавали не только различныя формы въ римскомъ или римско-германскомъ стилѣ, но съ противоположной стороны рамки сдѣлали аналогичное ему добавленіе такъ, что самая пряжка была заключена между двумя пластинками одинаковой формы и орнаментации. Иногда язычекъ оказывался на средней пластинкѣ между двумя наглавниками. Различнаго рода перемѣнамъ подвергся и самый шарниръ. Этого рода пряжки въ районѣ Дуная могутъ быть датированы отъ VI до XI ст.

Въ IX—XI вв. употребленіе пряжки было весьма развито у славянъ; сверхъ обычнаго примѣненія она начинаетъ заступать мѣсто исчезающей фибулы и появляется на плечѣ, груди или шеѣ, служа застежкой для одежды. Ея виѣшній видъ совершенствуется, приобрѣтая новый оригинальный характеръ.

Древнее названіе пряжки неизвѣстно, но можно предполагать, что у славянъ былъ въ ходу мѣстный терминъ *пряжка* отъ церков.-слав. *прѣшти*²⁾, такъ какъ онъ распространенъ по всей ихъ территоріи.

Это новое примѣненіе пряжки и связанное съ нимъ отно-

¹⁾ Съ V в. конецъ шипа переходитъ въ звѣрчюю голову. На украшеніе пряжекъ оказали своими вещами вліяніе и готы. См. *Götze. Gotische Schnallen*. Berlin, 1907.

²⁾ Русск. — пряга, пряжь, польск. — przączka, сербск. — пречица, слов. — progla.

сительное развитие ея подтверждается археологическимъ матеріаломъ.

Въ Чехіи пряжка вообще очень рѣдка, равно какъ и въ нѣкоторыхъ районахъ восточнаго славянства (Харьков. губ.) ихъ не было обнаружено при раскопкахъ. Въ то время какъ въ области радимичей женщины носили по двѣ пряжки на груди, а мужчины сверхъ того и на поясѣ, на Волыни, гдѣ пряжки вообще рѣдки, Антоновичъ нашелъ ихъ у воротниковъ¹⁾.

На сѣверѣ Россіи, какъ у женскихъ, такъ и мужскихъ скелетовъ поясныя пряжки рѣдки (Гатчина, курганы XI—XII в.); зато въ изобиліи встрѣчаются круглыя пряжки на груди и на плечѣ²⁾. Равнымъ образомъ, въ большомъ количествѣ онѣ были найдены въ Гдовскихъ и Приладожскихъ курганахъ. У южныхъ славянъ были обнаружены только маленькія пряжки у ремней.

Въ общемъ, къ концу языческаго періода, пряжка не была у славянъ излюбленной застежкой, такъ какъ они предпочитали петлицы и пуговицы. Не привилась она и у пояса, который обычно былъ матерчатый и завязывался узломъ. Ремненные пояса употреблялись, главнымъ образомъ, для поддержанія штановъ, и весьма рѣдко попадаютъ при раскопкахъ; кромѣ того, въ то время славянамъ не были извѣстны широкіе кожаные пояса (опаски), которыми подпоясываются жители Карпатъ, стягивая ихъ при помощи цѣлаго ряда пряжекъ³⁾.

Территорія западныхъ славянъ бѣдна не только количествомъ, но и формами пряжекъ. Въ Чехіи, Завислянской Польшѣ и въ районѣ между Вислой и Эльбой находки пряжекъ единичны. Лишь въ позднихъ могилахъ Ганноверской области (XIII в.), найденъ особый видъ круглыхъ пряжекъ, возникшихъ скорѣе всего подъ влияніемъ балтійскихъ формъ.

Въ IX—XI в. въ районѣ Дуная, находки пряжекъ въ венгерскихъ могилахъ очень немногочисленны; въ другихъ

¹⁾ Спицынъ, А. Радимич. курганы, 99. Антоновичъ. Труды XI Арх. Съѣзда т. I, 139.

²⁾ Спицынъ. Кург. Петербургск., 23, 26, 27.

³⁾ J. Koula. Č. Lid., I, 476.

погребніяхъ (которыя Гампелемъ называются — «сарматскими»), ихъ нѣсколько больше, но всѣ онѣ малы и, вѣроятно, мѣстнаго производства¹). Въ богатыхъ могилахъ сѣв. Далмаціи были обнаружены маленькія пряжки какъ необходимая принадлежность узкихъ ремней, но въ большихъ могильникахъ Хорватіи, онѣ уже встрѣчаются очень рѣдко.

Совершенно иную картину, въ этотъ отношеніи, представляетъ славянскій востокъ.

Въ Россіи съ VIII—XI в. существовали простыя бронзовыя или желѣзныя пряжки, причемъ ихъ различіе заключалось въ формѣ рамки съ ровною, выпуклою или вогнутою поверхностью и ея раздѣлкѣ въ видѣ граней или нарѣзовъ. Рядомъ съ ними отмѣчены, какъ типичныя для нѣкоторыхъ областей, бронзовыя пряжки съ профѣзными наглавниками, соединенными въ одно цѣлое съ рамкой.

Для Россіи въ X—XI ст. эта была, въ нѣкоторомъ отношеніи мѣстная, славянская форма, встрѣчаемая на Воляни, въ губерніяхъ Смоленской, Черниговской, Минской, Петроградской и въ Приладожьѣ, откуда, черезъ Тверскую, Ярославскую, Московскую и Владимірскую губерніи, она распространилась до самаго Урала²) (табл. XII).

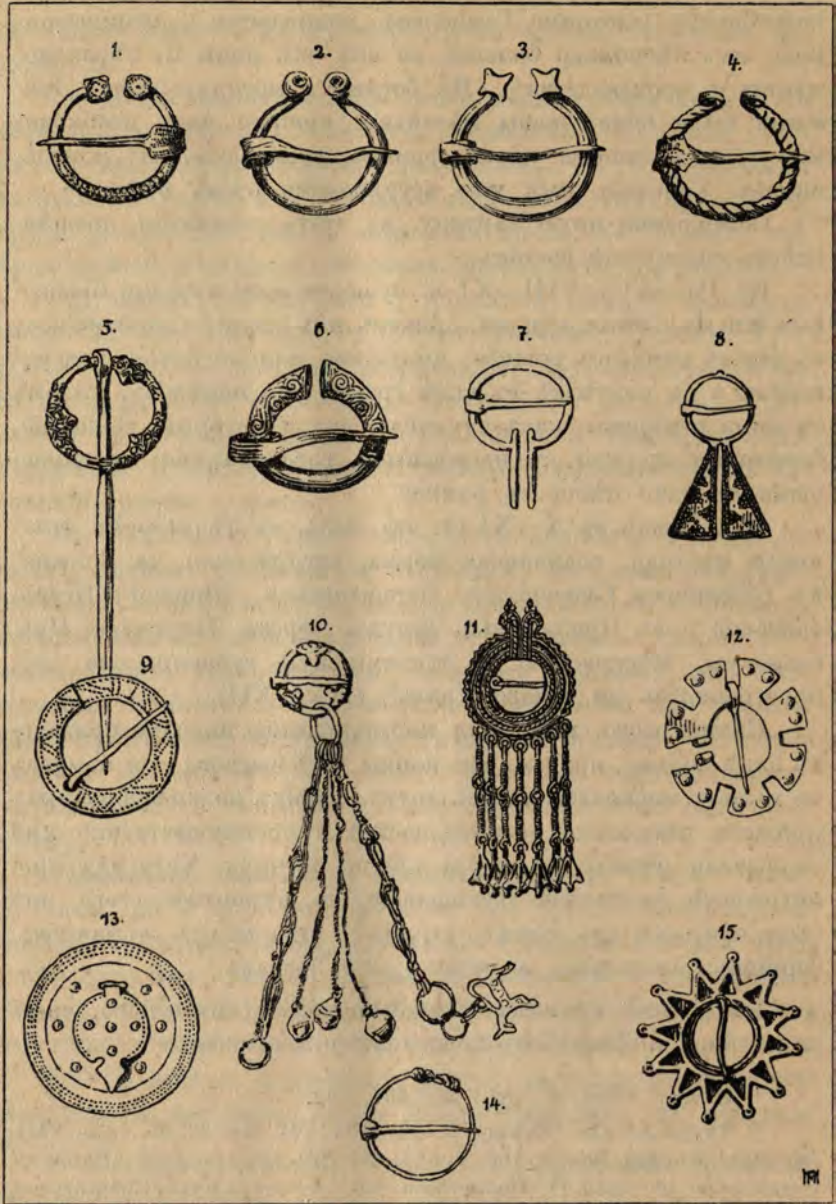
Кромѣ этого, въ Россіи многочисленны находки пряжекъ въ видѣ кольца, причемъ его концы такъ сведены, что язычокъ не можетъ выскользнуть изъ круга. Такихъ подковообразныхъ пряжекъ нѣсколько разновидностей и преимущественно ими скалывали одежду на груди или на плечахъ. Хотя ихъ происхожденіе не вполне установлено, но, вѣроятнѣе всего, онѣ были занесены изъ чужихъ странъ — отчасти отъ германцевъ, финновъ, литовцевъ, а отчасти отъ болгаръ.

Къ группѣ пряжекъ сѣверозападнаго (литовскаго, скандинавскаго и финскаго) происхожденія относятся:

¹) *Hampel*. *Idem*, I, 302, 305—306, 792.

²) Труды XI Арх. Съѣзда, I, 502, табл. VII, стр. 28, 29, табл. VIII; Лѣтопись Южной Россіи, 1904 г. 165, 167, 181 (для Воляни). *Спицынъ*. Радим. кург. 100, табл. IV (Черниговск. губ.); *его же* — Кург. Петербургск. губ. табл. VII и XV; *его же* — Кург. Гдовскіе и *Бранденбургъ*. Кург. Приладожьѣ 35, табл. VI.

ТАБЛИЦА XII

Прязки.

1—4 — Петербургск. губ.; 5 — Киевъ (стар. гор.); 6 — Петербургск. губ.;
 7 — Тамбовск. губ. (Лядинск. мог.); 8 — Муранка (Симбирск. губ.); 9 —
 Петерб. губ.; 10 — Приладожье; 11 — Тамбовск. губ. (Ляд. мог.); 12 —
 Кузьминское (Рязань); 13 — Ляд. мог.; 14 — Приладожье; 15 — Чернигов.
 губ.

I. Массивныя подковообразныя формы, на концахъ которыхъ укрѣплены круглыя пластинки, часто покрытыя эмалью, въ центрѣ подковы иногда вдѣлано рельефное украшеніе въ видѣ куба, креста или ромба. Ихъ можно сближать съ описанными уже вещами мощинскаго типа, и мѣстомъ ихъ возникновенія, скорѣе слѣдуетъ считать прибалтійскій край, а не поселенія аланъ, на что указываетъ А. Спицынъ¹). Это наиболѣе древній типъ, распространившійся къ IX в. по всей Руси.

II. Подковообразныя пряжки, концы которыхъ сплющены въ видѣ кубиковъ. Онѣ, вѣроятно же всего, Балтійскаго происхожденія, и особенно характерны для района Двины и Приладожья. Въмѣсто кубиковъ концы иногда сдѣланы въ видѣ приподнятыхъ вверхъ полушарій, или загнуты спиралью на подобіе буквы S, или звѣздообразны. Большинство этихъ пряжекъ относится къ X—XI ст., но въ Балтійскомъ краѣ онѣ удержались до XIII—XIV в.

III. Къ этой группѣ относятся пряжки весьма распространенныя и составляющія особый типъ; онѣ также имѣютъ форму подковы съ гладкимъ, чаще рѣзнымъ или витымъ кругомъ, концы котораго загибаются вверхъ, образуя завитокъ или ушко. Этотъ видъ распространенъ не только на Руси у славянъ, но и у ихъ сосѣдей. Однако, до сихъ поръ не выясненъ вопросъ объ его происхожденіи, которое, по всей вѣроятности, не славянское, и идетъ изъ того же центра, откуда и вся группа подковообразныхъ пряжекъ. Возможно, что витой кругъ появился въ болѣе позднее время (XII в.).

IV. Пряжка — подкова съ гладкой или орнаментированной поверхностью, конически утолщающейся по концамъ, была найдена въ Литвѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Люцинскомъ могильникѣ, и встрѣчается въ славянскихъ курганахъ Петербургской губ.²).

V. Мелкія подкововидныя пряжки, концы которыхъ образуютъ двѣ параллельныхъ поперечины или же два удлиненныхъ треугольника, осыпанныхъ зернью.

¹) Предметы съ выемчатою эмалью. Зап. Арх. V, на стр. 163—185.

²) *Спицынъ*. Петербургск. кург., 25, подраз. 11.

Эти виды чаще всего обнаруживаются въ финскихъ погребеніяхъ Поволжья, и были употребляемы (числомъ отъ 1—5) для застегиванія одежды на груди и по стану¹⁾. Финны, Черемисы и Латыши пользуются ими еще и понынѣ.

Кромѣ только что описанныхъ пряжекъ, у славянъ найдено еще нѣсколько разновидностей: большая круглая пряжка въ формѣ тонкаго щитка съ круглымъ или овальнымъ отверстиемъ, которое закрывается вырѣзною крышечкою съ язычкомъ, сходная по типу съ находками Лядинскаго могильника (Тамбовск. губ.). Вѣроятноѣ всего, онѣ были азіатскаго происхожденія; академикъ Кондаковъ отмѣчаетъ находки ихъ въ Алтайскихъ курганахъ. Подобныя застѣжки носятъ жители Средн. Азіи еще и до настоящаго времени. Не менѣ интересна форма пряжекъ, имитирующая шнурокъ, финскаго происхожденія. Онѣ возникли изъ соединенія и сплетенія отдѣльныхъ шнурковъ, которые, затѣмъ, покрывались бронзою и послужили прототипомъ цѣлой группѣ бронзовыхъ украшеній, въ видѣ подвѣсокъ и рясы, создавшихся у поволжскихъ финновъ.

Въ Приладожьи найдены пряжки, концы которыхъ настолько тѣсно сомкнуты, что образуютъ кругъ. Онѣ украшены по плоской поверхности рѣзнымъ или выпуклымъ орнаментомъ; ихъ язычекъ укрѣплялся въ самомъ ободѣ или былъ загнутъ вокругъ кольца. Съ ними сходенъ типъ, гдѣ кольцо пряжки имѣетъ зубцы (табл. XII, рис. 9, 10, 12, 15).

Кромѣ Приладожьи, онѣ обнаружены въ Гнѣздовскомъ курганѣ и въ Кіевѣ (Старый Городъ); аналогію имъ еще находятъ въ Скандинавіи. Въ земляхъ радимичей въ этотъ періодъ становится типичной звѣздообразная пряжка; единичныя находки ея были отмѣчены въ Петроградской губ. и въ Люцинскомъ могильникѣ.

Въ Кіевской лѣтописи подъ 945 г. читается, что древлянскіе послы, пришедши въ Кіевъ къ Ольгѣ «сѣдяху в перегъ-

¹⁾ *Ястребовъ*. Лядинскій могильникъ, 7, 26, табл. VIII, XIV XV; *гр. Уваровъ*. Древности, XIV, табл. V, VII. *Толстой-Кондаковъ*. Русск. Дрв., V, стр. 76, 94, 99.

бѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящися» (Лавр. лѣт.³, 55), что означаютъ «сустуги» — неясно, но позднѣйшее значеніе слова *въстуга*, *въстугъ* (ремень) указываетъ на пряжку или запону; Ястребовъ отмѣчаетъ, что Мордва и понинѣ нагрудныя украшенія называетъ «сустугами»¹⁾.

*

Поясныя украшенія. Наряду съ пряжками слѣдуетъ остановиться и на остальныхъ поясныхъ украшеніяхъ, которыя часто какъ по матеріалу, такъ и по стилю неразрывно связаны съ нею, составляя какъ бы одно цѣлое и являясь издѣліемъ одной мастерской. Къ нимъ принадлежатъ металлическіе наконечники, различныя бляшки, которыми набирался поясъ по всей длинѣ и, наконецъ, кольца, соединившія отдѣльныя его части или служившія для привѣшиванія меча, капторги и проч.

Для этой цѣли обыкновенно употребляли, бронзовыя или серебряныя пластинки съ тисненнымъ или рельефно-отлитымъ орнаментомъ, съ тѣми же разнообразными мотивами, которые были отмѣчены на пряжкахъ, и впоследствии будутъ попадаться на другихъ цѣнныхъ украшеніяхъ. Къ наконечникамъ пояса присоединяли и наглавники, аналогичные тѣмъ, что присоединялись къ пряжкѣ; ихъ украшали растительными разводами и зооморфическимъ орнаментомъ скандинавскаго, византійскаго и восточнаго стиля. По поясу нашивались или прикрѣплялись многочисленныя квадратныя, круглыя, ромбoidalныя, сердцевидныя, звѣздообразныя и др. мелкія металлическія пластинки, столь разнообразныя по мотивамъ орнамента, что ихъ нельзя свести въ какія-либо опредѣленныя группы. Примѣромъ такого разнообразія можетъ служить набранный украшениями поясъ, найденный въ Гнѣздовскомъ могильникѣ.

Богатые славяне носили великолѣпные пояса съ нашитыми на нихъ серебряными и золотыми украшениями, что подтвер-

¹⁾ Лядинскій могильникъ, 24. Толстой-Кондаковъ. Русск. Древ., V, 79.

ждается историческими свидѣтельствами, относящимися къ X—XII в. До сихъ поръ не вполне выяснены отдѣльныя части пояса, и можно только предполагать, что съ помощью колець къ нему привѣшивали мечъ, ножи, огниво и капторги съ различными мелкими вещами. Въ этомъ отношеніи интересна небольшая бронзовая фигурка, найденная въ Полтавской губ. и, для сравненія съ нею, поясъ изъ Люцинскаго могильника (Витебск. губ.).

Иногда, поясной ремень продѣвался черезъ металлическія кольца, подѣленные расходящимися отъ центра спицами, которыя помимо декоративнаго назначенія замѣняли собою пряжки. Они найдены въ Петербургской губ., другихъ мѣстностяхъ Россіи и даже на югѣ, но происхожденіе ихъ скорѣе всего готландское¹⁾. На сѣверѣ подобныя кольца были обнаружены какъ принадлежность конскаго убора.

Ременные пояса иногда украшались подвѣсками и цатами, которыя при движеніяхъ тѣла звенѣли и бряцали. Такіе пояса съ подвѣсками, нашитыми на узкихъ ремешкахъ были найдены въ Петербургской губерніи въ могилахъ съ женскими костюмами.

При разсмотрѣніи украшеній на поясахъ, необходимо упомянуть и украшенія конскаго убора, которыя достигли большого развитія. Они появились въ Европѣ вмѣстѣ съ кочевниками, пришедшими съ Востока, курганы которыхъ изобилуютъ различными бляшками и украшеніями для ремней. Въ славянскихъ могилахъ VIII—X в. можно наблюдать такое же обиліе этихъ украшеній, чѣмъ доказывается, что обычай украшать сбрую былъ перенятъ ими отъ кочевниковъ вмѣстѣ съ восточной орнаментировкой, которая удерживается даже въ такихъ погребеніяхъ, какъ Гнѣздовскій могильникъ, гдѣ было сильно скандинавское вліяніе.

¹⁾ *Спициль, А.* Курганы Петерб., 27, табл. X, р. 3, XIV, 18, XV 12 и др.

ДІАДЕМЫ, ГОЛОВНЫЯ ПОВЯЗКИ, ВИСОЧНЫЯ КОЛЬЦА, ЗАУШНИЦЫ И СЕРЬГИ.

Ко второй группѣ относятся драгоцѣнности, которыя, не имѣя практическаго примѣненія, служили лишь украшеніемъ; при раскопкахъ онѣ встрѣчаются въ большемъ количествѣ, и собственно почти нѣтъ могилы (въ особенности конца языческаго періода), гдѣ бы не были найдены какія-либо изъ предметовъ украшеній.

При разсмотрѣннн личного убора прежде всего слѣдуетъ остановиться на украшеніяхъ головы, которыя въ свою очередь подраздѣляются на два вида: 1) діадемы и 2) кольца различной величины и формы, которыми убирались головныя покрывала, повязки и косы; къ нимъ относятся также височныя кольца, спирали и металлическія трубочки, которыя дѣвчушки нанизывали на косы, а равнымъ образомъ, и серьги.

*

Діадемы и головныя повязки. Впервые діадемы появляются на славянской территоріи лишь въ концѣ языческаго періода. Въ это время, какъ уже указывалось, ходить съ непокрытой головой было привилегіей дѣвущекъ, тогда какъ замужняя женщина покрывала волосы увиваломъ или наметкой. Этотъ обычай повлекъ за собою возникновеніе различныхъ головныхъ уборовъ, причемъ ихъ первоначальною формою была повязка, шедшая вокругъ головы, что подтверждается археологическими находками и сохранившеюся у нѣкоторыхъ народовъ до настоящаго времени древней традиціей.

У западныхъ славянъ головныя повязки, плетенныя изъ тонкой серебряной проволоки встрѣчаются въ позднее время; напр., въ Чехіи онѣ найдены въ могилахъ не ранѣе XII в. Въ предѣлахъ южныхъ славянъ не было обнаружено подобныхъ находокъ, кромѣ нѣсколькихъ очелій въ могилахъ Венгріи, относящихся къ болѣе раннему времени (IV—V в.).

На Руси, въ славянскихъ погребеніяхъ, было найдено

много повязокъ и вѣнковъ, уцѣлѣвшихъ на женскихъ черепахъ, простыхъ и гладкихъ, или украшенныхъ металлическими пластинками и цатами.

Иногда, встрѣчаются повязки, тканья изъ шелка или украшенные такими же бляшками, что и пояса, а также шнуры съ нанизанными на нихъ металлическими или стеклянными бусами¹⁾.

Всѣ эти разновидности повязокъ зачастую увѣшивались бляшками и особенно цатами, которыя ниспадали на лобъ, на виски и на плечи (рясна).

Въ южной славянской Руси отъ Подоліи, Волыни до сѣверянскихъ могилъ (Харьковск. губ.) діадема была весьма распространена.

Однако, серебряная повязка, огибающая голову, встрѣчается рѣдко, ее замѣнилъ другой видъ, который дѣлался обыкновенно изъ куска березовой коры, или изъ кожи и обшивался шерстяной или шелковой тканью, а поверхъ накладывалась серебряная полоса или нашивались серебряныя, стеклянныя бусы или металлическія бляшки (на лбу — обычно большаго размѣра). Подобныя головные уборы были найдены Ч. Хвойко въ Броваркахъ (Гадячь, Полтавск. губ.), на Пселѣ; въ могилахъ этой мѣстности черепа женскихъ скелетовъ сохранили на лбу тканья на подобіе серебряныхъ (изъ бѣлаго сплава) повязки, увѣшанныя кольцами, спиралями, а по переду и раковинками типа *Cyprea moneta*, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ уборовъ были особенно богаты.

Подобныя серебряныя повязки носили и сѣверныя славяне, что подтверждается результатами раскопокъ В. Глазова въ Петербургской губ., во время которыхъ было обнаружено нѣсколько гладкихъ серебряныхъ обручей съ загнутыми и суженными концами, и находками въ курганахъ Владимір-

¹⁾ Повязки, тканья золотомъ и серебромъ, а равно и шнуры съ бусами нашла г-жа Мельникова въ Харьковск. губ. у Ахтырки. Труды XII Арх. Съѣзда, т. I, 697. Повязки, украшенныя цатами, неоднократно отмѣчались *Спицынымъ* — Петерб. курганы и Гдовск. кург., *Антоновичемъ* — Раскопки Древл., а также и друг. археологами.

ской, Ярославской и Тверской губ. Кроме того, у с. Жукина (Черниговской губ.) найдена особая діадема изъ волнообразно изогнутой проволоки. Въ Гнѣздовѣ В. Сизовъ отмѣчаетъ зубчатую серебряную пластинку, украшенную зернью, которую онъ считалъ за остатокъ коронки-вѣнца, первоначально нашитой на полосу березовой коры¹⁾. Можно предполагать, что и гривна иногда служила украшеніемъ волосъ.

Серебряная или шелковая повязка съ нашитыми на нее цатами, пластинками или подвѣсками служила типичнымъ украшеніемъ головы славянской дѣвушки; въ древней Руси они назывались «чело»²⁾. Княжескаго рода или богатя дѣвушки носили болѣе роскошныя діадемы изъ золота, украшеннаго эмалью. Такую золотую діадему, состоящую изъ 17 звѣздообразныхъ пластинокъ (первоначально нашитыхъ на повязкѣ) нашель Т. Саподзко у г. Борисова (Минск. губ.). Но наиболѣе богатые экземпляры ихъ были обнаружены въ Киевскомъ районѣ, гдѣ вмѣстѣ съ найденными кладами они указываютъ на то, что въ Киевѣ сосредоточилось большое количество золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, которыя изготовлялись въ образовавшихся къ этому времени мѣстныхъ мастерскихъ по иноземнымъ (преимущественно византійскимъ) образцамъ³⁾.

Первенствующее мѣсто среди драгоценностей кладовъ занимають діадемы; ихъ было найдено нѣсколько, но болѣе позднихъ — XII—XIII в.⁴⁾. Обычно они составлены изъ пластинокъ (кютцевъ), имѣющихъ вверху арочку, а позади снабженныхъ крючкомъ или скобочкой. Лицевая сторона украшена эмалью растительнаго орнамента или фигурами святыхъ, иногда образующихъ композицію «Деисуса» (моленіе⁵⁾).

1) Сизовъ. Смоленск. кург., 98, срав. сходную зубчатую корону сасанидскаго царя на Строгановскомъ блюдѣ, см. Н. П. Кондаковъ. Русск. Древ., вып. III, 86.

2) Терминъ встрѣчается въ памятник. письмен. XIV в. — *Средневскій*. Матеріалы, III, 1489, и Кондаковъ. Русск. клады, стр., 150.

3) *Zbiór wiad*, XIII, 61.

4) Кондаковъ, Н. П. Русск. клады, табл. VIII, стр. 146 и слѣд.

5) *Idem*, стр. 150, Русск. Древ., вып. V, стр. 125.

Предположеніе, что онѣ дѣлались въ Кіевѣ (конечно, по византійскимъ образцамъ) подтверждается греческою надписью: «с агю паккѣ», переданною славянскимъ начертаніемъ.

Подобно славянамъ и финны носили характерной формы очелья, причемъ не только женщины, но и мужчины¹⁾; но ихъ діадемы тяжелы и грубы, чѣмъ и отличались отъ легкихъ, порою изящныхъ, славянскихъ уборовъ²⁾.

Согласно древней народной традиціи славянская дѣвушка тщательно украшала свою голову.

Діадемы, и еще въ бѣльшей мѣрѣ височныя кольца, являются характерною особенностью славянскаго погребенія, въ то время какъ на основаніи другихъ украшеній, въ которыхъ зачастую преобладалъ чуждый стиль, нельзя сдѣлать точныхъ опредѣленій.

*

Височныя кольца и заушницы. Наряду съ діадемами къ славянскимъ головнымъ уборамъ относится и *височныя кольца* или *заушницы*²⁾. Первый терминъ — археологическій; второй — древній, славянскій, встрѣчающійся въ памятникахъ XIII ст.; въ житіи Нифонта (XIII в.) читается — «Нифонтъ даяше си заоушницѣ»⁴⁾. Височныя кольца попадаются въ могилахъ чаще, чѣмъ другія цѣнные украшенія и нерѣдко бываютъ единственными вещами, находимыми около череповъ, причемъ иногда они не были подвѣсками на діадемахъ — очельяхъ, но влетали въ волосы, согласно обычаю, издавна извѣстному въ Европѣ.

Эти кольца на славянской территоріи очень разнообразны, и что еще любопытнѣе, — форма ихъ настолько характерна,

¹⁾ Что можно судить по описаніямъ мужскихъ и женскихъ скелетовъ Люцинскаго могильника.

²⁾ Эти діадемы являются характернымъ, отличительнымъ признакомъ неславянскихъ погребеній Тамбов., Рязанск. и Владимірск. губ. *Кондаковъ-Голстой. Русск. Древ.,* вып. V, 73, 77.

³⁾ Польск. — *zausznicę*, сербо-хорват. — *слепоочнице*, *karičice*, шѣм. — *Schlafenringe, Hakenringe*.

⁴⁾ *Срезневскій. Мат.,* I, 957.

что они разнятся не только отъ аналогичныхъ неславянскихъ украшеній, но отдѣльные ихъ виды служатъ отличительными признаками для нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и являются неотъемлемою принадлежностью ихъ могилъ.

Такія кольца, судя по ихъ размѣру, превышающему величину пальца, не могли быть перстнями, равно ихъ не могли носить и въ качествѣ серегъ въ виду того, что концы бывають многократно завиты, а иногда даже образуютъ крючки или ушки; такое наличіе ушковъ и зацѣпокъ сближаетъ ихъ съ поздними типами заушницъ, которыя были обнаружены въ могилахъ (съ трупосоженіемъ и погребеніемъ), относящихся къ концу языческаго періода на всемъ широкомъ пространствѣ отъ Эльбы, средняго и нижняго теченія Дуная, до Ильмена, Ладоги, верхней Волги, Оки и Дона.

Въ это время, какъ уже указывалось, — височныя кольца достигли своего наивысшаго развитія и распространенія и стали важнѣйшимъ характернымъ признакомъ славянскихъ погребеній¹⁾. Конечно, такія кольца могли носить финскія, германскія, литовскія и болгарскія (на Волгѣ) женщины, привѣшивая ихъ къ головнымъ уборамъ или вплетая ихъ, по славянскому обычаю, въ волосы, но, согласно археологической статистикѣ, подобные случаи были исключеніемъ, тѣмъ болѣе, что ношеніе нѣкоторыхъ разновидностей этихъ колець было ограничено опредѣленнымъ райономъ.

Суммируя эти данныя, можно опредѣлить, что въ мѣстностяхъ, гдѣ были найдены височныя кольца или заушницы, жили славяне въ VIII—XII в.

При разсмотрѣніи височныхъ колець, въ виду обилія существующаго матеріала, ихъ удобнѣе раздѣлить на двѣ основныхъ группы — западную и восточную; однако, рѣзко разграничивать ихъ между собою нельзя тѣмъ болѣе, что запад-

¹⁾ *A. Lissauer*. Über die hakenförmigen Ringe oder Hakenringe der Slawen (Zs. f. Ethn, 1878). Über den Formenkreis der slaw. Schläfenringe (Correspondenzblatt, 1891, 138; Arch. Ért., 1891, 333). *Niederle, L.* Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der Altslaw. Gräber (M. A. G. Wien. 1894, 50). *Reinecke*. Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters (Mitth. anthr. Ges. XXIX, 1, слѣд., 1899).

ные типы, изъ района Полѣсья и Волыни, заходятъ далеко на Востокъ, достигая бассейна Днѣпра, верховьевъ Волги и Ловати, въ то время какъ восточныя формы не переходятъ установленной границы и неизвѣстны на Западѣ.

Какъ на особое украшеніе слѣдуетъ указать на серьги, хотя не исключена возможность, что въ древности и заушницы носили въ качествѣ серегъ или, наоборотъ, серьги употребляли въ качествѣ заушницъ.

*

А. Западная область. Наиболѣе характернымъ типомъ височныхъ колець у западныхъ славянъ, въ періодъ отъ VIII до XII в., были заушницы небольшихъ размѣровъ изъ тонкой витой проволоки, но чаще массивныя, литыя въ видѣ простаго кольца, со сведенными концами, или съ однимъ концомъ сплюснутымъ, и загнутымъ на подобіе буквы S. Этотъ послѣдній типъ *S-видныхъ заушницъ* сталъ наиболѣе распространеннымъ и характернымъ для западныхъ славянъ, и, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ еще не установлено откуда онъ впервые появился. На основаніи статистики географическаго мѣстонахожденія могилъ, онѣ являются несомнѣнно славянскими въ эпоху съ VIII по XII вѣкъ.

Вопросъ о происхожденіи разрѣшенъ не вполне утвердительно; нѣкоторые ученые указывали на Венгрію, какъ мѣсто ихъ возникновенія, такъ какъ тамъ были найдены экземпляры по времени ранѣе VIII в., и ихъ относятъ къ сарматамъ и аварамъ. Проф. Пичъ считалъ центромъ ихъ происхожденія сѣв. Италію, откуда онѣ быстро проникли на Рейнъ и затѣмъ къ славянамъ¹⁾. Однако, въ настоящее время, этотъ вопросъ можно разрѣшить слѣдующимъ образомъ: обычай украшать голову височными кольцами существовалъ у славянокъ уже издавна, и нѣтъ надобности предполагать, что заушницы были ими заимствованы лишь въ римскую эпоху съ Рейна, береговъ Адриатическаго моря, или изъ Придунайскаго края отъ аваровъ и сарматовъ, у которыхъ въ древнее время S-видныхъ колець вовсе не

¹⁾ *Рис. Staroż.* III, 1. 83.

было въ ходу. Но первоначально у славянъ были въ употребленіи лишь простыя кольца; въ такомъ случаѣ вопросъ о происхожденіи можетъ касаться лишь S-видной формы. Этотъ типъ заушницъ извѣстенъ въ наиболѣе древнее время на о. Кипрѣ, въ Ольвіи, но болѣе всего онъ былъ распространенъ въ императорскую эпоху въ сѣверныхъ римскихъ провинціяхъ, и по своей формѣ близко подходилъ къ славянскимъ заушницамъ. О сѣверно-европейскомъ ихъ происхожденіи нельзя говорить уже потому, что въ этомъ краѣ встрѣчаются болѣе позднія формы, въ то время какъ наиболѣе древнія найдены въ Дунайской области. Очевидно, что славяне, носившіе издавна простыя височныя кольца, заимствовали ихъ S-видный типъ изъ придунайскихъ и адриатическихъ провинцій Римской имперіи, и онъ настолько быстро распространился, что вытѣснилъ древнія и простыя формы, и сталъ уже въ IX в. характернымъ видомъ заушницъ для западныхъ славянъ, откуда, постепенно проникъ и въ Россію. Центромъ ихъ производства осталось западное славянство, у котораго нѣтъ для этого періода погребенія, гдѣ не были бы обнаружены S-видныя кольца¹⁾.

Въ районѣ Днѣпра онѣ встрѣчаются рѣже и совершенно исчезаютъ на востокъ и на сѣверѣ Руси, уступая мѣсто болѣе простымъ типамъ. Въ то время какъ на западѣ простыя кольца (со сведенными вмѣстѣ концами или съ ушками) существуютъ параллельно съ основною S-видною формою, но въ значительно меньшемъ количествѣ.

На западѣ ихъ первичный видъ усложняется завитками на двухъ концахъ, или измѣненіемъ самого вида завитка, а иногда даже само кольцо, витое изъ проволоки, смѣняется толстымъ, дутымъ съ орнаментированною поверхностью; рѣже попадаются кольца съ укрѣпленной на нихъ стеклянной или янтарной бусиной.

Дутыя орнаментированныя кольца характерны для Прибалтійскаго края, нижняго теченія Одера, откуда онѣ распро-

¹⁾ *Piš. Starož. III, 1. 329* и слѣд. *Niederle. Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der altslaw. Gräber (M. A. G. Wien 1894, 50); W. Schmid. Altslow. Gräber. Bericht. 22* и слѣд. Для Дунайск. обл. — *Васичъ. Старинар, 1906, 74.*

страняются на западъ до Ганновера, на югъ до Силезіи и на востокъ по направленію къ Варшавѣ.

Въ Альпахъ S-видныя кольца часто встрѣчаются съ нанизанными на нихъ конусообразными бусинками и подобіемъ жемчуга, или привѣшенными къ нимъ цѣпочками и погремушками. Иногда они бывають украшены гроздьями, набранными зернью.

При измѣненіи формъ кольца и украшеній, мѣняется и матеріаль. Чаще всего заушницы дѣлались изъ бронзы и серебра, причемъ бронзовыя изрѣдка серебрились или даже покрывались позолотою; рѣже ихъ изготовляли изъ свинца, олова и золота.

Вѣроятноже всего височныя кольца носили вплетенными въ волосы или зацѣпляли за пряди при помощи крючка или загиба и тѣмъ самымъ удерживали на головѣ¹⁾. Болѣе рѣдки находки височныхъ колець, укрѣпленныхъ на особомъ кускѣ ткани, кожи или лыка, который затѣмъ вплетался въ волосы.

Обычно въ могилахъ встрѣчаются черепа съ однимъ кольцомъ, но иногда число доходить до 8—10 у виска, на уровнѣ верхней челюсти и ниже ея, причемъ пряди, на которыхъ онѣ были нацѣплены, ниспадали по сторонамъ головы. При раскопкахъ отмѣчены случаи, когда заушницы, одѣтыя съ двухъ сторонъ, были соединены цѣпочками, висящими подъ подбородкомъ или ниспадающими на грудь²⁾.

Кольца S-видной формы исчезаютъ на западѣ въ XIII в., но единичныя находки обнаружены и въ болѣе позднихъ погребеніяхъ. Фрески и миниатюры XI—XII ст. не воспроизводятъ заушницъ; лишь въ чешской Велиславовой библии имѣется очень интересное изображеніе дѣвушки, у которой отъ головной повязки съ правой стороны ниспадаютъ на високъ три ленты (полоски) съ одѣтыми на нихъ кольцами³⁾.

*

¹⁾ Толстой-Кондаковъ. Русск. Древ., V, 69. *Завинневичъ*. Зап. Арх., X, 332. *Мельникова*. Труды X Арх. Съѣзда, I, 499.

²⁾ *Niederle*. Bemerkungen, стр. 41 и *Piš*. Starož. III, 1. 93.

³⁾ *Velislavova bible*, изд. *Vocel* (Abh. böhm Ges. Wiss. VI, 4 Bd., 1871, Tabl. 16).

Б. Восточная область. Если относительно западных заушиц возникает вопрос, носили ли их только как украшение волосъ и діадемъ или употребляли въ видѣ серегъ, то это предположеніе еще въ большей мѣрѣ можетъ быть распространено на височныя кольца, находимыя на Руси. Въ этомъ отношеніи въ предѣлахъ восточныхъ славянъ трудно установить границу, такъ какъ нѣкоторыя кольца примѣняются къ заушицамъ лишь на основаніи ихъ положенія (относительно черепа) въ могилахъ, но форма ихъ указываетъ, что онѣ вполне могутъ быть носимы въ качествѣ серегъ. Однообразія основныхъ формъ, столь характернаго для западныхъ и южныхъ славянъ, совершенно не наблюдается у восточныхъ, въ особенности въ районѣ за Днѣпромъ.

На востокѣ, наряду съ простыми кольцами найдены и S-видныя, причѣмъ границей ихъ распространенія являются Новгородская, Тверская, Калужская и Харьковская губерніи.

Въ XI и XII в. выступаетъ рядъ новыхъ мѣстныхъ типовъ, причѣмъ кольца съ простымъ или двойнымъ ушкомъ совершенно исчезаютъ. Возникновеніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, можно приурочить къ X—XI в. До этого времени въ ходу были кольца съ соединенными или перевитыми концами. Ранѣе X в. въ ихъ формѣ не наблюдается никакого разнообразія, — напр., въ Гнѣздовскихъ курганахъ, тогда какъ въ болѣе позднихъ — Смоленскихъ могилахъ уже встрѣчаются различные варианты.

Нельзя опредѣленно установить, чѣмъ была вызвана разница въ формѣ и въ самой technikѣ изготовленія, но можно предполагать, что въ данномъ случаѣ сказалось вліяніе корсунскихъ серебряныхъ дѣлъ мастерскихъ, гдѣ было найдено много серебряныхъ колецъ, выработанныхъ изъ проволоки и заканчивающихся узломъ или спиралью¹⁾.

Возможно, что также вліяли тюрко-татары, половцы и вообще торговля съ Востокомъ. Эти чужія формы способствовали передѣлкѣ уже ранѣе существовавшихъ у славянъ видовъ височныхъ колецъ и внесли нѣчто новое какъ въ выдѣлку, такъ и въ орнаментацию этихъ украшеній, напр., типъ ради-

¹⁾ *Завитневичъ. Труды XII Арх. Съѣзда, I, 107.*

мичскій и московскій, вѣроятнѣ всего, восточнаго происхожденія¹⁾. Кольца со связанными концами заимствованы изъ корсунскихъ мастерскихъ, особенно ихъ варианты, обнаруженные въ курганахъ Петербургской губ., съ бряцающими привѣсками являются подражаніемъ фипскимъ образцамъ²⁾.

На юго-западѣ Россіи, на Волыни и въ области древлянъ, не создано особаго типа височныхъ колець, причеиъ Волынь всецѣло можетъ быть причислена къ западной группѣ съ типическими малыхъ размѣровъ простыми кольцами и S-видными заушницами. Также не менѣе обильны западные типы, и въ Кіевской губ. въ области древнихъ полянъ, но наряду съ ними развились мѣстныя большія кольца изъ тонкой, иногда въ нѣсколько разъ свитой проволоки со спиралевидными завитками, обращенными внутрь кольца въ отличіе отъ сосѣдняго сѣверянскаго типа, схожаго съ нимъ по стилю и технике, но спиральный завитокъ котораго помѣщенъ внѣ круга. Такія заушницы найдены въ могилахъ у Гадяча (Полтавск. губ.), въ окрестностяхъ Роменъ, Бѣлгорода, Суджи и Мирополья (Курск. губ.³⁾.

Аналогично и у дреговичей, между Припетью и Двиной, былъ въ употребленіи западный типъ, но въ этой же области обнаружены кольца изъ тонкой бронзовой проволоки, свитой въ спираль, причеиъ на одномъ или на обоихъ концахъ имѣются завитки. Особая разновидность съ тройною петлей на одномъ концѣ найдена въ Гушинѣ близъ Лепеля⁴⁾. На Двинѣ, и нѣсколько сѣвернѣе, на территоріи кривичей, отмѣчены кольца, сходныя по типу съ найденными въ болѣе позднихъ могилахъ Смоленской губерніи (нѣкогда центръ кривичей), съ соединенными, какъ бы завязанными концами, возможно, греко-римскаго происхожденія⁵⁾. Эти же кольца проникли въ окрестности

¹⁾ Сизовъ. Арх. Изв. и Зап., 1895, VI. Кондаковъ въ Русск. Древ., V, стр. 65, указываетъ, что для нихъ послужили прототипомъ сирійскіе образцы.

²⁾ Спицынъ. Гдовскіе кург., 20.

³⁾ Хвойко. Раскопки мог. крив., 6—7. Ханенко, Древности, VI, табл. 29.

⁴⁾ Сементовскій. Бѣлорусск. древности (1890 г.), стр. 25.

⁵⁾ Спицынъ, А. Изв. Арх. Ком., XV (1905), 169, 171. Гатцукъ. Зап. Арх., VII, 1. 114, 121, 128, — всѣ экземпляры съ верховьевъ Волги.

Твери, Мурома (что подтверждается находками из могилъ Заколпья¹⁾) и доходятъ до Пековской губ.

Далѣе на сѣверъ, въ области новгородскихъ славинъ (въ Новгородской и Петербургской губ.) въ XI—XII в. развилось нѣсколько новыхъ типовъ заушицъ. Западныя кольца бывають обычно средней величины съ подвѣсками въ видѣ легкихъ треугольныхъ пластинокъ. Въ восточной части новгородской области, по р. Мстѣ, встрѣчаются характерныя большія кольца, съ концами заходящими другъ за друга, такъ называемыя Федовскаго типа.

Для Петербургской губ. наиболѣе типичны кольца въ 6—10 сантиметровъ съ несомкнутыми или со связанными концами, причѣмъ проволока ихъ образующая въ 3 или 5 мѣстахъ расплющена въ видѣ ромбовъ, поверхность которыхъ раздѣлана крестиками и кружками.

Иногда ихъ украшали подвѣсками изъ мелкихъ пластинокъ; или два такихъ кольца были соединены цѣпочкой, проходившей по лбу²⁾. Эта разновидность височныхъ колецъ часто встрѣчается въ Витебской, Ярославской, Смоленской и, нѣсколько меньше, въ Тверской, Владимірской и Костромской губ. Такія кольца обнаружены въ Бѣлогостицкомъ кладѣ вмѣстѣ съ арабскими вещами XI в.³⁾

Поздніе типы XIII—XIV в. меньше по размѣру, проволока сплющена въ нѣсколькихъ мѣстахъ и образуетъ овалы, украшенные бусинами, причѣмъ обычно одинъ конецъ входитъ въ другой, снабженный трубочкой⁴⁾. Великолѣпныя кольца создали въ XI в. вятичи (районъ, занимаемый нынѣ Тульской, Калужской, Рязанской и Московской губ.), главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ звѣздообразныхъ восточныхъ украшеній⁵⁾.

¹⁾ Макаренко, Н. Новленскій и Заколпскій мог. Владимірск. губ., 1908, стр. 35. Спицынъ. Владим. кург., 102; *его же*, — Древ. Оки. табл. VII, X, XXIV; *гр. Уваровъ*, А. С. Древн. Моск., XIV, табл. VI.

²⁾ Спицынъ. Гдовск. кург., 19 и слѣд. Петербургскіе кург., 12 и слѣд. Толстой-Кондаковъ. Русск. Древ., V, 56—58, 92. 138.

³⁾ Зап. Арх. Общ., VII, 1, 157.

⁴⁾ Спицынъ. Пет. кург., 13; Гдовск. кург., 20.

⁵⁾ Спицынъ. Изв. Арх. Ком., XV, 168. Толстой-Кондаковъ. Русск. Древ., V, 65 и слѣд. 82, 142 и В. Сизовъ. «О происхожденіи и характерѣ

Древній типъ ихъ состоитъ изъ неполнаго круга, нижняя часть котораго образуетъ лунницу о 7 (5) лопастяхъ, украшенныхъ по поверхности лентообразнымъ орнаментомъ, исполненнымъ наколомъ.

Это, такъ называемый, «московскій типъ», вышедшій изъ района Смоленска, гдѣ онъ былъ особенно обилень, и распространившійся въ Ярославской, Рязанской и Могилевской губ. и даже доходящій до Кіевской, Курской и Тульской губ.

Болѣе поздніе московскіе курганы смѣняютъ этотъ видъ на не менѣе красивое серебряное кольцо, такъ называемаго «коломенскаго» типа, подвѣсная часть котораго представляетъ вазу съ узорными ручками и узкою ножкою; бордюръ раздѣланъ петельками или глазками, воспроизводящими жемчужную обнизь¹⁾.

У славянъ, жившихъ въ Заднѣпровьи (радимичей), также созданъ свой типъ височныхъ колець, нижняя часть которыхъ имѣетъ 7 звѣздообразно расположенныхъ лучей, относимыхъ А. Спицинымъ къ X в.²⁾.

Слѣдуетъ также упомянуть, что у славянъ сѣв. Руси въ позднее время вошло въ обычай одѣвать на кончикъ косы кольцо или спираль, или даже продѣвать ее въ металлическую втулку или трубочку³⁾.

Однако, такой способъ убирать голову, слѣдуетъ считать финскимъ, что подтверждается раскопками ихъ могилъ на Волгѣ и Окѣ, напр. Лядинскій (Тамбовск. губ.) и Муранскій (Симбирск. губ.) могильники⁴⁾. Возможно, что изъ этой мѣстности онъ перешелъ къ сосѣднимъ славянамъ, но лишь въ болѣе позднее время (XIII—XIV в.).

*

курганныхъ височныхъ колець и преимущественно такъ называемаго московскаго типа». Отд. оттискъ Арх. Изв. и Зам., Москва, 1895 г.

1) Толстой-Кондаковъ. Р. Др., V, стр. 83.

2) Спицинъ, А. Радим. кург., 32 и слѣд.

3) Онъ же. Гдовск. кург., 19, табл. XXIII, 15, 16; Кург. Петерб., табл. XVIII, 8.

4) Ястребовъ. Лядинскій мог., 5, 19 и слѣд. Толстой-Кондаковъ. Русск. Древ., V, 54, 98. Смирновъ. Мордва, Изв. Казанск., X, 173.

Серьги. Третью обширную группу составляют кольца, у которыхъ одно полукружіе украшено подобіями гроздей, шариками, бусами, боченочками, кубиками, и которыя по-русски называются «серьгами», древн. русск. «*усерязь*», «*усерязь*», «*исерга*» (чешское — *pauišnice*, хорв. — *uzerez*) отъ древне-слав. *оѡсѣрѣгъ*¹⁾. Такія кольца не всегда носили, какъ серьги; нерѣдко онѣ служили заушницами или украшеніями діадемы и волосъ, подтвержденіемъ чему можетъ служить орнаментация, сходная съ S-видными височными кольцами, и то обстоятельство, что при нѣкоторыхъ раскопкахъ было обнаружено по 3—4 подобныхъ кольца на одной сторонѣ черепа, а кромѣ того, инья изъ этихъ колець были настолько тяжелы, что не могли быть носимы въ ухѣ; толстая дужка ихъ не предназначалась для продѣванія въ мочку уха, а надѣвалась на ушную раковину, подобно нѣкоторымъ серьгамъ Кавказа и Индіи²⁾. Мельникова полагаетъ, что иногда серьги носились продѣтыя въ особія полоски кожи, но въ такомъ случаѣ онѣ ничѣмъ не отличались отъ височныхъ колець³⁾.

Цѣлый рядъ формъ, которыя относятся къ этой группѣ колець, встрѣчается въ Средней Европѣ уже въ эпоху римскихъ императоровъ и въ послѣдующій Меровингскій періодъ. Въ районѣ Дуная, бывшимъ средоточіемъ сношеній между славянами и Римомъ, въ могилахъ IV—VII в. были найдены кольца съ продѣтою стеклянною бусиною древняго римскаго типа, или съ прикрѣпленнымъ къ кольцу металлическимъ стерженькомъ, на которомъ насажена или виситъ стеклянная бусина, или металлическіе шарики; иногда, попадаются кольца съ висящей, усыпанной зернью металлической пирамидкой, или

¹⁾ Это слово считается заимствованнымъ изъ гот. *ausi-hriggs*, т. е. ушное кольцо. — *Vondrák*. Slav. Gr., I, 96, 118, 471. Названіе это появляется въ памятникахъ письменности XI в. — «усерязь златъ» — Изборникъ Святослава, «оусерязя въ оуши твои» у Іезекіила по списку XI в. Наряду съ этимъ терминомъ въ памятникъ того же вѣка встрѣчается названіе «кольцо» — Житіе свв. Бориса и Глѣба: «испадоста ей злати колци, иже ношаше въ оушию своею». *Срезневскій*, I, 1261.

²⁾ *Мельникова*. Труды XI Арх. Съѣзда, I, 497.

³⁾ *Толстой-Кондаковъ*. Р. Древ., вып. V, 137.

повѣшеннымъ, припаяннымъ подобіемъ корзиночки изъ тонкаго филиграннаго плетенія, съ одѣтою на нихъ ягодою или боченочкомъ, гладкими или покрытыми зернью.

Подобные типы серегъ, относимые къ скиѣской эпохѣ, найдены въ греческихъ колоніяхъ вдоль сѣвернаго побережья Чернаго моря, въ Ольвіи, Евпаторіи, Херсонесѣ, Керчи¹⁾, а въ періодъ III—VII в. у крымскихъ готовъ (находки Н. Рѣпникова въ окрестностяхъ Гурзуфа), имѣвшихъ свои мастерскія²⁾.

За Карпатами, въ собственно славянской области, такихъ находокъ не обнаружено, что объясняется для этой эпохи существованіемъ обряда трупосожженія, при которомъ въ огнѣ погибали тонкія украшенія. Однако, торговля серьгами проникала и въ центръ славянскихъ предѣловъ, что видно изъ ряда единичныхъ находокъ, а равнымъ образомъ, изъ обилія предметовъ украшенія, которые разомъ появляются у южныхъ и восточныхъ славянъ, какъ только сожженіе было замѣнено зарываніемъ труповъ въ землю. Западное славянство было въ сторонѣ отъ этой торговли издѣліями, главнымъ образомъ, южнаго (римскаго, византійскаго) и восточнаго происхожденія³⁾.

Въ періодъ VIII—IX в. въ славянскихъ могилахъ всюду встрѣчаются серьги; сначала древній ихъ типъ, работы южныхъ и восточныхъ мастерскихъ, а затѣмъ великолѣпныя издѣлія мѣстнаго производства. Кольца съ повѣшенными пирамидками и кубиками, столь излюбленныя у германцевъ, у славянъ не привились. Зато часты находки серегъ римской формы съ одѣтыми на проволоку или насаженными на шпенецъ различными бусинами и подобіями гроздей. Онѣ также характерны для позднихъ сарматскихъ и славянскихъ могил.

1) Ханенко. Древности, VI, табл. 7—8. *Hadaczek, K. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusken. Abh. arch. ep. Sem., Wien. XIV, 1903.*

2) Изв. Арх. Ком., 1905, XVII, 115—126.

3) Въ Чехіи отъ княжескаго періода было найдено очень мало серегъ — *Piš. Starožit., III, 1, 170.* Однако, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, извѣстно, что ихъ носили. Уже *Костас* (I, 12) говоритъ объ «inaures». Ср. *Zibr, Děj. kroje, 98.*

Венгрии и, кроме того, найдены в волынских курганах и доходят до земель Владимирской области и Приладожья¹⁾. Эта древняя античная форма, привозимая с юга, послужила предметом подражания для местных славянских мастеров, и к ним слѣдует отнести тѣ издѣлія, которыя отличаются грубой техникой.

Кроме этого, в VIII—XII ст. у славянъ появилось нѣсколько второстепенныхъ формъ, изготовленныхъ в мѣстныхъ мастерскихъ или выдѣланныхъ за границей и благодаря торговлѣ распространившихся по всей территоріи и сильно привившихся в нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

На западѣ в эту эпоху (IX—X в.) преобладаетъ одинъ типъ серегъ, весьма распространенный в Альпійской области, и который сходенъ по своему виду с т. наз. «кетлашскими» пряжками. Эти серьги имѣютъ видъ лунницъ, украшенныхъ сверху разноцвѣтной эмалью и выходятъ изъ тѣхъ же мастеровъ, какъ и вышеуказанныя застѣжки.

Стилистическіе признаки (форма в видѣ полумѣсяца и его орнаментировка) даютъ основаніе предполагать, что ихъ оригиналы были издѣліями востока Европы, по преимуществу византійскихъ мастеровъ эмали, хотя нельзя отрицать возможности, что онѣ выдѣлывались по этимъ образцамъ и в южно-германскихъ мастерскихъ²⁾.

На востокѣ встрѣчается больше такихъ типовъ, распространеніе которыхъ связано с опредѣленнымъ райономъ; к нимъ можно отнести серьги с одѣтыми на кольцо бусинами

¹⁾ *Hampe*. *Alterthümer*, III, 468 и слѣд. *Уваровъ*. Меряне, табл. 35. Труды XI Арх. Съѣзда, I, 497, табл. VI. *Бранденбургъ*. Кург. Приладожь, 42.

²⁾ *Н. Кондаковъ*. *Gesch. d. byz. Emails*. 334, а послѣ него *Diez* (*Jahrbuch* IV, 227) считаетъ мѣстомъ возникновенія лунницъ Востокъ, точнѣе Финикію, откуда онѣ достигли южн. Россіи, Венгрии и Византіи. В своей рецензіи на трудъ *Hampe*'я акад. *Кондаковъ* высказалъ предположеніе, что эта форма, создавшаяся в Мал. Азіи и Сиріи, была занесена на сѣвер. побережье Чернаго моря, и оттуда перешла в Венгрію (*Изв. Ак. Наукъ, Отд. рус. яз.*, 1906, стр. 456). Согласно *J. Strzygowsky* (*Koptische Kunst*, Wien, 1904, 333) в Египтѣ, в христіанскую эпоху, главнымъ видомъ серегъ былъ полумѣсяць.

въ видѣ тяжелыхъ массивныхъ подобій ягодъ (малина), покрытыхъ зернью. Особенно часто онѣ попадаются въ курганахъ Минской губ. и въ прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ¹⁾.

Другою разновидностью были серьги съ надѣтыми на кольцо гладкими боченочками, каточками или бубенчиками изъ двухъ плоскихъ полушарій; обычно ихъ было три, а позже— въ XII—XIV в. можно встрѣтить до 7—11 бусинъ на одномъ кольцѣ²⁾. Эти серьги скорѣе всего восточнаго происхожденія, но, конечно, изготовлялись и въ мѣстныхъ мастерскихъ, въ силу чего и были распространены на огромномъ протяженіи отъ Кетлаха и Далмаціи до самой восточной Россіи — Владиміра, Великихъ Болгаръ, Сарая и Кавказа, а на сѣверѣ до Гдова (Петербургской губ.) и Федова (Новгородск. губ.)³⁾.

Третій типъ, характерный для верховьевъ Оки и губерній Владимірской, Калужской и Минской, имѣть бусинки въ видѣ связанныхъ изъ ткани узловъ.

Четвертымъ видомъ, типичнымъ для южной Россіи и, изъ всѣхъ мѣстныхъ издѣлій, наиболѣе красивымъ, были серьги, такъ назыв. «кіевскія», у которыхъ на кольцѣ насажены по 3 бусины изъ золота и серебра, украшенныя филигранью, или ажурныя на подобіе корзиночекъ.

Этотъ изящный типъ, очевидно, пришелъ изъ греческихъ и восточныхъ мастерскихъ⁴⁾, но въ X—XII в. онѣ въ большемъ количествѣ изготовлялись мѣстными кіевскими мастерами, на что указываютъ и археологическія находки Кіева и окрестныхъ городищъ⁵⁾. Впослѣдствіи, ставъ излюбленнымъ предметомъ украшенія и торговли, онѣ распространились далеко за предѣ-

1) *Спицынъ*. Владимірск. кург., 139. *Кондаковъ*. Русск. клады, 136, табл. II—IV и XV.

2) *Толстой-Кондаковъ*. Русск. Древ., V, стр. 138.

3) *Спицынъ*. Изв. Арх. Ком., XV, 3; Гдовск. кург., табл. XXIV, 8.

4) *Кондаковъ*. Русск. Древ., V, стр. 120 и «Клады», стр. 128.

5) Чаще всего онѣ встрѣчаются въ кіевскихъ кладахъ XII в. *Кондаковъ*. Русск. клады, стр. 127, 132, 138, 140 и табл. II, IV, XII, XIII. *Гр. Бобринскій*. Курганы у Смѣлы, II табл., 20.

лы Кіевской области, проникли въ Чехію¹⁾ и даже во Франк-
фуртъ на Одеръ²⁾ (табл. XIII).

Въ сѣверной Руси серегъ носили меньше; ихъ вовсе не встрѣ-
чается до XIII—XIV ст. въ Гдовскихъ курганахъ, и рѣдко по-
падаютъ въ Петербургскихъ и Ладожскихъ могильникахъ;
ген. Бранденбургъ нашелъ тамъ лишь грубые экземпляры
мѣстнаго издѣлія.

Въ Россіи серьги носили какъ женщины, такъ и мужчины,
по одной съ каждой стороны, но большей частью только въ
одномъ ухѣ.

Этотъ обычай еще понынѣ удержался у хорватъ, и о немъ
же упоминаетъ Левъ Діаконъ въ своемъ описаніи кн. Святослава.

Византійская техника способствовала возникновенію въ
южной Руси дутыхъ серегъ — такъ называемыя *колты* или
«серьги колодки», состоящихъ изъ двухъ вышуклыхъ спаян-
ныхъ и украшенныхъ эмалями щитковъ; широкая кайма на
мѣстѣ спайки снабжалась скобочками, черезъ которыя продѣ-
валась проволока съ жемчужной нитью; подъ верхнею дужкою
дѣлалась въ обоихъ щиткахъ желобчатая выемка, а въ ней
узкая щель, въ которую вкладывался кусокъ хлопка, пропи-
танный благовоннымъ масломъ, и такъ какъ подобныя серьги не
продѣвались въ ухо, но носились около, у волосъ, то постоянно
передавали имъ запахъ духовъ.

Какъ указалъ Н. П. Кондаковъ, прототипомъ имъ
послужили сирійскія лунницы³⁾; по ихъ образцу возникли
въ Византіи дутыя серьги⁴⁾, а благодаря варварскому по-
средничеству въ XII—XIII в. появились золотыя колты въ
Кіевѣ, причемъ къ нимъ слѣдуетъ относить и подражанія въ

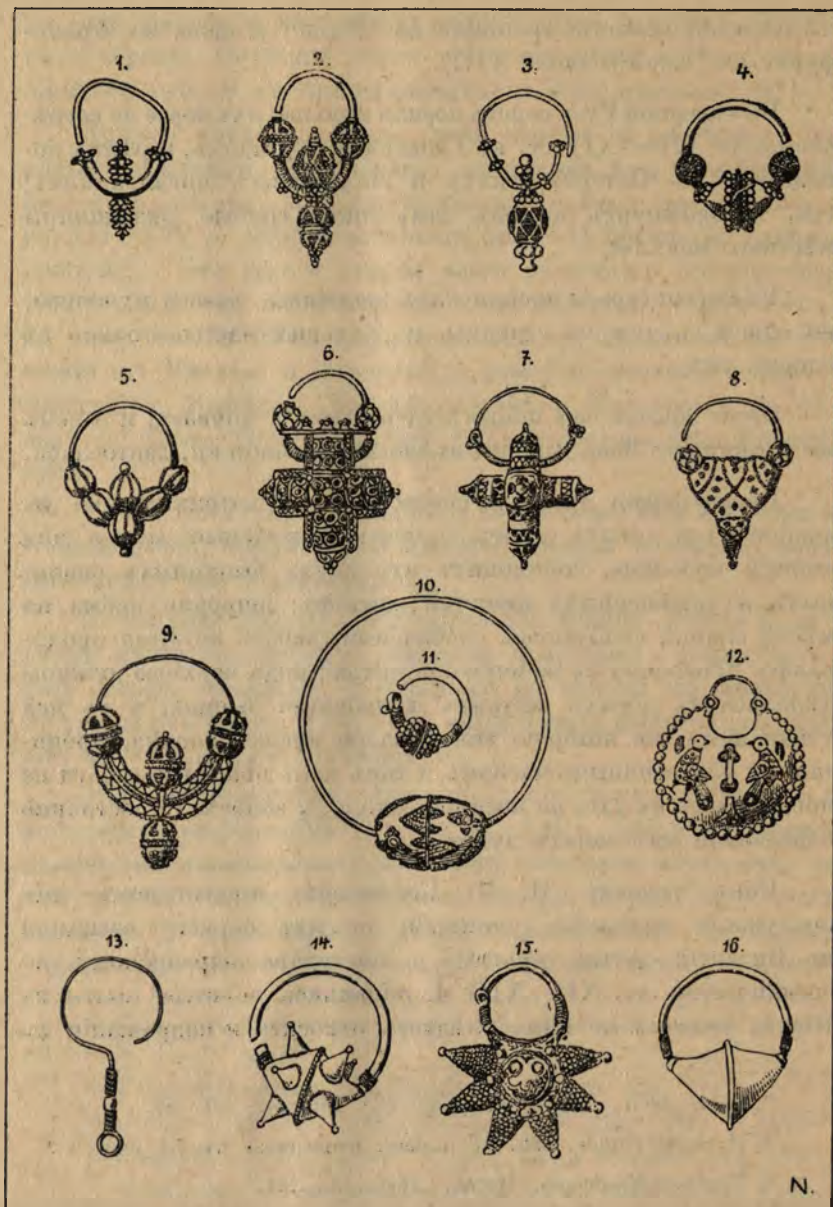
1) *Pam. Arch.*, XVII, табл. 35; *Př. Starožit.*, III, 89.

2) *Hacksilberfunde*, tab. II (кладъ, относимый къ XI ст.).

3) *Толстой-Кондаковъ*. Русск. Древ., V, 141.

4) Чисто византійскіе образцы находятся въ собраніи Балашева —
Кондаковъ. Рус. клады, табл. 14.

ТАБЛИЦА XIII

Серьги.

- 1 — Чехія; 2 — Моравія; 3—4 — Венгрія; 5 — Kvasice; 6 — Плоцк. губ.;
 7 — Нидерланды; 8 — Плоцк. губ.; 9 — Tempelhof; 10 — Далмація; 11 —
 Болгарія; 12—13 — Кіевъ; 14 — Воздвиженское на Маньчѣ;
 15—16 — Гнянзья гора (Кіевъ).

серебрѣ XIV—XV в.¹⁾. Отдѣльные ихъ экземпляры зашли и въ Венгрію²⁾.

Всѣ эти типы серегъ были частью иноземнаго происхожденія, частью славянскимъ подражаніемъ чужимъ образцамъ. Обычно признаками мѣстнаго издѣлія являются: болѣе грубая форма, дешевый бѣлый сплавной металлъ и неумѣлая техника эмали. Что касается лучшихъ экземпляровъ, то мѣсто выработки и происхожденія точно указать нельзя, въ виду того, что стиль и техника Востока и Византіи во многомъ была сходна.

Слѣдуетъ, однако, припомнить, что кромѣ Византіи крупные центры художественной промышленности были на Востока: въ Туркестанѣ (Самаркандѣ), въ Месопотаміи (Багдадѣ), Сиріи и Египтѣ, и изъ ихъ мастерскихъ выходило большое количество серебряныхъ украшеній, осыпанныхъ зернью.

О восточномъ происхожденіи многихъ украшеній можно судить не только по находкамъ кладовъ, относящихся къ X—XI в., гдѣ, помимо предметовъ личнаго убора, постоянно встрѣчаются арабскія диргеми этого времени, но и на основаніи того, что подобныя формы, въ особенности близкія по стилю къ разсматриваемымъ вещамъ, попадаютъ на югъ и востокъ Азіи, куда онѣ были занесены путемъ торговли³⁾.

Всѣ найденные великолѣпные оригиналы и ихъ подражанія были чужеземными, по преимуществу восточными, хотя мѣстонахожденіе отдѣльныхъ мастерскихъ ихъ изготовлявшихъ указать затруднительно. Тѣмъ не менѣе, эти серебряныя издѣлія въ X—XI в. настолько становятся излюбленными у славянъ,

¹⁾ Главн. сочиненія: *Кондаковъ*. Клады, 195 и слѣд. табл. 2, 6, 10, 11, 15 и Истор. визант. эмали, IV, 310—352 и *его же* — Рус. Древ., V, 111, 114—117, 141.

²⁾ *Hampel*. *Alterthümer*, I. 371; чрезвычайно любопытно отмѣтить, что въ южной Венгріи удержались до XVI—XVII ст. подражанія этихъ формъ, на что указываютъ находки въ *Tomáševci* (*Arch. Ert.* 1897, 245, *Věstník sl. st.* I, 85).

³⁾ *Grempler und Heger* въ *Mittheilungen der Anthropolog. Gesellschaft im Wien* въ XXII, 217. Любопытно отмѣтить вещи, украшенныя зернью, которыя были найдены въ 1908 г. въ Бубастидѣ, относимыя къ XIX династіи, и нѣкоторыя съ именемъ Рамзеса II (*Illustr. London News*, 1908, Aug. 158).

что помимо вещей, доставляемых съ Востока, для ихъ выдѣлки возникъ рядъ собственныхъ мастерскихъ, и онѣ стали *характернымъ славянскимъ украшеніемъ*. Съ этой точки зрѣнія, данный видъ серебряныхъ издѣлій можно назвать славянскимъ, т. к. нигдѣ онѣ не встрѣчаются въ такомъ количествѣ, какъ у славянъ.

Кромѣ того, въ славянскихъ могилахъ отмѣчено еще нѣсколько видовъ серегъ чисто восточнаго происхожденія. Прежде всего изъ этихъ разновидностей слѣдуетъ указать серьги, у которыхъ одинъ конецъ кольца низко опущенъ и обвитъ спиральною проволокой или унизанъ бусинами; также весьма характерна и длинная тонкая подвѣска¹⁾. Этотъ типъ на западѣ доходитъ до Галича и Кіева, на сѣверѣ достигаетъ Петербургской и Вятской губерній, но вышелъ онъ, скорѣе всего, изъ Прикавказья, изъ тюрко-татарскаго района.

Другой типъ золотыхъ или серебряныхъ серегъ, такъ называемый «половецкій», найденъ въ южно-русскихъ могилахъ кочевниковъ XII—XIII в.; его отличительной чертой является лучевидная звѣзда, одѣтая на дутой проволокъ²⁾. Въ Кіевѣ, Волыни и Харьковской губ. извѣстенъ еще и иной восточный типъ — на проволочную дужку одѣто два соединенныхъ основаніями конуса, обычно полыхъ и изъ бѣлаго сплава³⁾.

XXIII

ШЕЙНЫЯ УКРАШЕНІЯ.

Ожерелья, мониста, подвѣски и гривны. Обычаи украшать шею можно прослѣдить отъ доисторическаго періода, черезъ всѣ ступени культуры вплоть до греко-римской

¹⁾ Zbiór, XIV, 74; *Спицынъ*. Кург. Петербургской губ., 14, табл. XII, рис. 7 и 8; кург. Гдовскіе, XXIV, 26.

²⁾ Описание южно-русскихъ находокъ см. *Толстой-Кондаковъ*. Рус. Древ., V, 139. Акад. *Кондаковъ* считаетъ мѣстомъ ихъ возникновенія Херсонесъ.

³⁾ Труды XII Арх. Съѣзда, I, 696 и *гр. Бобринскій*. Кург. Смѣлы, II, табл. 20.

эпохи; естественно, что онъ былъ и у славянъ. Уже въ могилахъ съ сожженіемъ до-римской эпохи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ славянами, попадаются бронзовые кольца и ряды мелкихъ бронзовыхъ и стеклянныхъ бусъ, а также и различныхъ подвѣсокъ, предназначенныхъ для украшенія шей¹⁾. Въ римскую эпоху ихъ производство начинаетъ развиваться, и въ это время, для предметовъ римской торговли, были обычны ожерелья, мониста изъ различно-ограниченныхъ бусъ, изрѣдка перемежавшихся съ металлическими цатами. Такого рода украшенія найдены въ Чехіи, Польшѣ и Россіи (въблизи Кіева²⁾).

Въ V—VIII в. въ сосѣднихъ странахъ, лежащихъ на западъ отъ славянскихъ земель, начинаютъ появляться наряду съ ожерельями и монистами, массивныя шейныя кольца изъ бронзы, серебра и золота; такъ, въ восточной Германіи, въ Пруссіи и Литвѣ найдены кольца съ ушками и крючечками на концахъ³⁾, или съ двумя шариками, которые, заходя одинъ за другой, смыкають кольцо⁴⁾, или съ упирающимися коническими концами⁵⁾. Къ этому же времени относятся шейныя украшенія, найденныя въ Литвѣ, состоящія изъ спиральныхъ трубочекъ⁶⁾ и мощинскій типъ колець, покрытыхъ эмалью⁷⁾. Однако, до IX в. такія находки у славянъ рѣдки и единичны.

¹⁾ *Piř.* Starožit., III, 1, 21, 48, 77 tabl. III, 6, V, 4; XI, 21; XIX, 41. *Červinka.* Kultura, 29.

²⁾ Въ Чехіи о находкахъ у Třebické см. *Piř.* Starožit., I, 124, 139, У Комогова (Польша) — *Mat.*, X, табл. 22, 26; около Кіева — *Хвойко.* Зап. Арх., XII, 1—2, табл. 19.

³⁾ *Tischler-Kemke* Ostpr. Altert. табл. XV, относящ. къ III—V ст. Подобныя массив. кольца были найдены въ Межанскихъ курганахъ у Свѣнцианъ рядомъ съ эмалев. вещами мощинскаго типа. Труды IX Арх. Съѣзда. Вильно, т. II, табл. IX и XI.

⁴⁾ Эта древняя форма была извѣстна въ сѣв. Германіи и Скандинавіи въ древне-римскую эпоху — *Montelius.* Kulturgesch., 77, 153.

⁵⁾ Въ Пруссіи и Литвѣ они уже встрѣчаются въ II—III ст. (*Tischler-Kemke,* idem, табл. XIV); нѣсколько позднѣе въ курганахъ у Ковно (см. *Макаренко.* Kwart. lit, 1910, табл. 4—5) и доходятъ до Финляндіи — (*Наскман.* Les trouvailles préhistoriques, стр. 51).

⁶⁾ Находки Виленской и Ковенской губ. — *Swiatowit,* II, таб. 14; VI, таб. 6—8. *Kwart. lit,* 1910, таб. 4.

⁷⁾ *Спицынъ.* Зап. Арх., V, 153, 184, таб. 26, 32.

Въ концѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х. шейныя украшенія приобрѣтають у славянъ болѣе разнообразный характеръ, но установить особенности мѣстныхъ типовъ еще не представляется возможнымъ въ виду того, что большая часть какъ металлическихъ шейныхъ колецъ, такъ и монистъ изъ бусъ были предметомъ чужеземной торговли, чѣмъ и объясняется ихъ распространеніе по славянской территоріи и сильное смѣшеніе типовъ. Въ это время также возникаютъ имитациі чужихъ образцовъ, и создаются мѣстные второстепенные типы и формы. Больше всего у славянъ были распространены сѣверныя — балтійскія (литовско-латышскія), финскія и восточныя (тюрко-татарскія или арабскія) украшенія. Мѣстный же славянской типъ является, главнымъ образомъ, въ серебряныхъ издѣліяхъ XI—XII в.

Шейныя украшенія обычно раздѣляются на двѣ группы:

1. Ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, граненыхъ драгоценныхъ камней, перемежающихся съ металлическими подвѣсками, мелкими раковинами, зубами звѣрей; они издревле носили названіе — *монисто*¹⁾, лат. *monile*, древн.-нѣмецк. — *tenni*, стар.-саксонск. — *teni*.

2. Металлическія шейныя украшенія, сплавленные изъ одного куска, расчлененныя или витыя изъ проволоки, болѣе или менѣе массивныя, и которыя принято обозначать словомъ *гривна*.

Мониста были исключительно чужеземнаго происхожденія, такъ какъ славяне не умѣли имитировать стеклянныхъ издѣлій Египта (Александрія), Сиріи (Антіохія) или римско-византійскихъ мастерскихъ, такъ что все виды бусъ привозились къ нимъ изъ Византіи, М. Азіи, въ особенности изъ Сиріи, гдѣ ихъ больше всего вырабатывали²⁾.

Эти мониста были излюбленнымъ украшеніемъ славянъ, что подтверждается свидѣтельствомъ ибнъ-Фадлана о русскихъ

¹⁾ Этотъ терминъ уже встрѣчается въ памятникахъ письменности XI—XII в. (*Срезневскій. Матеріалы*, II, стр. 173) и до сихъ поръ употреблялся въ народѣ — монисто, намисто.

²⁾ *Толстой-Кондаковъ. Рус. Древ.*, вып. V, 154.

женщинахъ, для которыхъ мужья покупали мониста изъ «зеленыхъ бусъ», платя по диргему за штуку¹⁾.

Для обозначенія бусинъ въ русскомъ, сербскомъ и болгарскомъ языкахъ удержался арабскій терминъ — *busta*, русск. — *бисеръ*, древне-русск. — *бисьръ*, *бисръ*, встрѣчающійся уже въ памятникахъ X—XI в.²⁾.

До конца I-го тысячелѣтїя еще удерживаются древнія формы бусинъ — гладкія, круглыя изъ бѣлаго стекла, или цвѣтныя — синія и зеленыя, а также расцвѣченныя желтыми, синими или голубыми глазками, издавна (уже въ Гальштатскій періодъ) извѣстныя во всей средней Европѣ. Обильнѣе находки бусъ изъ разноцвѣтной стеклянной пасты, украшенныхъ по окружности зигзагообразными линіями или изрѣдка насаженными выпуклыми бороздками³⁾.

Для этого времени самыми типичными у славянъ были продолговатыя бусы яйцеобразной формы, или въ видѣ бочечковъ изъ стекла или непрозрачной пасты; иногда онѣ были рубчатыя, но чаще витыя или составленныя изъ нѣсколькихъ меньшихъ бусинъ, или, наконецъ, граненыя у концовъ, шести, восьми, шестнадцати реберныя (см. табл. XIV).

Въ XI в. встрѣчаются продолговатыя серебряныя или золоченыя бусы; ихъ изготовляли изъ прозрачнаго стекла, затѣмъ на поверхность накладывали серебряный или золотой листикъ и вновь заливали стеклянной массой⁴⁾. Этотъ видъ бусъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ областяхъ, въ частности на Руси, былъ наиболѣе распространенъ.

Среди стеклянныхъ бусъ иногда попадаются экземпляры изъ хрустала, сердолика, халцедона, аметиста, альмандина, а

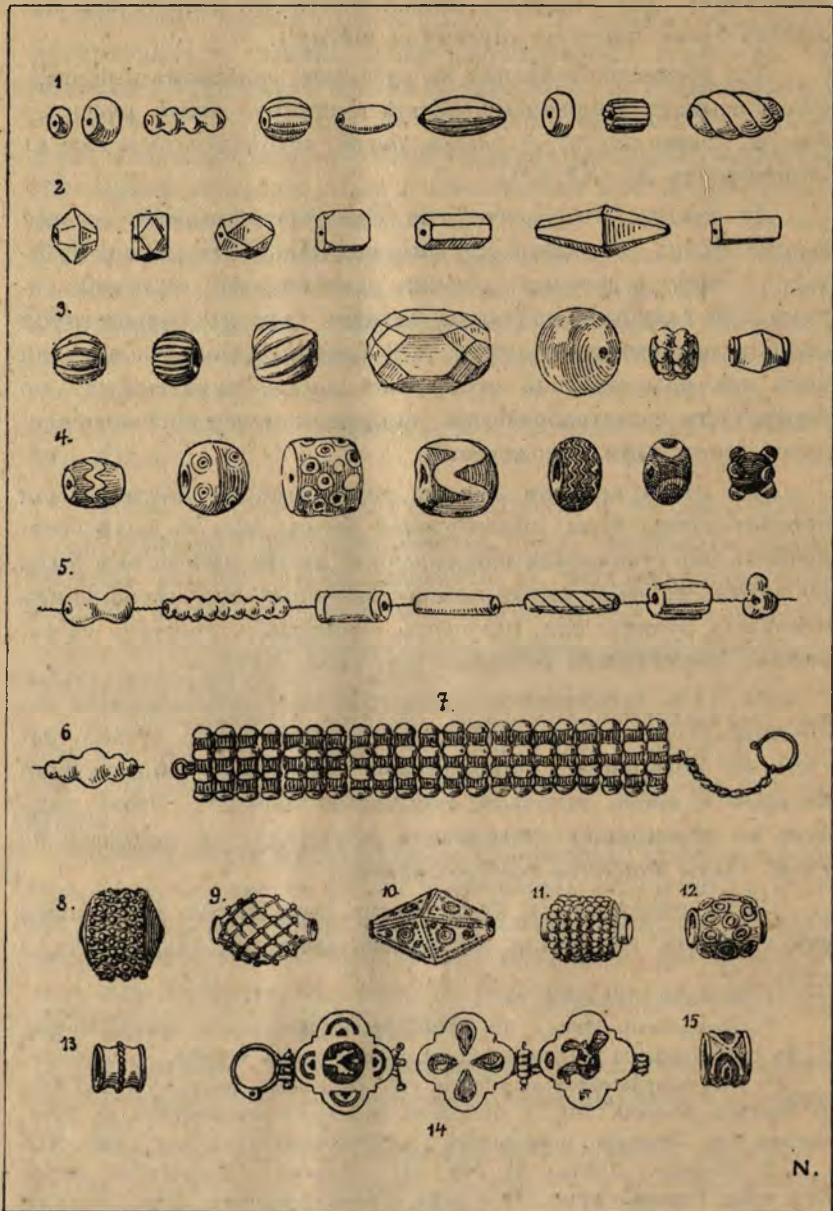
¹⁾ *Гаркави*. Сказанїя, 94.

²⁾ *Срезневскій*. Мат., I, 89. *Меліоранскій*. Изв. отд. р. яз. Ак. Наукъ, X, 4, 117. Перешло въ славянск. яз. посредствомъ турецк. слова *büste*.

³⁾ Онѣ встрѣчаются въ Кіевск. губ. (*Ханенко*. Древн., V, табл. 36); въ Венгріи (*Hampel*. Alt. I, 465) и въ финскихъ погребенїяхъ на Руси, наприм., въ Лядинск. могильникѣ. См. *Ястребовъ*. Ляд. мог., таб. XII.

⁴⁾ *Ханенко*. Древн., V, стр. III. *Спицына*. Петербургск. кург., 15 и слѣд; Гдовскіе кург., 21 и слѣд. *Сизовъ*. Смоленск. кург., 53. *Толстой-Кондаковъ*. Р. Древ., V, 154.

ТАБЛИЦА XIV

Бусы и наки.

1—6 — Стекланные бусинки изъ Славянскихъ земель; 7 — изъ Каневск. вѣзда; 8 — Кіевъ; 9 Могилевск. губ; 10 — Чехія; 11 — Набутовъ (Кіевъ); 12, 13, 15 — Петербургск. губ.; 14 — Сахновка (Каневск. у.).

также и изъ янтаря. Въ находкахъ, относимыхъ къ неолитическому періоду, янтарь встрѣчается въ большомъ количествѣ во всей средней Европѣ и Руси; въ разсматриваемую эпоху онъ былъ рѣдкимъ матеріаломъ, который привозили съ бережій Балтійскаго моря или изъ района средняго теченія Днѣпра¹⁾.

Относительно часто встрѣчаются нанизанными среди бусъ раковины типа *Cypraea moneta* или *C. pantherina*, бывшія въ то время предметомъ торговли и свидѣтельствующія о связи славянскихъ земель съ Краснымъ моремъ и Индійскимъ океаномъ²⁾. Иногда ихъ замѣняли зубы собаки, волка и медвѣдя.

Въ X в. большого распространенія достигаютъ металлическія дугія бусы, обычно яйцевидныя или на подобіе боченочковъ, осыпанныя по поверхности зернью; онѣ были восточнаго происхожденія; однако, славяне рано начали подражать этимъ образцамъ, но мѣстное изготовленіе отличалось болѣе грубой техникой³⁾.

Существовалъ и другой видъ металлическихъ бусъ въ видѣ небольшихъ цилиндровъ или трубочекъ, украшенныхъ по краямъ и въ центрѣ. Кромѣ этого, слѣдуетъ отмѣтить характерныя для Волини, Кіевской губ. и Галича бусы на подобіе малиновыхъ ягодъ, такъ называемыя «минскаго типа»⁴⁾.

Къ этой группѣ можно присоединить шейныя украшенія изъ узкихъ серебряныхъ или позолоченныхъ пластинокъ, лоточковъ, иногда полуцилиндровъ, закругленныхъ вверху и внизу и соединенныхъ другъ съ другомъ, причемъ низка (нить,

¹⁾ Янтарн. бусы изрѣдка находятъ въ Чехіи — *Piř. Starozit.*, III, 89; въ Польшѣ — *Swiatowit*, IV, 31, а также въ южной и средней Россіи — *Ханенко*, Древн., V, 14; *Спицынъ*. Радимичск. кург., 102 и *Антоповичъ*. Раскоп. Древляни.; *Jakob*. Handelsartikel., 63 — о торговлѣ араб. янтаремъ.

²⁾ О торговлѣ раковинами см. *Conventz*. Einführung von Kauris und verwandten Schneckenschalen als Schmuck in Westpreussen zur vorg. Zeit (Mitth. Westpr. Gesch., Ver. I и *Globus* LXXXI, 148). *

³⁾ *Толстой-Кондаковъ*. Рус. Древн., V, 62, 154; Русск. Клады, 134, табл. VII. *Piř*, *Starozitn.*, III, 91. *Сизовъ*. Смоленск. кург., 54.

⁴⁾ *Завитковичъ*. Зап. Арх., X, табл. II, рис. 17—21.

тесма, лента) пропускалась через дырочки, проверченныя по ихъ сторонамъ. Подобныя ожерелья были отмѣчены въ скиео-сарматскихъ могилахъ, а впоследствии вновь появляются въ южной Руси, какъ предметъ чужеземной торговли¹⁾.

Подвѣски. Наряду съ металлическими и стеклянными бусами къ шейнымъ украшеніямъ присоединялись металлическія подвѣски различныхъ формъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ были иноземнаго происхожденія — сѣверныя, финскія, арабскія, византійскія, и такъ какъ на славянской территоріи ихъ было найдено большое количество, то при разсмотрѣніи должно ограничиться лишь наиболѣе характерными для VIII—XII в. типами.

Въ періодъ VI—VII в. для всей Руси весьма типичны подвѣски «мошинскаго» типа, украшенныя выемчатою эмалью зеленого и красного цвѣта.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить подвѣски изъ металла въ видѣ широкаго серпа, полумѣсяца, такъ называемыя *лунницы*. Эта форма появилась издревле на Руси; она уже встрѣчается въ скиео-сарматскихъ, римскихъ, греческихъ и древнихъ кавказскихъ могильникахъ, и была чужеземнаго происхожденія. Типическія серебряныя лунницы X—XI ст., осыпанныя зернью, являются, если онѣ не были мѣстнымъ, болѣе грубымъ подражаніемъ, предметомъ арабской торговли и шли, скорѣе всего, изъ Сиріи или Финикіи¹⁾.

Наряду съ этимъ въ русскихъ могилахъ найденъ другой, болѣе древній типъ лунницы — кругловатый, съ почти сведенными вмѣстѣ концами, возникшій еще до заноса въ славянскіе предѣлы арабской формы. Всѣ эти типы лунницъ²⁾

¹⁾ *Ханенко*. Древн., V, 15, табл. XXIV, XXV и XXIX; вып. VI, табл. XXXIII. *Кондаковъ*. Рус. клады, табл. III, V, IX, XI; онъ же и *Толстой*. Рус. Древ., V, 115, 116.

²⁾ *Кондаковъ* (Р. клады, 198) полагаетъ, что лунницы возникли въ Сиріи, откуда были занесены въ Египетъ, М. Азію и Византію; въ Русск. Древ., V, стр. 39, отмѣчено, что ихъ носятъ въ Сиріи въ настоящее время.

³⁾ Разборъ и перечень видовъ лунницъ, найденныхъ въ Россіи. см. у *Толстого-Кондакова*. Рус. Древ., V, 156; *Спицынъ*. Гдовск. кург., 25, кург. Петербургск., 17 и слѣд. и *Сизовъ*. О происхожден. височныхъ колець, стр. 5 и слѣд.

очень многочисленны въ южной и средн. Россіи и нѣсколько рѣже встрѣчаются на сѣверѣ, въ Приладожьи.

Торговыми путями эти подвѣски изъ Россіи проникали на западъ и юго-западъ и были типичными для кладовъ серебряныхъ вещей восточной Германіи, Галиціи, Венгріи и Хорватскихъ могилъ XI в. (у *Bilého Brda*).

Другимъ, еще болѣе распространеннымъ типомъ были подвѣски въ видѣ малыхъ медальоновъ со штампованнымъ или литымъ орнаментомъ, украшеннымъ зернью, филигранью или ажуромъ самыхъ разнообразныхъ сочетаній и мотивовъ. Лишь въ немногихъ районахъ можно отмѣтить мѣстныя черты, наприм., въ Петербургской губ. встрѣчаются медальоны по преимуществу съ плетенымъ орнаментомъ, въ Полтавской губ.— ажурные, прорѣзные. Ихъ находки повсемѣстны, но особенно часты въ средней Россіи въ могилахъ X—XII в. (см. табл. XV).

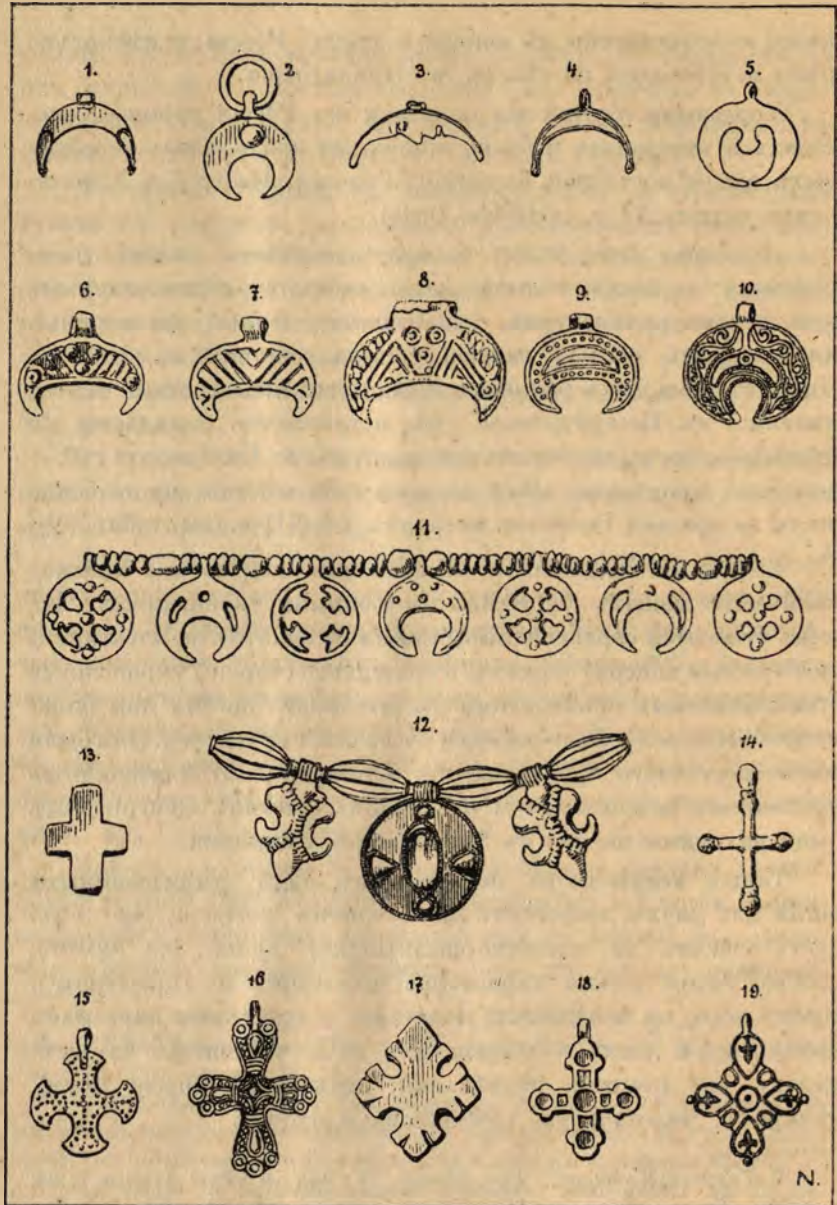
Вмѣстѣ съ медальонами въ могилахъ найдено еще большое количество малыхъ подвѣсокъ къ шейнымъ украшеніямъ. Къ нимъ относятся сердцевидныя, или на подобіе листа, пластинки, снабженныя наверху ушкомъ, а по лицевой сторонѣ украшенныя стилизованнымъ орнаментомъ растительнаго побѣга или пальметкою, или рельефами въ видѣ розетокъ и кружковъ. Онѣ были также восточнаго происхожденія и являются отличительнымъ признакомъ венгерскихъ и славянскихъ могилъ Венгріи, гдѣ были находимы наряду съ S-видными заушницами.

Также встрѣчаются подвѣски въ видѣ стилизованныхъ лилій изъ двухъ лепестковъ съ бутономъ посреди, что слѣдуетъ считать за восточно-византійскій *кринъ* (*τὸ κρίνον*); вообще лилія весьма характерна для Сиріи и Палестины¹⁾. Кромѣ того, къ западнымъ монетамъ и арабскимъ диргемамъ придѣлывали ушки и носили ихъ какъ украшенія на шеѣ, наряду съ другими подвѣсками, имѣвшими форму мечей, сѣкирокъ, молоточковъ, гребешковъ и проч.²⁾

¹⁾ *Толстой-Кондаковъ*. Рус. Древн., V, 144 и Рус. Клады, I, 206 и слѣд. Лилія, какъ орнаментальный мотивъ, появилась на Руси въ IX—X ст.

²⁾ *Ханенко*. Древн., V, 15, табл. 17. *Спицынъ*. Гдовск. кург., 27.

ТАБЛИЦА XV

Лунницы и подвески.

1 — Ромны (Полтавск. губ.); 2 — Страдонице (Чехія); 3 — Сахновка (Кіевск. губ.); 4 — Пештъ; 5 — Камбулта (Кавказъ); 6—7 — Гигъзово (Смоленск. губ.); 8 — Вілѣ Врдо (Хорватія); 9 — Владимірск. губ.; 10 — Волоноламскъ; 11 — Харьковск. губ.; 12 — Сахновка; 13 — Херсоньск. (Корсуны); 14 — Петербургск. губ.; 15 — Подоль (у Кіева); 16—17 — Черниговск. губ.; 18 — Владимірск. губ.; 19 — Черниговск. губ.

Въ Сибири и въ районѣ финскихъ поселеній Поволжья были въ большомъ ходу подвѣски въ видѣ прорѣзныхъ ажурныхъ квадратиковъ или продолговатыхъ, отлитыхъ изъ бронзы бляшекъ, къ которымъ прикрѣплены цѣпочки съ висящими на нихъ бубенцами и лапками; онѣ вполне точно воспроизводятъ въ металлѣ матерчатыя или жгутовыя плетенія¹⁾, и сходны съ разсмотрѣнными пряжками финскаго происхожденія. Къ нимъ можно присоединить финскія подвѣски изъ толстой проволоки, образующія сверху родъ треугольниковъ (иногда двойныхъ) изъ плетеныхъ жгутиковъ¹⁾.

Финнамъ принадлежатъ и множество плоскихъ, литыхъ фигурокъ звѣрей и животныхъ: коньковъ съ всадниками и безъ нихъ, собакъ, барановъ, утокъ, гусей, которыя особенно типичны для финскаго Поволжья, Урала и Сибири, и откуда они шли на югъ до Кіевской, и на западъ до Минской, Витебской губ., а также и въ Ливонію.

Для сѣверныхъ славянъ характерны стилизованныя полуфигурки звѣрей, имѣющія какое-то символическое значеніе и употреблявшіяся въ шаманской магіи. Средне-азиатскаго (туркменскаго) происхожденія, по мнѣнію проф. Кондакова, были подвѣски изъ металлическихъ трубочекъ, служившихъ украшеніемъ пряжекъ, найденныхъ въ Тамбовскихъ могилахъ³⁾.

Въ великокняжескую эпоху XII и XIII в. началась выдѣлка подвѣсокъ въ кіевскихъ золотыхъ дѣлѣ мастерскихъ, отличающихся иногда высокимъ художественнымъ достоинствомъ. Князья, вельможи и богатые люди того времени носили на шеѣ золотыя или серебряныя цѣпи изъ отдѣльныхъ звеньевъ, обычно кругловатой формы, между которыми были укрѣплены подвѣски въ видѣ медальоновъ. Въ это же время начинаютъ носить на шеѣ, на цѣпочкахъ или шнуркахъ кресты. Эти вещи, нерѣдко великолѣпной работы, изготовлялись по

1) *Гр. Уваровъ*. Меряне, табл. XXV. *Спицынъ*. Древн. Камской Чуди, 23 и слѣд. табл. XI. *Толстой-Кондаковъ*, Рус. Древ., V, 160.

2) *Спицынъ*. Пет. кург., 22 и слѣд. Владим. кур., 103; Древн. Камск. Чуди, табл. XII и слѣд. *Толстой-Кондаковъ*. Р. Др. вып. V, стр. 198.

3) *Толстой-Кондаковъ*. Русск. Древн., V, 75; *Ястребовъ*. Лядинск. мог., 9—13, 32, табл. I.

византійскимъ образцамъ въ славянскихъ предѣлахъ (Кіевъ), что подтверждается нѣкоторыми техническими и стилистическими признаками¹⁾ и славянскими надписями.

Лицевая сторона обычно украшена филигранью, зернью, драгоцѣнными камнями въ большихъ гнѣздахъ, или выполнена эмалью, изображающую святыхъ въ композиціи «Деисусъ». Примѣрами подобныхъ издѣлій могутъ служить богатая находка рязанскаго (1822 г.) и кіевскаго (1824 г.) кладовъ. Эти церемоніальныя украшенія, такъ называемыя «бармы», одѣвались въ особо торжественныхъ случаяхъ, напр., при вступленіи на княженіе, и вели свое начало отъ древнихъ, римско-византійскихъ нагрудныхъ знаковъ отличія (фалары). Нѣкоторые русскіе археологи полагали, что бармы — не что иное, какъ царское оплечье, на которомъ нашиты медальоны.

Н. П. Кондаковъ справедливо указалъ, что подобные медальоны носились подвѣшенными къ шейнымъ украшеніямъ и въ виду того, что оплечье дѣлалось изъ полосы шелковой, парчевой золотой ткани, шитой жемчугомъ или украшенной драгоцѣнными камнями, сажеными рядами; оно не имѣло ничего общаго съ металлическими медальонами.

Такія матерчатыя оплечья появились на Руси изъ Византіи (гдѣ они были частью придворнаго облаченія) въ сравнительно позднюю эпоху, не ранѣе XIV в.²⁾

Подобно лунницамъ и медальонамъ, на Руси подражали византійскимъ образцамъ, изготовляя крестики; первые найденные экземпляры относятся къ корсунскимъ издѣліямъ. Впослѣдствіи, въ Кіевѣ стали подражать корсунскимъ образцамъ, или инкрустированнымъ и эмалевымъ крестамъ, какъ простымъ, такъ и складнымъ (encolpion'ы), причемъ ихъ снабжали славянскими надписями³⁾. Такъ, крестъ XII в., найденный въ

¹⁾ Кондаковъ. Р. Клад., 48, 89—90. Толстой-Кондаковъ. Р. Древн., V, 37.

²⁾ Кондаковъ. Р. Клад., 83, 158 и слѣд., 165 и слѣд., 186. Толстой-Кондаковъ. Русск. Древн., V, 127 и слѣд., 132 и слѣд. и 160. гр. Уваровъ. Суздальское оплечье. Древ. арх., V, 1—18, Москва.

³⁾ Ханенко. Древн., 4; Древн. Приднѣпров., V, 9, табл. XIII. Эмаль на этихъ вещахъ встрѣчается двоякаго вида — выемчатая (émail champlévé) или перегородчатая (émail cloisonné).

Бѣлой Церкви, около Василькова, — бронзовый, позолоченный; перегородчатой эмалью исполнено въ центрѣ изображеніе Спасителя съ Богородицею и Иоанномъ Крестителемъ — «Деисусъ»; сверху — голова арх. Михаила (Миѳанл), а внизу — Гавріиль (Гакрнл). Въ средней Россіи чаще всего попадаются литые кресты съ различно расширенными концами¹⁾.

Къ этимъ медальонамъ и крестикамъ (гѣльникамъ) относятся полуязыческія круглыя бляшки, такъ называемыя *змѣвѣвики* — талисманы, охраняющіе отъ болѣзней и смерти²⁾.

Однако, нахожденіе крестиковъ не всегда могло служить признакомъ христіанской могилы, такъ какъ ихъ нерѣдко носили какъ шейныя украшенія, не придавая опредѣленнаго религіознаго значенія³⁾.

*

Гривны. Другой, не менѣе обширной группой шейныхъ украшеній были кольца витыя изъ проволоки или кованья, болѣе или менѣе массивныя. Нѣкоторые изслѣдователи считали, что славяне заимствовали ихъ изъ Византіи или съ Востока⁴⁾.

¹⁾ Толстой-Кондаковъ. Русск. Древн., V, 31 и слѣд. Русск. Клады, 46 и слѣд. Спицынъ. Петерб. Кург., 16 и слѣд. Владимірск. кург., 143 и слѣд.

²⁾ Уже въ могилахъ, относимыхъ къ концу языческаго періода, находятъ медальоны съ переплетенными змѣями; поздиѣ онѣ остаются на оборотной сторонѣ, лицевая же снабжается изображ. святого. Толстой-Кондаковъ. Русск. Древн., вып. V, стр. 162. О змѣвѣвикахъ см. *гр. И. И. Толстой*. О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣвѣвиками, Спб. 1888 г. *Н. Петровъ*. О нѣкоторыхъ змѣвѣвикахъ, энколпіонахъ, найденныхъ въ Кіевск. губ. Арх. Изв. и Зам., VI, 1898, 157.

³⁾ Толстой-Кондаковъ. Русск. Древн., V, 87.

⁴⁾ Кондаковъ, Н. П. полагаетъ, что массивныя русскія гривны происходятъ отъ византійскаго маниака, (*μανιάξ, μανιάκης, μανιακόν*, въ значеніи древняго *σφραγίς*, torques) шейнаго обруча, бывшаго въ Византіи почетнымъ знакомъ отличія за храбрость, и которымъ также удостаивали высшихъ чиповъ и гвардію (отсюда становится понятнымъ названіе легионеровъ въ сочин. *Иоанна Лиды De mag. I, 46 — τορκονάτοι, σφραγισφόροι, οἱ τοῦ μανιάκας φοροῦντες*). Развивая свой взглядъ, проф. Кондаковъ указываетъ, что маниаки пришли въ Византію изъ Персіи, гдѣ они уже существовали въ эпоху Кира (*Xenofon, I, 2, 27*). Имѣется рядъ свидѣ-

Эти украшения, въ отличіе отъ монистъ и ожерелій, уже издавна назывались *гривнами*¹⁾, общ.-слав. — *grivna* связано съ *griva*, *griva*; другой терминъ — *ожерелье*, чешск. — *ohrdlí* отъ ст.-слав. — *gъrdlo*, церк.-слав. — *гърло*, *горло* и *жердло*²⁾. Отчасти они изготовлялись по образцамъ, извѣстнымъ еще въ до-историческую эпоху, но въ большинствѣ случаевъ имъ придавали новыя формы, возникшія въ области славянъ, или занесенныя къ нимъ въ южные и восточные предѣлы.

Первоначально были въ употребленіи гривны изъ гладкой проволоки съ заходящими одинъ за другой, какъ бы завязанными концами. Эта древняя римская форма, аналогичная височнымъ кольцамъ, была типичной для области кривичей. Болѣе поздняя разновидность этого типа съ плетенымъ или витымъ кольцомъ была найдена въ погребеніяхъ радимичей и вятичей³⁾; причемъ иногда, сплетенные вмѣстѣ концы, образуютъ сложную спираль. Этотъ типъ встрѣчается въ сѣверной части славянской области и въ скандинавскихъ земляхъ⁴⁾. Болѣе распространены у славянъ другой древній видъ колець изъ ординарной или двойной, крученой проволоки съ ушкомъ и крючкомъ на концахъ; прототипъ его найденъ на поляхъ сожженія въ Чехіи, Моравіи, затѣмъ въ керченскихъ гробницахъ и въ прусскихъ погребеніяхъ V—VI ст. Концы гривны этой формы иногда были обмотаны проволокой; эта разновидность особенно ха-

тельство, что въ Персіи и Туркестанѣ были обычаи носить ихъ какъ знаки отличія, которыми награждалъ царь (см. фигуры на вещахъ клада *Nagy Szt Mikloš, Hampel Alterthüm*. III. 299—302). Однако, нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что обычай носить шейные обручи пришелъ только изъ Персіи, такъ какъ въ центральной Европѣ они встрѣчаются уже въ могилахъ ранней бронзовой эпохи.

¹⁾ Это слово упоминается въ памятникахъ письменности XI—XII в., какъ для обозначенія шейнаго украшенія, такъ и денежнаго знака, — см. *Срезневскій*, *Mat.* I. 588. Въ *Mater Verborum* занесена новая глосса — *hrivna torques, ornamentum colli*; съ этимъ значеніемъ слово удержалось у болгаръ и сербовъ.

²⁾ Въ Словѣ о Полку Игоревѣ читается: «Единъ же изрони жемчужну душу изъ хробра тѣла чресъ злато ожереліе».

³⁾ *Спицынъ*. Радим. кург., табл. V, 1—3. *Макаренко*. Новленскій и Заколпскій мог., Влад. губ., 38, 45, 55, табл. II, Владимірь, 1908.

⁴⁾ *Montelius*. *Antiquités*, 168—170 и *его же* *Kulturgeschichte*, 296.

рактерна для юго-славянскихъ могилъ X—XI в. Венгрии и Хорватии, гдѣ она встрѣчается на ряду съ S-видными заушицами¹⁾.

Бруншмидъ полагаетъ, что эта форма возникла на югѣ и оттуда распространилась вплоть до Финляндии и Готланда; эта гипотеза виолнѣ приемлема, пока новая статистика находокъ не укажетъ на другую область, какъ центръ ихъ происхожденія²⁾.

Наряду съ гривнами, изготовленными изъ одного куска проволоки, встрѣчается одновременный имъ, и также древнѣйшій типъ колець, витыхъ изъ нѣсколькихъ серебряныхъ проволокъ, оканчивающихся двумя крючками, или расплющенной проволокой на подобіе язычковъ, которые украшены тисненымъ или рѣзнымъ орнаментомъ въ видѣ кружковъ, треугольниковъ и проч. Эти гривны особенно распространены въ восточной Германіи и на сѣверъ до Прибалтійскаго края, Петербургской губ. и Приладожья.

Витыя гривны были въ XI в. (на что указываютъ изображенія на монетахъ) однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли, которая доставляла съ Востока цѣнные украшения западнымъ славянамъ. Онѣ были, вѣроятно, восточнаго происхожденія³⁾, но отдѣльныя находки можно разсматривать, какъ подражанія, изготовленныя въ русскихъ или скандинавскихъ мастерскихъ.

Часть найденныхъ гривенъ можно считать за мѣстныя, русскія издѣлія, причемъ техника ихъ однообразна и несложна. Образцы, въ особенности для цѣнныхъ гривенъ, съ филигранной отдѣлкой шли съ Востока, — изъ Персіи или Туркестана⁴⁾. Наоборотъ, гривны съ расплющеннымъ концомъ въ видѣ язычка, украшенныя характернымъ тисненымъ орнаментомъ, слѣ-

¹⁾ Vjesnik horvat., VII, 44 и слѣд. 50,80. *Reinecke*. Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters (Mitth. anthr. Ges. Wien, XXIX, 1899.

²⁾ *Brunšmid*; Vjesnik VII, 49 и слѣд. *Hampel*. Alterthüm. I, 390, III, 395, 411, 417.

³⁾ *Кондаковъ*, Русск. Клады, 8.

⁴⁾ Серьги, найденныя въ керченскихъ гробницахъ, были искусно переплетены филигранью. Изв. Арх. Ком., IX; 161. Позднѣе этотъ видъ становится типичнымъ для восточныхъ кладовъ.

дуетъ относить къ второстепеннымъ издѣліямъ скандинавскихъ мастерскихъ¹⁾.

Третьимъ, равнымъ образомъ древнимъ, типомъ гривны было кольцо изъ толстой проволоки съ двумя массивными крючками, пуговицами различной формы или спиральями, которыя, смыкаясь, заходили другъ за друга. Проволока была ординарная или двойная, и иногда настолько толстая, что требовалось употребить извѣстное усиліе, чтобы свести вмѣстѣ концы²⁾. Этотъ типъ извѣстенъ въ Германіи и сѣверныхъ странахъ уже въ болѣе позднюю бронзовую эпоху и въ римскій періодъ; позже онъ появляется въ Прибалтійскомъ краѣ, затѣмъ въ Люцинѣ, и въ восточныхъ предѣлахъ Руси, въ Вятской и Пермской губ. Въ Гнѣздовѣ была найдена рѣдко встрѣчающаяся желѣзная гривна съ подвѣсками въ формѣ колечекъ и молоточковъ, скорѣе всего скандинавскаго происхожденія³⁾.

Въ гривнахъ, тишчныхъ для Черниговской и Кіевской губ., концы отстоятъ настолько далеко одинъ отъ другого, что ихъ связывали шнуркомъ или проволокой; къ нимъ же можно отнести и массивныя финскія кольца съ обмотанными проволокой или загнутыми концами, въ видѣ крючка и петли. Они были найдены въ Курманскомъ, Кузьминскомъ и Лядинскомъ курганахъ, и также встрѣчаются въ Московской, Смоленской и Кіевской губ., доходя до Приладожья и Балтійскаго края⁴⁾.

Особую, довольно обширную группу, составляютъ гривны массивныя или витыя, расплющенные, чаще всего на концахъ,

¹⁾ Müller. Nord Alt., II, 287.

²⁾ О томъ, что массивныя гривны съ большимъ трудомъ разгибались, повѣствуетъ Кіевская лѣтопись подъ 1015 г., что русы отсѣкли голову убитому слугѣ Бориса (родомъ изъ Угровъ), такъ какъ не могли снять золотую гривну съ его шеи. *Лавр. лѣт.*³, 131.

³⁾ Сизовъ (Смоленск. кур. стр. 48 и слѣд.) высказываетъ предположеніе, на основаніи подобной находки въ одной изъ могилъ Моск. губ., что эти желѣзные кольца были обтянуты дорогой тканью, къ которой прикрѣплялись подвѣски. Ср. обручи, найденные въ могилахъ Приладожья (*Бранденбургъ*, стр. 38) и въ Радимич. кург. (*Спицынъ*, стр. 33).

⁴⁾ *Ястребовъ*. Лядинск. мог., 22, табл. XI, XV; *гр. Уваровъ*. Курманск. мог., «Древности», XIV, табл. V, XI; *Спицынъ*. Древ. Камск. Чуди, табл. II, X, XVII; *Бранденбургъ*. Кург. Приладожья, 36—39; *Толстой-Кондаковъ*. Русс. Древн., вып. V, 153.

на подобіе листовъ или ромбовъ, которые бывають украшены тисненымъ или рѣзнымъ орнаментомъ. Находки ихъ наиболѣе часты въ Петербургской губ., но встрѣчаются также и въ Кіевской губ., а отдѣльные экземпляры были отмѣчены въ Гаграхъ на Кавказѣ¹⁾; на западѣ онѣ нерѣдко попадаются въ районѣ Мекленбурга²⁾. Прототипомъ ихъ можно считать скандинавскія шейныя украшенія, первоначально оканчивавшіяся змѣиною головою (III—IV в.), впоследствии замѣненною простыми утолщеніями на концахъ³⁾ (табл. XVI).

Въ приладожскихъ курганахъ найдены серебряныя гривны, кольцо которыхъ по всей окружности расплющено и украшено орнаментаціей изъ треугольниковъ, характерной для финскихъ издѣлій⁴⁾; того же происхожденія и гривны, иногда плоскія по всему кругу, а иногда только въ его средней части; нижній край снабженъ мелкими отверстіями для подвѣшиванія погремушекъ въ видѣ трубочекъ или гусиныхъ лапокъ.

Этотъ видъ гривенъ характеренъ для погребеній, находимыхъ по Окѣ и Волгѣ въ губерніяхъ — Тамбовской, Рязанской и Владимірской⁵⁾, а на западѣ въ районѣ Вильны⁶⁾.

Въ Тамбовской и Рязанской губ. были найдены гривны, заканчивающіяся съ одной стороны дискомъ, отчасти сходныя съ древними балтійскими формами, а отчасти разившіяся изъ

¹⁾ *Спицынъ*. Гдовск. кург., 21 и слѣд., табл. XXIII. Что касается находокъ въ Гаграхъ, то *Спицынъ* относитъ ихъ къ болѣе древней эпохѣ.

²⁾ *Beliz. Alt.* 368. табл. LXIX.

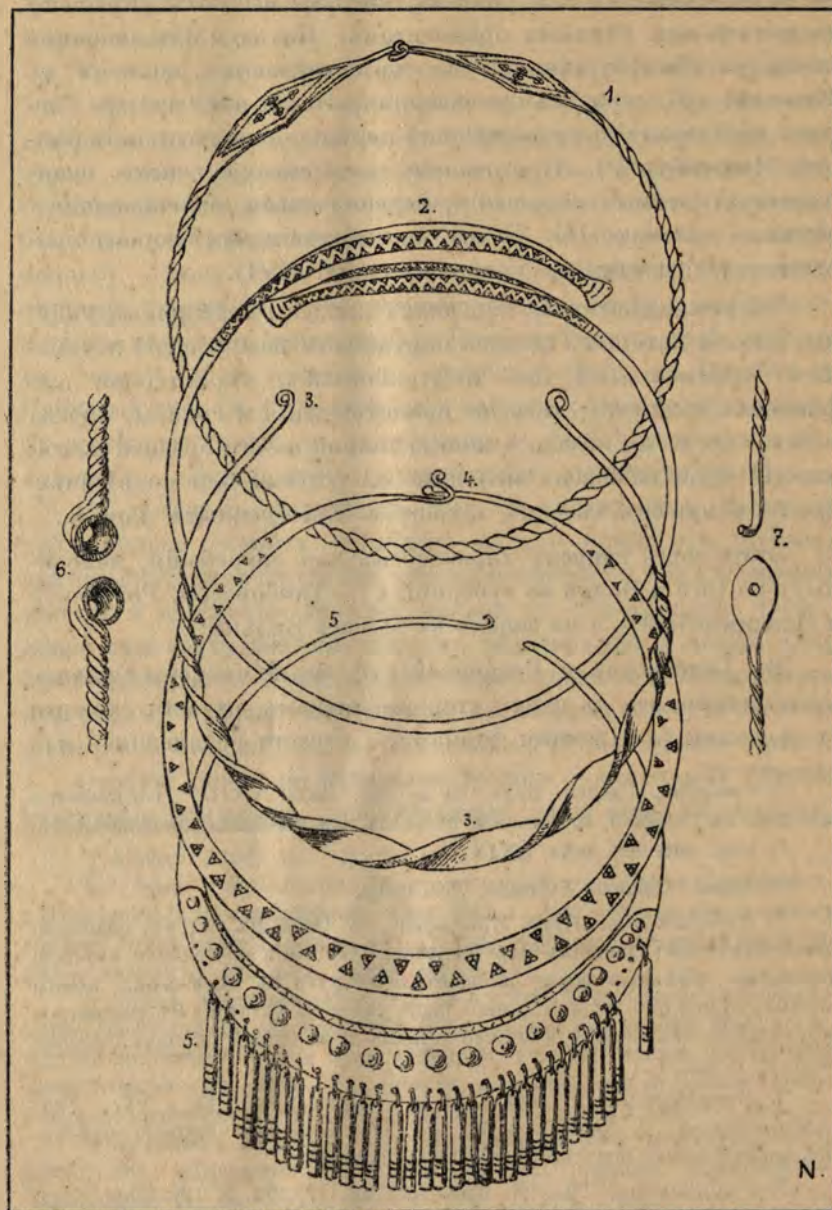
³⁾ *Blüte. German. Stämme*, 75 и слѣд.

⁴⁾ *Бранденбургъ*. Кург. Приладож., 38. Особымъ видомъ, родственнымъ княжескимъ гривнамъ была въ древн. Руси, такъ называемая «мѣсяца гривенная», имѣвшая форму плоскаго полукруга въ видѣ серпа, концы котораго смыкались на шеѣ, а низъ былъ увѣшенъ цатами. Въ языческую эпоху онѣ не отмѣчены и появляются лишь на позднихъ иконахъ. *Кондаковъ*. Р. Клад., 174.

⁵⁾ *Ястребовъ*. Ляд. мог., 21 и слѣд., табл. IV, XV. *Толстой-Кондаковъ*. Р. Древн., в. V, стр. 79; *Кондаковъ* считаетъ ихъ копіей византійскаго мениска (meniska) — лунницы.

⁶⁾ У Свѣцингъ. Тр. IX Арх. Съѣзда, II; табл. X и Katalog, Riga, tabl. XXVIII, 3.

ТАБЛИЦА XIV

Гризы и шейныя украшенія.

1—2 — Петербургск. губ.; 3 — Кіевск. губ.; 4 — Приладожье; 5 — Лядинск. мог. (Тамбовск. губ.); 5 — Вильно; 7 — Кузьминское (Рязанск. губ.).

проволочных гривенъ, одинъ конецъ которыхъ былъ сдѣланъ въ видѣ малой пластинки, снабженной отверстием¹⁾.

Трудно установить, для каждаго отдѣльнаго типа и разновидности гривенъ какъ время возникновенія, такъ и опредѣлить поскольку онѣ вышли изъ чужеземныхъ или славянскихъ мастерскихъ, вслѣдствіе того, что эти мастерскія до сихъ поръ остаются, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстными. Кромѣ того, нѣкоторые виды этихъ вещей изготовлялись одновременно въ разныхъ областяхъ. Среди нихъ были чужіе образцы, которымъ подражали, внося лишь нѣкоторыя измѣненія въ ихъ форму, но были также и мѣстные издѣлія, достигавшія торговымъ путемъ чужихъ странъ, и передѣлывавшіяся сообразно существовавшей тамъ модѣ и вкусамъ.

Такое скрещиваніе формъ было тѣмъ болѣе возможно, что гривны служили и денежною единицею, вслѣдствіе чего пріобрѣтали повсемѣстное распространеніе, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ иные виды цѣнныхъ украшеній.

Переходя изъ рукъ въ руки, изъ края въ край, гривны претерпѣвали различныя измѣненія, чѣмъ и объясняется необычайное количество отклоненій отъ основныхъ типовъ. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что славяне при изготовленіи гривенъ слѣдовали преимущественно финскимъ и тюрко-татарскимъ образцамъ. Собственно славянскимъ мѣстнымъ издѣліемъ была гривна изъ простой или витой проволоки весьма несложной формы. Славяне предпочитали массивнымъ гривнамъ мониста изъ стеклянныхъ бусъ или металлическихъ бляшекъ и цать, и потому они преобладали въ тѣхъ областяхъ, гдѣ славяне не подчинялись всецѣло чужимъ вліяніямъ (финскимъ и восточнымъ). Наоборотъ, финны и латыши носили массивныя гривны, нерѣдко по нѣсколько штукъ сразу, что подтверждается результатами раскопокъ Люцинскаго могильника²⁾.

¹⁾ *Спицынъ*. Древности Оки и Камы, XVII, табл. VII, X, XXIV, 5.

²⁾ Люцинск. мог., 23. У тюрко-татарскихъ каменныхъ бабъ на шеѣ иногда намѣчено 3 гривны. см. *Мельникова*. Каталогъ колл. А. Поля, табл. 13.

Существуют также и историческія свидѣтельства о ношеніи массивныхъ гривень: Несторъ сообщаетъ подъ 1015 г. о слугѣ кн. Бориса, который носилъ гривну: «бѣ бо в зложилъ на нь гривну злату велику» (Лавр. лѣт.³, 131). Носили ихъ также и славянскіе дружинники, состоявшіе на службѣ у Кордовскихъ калифовъ¹).

Золотая гривна упоминается въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: «Единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелье». Въ польской хроникѣ Галла въ скорбномъ пѣснопѣніи, оплакивающимъ смерть Болеслава Великаго, упоминается шляхта съ гривнами: «Vos qui torques portabatis in signum militiae»²). Золотая гривна на шеѣ князя упоминается также въ Шестодневѣ Іоанна, Экзарха Болгарскаго³).

XXIV

БРАСЛЕТЫ, ЗАПЯСТЬЯ, КОЛЬЦА, ПЕРСТНИ И РАЗЛИЧНЫЯ МЕЛКІЯ УКРАШЕНІЯ.

1. *Браслеты и запястья.* Еще до римской эпохи на территории, впоследствии ставшей славянской, въ могилахъ съ сожженіемъ встрѣчаются браслеты, но лишь въ видѣ простыхъ бронзовыхъ колецъ съ концами, соприкасающимися или заходящими другъ за друга⁴). Иныя формы попадаются рѣдко и во всякомъ случаѣ были чужого происхожденія. Эти браслеты были повсюду одинаковы и считались однимъ изъ обыкновенныхъ предметовъ торговли; безъ сомнѣнія можно предполагать, что мѣстные мастера и ремесленники пробовали плавить бронзу и пытались сами выдѣлывать эти вещи.

¹) Conde. Hist. de la domin. de los Arabes in España. Madrid, 1820, 352.

²) Mat. Pol. His., I, 413; ср. «Eius tempore non solum comites verum etiam quique nobiles torques aureas immensi ponderis baiulabant (ibid. I, 407).

³) «... видѣла князя въ срачѣ златами нищми шьвена и на вѣи гривну злату носяща...» (Срезневскій. Древн. из. Бор. и Глѣба, стр. 24.)

⁴) Pič. Starož., II, 3, 21, 48, 77, 123. Červinka. Kultura polí, 28, 42, 46.

Въ римскую эпоху они еще не нашли себѣ широкаго примѣненія, въ силу чего нельзя усмотрѣть особаго развитія ихъ формъ. Въ этотъ періодъ преобладаютъ браслеты изъ проволоки съ разомкнутыми или связанными концами, которые были характерною римскою и греческою формою въ сѣверныхъ провинціяхъ и колоніяхъ¹⁾.

Широкіе массивные браслеты появляются въ средней Европѣ лишь въ позднюю римскую эпоху и въ послѣдующій меровингскій періодъ, подѣ германскимъ вліяніемъ, гдѣ они встрѣчаются и въ болѣе древнія времена. Въ восточной Германіи и Прибалтійскомъ краѣ въ римскую эпоху были распространены широкіе, изъ бѣлаго сплава, браслеты съ концами въ видѣ стилизованныхъ змѣиныхъ головъ²⁾; въ предѣлахъ Литвы были типичными и меровингскіе браслеты съ конически утолщенными концами, что также характерно и для сармато-аварскихъ погребеній Венгріи въ періодъ отъ III до VIII в., или массивно-отлитые съ тисненымъ орнаментомъ изъ ряда концентрированныхъ колечекъ.

Моцинскій типъ эмалевыхъ украшеній создалъ особую форму браслетовъ, сходныхъ по стилю съ застежками, украшенными растительнымъ (на подобіе вѣтокъ) орнаментомъ³⁾. Вполнѣ допустимо, что всѣ эти разновидности браслетовъ проникали къ славянамъ, хотя, свѣдѣній для подобнаго утвержденія имѣется мало.

Видимо, славяне въ это время мало носили браслеты, за исключеніемъ тонкихъ (и вовсе избѣгали массивныхъ), гладкихъ колець изъ проволоки, которые при сожженіи тѣла могли быть уничтожены огнемъ.

Въ могилахъ съ костяками находки браслетовъ, начиная съ XI в., отмѣчаются чаще, но и то для нѣкоторыхъ областей. Въ періодъ IX—XI в. въ Чехіи, Польшѣ и въ Россіи: въ центрѣ славянскаго праотечества, на Волыни и въ Древлянской землѣ (а для X в. Смоленской губ. — Гнѣздовскій мо-

1) *Hostmann*. Urnenfriedhof, tab. VIII, 23. *Pič*. Starožit, II, 2, 53. ср. *Ханенко*. Древн., V, табл. 8.

3) *Blüme*. Germ. Stämme, 64 и слѣд.

2) *Спицынъ*. Зап. Арх., V, 183.

гильникъ), находки браслетовъ исключительно рѣдки¹⁾. Обильнѣе и разнообразнѣе по формамъ были браслеты въ XI в. въ Придунайской области, а также на сѣверѣ и востокѣ Россіи, гдѣ ихъ носили не только женщины, но и мужчины²⁾. Бѣдные слои населенія въ это время еще довольствовались первичными видами массивныхъ граненыхъ или проволочныхъ колець, которые иногда смѣняются древней греко-римской формой со связанными концами, причемъ отмѣчается искусный узелъ норманскаго характера³⁾.

Другой типъ браслетовъ изъ витой проволоки оканчивается крючкомъ и петелькой, или концы его завязаны въ узелъ; онъ обыченъ, какъ и подобной формы гривны, для венгерскихъ и хорватскихъ могилъ X—XI в.

Въ сѣверной Россіи встрѣчаются браслеты, плетеные изъ двухъ толстыхъ проволокъ съ обрубленными концами⁴⁾, или такъ называемый «смоленскій типъ», когда перевивы проволоки заканчиваются петлями; нѣсколько позднѣе эта форма становится характерной для Смоленской, Московской и Калужской губ., откуда она не проникла и во Владимірскую, Харьковскую и Петербургскую губ.⁵⁾.

1) *Рѣ.* Starožit, III, 78; труды XI Арх. Съѣзда, 499, 501; *Антонович.* Раск. Древл., 17; *Steinheil.* Арх. Лѣтоп., 1904, 180; *Сизовъ.* Смоленск. кург., 51. Однако, при княжескихъ дворахъ браслеты, какъ и вообще цѣнные украшения, были въ большомъ ходу. См. свид. *Gallus'a* о придворныхъ польскихъ женщинахъ время Болеслава Великаго (I, 12): «Mulieres vero curiales coronis aureis, monilibus, murenulis, brachialibus, aurifrisiis et gemmis ita onustae procedebant, quod ni sustentarentur ab aliis, pondus metalli sustinere non valebant» (Mat. Pol. Hist., I, 407).

2) *Бранденбургъ.* Кург. Приладож., 27. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ славянскихъ могилахъ не встрѣчается большихъ браслетовъ, которые могли носить выше локтя, изъ чего до нѣкоторой степени можно заключить, что рукавъ былъ непременною принадлежностью костюма. См. *Завитневичъ.* Труд. XII Арх. Съѣзда, I, 107.

3) *Спицынъ.* Владим. Кург., 145 и слѣд. 152.

4) Въ курганахъ Петербургской губ., по статистикѣ находокъ, этотъ типъ исключается въ 80%. — *Спицынъ.* Петербургск. кург., 29, Гдовск. кург., 31.

5) *Спицынъ.* Кур. Петер., табл. IV—V; кург. Гдов., табл. XXV; *Макаренко.* Новлен. и Заколпск. мог., Влад. губ., табл. III; *Мельникова.*

Наряду съ браслетами изъ проволоки у славянъ существовали и плоскіе въ большей или меньшей мѣрѣ массивные съ тисненымъ или рѣзнымъ орнаментомъ, и съ концами, свернутыми извнѣ въ трубочку. Древній, болѣе узкій ихъ видъ, въ послѣдствіи становится довольно широкимъ. Орнаментъ обычно состоитъ изъ зубчатыхъ линій, точекъ, колечекъ, ромбовъ или наколотыхъ треугольниковъ. Этотъ плоскій типъ браслетовъ съ орнаментомъ, исполненнымъ наколомъ, можно считать за мѣстный, славянской. Въ X и XI в. онъ встрѣчается на славянской территоріи повсюду: отъ западныхъ ея границъ и Придунайской области, и доходитъ на сѣверъ¹⁾, гдѣ подъ чужимъ (сѣвернымъ) вліяніемъ онъ измѣнился въ болѣе массивный, граненый съ выпуклымъ ребромъ и тисненымъ орнаментомъ, вмѣсто накола. На сѣверо-востокѣ Россіи, во Владимірской губ., встрѣчается вариантъ плоскихъ браслетовъ съ нѣсколькими расширенными концами, которые отмѣчены также въ финскихъ погребеніяхъ (Рязанская губ.), и весьма типичны для позднихъ славяно-мадьярскихъ могилъ Венгріи. Эта форма, очевидно, возникла подъ азіатскимъ вліяніемъ (см. табл. XVII).

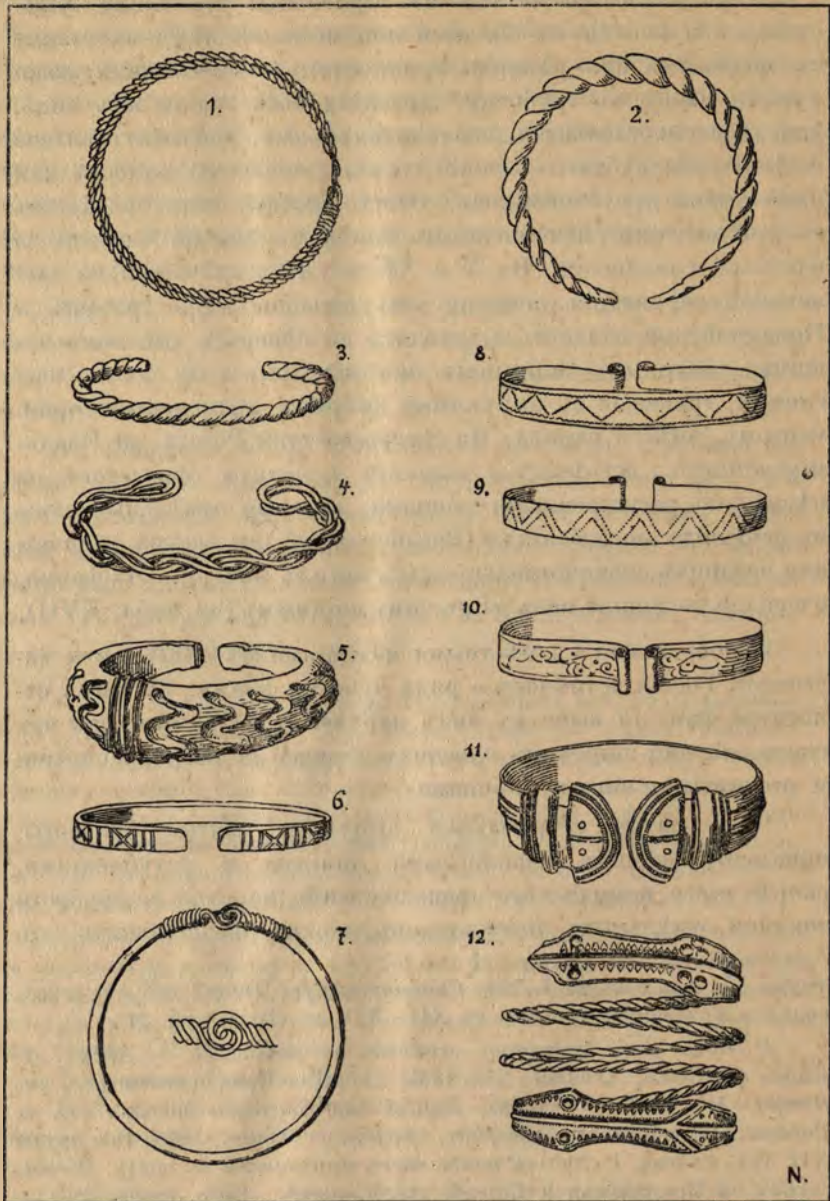
Одновременно съ мѣстными издѣліями въ сѣверной и восточной Россіи встрѣчается рядъ чужихъ формъ. Къ нимъ относятся финскія вещи, въ видѣ наручей и налокотниковъ изъ спиралей, или широкихъ плоскихъ обручей съ расплюснутыми и отогнутыми наружу концами.

Чаще всего встрѣчаются выпуклые, литые браслеты, орнаментированные извилистыми линіями и углубленіями, скорѣе всего, норманскаго происхожденія, но, судя по грубости техники отдѣльныхъ экземпляровъ, можно предположить, что

Труды XII Арх. Съѣзда, I, 760. *Спицынь* въ кур. Петерб. губ. эту разновидность браслетовъ относить къ XII—XIV ст. (Гдов. кур. 31).

¹⁾ Этотъ видъ браслетовъ отмѣченъ въ Kettlach'ѣ — Archiv. f. Kunde öst. Gesch. Quellen, XII, 1854, 23. Для Придунайской обл. см. *Natppl.* III, 394, 520 и слѣд. Весьма многочисленны находки ихъ на Волыни и въ предѣлахъ сѣверянъ. Археолог. Лѣтоп., 1903, 185; труды XII Арх. Съѣзда, I, 700; не менѣе часто встрѣчаются въ центр. Россіи, затѣмъ въ Приладожьи и Петерб. губ. *Спицынь*. Петр. кург., 32—33; *Бранденбургъ*. Кург. Приладож., 40

ТАБЛИЦА XVII

Браслеты и запястья.

1—2 — Vile Vrdo (Хорватія); 3—4 — Петерб. губ.; 5 — Приладожье;
 6 — Marienhof (Пруссия); 7 — Влад. губ.; 8 — Kettlach (Австрія); 9—10 — Рілій
 (Новоградъ); 11 — Пруссия; 12 — Marienhof (Пруссия).

ихъ отливали и на Руси. При всей своей массивности они снабжены отверстіемъ чрезвычайно малымъ для нормальной руки¹⁾. Также найдены и чужіе типы съ утолщенными концами, извѣстные уже изъ литовско-латышскихъ могилъ, но часть ихъ была южнаго, византійскаго происхожденія.

Особаго упоминанія заслуживаютъ браслеты со звѣриными головами. Еще въ антикѣ, какъ греческомъ, такъ и римскомъ, обычны браслеты съ конской или змѣиной головой; большое число ихъ было найдено въ греческихъ колоніяхъ береговъ Чернаго моря, откуда они перешли на сѣверъ Европы, гдѣ, въ силу непосредственнаго воздѣйствія, весьма часто попадаются браслеты съ 2 звѣриными головами, расположенными другъ противъ друга. Этотъ типъ удержался вплоть до ХІ в., и былъ отмѣченъ въ находкахъ, какъ на юго-западной территоріи славянъ въ Венгріи, такъ и въ Россіи: Ярославской, Владимірской и Петербургской губ., хотя, и претерпѣвъ большія измѣненія. Однако, нѣкоторые изъ видовъ змѣевидныхъ браслетовъ нельзя всецѣло производить отъ римскихъ и греческихъ образцовъ. Они могли возникнуть въ другихъ центрахъ, а именно: въ районѣ нижняго теченія Вислы, гдѣ широкіе плоскіе браслеты съ закругленными напереді головами типичны для III—IV в., и въ Скандинавіи, гдѣ для того же времени отмѣчено развитіе проволочныхъ браслетовъ со стилизованными головами змѣй, въ послѣдствіи схематизированныхъ въ расплющенные закругленные концы²⁾, какъ это было уже указано на гривнахъ. Этотъ типъ удержался до X—XI ст. Стилистически измѣненный тисненымъ орнаментомъ онъ встрѣчается на побережьи Балтійскаго моря съ вещами XI в.

Въ великокняжескую эпоху попадаетъ еще одинъ типъ браслета, сдѣланнаго изъ толстой проволоки, или пластинчатого, изъ металлической массивной ленты со змѣиными наглавниками въ видѣ лопаточекъ, причемъ послѣднія украшены зернью, а иногда камнями или пальметками. Возможно, что

1) Толстой-Кондаковъ. Р. Древн., в. V, стр. 52.

2) Montelius. Kulturgesch., 179, 180; его же Antiquités Suéd., 105 и слѣд. Müller. Nordisch. Altert., II, 113.

эти браслеты были азіатскаго происхожденія, такъ какъ они обнаружены въ кладахъ XII—XIII в. на Сырь-Дарьѣ¹⁾. Также къ позднему времени (XII—XIII в.) относятся широкія пластинчатая запястья (наручники, поручи); они дѣлались обычно изъ двухъ створокъ, соединенныхъ шарниромъ и были настолько велики, что не только охватывали запястье руки, но, возможно, и начало рукава. Лицевая ихъ сторона подѣлена на нѣсколько частей архитектурными арочками, заполненными растительнымъ или звѣринымъ орнаментомъ²⁾.

Последней группой являются стеклянные браслеты, встречающіеся въ Европѣ уже до Р. Х., и весьма распространенные въ средней и южной Россіи въ могилахъ XI—XIII в. Они представляютъ литыя стеклянныя кольца, иногда ограненныя, рѣзныя, или какъ бы витыя, зеленоватаго, синеватаго и лиловаго цвѣта.

Они проникли въ предѣлы Руси изъ Сиріи³⁾, черезъ Корсунь, даже до сѣверныхъ ея областей.

Старое славянское названіе для браслетовъ — *обручь* (*обручь*), сохранилось во всѣхъ славянскихъ языкахъ вплоть до настоящаго времени, но въ переносномъ значеніи⁴⁾ — церк.-слав. — *bugъ* — *armilla* — было заимствовано изъ ст.-нѣм. *boug* — Ring (древ. нѣм. — *baugr*; англ.-сакс. — *beat*), происходящему отъ гот. — *biugan*⁵⁾.

*

¹⁾ *Спицынъ*. Изъ коллекцій Эрмитажа, 8.

²⁾ *Кондаковъ*. Р. Клады, III, 138, 140, 142; Русск. Древн., V, 111, 115, 123, 157—158.

³⁾ Сирія и Египетъ были первоначальнымъ мѣстомъ ихъ выработки. См. *Кондаковъ-Толстой*. Р. Древн., в. V, 67, 123; Р. Клады, 36. *Завитничъ*. Изв. XII Арх. Съѣзда, 90.

⁴⁾ Церк.-слав. — *обручь*, *обручь*, болг. — *обръчь*, серб.-хорв. — *обруч*. џ. — *obručь*, польск. — *obręcz*, *obracz*. Этотъ терминъ встрѣчается въ памяти письменности съ XII ст. (*Срезневскій*. Мат., II, 550).

⁵⁾ *Неуне*. *Hausalt.*, III, 346. Слово это обозначало металлическій обручь, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣло значеніе денежной единицы. Поэтическій эпитетъ скандинавскихъ королей былъ «*baugbroti*» — *Ringsbrecher*, такъ какъ было въ обычаѣ, что король ломалъ и раздавалъ дружинѣ обручи — *Hoops* (*Reallex.* 180).

2. *Кольца и перстни*. Въ перстняхъ и кольцахъ у славянъ наблюдается значительное разнообразіе и удержалось много простыхъ древнихъ формъ, сдѣланныхъ изъ проволоки, иногда изъ плоской металлической ленты или литыхъ. Одновременно съ этимъ замѣчается развитіе новыхъ видовъ, что подтверждается многочисленными находками, опредѣляемыми VIII—XII в. На основаніи формы, ихъ удобнѣе всего раздѣлить на четыре группы: 1) кольца изъ витой проволоки или въ видѣ, сравнительно массивнаго ободочка, 2) плоскія съ орнаментировкой, 3) перстни, принадлежащіе къ обѣимъ группамъ, но съ расширеннымъ щиткомъ сверху и 4) перстни тѣхъ же группъ, но украшенные бусиной изъ стекла, драгоценнымъ камнемъ или филигранью. Кромѣ этого дѣленія существуютъ различія между перстнями западной и восточной части славянства, въ силу чего ихъ слѣдуетъ разсматривать отдѣльно. Всѣ славяне пользовались для обозначенія этого украшенія названіемъ *перстень* (церк.-слав. — *прѣстѣнъ*, болг. — *прѣстѣнъ*, древ.-руск. — *прѣстень*, серб.-хорват. — *прстен*, *parsten*, чешск. — *prsten*, польск. — *pierscień*¹⁾.

На западѣ и въ Придунайской области, наряду съ простыми проволочными или витыми кольцами встрѣчаются два типа: 1) толстыя, ограненныя кольца, раздѣланныя металлическимъ подобіемъ жемчуга; они были найдены въ Чехіи, а впослѣдствіи стали характерными для Дунайской и Хорватской области; 2) кольца изъ 2—3 витыхъ вмѣстѣ проволочекъ, причемъ онѣ или спаяны вмѣстѣ или, только соприкасаются концами; находки подобнаго типа были обнаружены въ большомъ количествѣ въ Венгріи и Хорватіи, хотя они распространились и на сѣверъ — въ Чехію, Галицію и Польшу. Граненныя кольца въ формѣ ободочка съ тисненымъ или наколотымъ орнаментомъ найдены въ большомъ количествѣ какъ въ Венгріи, такъ и въ Альпахъ. Въ Чехіи²⁾ встрѣчаются лишь просто перстни, но съ надписями, въ то время, какъ

¹⁾ Этотъ терминъ отмѣченъ въ памятникахъ письменности, начиная съ XI в. — *Срезневскій*. Мат., II, 1772.

²⁾ *Рѣ. Starožit.*, III, 93.

въ Польшѣ (Плоцкая губ.) найдены прекрасные, художественные экземпляры¹⁾.

Перстни съ драгоценными камнями у западныхъ славянъ попадаются весьма рѣдко и въ большинствѣ случаевъ были обнаружены въ южныхъ хорватскихъ могилахъ. Также немногочисленны и тонкіе перстни, съ расширеннымъ спереди щиткомъ; чаще встрѣчаются подобной формы массивные перстни; хотя, эта форма была извѣстна уже въ римскую эпоху, однако, въ славянскихъ погребеніяхъ они появляются лишь къ XI в.²⁾, приче́мъ обычно украшены звѣздчатымъ орнаментомъ, вырѣзаннымъ на щиткѣ.

На востокѣ, наряду съ простыми кольцами, были въ обращеніи, еще до Р. Х., перстни чисто римской формы, изъ проволоки съ концами, образующими узелокъ, затѣмъ плоскіе въ видѣ ободочка, весьма распространенные повсюду и, по орнаментировкѣ, сходные съ западными. Позднѣе были въ употребленіи перстни съ припаянной печаткой, плоской, круглой, квадратной и ромбоидальной формы, на которыхъ уже не рѣзкою въглубь, а чернью³⁾ были исполнены кресты, монограммы, фигуры птицъ и звѣрей (чаще всего левъ), а также великолѣпные массивные перстни съ жемчужиною какъ натуральною, такъ и ея имитацией, исполненной филигранью, или съ припаянной розеткой⁴⁾.

Для Россіи характерны два вида: во-первыхъ, серебряные перстни, витые изъ двухъ и болѣе проволокъ, типичные для юго-западной Россіи, и весьма часто встрѣчающіеся въ курганахъ Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской губ., они заходятъ и сѣвернѣе, въ предѣлы Смоленской, Московской и Владимірской губ.; во-вторыхъ, перстни (третьей основной груп-

¹⁾ *Swiatowit*, III табл. 12; VII табл. 4.

²⁾ *Př.* Starožit., II, 2, табл. VII, *Hampel*. *Alterthüm.*, I, 428 и слѣд. *Lindenschmidt*. *Handbuch*, I, 403 и слѣд.

³⁾ *Ханенко*. Древн., в. V, табл. 23. О перстняхъ въ русск. кладахъ см. *Толстой-Кондаковъ*. Р. Древн., V, 143—144 и Русск. Клады, 115, 204 и слѣд.

⁴⁾ Труды XI Арх. Съѣзда, табл. VII. *гр. Уваровъ*. Меряне, XXXI. 25. *Спицынъ*. Владимір. кург., 148.

ны) съ расширеннымъ щиткомъ. Этотъ типъ рѣдкій на западѣ получилъ на Руси широкое распространіе. Наиболѣе древнія формы имѣютъ небольшое расширеніе, мало профилированное; позже возобладалъ щитокъ, закрывающій почти весь суставъ пальца, причеиъ тонкіе концы иногда вторично огибають щитокъ.

Перстни со связанными, закрученными концами встрѣчаются во всей сѣверной Россіи, начиная съ XI в.; ихъ щитки украшены по краю рѣзнымъ ободкомъ или тиснеными треугольниками, кружками, зубчатымъ наколомъ, исполненнымъ линиями¹⁾. У кривичей и вятичей въ предѣлахъ теперешней Рязанской, Московской и Смоленской губ. возобладали перстни съ рѣзнымъ щиткомъ, которые проникли до Владимірской губ., а на югѣ до Кіева (см. табл. XVIII).

Типъ, съ концами вторично огибающими палецъ вокругъ щитка, обилень на сѣверѣ, въ Петербургской губ. и въ Приладожьи, хотя единичные экземпляры попадаются въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи. Онъ, скорѣе всего, балтійскаго происхожденія и его прототипы были найдены въ прусскихъ погребеніяхъ, наряду съ вещами, датируемыми, приблизительно, VII вѣкомъ²⁾.

Какъ и у западныхъ славянъ, такъ и на Руси, типичнымъ былъ витой перстень со спаянными или не вполне сомкнутыми концами; иногда перевивы не прилегали плотно другъ къ другу и создавалось впечатлѣніе подражанія шнурку, что особенно типично для массивныхъ перстней. По происхожденію подобныя вещи можно считать литовско-латышскими; къ славянамъ какъ въ Польшу, такъ и Россію (Витебская, Могилевская и Петербургская губ.) они приходили изъ Прибалтійскаго края.

Финская форма перстней, изъ массивныхъ ободковъ, свитыхъ въ спираль, встрѣчается въ Петербургской губ. и въ Люцинскомъ могильникѣ. Перстни и кольца обычно носили по одному на рукѣ, но иногда и по нѣсколько штукъ; въ предѣ-

¹⁾ *Спицынъ*. Петр. кург., 31 и слѣд. *Бранденбургъ*. Кург. Приладожьи, 42, табл. IV. *Толстой-Кондаковъ*. Р. Древн., V, стр. 71.

²⁾ *Бранденбургъ*. Кур. Прил. табл. IV; *Heydeck*. *Sitzungsber. Prussia*, XIX, табл. VIII, 5, 6.

Перстни и кольца.

1—6 — Віле Врдо (Хорватія); 7 — Klotšro (Хорватія); 8 — Svinjarevci (Хорватія); 9 — Piliň (Слованія); 10 — Libice (Чехія); 11—12 — Bled (Хоруганія); 13 — Gomboš (Вачка, Сербія); 14—15 — Bled; 16 — Bihar (Венгрія); 17 — Kałdus (Пруссія); 18—21 — Piliň (Слованія); 20 — Могилевск. губ.; 21 — Струдавка (Радомысльск. уѣздъ); 22 — Оржимовицы (Плоц. губ.); 23 — Зарайскъ (Ряз. губ.); 24 — Полтавск. губ.; 25 — Влад. губ.; 26 — Приладонье; 27 — Петербургск. губ.; 28—29 — Зарайскъ. (Ряз. губ.); 30 — Петербургск. г.

лахъ Волыни обычно встрѣчается по одному кольцу на рукѣ. Рѣдкимъ исключеніемъ были находки колець на пальцахъ ногъ; наиболѣе достовѣрный примѣръ подобной находки извѣстенъ изъ раскопокъ у Ницахъ, произведенныхъ Г. Мельниковой¹⁾.

*

3. *Мелкія украшенія.* Различныя мелкія подвѣски были уже разсмотрѣны при описаніи фибулъ, пряжекъ, и въ особенности шейныхъ украшеній. Однако, слѣдуетъ еще отмѣтить, что и одежды, для приданія имъ большей парадности, иногда украшались нашитыми на нихъ мелкими металлическими бляшками въ видѣ четырехугольниковъ, кружковъ, листиковъ, сердечекъ. Эти бляшки рѣдко были гладкими, но чаще съ тисненымъ орнаментомъ, всегда отражающимъ стиль эпохи или мастерской (сѣверной или восточной) ихъ изготовлявшей.

Подобныя золотыя бляшки встрѣчаются въ Россіи уже въ скифо-сарматскихъ могилахъ, а позже въ финскихъ и болгарскихъ погребеніяхъ на Волгѣ.

Наиболѣе многочисленны находки бляшекъ восточнаго типа, и, вообще, модашивать металлическія пластинки на одеждѣ пришла съ Востока.

Изъ мелочныхъ украшеній особаго вниманія заслуживаютъ пуговицы, которыя служили не только практическимъ цѣлямъ, но, одновременно, и украшеніемъ одежды. Чаще всего ихъ находятъ у шеи скелета, иногда пришитыми на остаткахъ ткани у воротника, который застегивался или на груди или на шеѣ. Въ періодъ съ X по XII в. для всего славянства былъ характеренъ грушевидный типъ пуговицы гладкой или рубчатой, имѣющей сверху ушко. Мѣстами эти же пуговицы, особенно съ отверстиямъ употреблялись вмѣсто подвѣсокъ.

У воротниковъ пуговицы были меньше, сравнительно съ тѣми, которыми застегивали костюмъ спереди; къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести нѣсколько богатыхъ и технически искусно выполненныхъ разновидностей.

¹⁾ Труды XII Арх. Съѣзда, I, 701.

Чаще всего пуговицы были серебряныя, позолоченыя (или изъ бронзы и мѣди), и ихъ лицевая сторона украшалась филигранью и зернью. Въ найденномъ въ Кіевѣ, въ Михайловскомъ монастырѣ, кладъ было обнаружено 152 золотыхъ пуговицы, а въ другомъ кладѣ, тамъ же найденномъ, встрѣтились и эмалевые экземпляры¹⁾.

Какъ на извѣстную особенность, обнаруженную въ предѣлахъ Руси, слѣдуетъ указать на металлическую тесьму изъ колечекъ, которой обпивали низъ платья. Эта кайма, повидимому, была распространена у финновъ и отъ нихъ перешла къ славянамъ. Проф. Кондаковъ видитъ въ этомъ украшеніи Сирійско-Кавказское вліяніе VII—IX в.²⁾.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вплоть до римской эпохи славяне не достигли въ выработкѣ украшеній ни разнообразія ни художественности исполненія. Это подтверждается бѣдными, несложными по формѣ находками въ древнихъ славянскихъ могилахъ съ сожженіемъ. Равнымъ образомъ, и въ первые вѣка по Р. Х. нельзя отмѣтить у славянъ какихъ-либо усовершенствованій въ области художественной промышленности. Въ I—V в. славянскія земли были наводнены чужими издѣліями римскихъ и греческихъ мастерскихъ, причѣмъ они шли не только изъ предѣловъ имперіи, но и изъ ея провинцій, а также съ береговъ Чернаго моря; кромѣ того, среди находокъ, относимыхъ къ этому періоду, часто встрѣчаются предметы норманскаго, скиѳо-сарматскаго и азіатскаго происхожденія.

Этотъ періодъ былъ крайне неспокойнымъ временемъ для славянъ, протекавшимъ въ неустанной борьбѣ и войнахъ, что, конечно, не могло способствовать развитію собственной художественной промышленности. Лишь въ VI—VII в. славяне, начавъ болѣе мирную и благосостоятельную жизнь, могли

¹⁾ Кондаковъ. Русск. Клады, 118, 135.

²⁾ Idem. Русск. Древн., в. V, 11, 72.

создать условия, необходимые для развития ремесел и искусств. Однако, для этой эпохи нельзя вполне точно установить начало местных художественных изделий; в это время все еще преобладают римские вещи, а на юге и, в особенности, на востоке, художественные украшения Византии, Востока или северных мастерских.

Съ X в., конечно, под влиянием чужеземных образцов, и у славян начинают появляться украшения уборов собственного изготовления и, в зависимости от этого, в некоторых центрах создаются золотых и серебряных дел мастерские, так, напр., в Киеве, Рязани, Суздаль и, конечно, в Новгород, Переяславль, Праг и Балтийском крае. Слѣдует, однако, отмѣтить, что это производство развивалось весьма неравномерно для различных областей.

До ознакомления съ ремеслами и отраслями прикладного искусства, существовавшими у славян, нельзя сдѣлать вывода о характерѣ, техникѣ и стилѣ вещей, вырабатываемыхъ въ ихъ мастерскихъ; можно лишь систематизировать, въ зависимости отъ практическаго примѣненія, происхожденія и хронологическаго развитія отдѣльныхъ типовъ тѣ предметы, которые славяне употребляли какъ для личнаго убора, такъ и для украшенія одеждъ.

На основаніи рассмотрѣннаго матеріала можно заключить, что славянской костюмъ, поскольку это касалось его украшеній, не выдѣлялся особымъ великолѣпіемъ. Личный уборъ состоялъ изъ небольшого числа цѣнныхъ украшеній и отличался бѣдностью не только еще въ концѣ языческаго періода, но и въ первое время послѣ принятія христіанства, въ особенности, если сравнить его съ одеждами и предметами личнаго убора ихъ сосѣдей, германцевъ, финновъ, тюрко-татаръ, даже литовцевъ и лагышей, не говоря уже о Византии.

Простота въ украшеніяхъ славянъ удержалась даже въ ту эпоху, когда у нихъ возникло золотыхъ и серебряныхъ делъ производство, въ силу того, что оно было ограничено лишь важными, въ торговомъ отношеніи, вышеуказанными центрами, обитатели которыхъ одѣвались и богато украшали себя, въ то время, какъ простой людъ въ Чехіи, Польшѣ и въ славянской

западной Руси не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго количества золота и серебра, чѣмъ и объясняется малочисленность находокъ цѣнныхъ украшеній при раскопкахъ въ этихъ областяхъ.

Типичнымъ украшеніемъ для конца языческаго періода у славянъ были височныя кольца; простые, витые изъ проволоки колечки и перстни; шнурки съ нанизанными нѣсколькими стеклянными, или изъ полудрагоценныхъ камней, бусинами, а иногда металлическими подвѣсками, затѣмъ, изрѣдка, серьги; изъ этихъ вещей, главнымъ образомъ, и составлялся личный уборъ.

Всѣ остальные украшения, въ центрѣ славянской территоріи, встрѣчаются какъ исключеніе. Сильнѣе развилась художественная промышленность и больше цѣнныхъ украшеній появилось у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя непосредственно соприкасались съ сосѣдними имъ финнами, тюрко-татарами, литовцами, скандинавскими русами, или которые населяли болѣе богатый, и находившійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ римско-византійской культуры, Придунайскій край.

Подъ вліяніемъ сосѣдей измѣнялся и славянскій бытъ; наряду съ предметами чужого ввоза появились и мѣстные варианты пришлыхъ образцовъ и формъ (восточныхъ и византійскихъ), какъ, напр., великолѣпныя кievскія серьги, московскіе и черниговскіе типы височныхъ колець, головные уборы съверянъ, шейныя украшения и мониста южно-русскихъ кладовъ, серьги и заушницы хорватъ и т. д.

Излюбленнымъ матеріаломъ для этихъ издѣлій было серебро, а наиболѣе распространеннымъ способомъ ихъ украшенія въ X—XII ст. была зернь, и хотя ея техника была заимствована изчужа, однако, славянскіе мастера, до извѣстной степени искусно имитировали ее. Серебро и филигрань наиболѣе характерны для славянскихъ издѣлій конца языческаго періода.

Серебро приходило къ нимъ съ Урала и возобладало въ украшенияхъ X—XII в. надъ золотомъ, которое къ этому времени начало распространяться изъ Алтайскихъ рудниковъ въ другія страны, преимущественно на юг¹⁾. Подъ 1209 г. въ

¹⁾ Толстой-Кондаковъ. Русск. Древн., в. V, 152.

лѣтописи сообщается о Кіевлянахъ, что «не кладаху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены ихъ въ серебрѣ». Это произошло, какъ справедливо указываетъ акад. Кондаковъ, не вслѣдствіе стремленія къ простотѣ, но изъ-за недостатка золота¹⁾.

Совершенно иную картину, въ ту же эпоху, можно наблюдать у сосѣдей славянъ, въ районѣ Ковно, Вильны, Витебска, у заволжской чуди, въ финскихъ и болгарскихъ погребеніяхъ на Волгѣ, Окѣ и Камѣ. У нихъ встрѣчается гораздо больше цѣнныхъ украшеній, но все они отличаются массивностью, безвкусіемъ и отсутствіемъ изящества. Среди нихъ излюбленными были различныя погремушки и подвѣски для головныхъ уборовъ; тяжелыя и массивныя гривны, часто одѣваемые по нѣсколько штукъ сразу; огромныя пряжки и фибулы, нерѣдко странныхъ, причудливыхъ формъ, тяжелые браслеты, также одѣваемые по нѣсколько (до 9) штукъ на руку²⁾, но во всѣхъ этихъ вещахъ было гораздо меньше художественнаго вкуса, и они затмѣвали лишь своею цѣнностью современныя имъ славянскія украшенія.

Славянская женщина носила болѣе простыя, легкія и, въ то же время, болѣе художественныя украшенія, чѣмъ ея сосѣдка финка или тюрко-татарка.

Рис. 7. Пуговицы изъ славянскихъ погребеній.

¹⁾ Толстой-Кондаковъ. Русск. Древн., в. V, 153.

²⁾ Ibid., стр. 156.

БИБЛІОГРАФІЯ.

- Азбукинъ, М.* Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ XI—XIV вѣка. Р. Филологич. Вѣстникъ XXVIII, 133; XXXVI, 222; XXXVII, 229; XXXVIII, 322; XXXIX, 246.
- Аксаковъ, К.* О древнемъ бытѣ у славянъ вообще, а русскихъ въ особенности. Москва, 1852.
- Аничковъ, Е. В.* Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. Спб., I, 1903, II, 1905;
- „ „ Язычество и древняя Русь. Спб., 1914.
- Антоновичъ, В. Б.* Люцинскій могильникъ. (Мат. по археологiи Россiи №25.);
- „ „ Раскопки древлянъ. (Труды IX Археолог. Съѣзда).
- Аристовъ.* Промышленность въ древней Руси. 1866 г.
- Афанасьевъ, А.* Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. I—III, Москва, 1866—69.
- Ahlquist, A.* Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Deutsche umgearbeitete Ausgabe. Helsingfors, 1875.
- Almgren, O.* Studien über nordeurop. Fibelformen der ersten nachchristl. Jahrhunderte. Stockholm, 1897.
- Anton, K. G.* Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783—89.
- Барсовъ, И. И.* Очерки русской исторической географіи. Варшава, 1885.
- Благоволецкій, А. А.* Островъ Эзель и его древности (Сборникъ Арх. Инст., 1881 г., кн. 5.)
- Бобринскій гр., А. А.* Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы, т. I—II. Дневники раскопокъ 1887—1889 гг. О курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ. Спб., 1894, XXIII 232 стр.

- Богдановъ, А.* Матеріалы для антропологии курганнаго періода въ Московской губерніи. Москва, 1867 г.
- Будиловичъ, А.* Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Кіевъ, I, 1878; II, 1, 1882.
- Beltz, R.* Die vorgeschichtlichen Alterthümer des Großherzogtums Meklenburg-Schwerin. Textband und Tafelband. Schwerin, 1910.
- Benndorf, O.* Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien, 1878.
- Bogišič, B.* Zbornik sadašnjih pravnih običaja u juznih Slovena. Zagreb, 1874
- Bogusławski, W.* Dzieje Słowiańszczyzny północnozachodniej do połowy XIII w. I—III. Poznań, 1887—1892.
- Brückner, A.* Kazania średniowieczne I—II. Rozprawy Akad. Umiej. Wydział filolog. Ser. II, t. IX, 38, 317, III, t X, 115.
- „ „ Starożytna Litwa. Ludy i Bogi. Warszawa, 1904.
- Вельтманъ, А. О.* Московская оружейная палата.
- „ „ Атилла и Русь. IV—V вв. 1, 2. Москва, 1858.
- Висковатовъ.* Историческое описаніе одеждъ и вооруженія.
- Владиміровъ, П. В.* Поученія противъ древнерусскаго язычества и народныхъ суевѣрій. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, т. III, Спб., 1897.
- Воцель.* Древняя бытовая исторія славянъ. 1875.
- Vocel, J.* Pravek země české, I—II. Praha, 1866—68.
- Weinhold, C.* Die deutschen Frauen in dem Mittelalter. I—II, 2 Aufl., Wien, 1882.
- „ „ Altnordisches Leben. Berlin, 1856.
- Wundt, W.* Völkerpsychologie. Leipzig, I—IV, 1910.
- Гернесь, М.* Исторія первобытнаго человѣчества.
- Гильфердингъ.* Историческій бытъ славянъ, т. I, 1855.
- Голубинскій, Е. Е.* Исторія русской церкви, т. I. Кіевскій или до-монгольскій періодъ. 1901.
- Городцовъ, В.* Майданы. Древности, XX, II.
- Грушевскій, М.* Кіевская Русь. Спб., 1911.
- Dąbkowski, Pr.* Prawo prywatne polskie, I. Lwow, 1910.
- Grabowski.* Ukraina dawna i teraźniejsza, I. Kijev, 1850
- Hackman, A.* Om likbränning i bätar under den yngre järnåldern i Finland (Finst. Museum, 1897).
- Hahn, E.* Die Haustiere und ihre Beziehung zur Wirtschaft des Menschen. Leipzig, 1896.
- Haniš, J.* Die Wissenschaft des slavischen Mythos. Wien, 1842.
- „ „ Bájėslovný kalendár slovanský. Praha, 1860.
- Helm, V.* Die Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa. 6 Auflage, Berlin, 1894.
- Hervorragende Kunst und Alterthums.* Gegenstände des märkischen Provinzial Museums in Berlin. Herausgeg. von der Direction des Museums. Heft I. Die Hacksilberfunde. Berlin, 1896.

- Heyne, M.* Fünf Bücher deutscher Hausalterthümer von den ältesten geschichtlichen Zeiten bis zum XVI Jahrh. Leipzig, Bd. I (Wohnungswesen), 1899; II (Nahrungswesen), 1901; III (Körperpflege und Kleidung), 1903.
- Hildebrand, R.* Recht und Sitte auf den primitiven wirtschaftlichen Kulturstufen. II, Auflage, Jena, 1907.
- Hoops, J.* Die Waldbäume und Kulturpflanzen im german. Altortum. Strassburg, 1905.
- Забѣлинъ, Н. Е.* Домашній бытъ русскаго народа. 1—2, 1901.
- „ „ Опытъ изученія русскихъ древностей. 2 тома, 1872—73.
- Zábrt, Č.* Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy. Praha, 1889.
- „ „ Seznam pověr a zvyklostí pohanských z VIII věku. (Rozpravy č. akad. tř. I, č. 2).
- „ „ Listy z českých dějin kulturních. Praha, 1891.
- Иванчинъ-Писаревъ, А.* О курганахъ въ Мариупольскомъ уѣздѣ (Труды XIII Археолог. Съѣзда, II).
- Иконниковъ,* Русская женщина. 1874.
- Иловайскій, Д. И.* Вопросъ о народности русовъ.
- „ „ Разысканія о началѣ Руси. 1882.
- Карскій, Е. Ф.* Бѣлоруссы. Варшава, I, 1903.
- Кондаковъ, Н. П.* Русскіе клады. Ислѣдованіе древностей великокняжескаго періода, т. I. Спб., 1896.
- „ „ Русскія древности въ памятникахъ искусства, т. I—VI, Спб.
- „ „ Изображеніе русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. Спб., 1906.
- „ „ Македонія. Археологическое путешествіе. Спб.
- Костомаровъ, И.* Очеркъ домашней жизни и правовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII в. Москва, 1887.
- Кочубинскій, А.* Территорія доисторической Литвы (Ж. М. Н. II., 1897).
- Krek, Ā.* Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. II Ausg., Graz, 1887.
- Léger, Louis.* Russes et Slaves. 2 vol., Paris.
- Lindenschmit, L.* Die Alterthümer unserer heidn. Vorzeit. I—IV. Mainz, 1864.
- „ „ Handbuch des deutschen Alterthumskunde. Die Alterthümer des merovingischen Zeit. Braunschweig, 1880—1889.
- Lissauer.* Die prähistorische Denkmäler der Provinz Westpreussen und der angrenzenden Gebiete. Leipzig, 1887.
- Макушевъ.* Сказанія иностранцевъ о бытѣ славянъ. 1861.
- „ „ Историческія разысканія о славянахъ. 1871.
- Мечниковъ, Л.* Цивилизація и великія историческія рѣки. 1898.
- Мищенко, Ф. Г.* Этнографія Россіи согласно Геродоту (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1896 г., май).
- Maciejowski, W. A.* Historia prawodawstw. słowiańskich. Vyd. I, Warszawa, 1832—1835, 4.; wyd. II, 1856—1868, 6
- Malewski, B.* Proba charakterystyki ubiorów ludowych. Wisła, XVIII.

- Marquardt, J.* Das Privatleben der Römer, I—II. Leipzig, 1879—1882, 2 Aufl 1886, von A. Mau (Handbuch der röm. Alterthümer von J. Marquardt und Th. Mommsen, VII).
- Matzenauer, A.* Cizi slova ve slovanských řečech. Brno, 1870.
- Menetius, J.* De sacrificiis et ydolatria veterum Borussiae, Livonum etc. (Scr. rec., Livon, II, 1848).
- Mertins, O.* Wegweiser durch die Urgeschichte Schlesiens. Breslau, 1906.
- Miličević, M.* Живот Срба селяка. Етногр. Зборник. Срп. Акад. Београд, 1894.
- Moklowski, Kaz.* Sztuka ludowa w Polsce. Lwow, 1903.
- Надеждинъ, Н.* Геродотовая Скиѳія, объясненная черезъ сличеніе съ мѣстностями (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., I).
- „ „ Опытъ исторической географіи русскаго міра. Москва, 1837.
- Населя српскихъ земаља, I—VII.* Београд, 1902—1911 (Срп. Этн. Зб. IV—XV).
- Niederle, L.* Slovanské starožitnosti, oddíl historický. I, 1902—1904. (Les origines des Slaves), II, 1906—1910. (Les Slaves du Sud); III, 1919. (Les Slaves de l'Ouest); oddíl kulturní, Život starých Slovanů, I, 1912—1923 (Organisation de la vie matérielle); II, 1, 1916 (Les croyances religieuses); III, 1921 (Les métiers).
- „ „ Manuel de L'antiquité Slave. Tome I, L'histoire. Paris, 1923.
- „ „ Starověké zprávy o zeměpisě východní Evropy. Praha, 1899.
- „ „ Slovanský svět. Praha, 1910. (Traduit en français par Louis Léger sous le titre: La race slave. Paris, 1911.)
- Niederle, L. a Buchtela, K.* Rukověť České archaeologie. Praha, 1910.
- Надалка, Л.* Къ вопросу о древнихъ земляныхъ сооруженіяхъ въ южно-русскихъ степяхъ (Арх. Лѣт., 1904).
- Погодинъ, А. Л.* Лекціи по славянскимъ древностямъ. (Литограф. Харьковъ, 1910).
- Риѣ, J. L.* Archaeologický výzkum v středních Čechách, 1893.
- „ „ Starožitnosti Země České.
- Ploss, H.* Das Weib in der Natur- und Völkerkunde. Anthropologische Studien. III. umgearb. und stark vermehrte Auflage von Max Bartels. Leipzig, 1891.
- Ростовцевъ, М. И. и Степановъ, П. К.* Эллино-скиѳскій головной уборъ. (Изв. Арх. Ком., 63).
- Rhamm, K.* Ethn. Beiträge zur germ. sl. Alterthumskunde, II. 1. Das altslawische Wohnhaus. Braunschweig, 1910.
- „ „ Ethnographische Beiträge zur germanisch slawischen Alterthumskunde. I—III. Braunschweig, 1905—1908.
- Rakowiecki, Ign.* Prawda ruska. Warszawa, I, 1829, II, 1822.
- Reinecke, P.* Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters (Mitth. anthr. Ges. Wien, XXIX, 1899).
- Riegl, Al.* Spätromische Kunstindustrie nach den Funden in Österreich-Ungarn. I. Wien, 1901.

- Roscher*. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884.
- Савва, преосв.* Указатель для обозрѣнія Патріаршей ризницы. Москва, 1858. г.
- Савваитовъ, П.* Описание старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Спб., 1896.
- Самоквасовъ.* Происхождение русскаго народа. 1908.
- Сахаровъ, Н.* Пѣсни русскаго народа. Спб., 1839.
- Сборникъ* топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Вольнская губ. Спб., 1888.
- Смирновъ, И.* Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ, I—II. Казань, 1900.
- Спицигъ, А.* Древности Черной Руси (Зап. Арх., XI, I—2).
- „ „ Майданы (Зап. Арх. Общ., VIII, I).
- „ „ Разселеніе древнерусскихъ племенъ по архивнымъ даннымъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1899, VIII).
- „ „ Древности Камской Чуди по коллекціи Теплоуховыхъ (Мат. по археолог. Росс. № 28).
- „ „ Древности бассейновъ рѣки Оки и Камы (Мат. по археолог. Россіи № 26).
- „ „ Курганы скивовъ-пахарей (Изв. Арх. Ком., 65.)
- „ „ Владимірскіе курганы (Изв. Арх. Комм., XV, 1905).
- „ „ Радимическіе курганы (Зап. Арх., VIII, Спб., 1896).
- Стасовъ, В. В.* Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Спб., 1902.
- Степановъ, И. К.* Исторія русской одежды. Вып. I, Спб., 1914.
- Стрекаловъ, С.* Русскія историческія одежды отъ X до XIII вѣка. Спб., 1877.
- Сумцовъ, Н. Ф.* Культурныя переживанія. Кіевъ, 1890.
- Samter, E.* Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge zur vergl. Volkskunde. Leipzig—Berlin, 1911.
- Sartori, P.* Sitte und Brauch, I. Leipzig, 1910.
- Stefani, K.* Der älteste deutsche Wohnbau und seine Einrichtung, I—II. Leipzig, 1902—1903.
- Тереженко.* Бытъ русскаго народа, I—VII. Спб., 1848.
- Тихонравовъ, Н. С.* Лѣтописи русской литературы и древности, т. I—VI. Москва. 1859—1860.
- Thomsen, W.* Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung aus dem Dänischen übersetzt von Sievers. Halle, 1890.
- Tischler, O.* Ostpreussische Gräberfelder, I—III (Schriften der phys. ökon. Ges., Königsberg, XIX, 1878).
- Уваровъ гр., А. С.* Археологія Россіи, т. I—II. 1881 г.

- Фисмеръ (Vasmer, M. R.)*. Грекославянскіе этюды, I Изв. Отд. русск. яз. Акад. Наукъ, XI; II; Изв., XII; III Сborn. Отд. р. яз. И. Ак. Н., т. LXXXVI, № 1, 1909.
- Флоринскій*. Первобытныя славяне, т. I—II. 1894—97.
 „ „ Славянское племя. 1907.
- Фундуклей, И.* Обзоръніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ. Кіевъ, 1848.
- Fischer, H.* Grundzüge der deutschen Alterthumskunde. Leipzig, 1908.
- Ханенко, Б. И.* Древности Приднѣпровья, т. I—II—V. Кіевъ, 1899—1902.
- Хвойко*. Городища средняго Приднѣпровья, ихъ значеніе и пр. (Труды XII Арх. Съѣзда, I).
 „ „ Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровья. Спб., 1901 г. (Зап. Русск. Археологич. Общ., XII, 1—2).
- Хвольсонъ*. Ибнъ-Даста о славянахъ и русахъ. 1869.
 „ „ Извѣстія о хазарахъ. 1869.
- Цишич, Г.* Проблемы антропогеографски Балканскаго полуострова. Етн. Сборник срп. Акад., IV. Београд, 1902.
- Červinka, J.* Kultura polí popelnicových na Moravě. Brno, 1911.
- Charvatoy*. Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Mémoires de l'Acad. de Petrograd. Ser. VI, t. II, 1834.
- Schrader, O.* Begraben und Verbrennen im Lichte der Religions- und Kulturgeschichte. Breslau, 1910.
 „ „ Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Alterthums. II Auflage, Jena, 1890.
 „ „ Reallexikon der indogermanischen Alterthumskunde. Strassburg, 1901.
- Schumann, H.* Die Kultur Pommerns in vorgesch. Zeit. Berlin, 1897.
- Schurtz, H.* Urgeschichte der Kultur. Leipzig—Wien, 1900.
- Šmid, W.* Altslovenische Gräber Krains. (Landesmuseum Rudolfinum in Laibach. Bericht für das Jahr 1907. Laibach, 1908).
- Якушкинъ*. Обычное право. Матеріалы для библиографіи обычнаго права, т. I—II. Ярославль, 1896.
- Ястребовъ, В. Н.* Лядинскій и томниковскій могильники Тамбовской губ. (Матеріалы по Археолог. Россіи. № 10. Изд. Археол. Ком., Спб., 1893).
- Jacob, G.* Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern. Berlin, 1891.
 „ „ Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter. Berlin, 1891.
 „ „ Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter. Leipzig, 1887.
- Janek, J.* O pravěku slovanském. Praha, 1912.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАМЯ“

Под общим руководством проф. Е. А. ЛЯЦКАГО.

Центральные собственные склады:

преемники фирмы: „НАША РЪЧЬ“, Praha II., Ječná ulice 32.

Почтовый тек. счет 205.307. — Телефон 94-16.

„РОДИНА“, Berlin - Charlottenburg, Kantstrasse 24.

Платонов, С. Ф., академик

Борис Годунов

(Новая оро.) Стр. 276. ПРАГА. 1924 г. Цѣна 20 кр. чеш.

Содержаніе: Гл. I. Карьера Бориса. Гл. II. Политика Бориса.
Гл. III. Трагедія Бориса.

Платонов, С. Ф., академик

Смутное время

Очерк исторіи внутренняго кризиса и общественной борьбы в Московском Государствѣ XVI и XVII вѣков.

(Новая оро.) Стр. 244. ПРАГА. 1924 г. Цѣна 18.50 кр. чеш.

Содержаніе: Московское Государство перед Смутой. Первый період Смуты — смута династическая. Второй період Смуты — социальная борьба. Третій період Смуты — борьба за национальность. Послѣдствія Смуты.

Из отзывов печати: *Большое изслѣдованіе С. Ф. Платонова по исторіи «Смутнаго времени» давно уже заслуженно признано классическим, основоположным трудом по этому предмету. Теперь С. Ф. Платонов выпустил сокращенное изложениіе этого капитальнаго своего труда. Можно только усердно рекомендовать эту книгу всѣм интересующимся исторіей Смутнаго времени. (А. Кизветтер).*

Введенскій, А. проф. Петрогр. Универс.

Философскіе очерки

(Старая оро.) Стр. 238. ПРАГА. 1924 г. Цѣна 20 кр. чеш.

Содержаніе: Судьба философіи в Россіи. О мистицизмѣ и критицизмѣ в теоріи познанія В. С. Соловьева. Спор о свободѣ воли перед судом критической философіи. Условіе позволительности вѣры в смысл жизни. О видах вѣры и ея отношенія к знанію. Судьба вѣры в Бога в борьбѣ с атеизмом.

Из отзывов печати: *Можно пожелать самага широкаго распространенія этой блестяще написанной книгѣ. Книга проникнута духом глубокой убѣжденности, сочетающимся съ самой широкой философской терпимостью в вопросах вѣры. (Проф. Н. Ланшин).*

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7E
Tel. 26-68-63

Циммерман, М. А.

Очерки новаго международнаго права

Пособіе к лекціям. (Новая оро.). Стр. 329. ПРАГА. 1924 г. Цѣна 48 кр. ч.

Содержаніе: Мирные договоры. Лига Націй. Постоянная Палата
Международнаго Суда.

Из предисловія автора: *...Моей задачей было дать обзор новых элементов международного права, еще детально не обработанных наукой; однако, знаніе этих элементов необходимо и для учащихся и для широких кругов образованных людей, интересующихся современной правовой жизнью народов.*

Алексѣев, Н. Н., проф.

Основы философіи права

(Новая оро.). Стр. 283. ПРАГА. 1924 г. Цѣна 27 кр. чеш.

Содержаніе: Задачи философіи права. Правовая структура. Правовая реальность. Правовой идеал.

Из отзывов печати: *Автор разбираемой книги является одним из первых в русской литературѣ, задавшихся цѣлью осветить при помощи новейших философских достижений наиболее сложные и спорные вопросы права... В книгу разбросано много цѣнных и оригинальных мыслей. Она может быть прочтена с большим интересом не только юристом, но всяким образованным человеком, ищущим знакомства с проблемами права и государства.*

Лаппо, Н. И., б. проф. Юрьев. Унив.

Западная Россія

и ея соединеніе с Польшою в их историческом прошлом. Историческіе очерки.

(Старая оро.). Стр. 210 + библиогр. указатель (15 стр.). ПРАГА 1924 г.
Цѣна 19.50 кр. чеш.

Из отзывов печати: *Историко-этнографическій интерес разсматриваемых проф. Лаппо вопросов выходит далеко за предѣлы узких спеціалистов историков, и потому настоящая книга найдет не только широкій круг читателей, но и заставит многих призадуматься над вопросами самосредьленія. («РУЛЬ»).*

F
18.103